83.3P5-8
T87
47455.

TYPOGRAPHIA ARTIS

Тург.
83,3Р6-8
Т87

ТУРГЕНЕВСКАЯ КОМИССИЯ
Общества Любителей Российской Словесности

ТУРГЕНЕВ
И
ЕГО ВРЕМЯ

ПЕРВЫЙ СБОРНИК

под редакцией Н. Л. БРОДСКОГО

28995

В Тургеневскую читальню
от Тургеневской комиссии
31 окт. 1923 г.
Москва.

891
Т-87

1923

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · ПЕТРОГРАД

ЧИТАЛЬНЯ
ИМЕНИ
И. С. ТУРГЕНЕВА.

сверка
ПРОВЕРЕНО 2014
1965 г.
1982 г.
ПРОВЕРЕНО 2009
1979 г.
ПРОВЕРЕНО

47455

Главлит 9130 Гиз. 4429. Тираж 5.000 экз.

Интернациональная типография «Мосполиграф» Путинковский пер., № 3.

Фонд редкой книги
ТУРГЕНИАНА

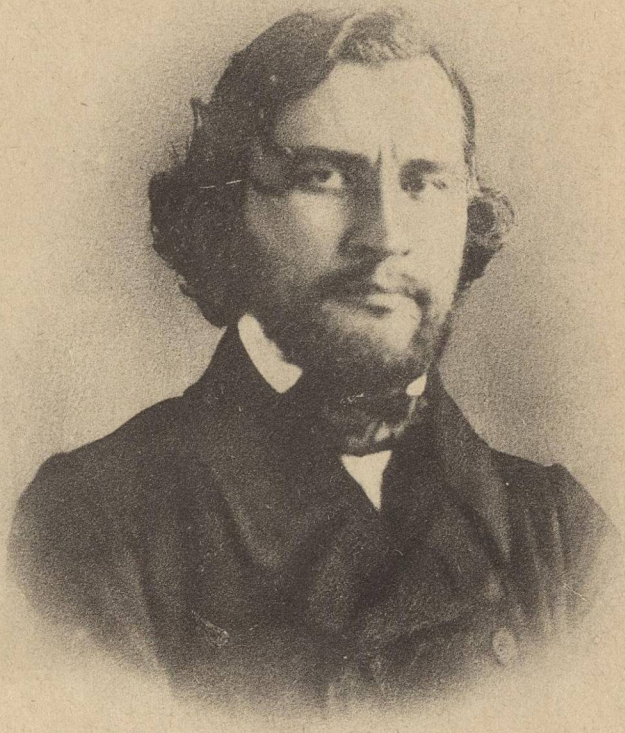
ОТ РЕДАКТОРА.

Столетие со дня рождения И. С. Тургенева было отмечено в жизни Общества Любителей Российской Словесности тремя торжественными заседаниями (10, 11 и 12 ноября н. с. 1918), наглядно утвердившими мысль, что поэтические видения творца „Отцов и детей“ не только не потускнели, но стали еще ближе и значительней, что духовный облик Тургенева в бурях нашей современности даже выиграл в своей идейной углубленности, что исследовательскому взору после грозовых схваток за методологические принципы науки о литературе предстоит много открытий в деле изучения его творчества. Юбилейный Комитет, подготовивший эти заседания, признал необходимым сохранить тургеневскую комиссию после ноябрьских дней 1918 г. для продолжения работы всестороннего изучения жизни и деятельности Тургенева на общем фоне его эпохи. 16 ноября 1919 года эта комиссия окончательно сконструировалась под председательством П. Н. Сакулина при секретаре Н. Л. Бродском. Доклады, сделанные на заседаниях тургеневской комиссии, быстро подтвердили предположение о возможности иметь периодический орган, специально посвященный Тургеневу и его времени. Материалы и исследования, служившие предметом обсуждения, постановлено было напечатать. Настоящий сборник открывает серию трудов тургеневской комиссии, наметившей ряд крупных работ в последующих публикациях: академическое издание „Записок охотника“, Труды и дни Тургенева, полное собрание писем Тургенева, — таковы очередные задачи комиссии. Военные события 1916—17 годов помешали осуществлению одной из задач, поставленных перед Обществом Любителей Российской Словесности пишущим эти строки, — озаботиться изысканием мер к нахождению и возвращению в Россию тургеневского архива, оставшегося в руках П. Виардо и ее наследников. Еще в 1917 году Общество отправило в Академию Наук и в С.-Петербургскую Публичную Библиотеку составленную мною записку, где на основании различных документальных свидетельств вскрывалось, сколь важен для русской литературы этот архив, в котором, по словам самого Тургенева, были „начатые романы, повести, неоконченные и недоделанные рассказы, его личные записки“, в котором в 1885—86 гг. П. В. Анненков находил „брульоны повестей с помарками и поправками“ Тургенева — „обильную жатву для изображения затей и капризов“ писателя. Судьба этой записки, приглашавшей оба названные учреждения совместно с Обществом принять меры

к разысканию тургеневских бумаг, мне неизвестна, зато становится достоверным обилие ценных материалов тургеневского архива: повидимому, из него извлечены письма Ф. М. Достоевского к Тургеневу, напечатанные А. Мазоном в „Revue des ètudes slaves“ 1921 г.; оттуда же перешли к А. Мазону хранящиеся у него черновые рукописи нескольких произведений Тургенева (напр. „Новь“), отрывки из дневника за 40-е годы, тексты опереток, писанные Тургеневым.

Быть может, эта книга дойдет до А. Мазона, действительного члена нашего Общества: тургеневская комиссия будет счастлива, если при его посредстве в одном из своих сборников она познакомит русский читающий мир с новыми страницами Тургенева.

Первый сборник трудов комиссии украшен редчайшим портретом Тургенева, воспроизведенным с дагерротипа начала 40-х годов и найденным А. А. Фоминым в парижском архиве Н. И. Тургенева.



ОТДЕЛ I.

Главлит 19130. Гиз. 4429 Тираж 5.000 экз.

Интернациональная типография «Мосполиграф». Пугинковский пер., № 3.

ХУДОЖНИКИ СЛОВА О ТУРГЕНЕВЕ.

Под таким заглавием Общество Любителей Российской Словесности намеревалось выпустить особый альманах к столетию со дня рождения И. С. Тургенева (28 окт.—10 ноября 1918 года).

«Содержа в себе оценку знаменитого писателя современными нам художниками русского слова,—говорилось в анкете Общества,—такой сборник не только был бы одной из форм чествования памяти Тургенева, но до известной степени мог бы осветить важный вопрос о тургеневской школе в русской литературе». Примыкая к пушкино-гоголевскому периоду нашей литературы, автор «Дворянского гнезда» создал свой, «тургеневский» стиль. Известны отдельные случаи прямого влияния Тургенева на современных ему беллетристов. Есть достаточные основания предполагать, что тургеневская стихия продолжает жить в творчестве новейших писателей. Вопрос, однако, осложняется тем, что как раз после Тургенева русская литература испытала глубокое потрясение.

Художники тургеневского типа отодвинулись далеко в прошлое, стали казаться «старомодными» тем читателям, которые уже приобщились к творчеству «модернистов», символистов и последующих поэтических школ. Новые условия жизни создали нового писателя, с психологией, подчас не имеющей ничего общего с психологией питомцев дворянских гнезд. В наше время можно воочию наблюдать скрещение различных направлений, начиная от символистов и футуристов и кончая крестьянскими и пролетарскими писателями. Отыскать в этом разноцветном клубке нить, которая ведет к нашему литературному прошлому, в частности, к Тургеневу или, по крайней мере, узнать, как котируется имя Тургенева в современных нам литературных кругах, — казалось задачей заманчивой для исследователя.

К сожалению, бурные события последних лет помешали писателям, к кому была обращена наша анкета, обдумать и прислать свои мнения. Мы получили лишь девять ответов и семь печатаем здесь.

Хотя, разумеется, этого материала недостаточно для широких выводов, но едва ли можно отрицать, что суждение каждого писателя представляет тут свой интерес как по отношению к нему самому, так и по отношению к той общей проблеме, о которой говорилось выше. Поэтому мы решаемся напечатать теперь же собранный Обществом материал.

К нему мы присоединяем одно письмо Льва Николаевича Толстого, уже опубликованное в «Современнике» за 1913 г., кн. III. Для этого у нас имеются следующие основания. Л. Толстой сам признавался, что в ранних своих произведениях он учился у Тургенева приемам письма. В 1883 году, задумав устроить заседание в память скончавшегося И. С. Тургенева, Общество Любителей Российской Словесности просило Льва Николаевича, как своего члена, принять участие в заседании. Он согласился, и 30 сентября 1883 года писал Софье Андреевне (Письма, 201): «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу. Непременно, или буду читать или напишу, и дам прочесть о нем. Скажи так Юрьеву [1])». Московские власти не разрешили заседания. Выступление Льва Николаевича не состоялось. Вскоре, однако, ему представился новый случай высказаться о Тургеневе. В январе 1884 г., предпринимая одну историко-литературную работу, А. Н. Пыпин обратился к Толстому с просьбой, чтобы он поделился

[1]) Тогдашнему председателю Общества Любителей Российской Словесности.

письмами Тургенева к нему и сообщил свой взгляд на Тургенева. Толстой тотчас откликнулся на просьбу и в письме к Пыпину от 10 января 1884 года формулировал, очевидно, те самые мысли, какие рождались у него под свежим впечатлением от смерти Тургенева, и какие он хотел изложить в Обществе Любителей Российской Словесности. Излишне говорить, что оценка Тургенева, данная Л. Толстым, представляет исключительную важность. Слышен голос автора не только «Анны Карениной», но и «Исповеди».

Вслед за письмом Л. Н. Толстого мы даем место письму Петра Алексеевича Кропоткина, которое прислано нам в ответ на приглашение Общества прибыть в Москву на тургеневские торжества. Еще в лекциях, читанных в Бостоне в 1901 году и переработанных в 1905 г. в книгу, которая с английского переведена на русский в 1907 г. под заглавием: «Идеалы и действительность в русской литературе», П. А. Кропоткин дал характеристику тургеневского творчества [1]). Теперь, в 1918 году, он в сущности повторил свой взгляд, но придал ему более интимную окраску, сделав при этом определеннсе указание, что Тургенев влиял на поколение, к которому принадлежал сам Петр Алексеевич.

Из художников слова ответили на анкету Общества, во-первых, две писательницы. Тургенев всегда сочувственно поддерживал женское творчество. A priori следует ждать, что его женственная муза, в свою очередь, найдет себе теплый прием именно со стороны женщин-писательниц.

Лидия Филипповна Нелидова (Маклакова), начавшая свою литературную деятельность с 70-х годов XIX века [2]), находилась в личном общении с Тургеневым и уже печатала свои воспоминания о романисте. На торжественном заседании Общества в тургеневские дни Лидия Филипповна произнесла прочувствованное слово об И. С. Тургеневе, а в ответе на анкету еще раз резюмировала свое отношение к любимому писателю.

Поступил отзыв и от другой писательницы, которая стала печататься лишь с 1904 г., от Екатерины Эк (Екатерины Михайловны Курч) [3]). Оказалось, что тургеневский образ Елены помог Екатерине Михайловне в ее работе над сформированием общественного мировоззрения, а тургеневская манера оставила свои следы на ее первых литературных опытах. И теперь она продолжает любить Тургенева.

От беллетристов получено три ответа.

Лирически говорит о Тургеневе Николай Дмитриевич Телешов [4]), а Николай Иванович Тимковский [5]) останавливается главным образом на миросозерцании Тургенева, характеризуя его параллельно с Толстым и в аспекте нашей современности. Выделить чисто литературное влияние Тургенева на свое творчество покойный Н. И. Тимковский затрудняется.

Существенно иначе воспринимает Тургенева Борис Константинович Зайцев, сам тонкий художник слова [6]). Ему дорого «тургеневское» в русской литературе. В свое время Борис Зайцев испытал на себе непосредственное воздействие этого художественного начала:

Тургенев — создатель лирической новеллы, поэт с музыкальной душой—много говорит своим творчеством и лирическому поэту.

Поистине воспел Тургенева, это — поэт-символист Константин Дмитриевич Бальмонт. Можно говорить об его влюбленности в музу Тургенева.

---

[1]) См. 96—99 страницы названной книги.

[2]) Родилась в 1851 году. Известна как беллетристка («Полоса», «Воробьиные ночи», «Единственный случай», «Не для всякого», «Под Ивана Постного», «Радость», «Решение», «Афанасий» и т. д.) и в частности как детская писательница («Радость», «Девочка Лида»).

[3]) Родилась в 1861 году. Ее сочинения: Т. I.«На досуге».Т. II.«Рассказы из военной среды». Т. III. «Мгновения» и пр.

[4]) Родился в 1867 году.

[5]) Родился в 1863 году.

[6]) Родился в 1881 году; печататься начал с 1901 года.

И любовь эта устояла перед самыми тяжелыми испытаниями. Начиная с 11 лет [1]), Бальмонт был очарован нежной лирикой Тургенева. Уже давно напечатано его стихотворение «Памяти И. С. Тургенева» (1893) [2]). Наши торжества осветили в его душе первую любовь. Бальмонт снова увлечен Тургеневым: читает и перечитывает его сочинения, изучает его стиль, восторгаясь, между прочим, его поэмами и лирическими стихами. В ответ на наш вызов Константин Дмитриевич в прозе и стихах воздал хвалу «первому поэту русской прозы», «грустящему трубадуру», «рыцарю девушки-женщины».

П. П. Сакулин.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ [3]).

Александр Николаевич! 10 января 1884 г.

Очень рад случаю вступить с вами в личные сношения. Я давно вас знаю и уважаю. Письма Тургенева с удовольствием вам сообщу. Боюсь, что многих не найду. Я очень неряшлив. Около масляницы поеду в деревню, и что разыщу, то пришлю вам. Секретов, т.-е. такого, что бы я скрывал от других, у меня нет никаких. И потому делайте из писем, что хотите. Теперь же посылаю о д н о п и с ь м о, которое мне здесь передала сестра. Мне кажется, что оно вам будет интересно. Сестра моя, Мария Николаевна Толстая (Москва, гостиница Метрополь), была дружна с Тургеневым; он полюбил меня по писаниям моим, познакомился с ней прежде нашего знакомства и писал ей. Обратитесь к ней. У меня, кроме этого письма, должны быть интересные письма. Очень сочувствую вашей работе и очень интересуюсь ею. Я ничего не пишу о Тургеневе, потому что слишком много и все в одной связи имею сказать о нем. Я и всегда любил его, но после его смерти только оценил его, как следует. Уверен, что вы видите значение Тургенева в том же, в чем и я, и потому очень радуюсь вашей работе. Не могу, однако, удержаться не сказать то, что я думал о нем. Главное в нем это—его п р а в д и в о с т ь. По-моему, в каждом произведении словесном (включая и художественное) есть три фактора: 1) кто и какой человек говорит; 2) как—хорошо или дурно—он говорит, и 3) говорит ли он то, что думает, и совершенно то, что думает и чувствует.

Различные сочетания этих 3-х факторов определяют для меня все произведения мысли человеческой. Тургенев—прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда то самое, то, что он думает и чувствует. Редко сходятся так благоприятно эти три фактора, и больше нельзя требовать от человека, и потому воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он ж и л, и с к а л и в произведениях своих высказывал то, что он нашел — все, что нашел. Он не употреблял свой талант (умение хорошо

[1]) К. Д. Бальмонт родился в 1867 году.

[2]) В сборнике «Под северным небом».— Стихотворение это было прочитано автором 31 октября 1893 года в заседании Общества Любителей Российской Словесности, посвященном памяти И. С. Тургенева.

[3]) «Современник», 1913, кн. 3-я, стр. 312—313 («Новое о прошлом. Л. Н. Толстой об И. С. Тургеневе»).

изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться. По-моему, в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно, и прелестно в «Довольно», и 3) не формулированная, как будто нарочно из боязни захватить ее (он сам говорит где-то, что сильно и действительно в нем только бессознательное), не формулированная, двигавшая им и в жизни, и в писаниях вера [1]) в добро—любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в «Дон-Кихоте», где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра. Много еще хотелось бы сказать про него. Я очень жалею, что мне помешали говорить о нем. Нынче первый день, что я не занят корректурами того, что я печатаю: я вчера снес последнее в типографию. Не могу себе представить, что сделает цензура. Пропустить нельзя. Не пропустить тоже, мне кажется, в их видах нельзя. Жму вам дружески руку.

Л. Толстой.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН.

Г. Дмитров, 8 ноября 1918 г.

Ваше письмо от 16/29 октября дошло до меня с сильным опозданием. Спешу немедленно ответить на него.

Сердечно благодарю вас за приглашение участвовать в чествовании памяти Ивана Сергеевича Тургенева, устраиваемом Обществом Любителей Русской [2]) Словесности и Московским Университетом. Память Тургенева как писателя и как личности, так дорога мне, что мне доставило бы глубочайшее удовольствие присоединиться к вам. Но с наступлением холодов я не решаюсь выезжать из Дмитрова.

Позвольте же мне, хоть письменно, в нескольких строках высказать, какое глубокое и прекрасное влияние имел Тургенев на людей моего времени, и как многим я лично обязан его творчеству в своем развитии, во всем направлении мысли, в способе ее выражения и даже в складе личной жизни.

Люди более компетентные, чем я, дадут, конечно, в предстоящих собраниях полные оценки громадного таланта Тургенева. Я же позволю себе только несколько личных впечатлений.

Мало сказать, что Тургенев был величайший художник среди романистов своего века. Такого совершенства архитектуры романа, напоминающей строгую архитектуру средневекового собора, не достиг,

[1]) Слово «вера» вставлено мною по догадке: в журнальном тексте явно недостает существительного, от которого зависит «в добро».

[2]) Sic.

если не ошибаюсь, ни один из романистов. Точно также равной ему способности охарактеризовать целую полосу в развитии интеллигенции страны, при помощи поразительной скромности средств, и такой цельности характеристик, какой достигают только великие художники. И при этом, чувствуется такая интимность в его рассказе, как в рассказе д р у г а, покрытом легкой поэтической дымкой, что его героини и герои становились для нас близкими, любимыми существами.

Они воплощались в жизнь; и если русская женщина сыграла такую великую роль, во всевозможных формах жизни, во время последнего 50-тилетия нашего освободительного движения, то для нас, людей этого поколения, нет сомнения в том, что весьма многим мы обязаны именно Тургеневу.

Во влиянии Тургенева есть нечто такое, что встречается только у великих художников. На этическое, нравственное влияние истинного искусства указывали лучшие писатели по теории общественной нравственности,— этике. В искусстве Тургенева особенно чувствуется эта черта; и, подобно Гете, он достигал этого исключительно влиянием художественной красоты своих образов, — без приемов, свойственных романтикам, как Виктор Гюго, которых формы уже теряли для нас свое прежнее обаяние. В о з в ы ш а ю щ е г о влияния Тургенев достигал самыми простыми приемами простого, честного искусства, верными жизни образами, обаятельным, поэтическим, — то добрым, то грустно-задумчивым — настроением самого писателя и художественною отделкою его произведений.

В те годы старости, когда я знал его в Париже, такое же обаяние имели его задушевный разговор и вся его личность.

П. Кропоткин.

ЛИДИЯ ФИЛИППОВНА НЕЛИДОВА (МАКЛАКОВА).

Из всех писателей-современников влияние на меня Тургенева было самым ранним по времени и наиболее сильным. Способствовало этому одно исключительное обстоятельство.

Как-то раз, разговаривая с Иваном Сергеевичем, я сказала ему, что в его повести «Фауст» мать героини Ельцова напоминает мне мою мать и ее отношение к чтению романов.

Тургенев был очень доволен этим замечанием. По его словам, ему не раз приходилось слышать по поводу этой самой Ельцовой упреки в надуманности и неверности изображения ее характера, и было особенно приятно узнать о сходстве ее с живым лицом.

Сходство было несомненное. Подобно героине «Фауста», в детстве и юности я могла читать только детские книги, путешествия и хрестоматии. Исключение было сделано для одного Тургенева. Его особенно ценила и любила моя мать. Благодаря этой любви, мне позволено было прочесть «Записки охотника», «Дворянское гнездо», некоторые из повестей и расска-

зов, но «Накануне» и «Отцы и дети» были запрещены, и я прочитала их много позднее уже взрослым человеком.

Насколько помню, детские писатели моего времени (то были шестидесятые годы) добросовестно и серьезно относились к своей задаче. Между ними были такие имена, как педагог Чистяков, писатель Разин; повести и рассказы их всегда были проникнуты самыми гуманными, прекрасными мыслями, но этим дело и ограничивалось. Когда в хрестоматии Филонова я прочитала в первый раз отрывок из «Дворянского гнезда», я была поражена значительностью содержания и красотою художественной формы. Характер героини казался таким глубоким и сложным по сравнению с шаблонными фигурами детских повестей, а красота языка Тургенева пленила меня с первого раза и в плену у этой красоты я прожила всю свою жизнь.

Потом были другие влияния: Толстой своей поразительной силой изобразительности нередко затмевал его. Но не Толстому, а Тургеневу дано было написать Лизу из «Дворянского гнезда» вместе с пушкинскими Татьяной и капитанской дочкой лучшее, что есть в русской литературе, и не Толстой, а Тургенев мог создать Базарова, этот образец настоящего мужского характера, каких в литературе, как и в жизни, у нас меньше всего.

И никто другой, а Тургенев впервые в такой художественной форме изобразил в «Записках охотника» положение народа и привлек к нему всеобщее внимание. Кто сумеет хотя бы теперь, спустя столько лет, дать себе полный отчет в том влиянии, которое имела в его жизни знаменитая книга? И разве не было достаточно ее одной для возбуждения того народолюбия и народнического направления, от которого так многие теперь малодушно открещиваются?

Огромное значение в моей жизни имело личное знакомство с Тургеневым. Разговоры о литературе, повидимому, никогда не надоедали ему. Он мог продолжать их без конца, охотно давая ответы и самые обстоятельные объяснения на самые наивные вопросы. Делал он это не то, чтобы снисходительно и терпеливо... Нет, совсем не то! Он делал это, как человек лично и глубоко заинтересованный общим с вами делом, дороже которого ни для него, ни для вас нет ничего и не может быть. Необходимо поэтому в интересах самого дела показать, дать вам понять, растолковать для того, чтобы вы могли составить себе настоящее, верное понятие, не сделали бы ошибки, не испортили бы чего-нибудь. И он толковал, горячился, иногда даже сердился, доказывал и спорил.

Читал он все и оттуда, из Парижа следил за текущей литературой внимательнее, нежели это удается многим делать здесь. Ни одно из сколько-нибудь заметных имен не оставалось неизвестным ему. Один из главных упреков, которые он делал в то время молодым писателям, относился к пренебрежению формой, к неряшливости языка. По поводу неудачных выражений он мог возмущаться и негодовать, как будто бы дело шло о настоящем преступлении.

Что́ он чувствовал, что́ говорил бы теперь при том страшном, может быть непоправимом искажении и порче, которым подвергается наш язык, единственное, что служило ему опорой в дни раздумья о судьбах родины? Что должны сделать все мы для того, чтобы из могилы голос его был услышан теперь и послужил спасительным предостережением?

Л. Нелидова.

ЕКАТЕРИНА ЭК.

(Екатерина Михайловна Курч).

Ноябрь 1918 г.

Чем и насколько я обязана Тургеневу?

Этот вопрос был поставлен нам, членам Общества Любителей Российской Словесности, когда оно затеяло настоящий альманах по случаю столетия со дня рождения Тургенева.

Вопрос вполне естественный, так как нельзя представить себе современного писателя, выступившего на литературное поприще после Тургенева, вне его влияния — сознанного им, этим писателем, или бессознательно воспринятого.

Несомненно, и на меня Тургенев оказал влияние огромное, но странно, что он, «поэт покорности», как выразился о нем Брандес, вызвал во мне прежде всего протест. Первое из произведений Тургенева, что произвело на меня, девочку-подростка, сильное впечатление, было — «Дворянское гнездо». До этого знала я Тургенева только по «Запискам охотника», которые оценила должным образом при перечитывании в более старшем возрасте.

«Дворянское гнездо» очаровало и ошеломило меня. Очаровало красотой картин и положений и ошеломило историей любви Лизы. Я не могла помириться с тем, что ей, такой на мой взгляд идеальной девушке, не дано было испытать полного счастья. Я не считала грехом ее любовь к женатому Лаврецкому, она же считала его свободным, да и чувству не закажешь. Я не хотела мириться с ее решением уйти в монастырь. Меня мучило противоречие, которого я не могла разрешить и с которым не знала к кому обратиться: с одной стороны, Лиза поступила идейно, возвышенно, красиво, с другой — за что такая несправедливость к ней судьбы? И я досадовала на автора, придумавшего такой конец и в своем воображении искала концов других. Мне хотелось, чтобы Варвара Павловна действительно умерла и ничто не помешало бы счастью Лизы и Лаврецкого, которые, казалось мне, тогда непременно были бы счастливы на всю жизнь; или я воображала себе Лизу не Лизой, а кем-то другим, кто поступил бы по-другому — переступив через «грех» и не боясь, взял бы свою долю счастья.

«Первая любовь», «Ася», особенно «Ася», произвели впечатление очень сильное и долго держали меня, как в чаду, под своим обаянием, но не вско-

лыхнули меня и не вызвали особых размышлений. Протест в душе был по поводу «Первой любви» и опять из-за покорности героини, покорности, которой, очевидно, не было в моей собственной натуре. За Асю я погрустила, но сказала — слава богу, что Тургенев сделал ее менее мистичной, более жизнеспособной, чем Лизу, и тем дал читателю полную надежду, что это первое разбитое чувство возродится в душе Аси к другому, более достойному ее человеку.

Но вот я прочла «Накануне» и почувствовала, что Тургенев дал мне тот ответ, которого я искала — вот она, моя героиня — Елена из «Накануне». Первое время я только носилась с этим образом и увлекалась им, но потом мне стало грустно, что в Лизе нет решительности Елены. Лиза была мне тоже близка. Лизу мне было искренно жаль, мне хотелось прибавить ей немного от Елены и казалось, тогда будет совсем хорошо, будет то, что нужно для жизни. В молодости, читая художественное произведение, невольно ищешь героев и героинь, подходящих тебе по темпераменту и взглядам. Во мне была сентиментальность Лизы, известная религиозность, но не было ее покорности и фанатизма. Во мне жило страстное желание «быть хорошей», я горячо молилась об этом и упрекала себя в недостатке смирения, но во мне же был протест и стремление вырваться как можно скорее на свободу и жить на свой риск и страх. Было во мне еще страстное желание жертвы, но не такой, на какую пошла Лиза. Я не хотела пожертвовать собою, отойдя от жизни, я хотела борьбы и надежды на победу, а главным образом хотела я кому-то послужить и, если уж жертвовать собою, то ради спасения другого, или достижения какой-нибудь высокой в моих глазах цели.

Моя привязанность к отцу естественно делала его тем, ради кого я готова была на жертву и под влиянием Тургенева мечтала я, девочка 13—14 лет, о каком-то подвиге, который доказал бы отцу мою любовь и спас бы его от чего-то.

Я робко обращалась к своей тетушке, которая не была для меня Марфой Тимофеевной, но была хороша ко мне, и спрашивала ее, что такое могла бы я сделать, чтобы пожертвовать собою для отца? Тетушка не понимала меня и не умела мне ответить, и я уходила в свои мечты, выдумывая всевозможные истории, героями которых делала отца и себя и часто долго не засыпала по вечерам, увлекаясь этими импровизациями. Не без влияния Тургенева, конечно, было и писание «повестей» в крошечных тетрадках, которые никому не показывались. Повести назывались: «На что способна любовь матери», «Цель жизни» и др. и герои в них оказывались помимо моего желания покорными обстоятельствам жизни, а не протестующими. Правда, «Любовь матери» оказалась способной в первой «повести» спасти ребенка из пламени, а во второй—пожертвовать любимым человеком дочери, которая его тоже полюбила, но для того возраста, когда эти повести писались, может быть, жертвы были и достаточны, я совершенно забыла об этих своих детских писаниях и только, вспоминая впечатления от чтения Тургенева,

вспомнила о них и не могу не понять, что влияние его тут несомненно сказалось.

Я особенно помню влияние на меня Некрасова, которого я знала много раньше Тургенева: этот поэт протеста был особенно близок моей душе. Ребенком я знала наизусть множество его стихов, которых не могла даже понять вполне, но которые чаровали меня своею силой. Чем я делалась старше, тем больше понимала я и любила Некрасова. Мне казалось — он знает какое-то «слово», мне хотелось пойти к нему за разрешением моих юношеских неясных стремлений и недоумений, мне казалось — он может научить меня, как жить и что делать. Непременно—что делать. С таким вопросом мне и в голову не приходило обратиться к Тургеневу. Его героини покорялись, поддавались ударам жизни, а не искали своего выхода. Я еще не прочла тогда «Дым», но и тогда, когда прочла, героиня его Ирина не дала мне ответа, или вернее, это был не тот ответ, которого жаждала моя душа, способная понять высокую жертву сознанному долгу и не желающая мириться с пассивной покорностью, а стремящаяся помирить, может быть, и непримиримое, но что так хочется примирить в юности—чувство личного счастья с чувством долга в отношении других.

Из тургеневских героинь таким образом больше всех отвечала мне Елена, она смело пошла за любимым человеком и, потеряв его, нашла счастье в продолжении его дела. Вот этого-то дела искала я и себе и в других тургеневских произведениях искала его, но не находила. Одно время, прочтя «Отцы и дети», я подумала — не такая ли сильная натура Одинцова, но Тургенев поставил ее в такую обстановку, что судить о ней мне было трудно и казалось, если она и сильна, то очень эгоистична и на жертву уж во всяком случае не способна. Марианна из «Нови» показалась мне не живой, а выдуманной и я не задумывалась над нею, хотя вначале чтения и увлекалась мыслью, что вот—она идейная деятельница и не она ли будет моей героиней?

Нет, из всех тургеневских женщин моей героиней осталась Елена.

Однако, когда я сама выступила на литературное поприще, та покорность, которую верно подметил Тургенев в душе русской девушки и женщины, проявилась и в моих героинях и ни одной не вывела я такой, как моя любимая Елена...

Писателем в душе я была с тех пор, как начала читать и мечтать, т.-е. создавать свои собственные произведения, образы и положения. Писать, как я уже сказала, я начала очень рано, но берегла это, как что-то слишком интимное и никому, даже отцу и тетушке, не давала читать. Пробовала увлекать двух своих приятельниц на этот путь, но одна начала и бросила писать, а другая предпочитала слушать меня, когда я импровизировала свои рассказы. Затем началось серьезное учение, затем замужество и жизнь в обществе и я писала только письма, да дневники, которые уничтожала, чуть являлась какая-нибудь мысль, которой я не хотела доверить никому или сама не одобряла в себе. Печататься я начала случайно, когда жизнь моя сложилась несколько более свободно и я отошла от общества, в котором то-

милась. Писала я потому, что не могла не писать: пережитое, виденное, слышанное,—все мучило меня и требовало выхода; я не задумывалась, зачем пишу и писала свои дневники и рассказы, как говорится, для себя. Непосредственного влияния в это время Тургенев на меня не оказывал. Я была уж немолода и, повторяю, писала не для печати. Но, как образец стиля, конечно, Тургенев признается мною, и такой красоты языка я другой не знаю.

Люблю я Тургенева так, как люблю солнце, цветы и детей, т.-е. всем моим существом, без размышлений, за что и почему. Просто потому, что на солнце тепло, аромат цветов так приятен и вид так красив, а ребенок умиляет и дает веру в вечную жизнь, в вечную красоту жизни и необходимость роли каждого из нас в ней.

И вот, чем бессмертен Тургенев — своей красотой, своей близостью к природе и к душе человека. Его герои могут когда-нибудь оказаться несовременны, но их переживания всегда будут интересны и благородны, т.-е. пока будут существовать идеалы и стремление к ним. Взгляды, условия жизни изменяются, человеческое сердце останется неизменным, а кто же лучше Тургенева понял душу человека, особенно русской девушки? Тургеневские девушки все дальше и дальше уходят в прошлое, но ореол над их головками останется вечно, как вечно стремление куда-то ввысь, как бы ни изменилась в практическом смысле жизнь.

Тургенев вечен своей чистотой, каким-то детским умилением, с которым описывает он природу и какою любит ее. Тургенев не проповедывал, не поучал, но пел, как поет соловей; он светил и грел, как греет солнце; он вызывал в душах людей то умиление, которое одно окрашивает прозу жизни. Тургенев писал прозой, но он был величайший поэт и как таковой не мог не оказывать влияния на каждого, кто соприкасался с ним через его творчество.

Не даром так любил Тургенев Пушкина — в его собственной душе его произведения, написанные прозой, пели и звучали, как стихи, как музыка.

Как музыка действуют они и на душу чуткого читателя.

Екатерина Эк.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ ТЕЛЕШОВ.

С романами Тургенева я познакомился в ранней юности. Обычно, читая писателей, начинаешь их ценить, уважать, а потом уже любить. Тургенева я полюбил сразу. Он сразу стал для меня близким и дорогим. У него всегда находились слова, как будто лично для меня сказанные и — как сказанные!.. Я полюбил не только его произведения, его героев, но и его самого, его лицо, которое казалось мне самым красивым, да и до сей поры я, пожалуй, не встречал более красивого старика. Его «стариковские» стихо-

творения в прозе я знал почти все наизусть: так они меня увлекали и радовали. Тургеневский слог был для меня идеалом. В ранней юности моей, вероятно, никто из писателей не имел на меня такого влияния, как Тургенев.

Н. Телешов.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТИМКОВСКИЙ.

23 сент. 1918 г.

Я чувствую, что обязан многим Тургеневу, что его художественное творчество оставило в моей душе ощутительный след. Мне хотелось бы высказать это от полноты благодарного сердца, но я останавливаюсь в бессилии: как выделить влияние Тургенева из вереницы других влияний? Ведь ряд эстетических воздействий спаялись внутри в одно неразложимое целое.

Я могу только до некоторой степени выделить влияние л и ч н о с т и Тургенева, его мировоззрения, взглядов на природу человека вообще и русского—в частности. Здесь мне помогло то,что мы пережили и переживаем в последнее время. Оно подчеркнуло для меня след от тургеневской веры, в отличие, например, от толстовской. Много раз в разные периоды своей жизни я перечитывал Тургенева. Фабула, художественные красоты и разные эстетические аксессуары отступали при этом все больше и больше на второй план, как слишком хорошо памятные. На авансцену выдвигалась личность автора, обычно скрытая за кулисами художественного произведения. Все больше останавливало на себе внимание как то, что Тургенев говорит вскользь от своего лица, так и то, что он иной раз высказывает горячо и настойчиво устами своих героев, не отожествляя себя с ними.

Если назвать это «философией» Тургенева в широком смысле и сравнить с философией Толстого, то первая представляется мне сотканной из элементов действительности, пропущенных сквозь призму широкой, свободной и трезвой мысли, а вторая—выросшей на почве великой мечты и обвеянной духом древних легенд. Масса русского народа была в глазах Тургенева тем, чем только и может быть все неизвестное, невыраженное, не проявившее себя, т.-е. «сфинксом» — в противоположность Толстому и Достоевскому, усматривавшим в этом сфинксе черты, приятные их чувству и воображению. Толстой и Достоевский верили в то, во что им хотелось верить; Тургеневу, быть может, не меньше, чем им, хотелось бы так верить, но не позволял голос истины. Об этом можно судить по целому ряду пессимистических штрихов, в которых проявились у Тургенева недоверие и горечь... Тургенев стоит ближе к истине, чем Толстой и целый сонм русских и нерусских мечтателей.

Оба относились отрицательно к старому строю, оба ненавидели старое русское зло, но пути спасения понимали далеко не одинаково, так как по-

разному представляли себе человеческую природу. Для Толстого она выражалась прежде всего в «разумном сознании и очевидном для всех законе любви». Стоит только вспомнить об этом, отказаться от насилия, стать «непротивленцем», — и все будет хорошо. Тургенев, трезво смотревший на человеческую природу, видел в ней еще слишком мало разумного сознания и подлинной любви. Спасение — не в отказах, отречениях и непротивлениях, не в заоблачных полетах, совершаемых, главным образом, в воображении, а в знании, в черновой терпеливой работе, в умении делать хотя бы маленькое дело, привести в порядок и облагообразить прежде всего свой маленький муравейник.

Как истый реалист, Тургенев не обольщался наивными иллюзиями и «нас возвышающими» обманами. С этой точки зрения он относился к русской интеллигенции хоть порой и сочувственно, но всегда с недоверием, видя в ней не подлинную силу, а раздутую воображением, вечно терпящую фиаско при столкновении с действительностью. Вспомните его насмешливые изображения типичных русских принципиальных споров и полетов в заоблачную высь. Так и видно, что «суждены нам благие порывы, а свершить ничего не дано». Люди слова, а не дела, вращающиеся с бешеной быстротой в пустом пространстве вокруг собственной оси.

Тургенев всю жизнь был в рядах оппозиции. Он не аппелировал, подобно Толстому, к «непротивлению», а стоял за то, чтобы противиться и бороться...

Н. Тимковский.

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ ЗАЙЦЕВ.

7 сент. 1918 г.

Слава шумная пришла к нему в начале шестидесятых годов, после «Отцов и детей». Пришла потому, что затронул он «общественное явление», нигилизм. Я думаю, что Базарова Тургенев написал очень правдиво и верно. Радикалы, однако, были недовольны. Поднялись нападки. Они и дали славу.

Тургенев написал еще несколько романов о современности — «Дым», «Накануне», «Новь». Здесь, как и в «Отцах и детях», умно, покойно, своим круглым, по настоящему великорусским языком он говорил о делах и вещах ему неблизких и художественно-мелких. Все эти Базаровы, Инсаровы, Соломины, Кукшины и Машурины не имели зерна очарования. Поэту нечего было с ними делать. Нигилисты не могли остаться на полотне положительного, любовного художника, каким был Тургенев. Они хороши для сарказма, как для Достоевского компания из «Бесов». Но сарказм не область Тургенева; полюбить же их не за что. И на них он терпел неудачи, при всем своем таланте, уме и наблюдательности. Его истинные удачи, и настоящая, прекрасная слава основаны на другом, что он изображал — на том личном, и вместе национальном, чем одухотворял он лучшие свои творения. Он на-

писал Лаврецкого в «Дворянском гнезде» и Лизу, Рудина, Зинаиду из «Первой любви», и ряд меньших обликов, где выражено русское лицо, всегда близкое душе автора, и близкое и всякому русскому, ибо сказаны в них наши родные черты—и прелестное, что есть в русском, и печальное, слабое и неустроенное, неприспособленное, непрактическое — вместе с милым и скромным, донкихотским, иногда благочестивым, часто незадачливым. Давно указано на тургеневских «лишних людей», и на стихию женственного, разлитую в его творении. Правда, в Тургеневе эти свойства были; они очень сильны в русской природе, и оттого любимые его люди пассивны, мало кузнецы, но никогда и не наглецы. Они в стороне от жизненных большаков, где орудуют люди с волчьими зубами. Их любви, дела, радости и неудачи, меланхолическое раздумье, слова элегии, изящество, аристократизм образуют ту «категорию тургеневского», о которой правильно заметил Ю. И. Айхенвальд, что она — главное в наследстве Тургенева. Действительно «тургеневское», некоторый тончайший эфир его души, пронизывает все написанное им, и сквозь недостатки, устарелость приемов, нередко — слабость архитектуры (в больших вещах), остается очаровательным и вечным. Это тургеневское, повторяю, вместе — и очень русское, сколь ни подчеркивал он своего западничества. Не напрасно он родом из Орловской губернии, писал ее, как и Калужскую, наверно — знал Тульскую, писал Москву, Кунцево, Нескучный сад. Говорят, он удивительно рассказывал. Но и в его литературе чувствуешь коренной, великорусский говор, с мягкостью и круглотой, с великой подлинностью, и тем удивительным равнодействием культуры и стихии, природы, какое редко встретишь. В его книгах говорит барин, взявший все теплое и живое у мужика, леса, зари. Его язык не столь великолепен и выделан, как у Флобера или Гоголя, не столь божественно-легок, как у Пушкина. Он иногда по-старомодному важен, иногда (в лирике) словоохотлив и не сложно-музыкален, но его прелесть в естественности, в том неизменно-приятном и радостном ощущении, какое от него остается.

Этими средствами души и языка Тургенев отлично писал, кроме больших фигур, разных простых орловских мужиков и баб, и детей, и егерей, певцов и старого итальянца Панталеоне, и луга, и леса Полесья, и зори, и тетеревов. Он создал «Первую любовь», «Дворянское гнездо», «Рудина», он отлично дал любовное в «Дыме», далее идут «Ася» и «Вешние воды» — вновь с любовью и старой Германией, Рейном и руинами, «Записки охотника», «Фауст» и др., и предсмертные, горькие и мистические произведения «Клара Милич». Каково его отношение к религии? В нем, думаю, были струи религиозности. Но и мешало что-то. Быть может—та же слабость, половинчатость. Его душа вряд ли была довольна здешним. Но до конца, Истину запредельную, не возлюбила.

Тургенев остался и останется в первом ряду нашей литературы, как образ спокойствия и меланхолии, созерцательного равновесия и меры, без сильных страстей, облик благосклонный и радующий — изяществом.

глубокой воспитанностью духовной; женственный и как бы туманный. Область влияния его — главнейше, молодые годы. Чрез Тургенева каждому, кажется, надлежит проходить.

И писавший эти строки рад, что отрочество его и юность (раннюю) освещал Тургенев. Ему обязан он первыми артистическими волнениями, первыми мечтами и томлениями, может быть, первыми «над вымыслом слезами обольюсь». Это чувство к Тургеневу, как к «своему», «родному», не оставляло и впоследствии, выдержало Sturm und Drang модернизма, и спокойной любовью осталось в зрелые годы...

Борис Зайцев.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ.

10 сент. 1918 г.

Рыцарь Девушки-Женщины.

От любимой женщины, в сладкую минуту, кудесник русской поэзии получил на память талисман.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы.

От графини Воронцовой, вызвавшей к жизни несколько прекраснейших страниц русской поэзии, Пушкин получил в дар заветный перстень с восточными письменами. Когда Пушкин был убит, Жуковский снял этот перстень с остывшей руки волшебника, и в свой час он достался Тургеневу, и в свой час от лучшего чарователя Русской художественной прозы этот перстень достался Полине Виардо, любимой женщине. От женщины к поэту и от поэта к женщине, круг завершился. Восточные письмена талисмана осуществили свою ворожбу не напрасно.

Слово о Тургеневе должно начинаться нежным женским именем и золотым именем Пушкина. Женщина была основным верховным божеством всего его творчества, а если создатель русского стиха Пушкин был первым поэтом, превратившим русские слова в крылья бабочек и крылья птиц, и заставившим размерные русские строки сверкать золотом и звенеть серебром, Тургенев был первым поэтом русской прозы, равного которому до ныне еще не было, — он воспринял все Пушкинское золото и сковал серебряные звоны еще более певучие, он был не только учеником Пушкина, но и его родным братом, его равноправным наследником, и путь от Пушкина к утонченной и нежной поэзии наших дней идет не столько через Лермонтова и Некрасова, не столько даже через строго ночного Тютчева и звездно-заревого Фета, сколько именно через Тургенева, воспитавшего наш язык, нашу многопевную мечтательность, научившего нас понимать, через кра-

сивую любовь, что лучшая и самая верная сущность, благовеющая в художественном творчестве, есть Девушка-Женщина.

Волшебное чарование, связавшее колдовским побратимством Пушкина и Тургенева, сказывается не только в том, что они являются двумя самыми лучезарными Русскими писателями 19-го века, определившими своим широким и глубоким влиянием судьбы Русской прозы и Русского стиха, но и в том еще, что между судьбой и личностью Пушкина и судьбой и личностью Тургенева существуют поразительные общности и сходства.

Пушкин был наполовину — Африканец, наполовину Славянин, Ариец. Тургенев был наполовину Монгол, наполовину Славянин, Ариец. Но какой Русский, какой отличительно Русский и тот и другой! Из всех наших поэтов Пушкин—самый Русский, наиболее постигающий свойства Русского языка и судеб России. Из всех наших прозаиков Тургенев—самый Русский, Великорусский, писатель, лучше других постигший серебряный речной разлив родной нашей речи, и лучше всех других понявший основные черты нашего народа и прихотливый ход нашей истории.

Главенствующее свойство Африканца — пламенность, будь это солнечная пламенность Египтянина, возлюбившего Солнце, как отца и бога, или огненная пламенность Мавра, жаждущего любви и завоеваний, или подземно-огненная пламенность Негра, все чувства которого горячи, как почва около кратера.

Главенствующее свойство Монгола — чувственная страстность, степная тоска и фатализм, судьбинность. Главенствующее свойство Арийца — всемирный огляд, всебожие природы, всечеловечность, и в Славянском лике Арийство — есть разметанность судьбы, тоска, и песня. Все поименованные черты мы находим в сходных узорах — как в жизни и личности Пушкина, так и в жизни и личности Тургенева.

Но и в творчестве Пушкина и в творчестве Тургенева берет верх ощущение гармонии, которое правит их страстными разметанными душами, как мудрый дирижер правит многоликим оркестром, не дозволяя ни флейте слишком громко рыдать, ни скрипкам затопить всю музыку в созвонных волнах расплавленного алмаза.

Четыре стихии владеют судьбою и Пушкина и Тургенева: Россия, Природа, Женщина, Красота. Я разумею красоту гармонического созерцания, красоту художественного творчества. В жизни Тургенева эти четыре стихии сказались, благодаря завершенности его земного удела, более явно и определительно, они более четко приводят художника к четырекратному одиночеству.

Пушкин в детстве учится правильной Русской речи и сокровищам сказочного мира у няни, но в юности весь приникает к Европейскому миру, через посредство Французской литературы. Тургенев обучается Русской речи и Русской грамоте у дворового человека; но в юности весь погружается в Европейский мир, через Немецкую философию, Немецкую литературу, Итальянское искусство. Юный Пушкин пишет знаменитое стихотворение

ЧИТАЛЬНЯ ИМЕНИ ТУРГЕНЕВА
ЧИТАЛЬНЯ ИМЕНИ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Деревня», в котором дышет все очарование деревенской глуши и гремит пламенное проклятие ненавистному рабству. Эти стихи доходят до царских ушей, и в смысле влияния имеют определенную историческую ценность, кроме чисто поэтической. Пушкин пишет несчетный ряд поэтических созданий, в которых выступает его глубокая любовь к России и проникновенное ее понимание. Но еще в цветущую пору своей жизни, тщетно порываясь к Западному миру, он с горькими проклятиями будет скорбеть о том, что его угораздило родиться в России и воскликнет: «Поэт, не дорожи любовию народной... Ты царь. Живи один». Юный Тургенев, весь насыщенный несравненной прелестью Русской деревни, Русской усадьбы, и весь пронзенный ощущением проклятия барству и жалостию к крестьянской доле, пишет «Записки Охотника», тоже дошедшие до царских ушей и проведшие глубокую историческую борозду. Позднее он развернет блестящую по изобразительности, исчерпывающую картину Русской жизни, и каждого нового его произведения будет с нетерпением ждать вся читающая Русская публика, от него научающаяся познавать самое себя. Но, откинутый Русской грубостью и Русским кривопониманием, отброшенный туда, на чужбину, на Запад, он всю жизнь будет томиться этой разорванностью, и не однажды, пронзенное острием одиночества, его измученное сердце воскликнет:

«Довольно!»

Пушкин с первых стихов своих становится певцом девственной прелести, женского очарования. Такие его стихотворения, как «Ненастный день потух», «Ночь», «На холмах Грузии», останутся в Русской поэзии непревзойденными образцами вознесения женщины и любви. В повествовательном отрывке «Рославлев» Пушкин говорит примечательные слова, которые хорошо бы знать на память всем Русским: «Нет сомнения, что Русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем». Создавая решающую жизненную встречу мужчины и женщины, Пушкин, конечно, возносит женщину в ущерб мужчине, и его поэтическая Татьяна, конечно, неизмеримо правдивей и красивее, чем достаточно пустой Онегин. Но в личной судьбе своей, восхвалитель женского лика, Пушкин обманут любимой женщиной и погибает из-за нее, пронзенный пулей. Тургенев еще более заворожен женской чарой, чем Пушкин. Он восхваляет девическо-женское очарование в юношеских своих поэмах, «Параша» и «Андрей», он восхваляет его в предсмертных своих произведениях, «Стихотворения в прозе» и «Клара Милич». Для Тургенева ничего в мире нет более убедительного и божески несомненного, чем зацветающее любовью сердце девушки, чем торжествующая в любви чара женщины. Он создал столько пленительных девических и женских ликов, что, когда в жизни мы полюбим кого-нибудь, мы невольно сближаем свою любимую с той или иной Тургеневской героиней. Но в жизни Тургеневу не суждено было узнать полноту счастья с любимой женщиной. Кто его любил, тех он не полюбил — кому он всю душу отдал, та бросила ему несколько

цветов радости и блаженства, но не дала ему счастья, не ответила его душе, и если не пробила его сердца пулей, все равно, его сердце, по его же слову, в нем заживо умерло.

Пушкин, определяя смену поколений, игру жизни, называет природу равнодушной. Он чувствовал ее равнодушие четко. Но, будучи по нраву весьма лирическим, он играет в мифы, он вызывает домового, водяного лешего, бесов, русалок. Тургенев смотрит на Природу более глубоким взглядом, более философически, и неизменно за красотой созерцания приходит к леденящему ощущению мирового сиротства человека, мирового одиночества в игре стихий, в беспредельных провалах пространства и времени. Если в 1856 году он пишет из села Спасского графине Ламберт, что «должно учиться у природы ее правильному и спокойному ходу, ее смирению» — если еще раньше, в 1847 году, в строках «Кроткие льются лучи» он зорко утверждает —

Но природа во всем, как ясный и строгий художник,
Чувство меры хранит, стройной верна простоте,—

он же вполне точно сознает: «Несомненно и ясно на земле только несчастье»(«Письма к графине Е. Е. Ламберт». Москва, 1915,—Париж, 1860). В 1862 году он пишет Ламберт: «Не страшно мне смотреть вперед. Только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых законов над собою, — и маленький писк моего сознания так же мало тут значит, как если бы я вздумал лепетать: «Я, я, я...» на берегу невозвратно текущего океана... Брызги и пена реки времен».

Тургенев говорит тут же: «... и если я не христианин, — это мое личное дело, пожалуй, мое личное несчастье». Эти слова нужно принимать с оговоркой. Тургенев не считал себя христианином, но он и не отвергал христианства. Он просто не прикасался к нему ни острым лезвием сомневающегося рассуждения, ни слабым касанием еле теплящегося благоговейного чувства. Считая точно установленными границы человеческого познания, Тургенев был умственно слишком честен, чтоб найти для себя религиозно-философское успокоение в таких сомнительного достоинства умозрительных находках, как демонические христианские порывы Достоевского или пресное поддельное буддийское христианство Толстого. Но религиозно-философский агностицизм, его глубоко-грустное и великое «Не знаю»—быть может, так же ценны в очах Всезрящего, как молитва молящегося и исступленность боговдохновенного. И если быть кротким, быть добрым, быть прямодушно честным, прощать обиды, быть благородным и щедрым и любящим, и свято лелеять свое однажды выбранное дело, и главное, любить любить, любить, даже когда тебя не любят, даже когда топчут твое сердце, если все это означает быть христианином, Тургенев христианином был, и неизмеримо больше, чем два великие его сверстника, только что названные. Не устремляясь в небо, которое он ощущал лишь как холодную синеву, созданную нашим зрением, Тургенев проникновенно любил все земное.

В детстве, в юности, в полдень, в последний вечер. Словами поэмы «Старый помещик» он мог бы сказать о себе:

И в голове моей седой
Нет места мысли неземной.

Но каким небесным очарованием озарено все его любимое земное. В 1847 году он пишет мадам Виардо: «Ах, я не выношу неба! — но жизнь, ее реальность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее быстро преходящую красоту... все это я обожаю. Я прикреплен к земле. Я предпочитаю созерцать торопливые движения влажной лапки утки, которою она чешет себе затылок на краю лужи, или длинные и блестящие капли воды, медленно падающие с морды недвижной коровы, только что напившейся из пруда, куда она вошла по колена, — всему, что можно видеть в небе». Это та острота чисто-детского первобытного, непосредственного мироощущения, которое знает самый пронзающий восторг, пока светит Солнце и радость, и тут же проникается самым острийным терзанием страха, темноты и одиночества, когда раскрываются холодные пещеры ночи. Отрывок из юношеской поэмы «Андрей» живописно изъясняет такое душевное состояние: —

Садится солнце. Воздух дивно тих,
И вздрагивает ветер, словно сонный.
Окошки темных домиков на миг
Зарделись и погасли. Отягченный
Росой внезапной, стынет луг. Затих
Весь необъятный мир. И благовонный,
Прозрачный пар понесся в вышину...
И небо ждет холодную луну.
Вот замелькали звезды... Боже мой!
Как равнодушна, как нема природа!
Как тягостны стремительной, живой
Душе — ее законная свобода,
Ее порядок, вечность и покой.
Но часто, после прожитого года
В томительной, мучительной борьбе,
Природа, позавидуешь тебе.

Строка в стихотворении «Вечер» как бы добавляет: —

Природа нам дает таинственный урок.

Но этот урок — страница из учебника печали: —

В моей душе тревожное волненье:
Напрасно вопрошал природу взором я;
Она молчит в глубоком усыплении, —
И грустно стало мне, что ни одно творенье
Не в силах знать о тайнах бытия.

От Природы, как слишком большой сущности, как чего-то безмерного, в чем трудно найти уют, художник естественно перебрасывается к тому,

что звучит самым родным, манит самой желанной радостью, — к своему родному народу. Но тут немедленно нежный, но вместе и твердый дух Тургенева, его прямодушная честность, его самостоятельный дух, его творческий почин — болезненно сталкиваются со всем Русским.

Жутко, будучи Русским, быть вынужденным говорить о Русских. Если в Русской душе много достоинств, — нет, кажется, в мире таких недостатков, которых не было бы в Русском характере. Русские ленивы, несамостоятельны, самомнительны, неправдивы, грубы. Они пляшут на чужих похоронах, да и на своих собственных. Они перенимают свои празднества у чужих народов. Они любят иноземное иго. Еще ученый Серб Крижанич в старой Московии отметил эту черту, и назвал ее чужебесием. Русский легко обращается с честным словом, не выполняет данного обещания слишком часто, слишком легко. Благородный нрав Тургенева был всегда противоположностью перечисленным чертам.

Еще Белинский, лично его знавший в его юности, писал о нем: «Раз в споре Тургенев сказал мне: «Да что ваш Русский человек, который не только шапку, а и мозг-то свой носит набекрень!» И Белинский прибавляет: «Вообще Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность. Он враг всего неопределенного». После этих выразительных слов строго неизбежными являются нижеследующие отзывы Тургенева о России и Русских, относящиеся к разным датам, и взятые мною из разных мест.

В поэме «Параша», в 1843 году, Тургенев восклицает (строфа 29-я): —

Мы за границу ездим, о, друзья,
Как казаки в поход... Нам все не в диво; -
Спешим, чужих презрительно браня,
Их сведений набраться торопливо...
И вот твердим без страсти и огня,
Что̀ и до нас дошло, но что̀, быть может,
Среди борений грозных рождено,
Что̀ там людей мучительно встревожит,
Что̀ там погубит сердце не одно...
Не перейдя через огонь страданья,
Мы не узнаем радостей познанья,
И, наконец, с бессмысленной тоской
Пойдем и мы дорогой столбовой.

В 1857 году Тургенев пишет графине Ламберт из Рима: «Русских здесь немного, по крайней мере я знаком с немногими. Да и бог с ними. Из 50 заграничных Русских лучше не знакомиться с 49-ю». В этом же году он пишет к ней опять: «Я здесь в Риме все это время много и часто думаю о России. Что в ней делается теперь? Двинется ли этот Левиафан (подобно Английскому), и войдет ли в волны, или застрянет на полпути? Ленив и неповоротлив Русский человек, и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда — великое слово — поднимет и этого мед-

ведя из берлоги». В 1859 году он пишет к ней же: «Если вам не тяжело писать на этом языке (т.-е. по-Русски), — пишите: Вы увидите, что, хотя он не имеет бескостной гибкости Французского языка, — для выражения многих и лучших мыслей, он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело. Этих четырех качеств, — честности, простоты, свободы и силы, — нет в народе, а в языке они есть... значит будут и в народе». Через два года, в знаменательный 1861 год, определивший начало новой Русской истории, он пишет к ней же: «История ли сделала нас такими, в самой ли нашей натуре находятся залоги всего того, что мы видим вокруг себя,—только мы действительно продолжаем сидеть в виду неба и со стремлением к нему, по уши в грязи. Говорят иные астрономы, что кометы становятся планетами, переходя из газообразного состояния в твердое; всеобщая газообразность России меня смущает и заставляет меня думать, что мы еще далеки от планетарного состояния. Нигде ничего крепкого, твердого, нигде никакого зерна; не говорю уж о сословиях, в самом народе этого нет».

С ясновидящими словами, сказанными им в одном из писем к мадам Виардо в 1847 году, мы поймем, как этот с виду мягкий, и действительно мягкий, но в то же время твердого духа человек, ибо Тургенев был рыцарь,— как он бесконечно и беспрерывно должен был страдать среди существ без позвоночника. Вот эти замечательные слова: «Жизнь раздробилась; теперь нет более общего великого движения, за исключением, быть может, промышленности, которая, — если смотреть на нее с точки зрения прогрессивного подчинения стихий природы человеческому гению, —сделается, быть может, освободительницей и обновительницей людского рода... А раз социальная революция совершится, — да здравствует новая литература».

Эти драгоценные строки звучат в наши дни, в великие, хоть и мучительные, хоть и взметенные, дни бурь и гроз, совершенно особенно, и должны быть внесены, как убедительная поправка и дополнение к бесконечным рассуждениям о Тургеневе, как постепеновце.

Говорил ли когда- нибудь кто-нибудь о Тургеневе верно, когда он жил своей одинокой жизнью? Был ли у него какой-нибудь истинный друг, стоявший с ним вровень? Я этого не думаю. Быть может Белинский его понимал, который учил русскую публику, но которого юный Тургенев научил понимать философию Гегеля, да и не только Гегеля. Или Некрасов, который так жестоко обошелся с ним в жизни, но которого Тургенев простил? Или Достоевский, который, как исступленная Пифия, видел лишь свои дымные видения, но не мог видеть лучезарно-спокойных, божески размерных шествий теней, вызванных к жизни творческой дланью солнечного полубога? Или Толстой, который не мог встретиться с Тургеневым, чтоб не начать его мучить и вызывать на ссору, ибо их души были непримиримо разны? Нет, они не видели всей великой красоты этого благороднейшего художника, этого ваятеля девических и женских ликов, которые живут на страницах

Тургенева, как цветы лугов и садов, вызванные Солнцем, но как цветы не отцветающие.

Серебряный великан из волшебной сказки. Так, кажется, звал его Гюи де-Мопассан, знавший и любивший Тургенева. В нескольких словах Французского художника, как и Тургенев пережившего в личной жизни глубоко запрятанную трагедию, дышет истинная любовь и настоящее понимание. Да, овеянный серебряным светом, сказочный гигант это был, и кто же мог быть ему другом? Его друзьями были творчески им созданные призраки, ибо он весь ушел в искусство, весь ушел в ощущение вечности единственного мига. Тут дорога к бессмертным созданиям, и тут же серый путь в личное одиночество. Тургенев говорит («Довольно»): «Красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной, — ей довольно одного мгновения. Так; это, пожалуй, справедливо — но только там, где нет личности, нет человека, нет свободы: поблекшее крыло бабочки возникает вновь и через тысячу лет тем же самым крылом, той же самой бабочки; тут строго и правильно, и безлично совершает свой круг необходимость, но человек не повторяется, как бабочка, и дело его рук, его искусство, его свободное творение, однажды разрушенное — погибает навсегда... Ему дано «творить»... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час, как был, говорят, калиф на час». Эти слова — печать великой душевной боли, но творческий дух, владеющий гением, не позволил Тургеневу закрепиться на этом отрицательном острийном уступе. Поймают соловья, он будет петь и в клетке, далеко от родимых лесов, отделенный от родной, от душистой весны. И еще за два года до смерти этот несравненный соловей, сладкоголосый среди всех птиц, повинуясь веленью Вечности, живущей в сердце всех крылатых, спел «Песнь торжествующей любви», и ни у одного народа нет такой красивой песни. И еще за год до смерти этот волшебный сказочник, сказками своими давший неумирающую жизнь всему рассказанному, спел такой гимн Русскому языку, что он будет жить до тех пор, пока будет жить Русский язык, значит, всегда.

Говоря о любимом, хочешь говорить еще и еще. И много еще я хотел бы сказать, говоря о Тургеневе. Мне хотелось бы рассказать, как я полюбил его впервые, когда мне было 11 лет, как немного позднее он стал любимым писателем моей ранней юности, самым большим, самым дорогим учителем и другом юношеских зорь сердца и ума. Но я не буду сейчас об этом говорить.

Я хочу повторить прекрасный образ, вызванный Мопассаном. Тургенев был великан с серебряной головой. Он пришел из сказки и принес нам волшебную сказку, более действительную, чем наша действительность, потому что в красивых страницах он закрепляет те мгновенья нашей жизни, когда плоскодонный поток вдруг становится глубинным и в нас возникает жизнь жизни. Мне хочется добавить, что Тургенев, это вся чистота чувства, расцвеченное мгновенье, заветная лесная опушка, душистый сад любви, музыка души, перекличка сердец, медвяная полногласность чувства, которое, дрогнув, увидело зарницу и зарю своего возникновенья. Тургенев — безупречный лик художника, воспринявшего Искусство, как одну из граней

Вечности, равноправную и равноценную среди трех—четырех основных граней человеческого духа, и такое служенье Искусству стоит наравне с высоким личным подвигом или молитвенным благоговением. И еще среди всех великих писателей, не только Русских, но всего мира, Тургенев занимает свое особое, свое единственное место, как лучший восхвалитель девического и женского лика, он самый верный друг женщины.

В одном из рассказов Тургенева няня кому-то говорит: «Вся жизнь твоя по огню бежит». Эти слова применимы к самому Тургеневу. На протяжении всего творчества тонко чувствующая, зоркая и нежная душа Тургенева все время бежит по изменчивым, танцующим, пляшущим, поющим, перепархивающим, зацветающим пламеням, по звенящим остриям и радужному мосту первовести чувства. И если глубинно верна древняя скрижаль Гераклита, гласящая: «А рулевой всего молния», нужно понять, что в человеческом сердце молния всего вернее возникает, когда он мгновенно полюбит. И художник, который от первоначальных лет до последних своих зорь, не уставал рассказывать встречу сердец, был всегда готов откликнуться звонким сердцем на зов другого сердца, ощутившего свою крылатость, этот художник есть священная кадильница, благовонно курящаяся перед Вечным, он живой факел и тот глубокий колодец, в который глядится бог.

Именем женщины и именем поэта начал я мое слово о Тургеневе. Пусть же оно и кончится воззванием к женскому очарованию, в текущей размерности поэтических строк, которые возникли внезапно, когда в сентябрьские дни начав перечитывать Тургенева целиком, чтоб заглянуть, все ли еще я люблю его, как любил в юности, я вдруг увидал, что я люблю его не так, как в юности, а гораздо сильнее.

Тургенев первая влюбленность,
В напевном сердце нежный строй,
Где близь уходит в отдаленность,
Заря целуется с зарей.

Зима наносит снег, но лишь я
Припомню «Первую любовь»,
Промолвлю: «Ася» и «Затишье»,
Себя я вижу юным вновь.

Дремотный старый сад. Сирени.
Узор крестообразный лип.
Зовут заветные ступени.
Садовой дверцы дрогнул скрип.

Они пройдут перед очами,
Сплетенья призраков таких,
Что будешь днями и ночами
Их вспоминать и звать в свой стих

На утре дней душа открыта,
Прикосновений жаждет новь,
И вот тропинка в ней пробита —
Через любовь к любви — в любовь.

Душа нуждается в уроке,
И мир заманчив и не хмур,
Когда читаешь сердцем строки,
Что спел грустящий трубадур.

Душа ребенка, лебеденок,
Предощущает свой полет,
А старший лебедь в кличе звонок,
И в синеву душа плывет.

Блажен, кто в золото лобзанья
Возвел землистую руду,
И женское очарованье
Предуказал нам как звезду.

Кто нас увлек в такие дали,
Где всё есть радость и печаль,
И мысль заветные скрижали
Взнесла в небесную эмаль

Благословен учитель чувства
Нам показавший образец,
Одевший в пламени искусства
И кровь и омуты сердец.

Просвет сквозь действо сил слепое,
Души девической ведун,
Тургенев небо голубое
Всё утро сердца в звонах струн.

Тургенев первая влюбленность,
Глаза с их божеской игрой,
Где близь уходит в отдаленность,
Заря встречается с зарей.

К. Бальмонт.

МУДРОСТЬ.

Памяти Тургенева.

ТРИОЛЕТЫ.

1.

Дни юности бегут без счета
И тают будто вешний снег.
Как деньги радостного мота,
Дни юности бегут без счета...
Никто не требует отчета...
Все ускоряя легкий бег,
Дни юности бегут без счета
И тают будто вешний снег.

«Вешние воды».

2.

«Вчера» и «завтра»—чужды счастью:
Лови «сегодня», чудный миг!
Так суждено не нашей властью,
«Вчера» и «завтра»—чужды счастью,
Живет одно «сегодня» страстью —
Как зыбь речная жизни лик.
Вчера и завтра чужды счастью.
Лови «сегодня», чудный миг.

«Ася».

3.

Велики нашей жизни тайны
И недоступней всех — любовь.
Как в смутном сне необычайны,
Велики нашей жизни тайны...
Любви порывы не случайны,
Ее загадки наша кровь.
Велики нашей жизни тайны.
И недоступней всех — любовь!

«Несчастная».

4.

Сияют звезды с высоты
На всех и правых, и виновных.
Полны нездешней красоты
Взирают звезды с высоты
И к нам уносятся мечты
Сердец невинных и влюбленных.
Взирают звезды с высоты
На всех и правых, и виновных.

«Дворянское гнездо». — *Лемм.*

5.

Будь только добр, и отразить
Тебя никто, ничто не сможет.
Сумей людей и мир любить,
Будь только добр, и отразить
Судьбы удары, победить
Все беды жизни — бог поможет!
Будь только добр, и отразить
Тебя никто, ничто не сможет.

«Дворянское гнездо»

6.

Слепая сила гнет свободу,
Играет силой рок слепой.
Мечты... мечты помочь народу...
Слепая сила гнет свободу,
И легкомысленному роду
Не победить в борьбе с судьбой.
Слепая сила гнет свободу,
Играет силой рок слепой.

«Necessitas, vis, libertas».

7.

Не праздник жизнь и не забава,
А тяжкий долг и строгий труд.
Мечты тщеславные — отрава.
Не праздник жизнь и не забава,
Проходят юность, страсти, слава,
И зло с лица земли сотрут.
Не праздник жизнь и не забава,
А тяжкий долг и строгий труд.

«Фауст».

8.

Любовь сильнее страха смерти,
И жизнью движет лишь Любовь.
Любовью вещи мира мерьте:
Любовь сильнее страха смерти,
Любви и правде смело верьте,
И победите вновь и вновь.
Любовь сильнее страха смерти,
И жизнью движет лишь Любовь.

«Воробей».

9.

Больней и слаще чувства нет,
Чем память о минуте счастья.
Проходит вереница лет,
Больней и слаще чувства нет:
Оно с тобою — тьма и свет —
И в ясный день, и в день ненастья.
Больней и слаще чувства нет,
Чем память о минуте счастья.

«Вешние воды».

10.

Дыши легко, забудь о горе,
Твой близок отдых, скоро — сон!
Волнений злых утихнет море.
Дыши легко, забудь о горе,
И в светлом праздничном уборе
Дождись покоя — будет он!
Дыши легко, забудь о горе,
Твой близок отдых, скоро — сон!

«Поездка в Полесье».

Вас. Чешихин-Ветринский.

ОТДЕЛ II

II ЛЕТО

ТАТЬЯНА БАКУНИНА И ТУРГЕНЕВ.

I.

Перед нами ряд листков, исписанных мелким женским почерком. Листки эти пожелтели от времени, края их во многих местах истлели, строки стерлись, слова стали на столько неразборчивы, что лишь упорным и медленным трудом поддается уяснению их смысл.

В таком виде дошли до нас письма Татьяны Александровны Бакуниной к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Они хранятся в Архиве Российского Исторического Музея, где составляют в Щукинской коллекции №№ с 81 по 89 включительно [1]). Хронология писем не установлена, и только четыре первых из них датированы: № 81—одиннадцатым июня 1842 года, № 82—пятнадцатым августа 1843 года, № 83—пятнадцатым мая и № 84—тринадцатым июня того же года. Принимая в рассчет внутреннюю связь остальных писем, их зависимость от ответов Тургенева [2]) и указания некоторых косвенных источников, возможно сделать и относительно них несколько предположительных хронологических указаний.

Так, судя по тону и настроению, первым письмом Татьяны Александровны является длинное, написанное в большей своей части по-немецки, послание, помеченное в коллекции № 88. Оно, вернее всего, относится к зиме 1842 года и принадлежит к началу знакомства ее с Тургеневым. Другое письмо (№№ 87 и 89), начатое, как это часто случалось не только с Бакуниной, но и с другими представителями эпохи 40-х годов, с утра в понедельник и продолженное до четверга, заключает во второй половине своей ответ на третье письмо Тургенева. А так как письмо Татьяны Александровны, исходя из приписки сестры ее, может быть точно датировано 22 апреля, то к тому же месяцу, а не к осени, как это делает М. М. Клевенский, следует отнести и письмо Ив. Сергеевича. Тесно связаны по содержанию и два остальные письма: № 86 с пометой «Nacht»— ночь перед отъездом Тургенева и другое — № 85, носящее заголовок — «Gleich nach Ihrem Abreise». Трудно сказать, о каком отъезде идет в данном случае речь: было ли это расставание весной 42 года, или, быть может, судя по страстному тону письма, оно написано несколько позже. Итак, имеющиеся у нас данные позволяют нам расположить письма Т. А. Бакуниной в следующем хронологическом порядке. Первое письмо Татьяны Александровны (№ 88) относится к зиме или,

---

[1]) Цитация писем следует в статье нумерам Щукинской коллекции.

[2]) Напечатаны М. М. Клевенским.—«Голос Минувшего». 1919 г., № 1—4, стр. 201—205.

быть может, к самой ранней весне 1842 года; затем следует длинное, разрозненное в коллекции письмо от 22 апреля (№№ 87 и 89); за ним письмо, датированное одиннадцатым июня того же года (№ 81), и предположительно те два письма (№ 86 и № 85), которые написаны в связи с отъездом Тургенева.

К последующему — 1843 году относятся письма: от пятнадцатого мая (№ 83), от тринадцатого июня (№ 84) и от пятнадцатого августа (№ 82). Намечая таковую хронологию, нельзя, однако, не оговориться, что хронология эта не открывает нам, конечно, всех деталей во взаимоотношениях Бакуниной и Тургенева. Есть все основания предполагать, что только некоторая часть из писем Тургенева к Т. А-дровне дошла до нас, точно так же, как хранящиеся в Историческом Музее документы представляют из себя лишь часть личного архива Бакуниной. Но как бы то ни было, даже и в том виде, в каком дошли до нас письма Татьяны Александровны, сущность их так определенно ясна, затрагиваемые вопросы так глубоки, а запечатленные переживания столь отчетливы и сильны, что уже сами по себе письма эти представляют интересный, завершенно-цельный материал, дающий возможность проникнуть в психологию женской души. И еще более значительны и еще более ценны они для нас, конечно, по их связи с таким именем, как имя Тургенева. Так вскрывается перед нами не только полная печали поэма отвергнутой женской любви, но развертывается в то же самое время, оставшаяся раньше неизвестной, страница из биографии молодого Тургенева. Эта эпоха жизни писателя не только по настроениям и думам, но даже и по хронологии и смене событий не нашла себе достаточного освещения в научной литературе. Совершенно невыясненным остается, между прочим, вопрос о том, когда и где познакомился И. С. с семьею Бакуниных вообще и с Татьяной Александровной в частности. Вернее всего, что сближение произошло через Михаила Александровича, с которым Тургенев встретился в Берлине летом 40 года, по возвращении своем из поездки по Италии и Швейцарии.

Может быть, там же за границей Тургенев познакомился уже в это время и с В. А. Дьяковой. В конце 1840 или в самом начале 1841 года Тургенев возвратился на родину. Во всяком случае, судя по двум первым письмам его, напечатанным М. Клевенским, в середине января 1841 года И. С. был уже хорошо знаком и со всей семьей Бакуниных и с Татьяной Александровной.

41 и 42 годы, по словам биографа Тургенева Гутьяра, писатель провел то в Спасском, то в Москве. Следуя новейшим биографическим данным, И. С. представил 5 мая 1842 года свои ответы на магистерском испытании, следовательно, весной, а может быть, даже и ранней весной этого года он был в Москве, где по косвенным свидетельствам из писем Белинского и Боткина (от 23/III и 31/III) находилась в то же самое время и Татьяна Александровна. Исходя из той же переписки явствует, что она чувствовала себя очень нездоровой, настолько нездоровой, что великий критик, особенно остро переживавший в этот период трагедию смерти, считал ее то в безнадежном состоянии, то прямо упоминал о ней, как о кандидатке в покойницы,

кренно печалился об этой новой жертве и настойчиво просил своего друга уведомлять его о здоровье Т. А-вны. Причина болезни (повидимому легочной), о которой неоднократно упоминает в письмах и сама Бакунина, нам неизвестна; нам неизвестно, насколько замешаны здесь ее переживания; ясно, пожалуй, только одно, что общая болезненность Татьяны Александровны нашла отражение и в ее отношениях к Тургеневу. Мы имеем право установить таким образом, что и Тургенев и Т. А. Бакунина жили одновременно в Москве весной 42 года, где и завязались, повидимому, их особенно близкие взаимоотношения. Из Москвы Тургенев выехал раньше Бакуниных, но отправился он не прямо за границу, как думает Гутьяр, а побывал перед этим в Спасском, что следует из пометы на повести «Похождения подпоручика Бубнова», написанной в Орловском имении 25 июня 1842 г. Первые числа июля застают Т. А-вну так же вне Москвы, в Шашкине, имении Бэров, находящемся тоже в Орловской губ. Возможно, что и Тургенев и Т. А. вновь свиделись здесь. Мы не имеем затем в дальнейшем прямых указаний на возможность непосредственных встреч, а тон переписки значительно изменяется, нося на себе все следы обрывающихся отношений, о чем свидетельствует в особенности последнее письмо Бакуниной от 15 августа 1843 г. Такова внешняя схема отношений Тургенева и Т. Ал-вны. Она не сложна. И весь роман, начавшийся, по всей вероятности, в преддверии 41 года, окончательно завершился уже в 43. Однако, за это непродолжительное время Татьяна Александровна пережила целый ряд разнообразных настроений, которые она и запечатлела в своих длинных, написанных то на французском, то на немецком, то на русском языке, письмах Но прежде, чем переходить к рассмотрению содержания этих писем, может быть, не лишне и небезинтересно вспомнить вообще о том, кто такая Татьяна Александровна Бакунина? Татьяна Александровна — член знаменитого Премухинского гнезда, выделившего из себя в 40-е годы блестящую плеяду из четырех сестер и будущего бунтаря — революционера Михаила Александровича. Хроника семьи Бакуниных, принадлежащая перу А. А. Корнилова, остановившегося к сожалению лишь на молодых годах М. Ал-вича, вскрывает многие переживания как отдельных членов этой семьи, так и дает отчетливые представления о царившем в Премухине общем настроении. Это общее настроение выявлялось в повышенном интересе к умственной и духовной жизни, оно сказывалось в настойчивом стремлении провести в действительность новые, разумные, философски обоснованные начала. Таковая настроенность премухинской молодежи, на ряду с глубоко культурной обстановкой всего дома, в соединении с ласковой приветливостью женского элемента семьи и явились, повидимому, основной причиной, по которой не только умом, но и сердцем влеклись в это «дворянское гнездо» такие выдающиеся представители эпохи, как Станкевич, Боткин и Белинский. Поддавшись свойственной ему экзальтации, последний свидетельствует например, что именно в Премухине «воспринял он блаженство и гармонию бытия». «Кто знал их», говорит он позднее о сестрах Бакуниных, «тот не напрасно

ЧИТАЛЬНЯ ИМЕНИ И. С. ТУРГЕНЕВА.

жил». Все тот же Белинский в письме Михаилу Бакунину от 20 июля 1838 года дает, между прочим, такую характеристику Татьяны Александровны.

«Что за чудное, за прекрасное создание Татьяна Александровна... Я смотрел на нее, говорил с ней — и сердился на себя, что говорил, надо было смотреть и молиться. Эти глаза темно голубые и глубокие, как море; этот взгляд внезапный, молниеносный, долгий, как вечность, по выражению Гегеля; это лицо кроткое, святое, на котором еще как будто не изгладились следы жарких молений к небу, нет, обо всем этом не должно говорить, не должно сметь говорить».

Из круга сестер своих Т. А. особенно выдавалась по уму и интересам. Она была особенно близка с братом Михаилом, особенно, как это видно из писем, любила его и заботилась о нем. В свою очередь и Michel отвечал ей чувством, пожалуй более напряженным и страстным, чем спокойная братская привязанность. Вновь опубликованные документы, относящиеся к более позднему периоду в жизни Бакунина, — ко времени его тюремного заточения, только в лишний раз подчеркивают все ту же глубокую и пылкую любовь.

Недаром он хлопочет о свидании именно с Т. А-вной, недаром он в письме от 16 апр. 1853 года так обращается к ней. «Моя Татьяна... Если бы я хотел высказать все, что я о тебе чувствую, все, что я о тебе думаю, как я люблю тебя, то я никогда не кончил бы, и потому я лучше не стану начинать; да ведь ты и без слов поверишь и почувствуешь» (Красная Новь. № 2, стр. 168) Вполне понятно в связи со всем вышесказанным, что Т. А-вна больше всех остальных сестер находилась под влиянием философских исканий Бакунина Она разделяла его интерес к романтическим писателям, увлекалась философией Фихте и даже принимала участие, всецело оставаясь при этом на стороне брата, в его полемике с Белинским по вопросу о разумной действительности Так, следовательно, и по запросам и по интересам своим Т. А-вна далеко незаурядный человек. В 1840—41 г.г., к которым относится ее знакомство с Тургеневым, Бакуниной исполнилось 25—26 лет, она только на три года старше писателя, но, как и всегда, эта хотя и незначительная разница в летах со стороны женщины дает себя знать особенно заметно и сильно Отсюда та бóльшая опытность в жизни, та бóльшая зрелость в мыслях и переживаниях, которую неоднократно подчеркивает в своих письмах к Тургеневу Татьяна Александровна. И, действительно, она то спросит его, понимает ли он, употребляя термин «свободы», истинное философское значение этого слова; то укажет, что он не знает еще всего великого смысла в имени сестры, а то откровенно признается, что иногда чувствует себя выше Тургенева и со снисхождением склоняется к нему. В связи с этим двоится и та характеристика, которую она дает Ивану Сергеевичу.

Воспринимая любящим сердцем самую отличительную особенность Тургенева, признавая, что он «рожден поэтом», она видит в нем необыкновенного, избранного человека. «Вы святой, вы чудный, вы избранный богом. На челе у вас я вижу отпечаток его величия, его славы, и вы будете, как он,

велики, могущественны, свободны, блаженны, как он. Вам принадлежит не маленькая частичка жизни, славы, счастья; вам вся полнота, вся бесконечность, вся божественность бытия. О, оставьте меня, обращается она к нему далее, в святом, в блаженном созерцании той дивной будущности, которую я смело предрекаю вам». (Письмо № 88). Однако критическое чутье подсказывает Татьяне Александровне одновременно и такую оценку Тургенева. «Вы давать еще не можете, вы—как ребенок, в котором много скрыто зародышей и прекрасного и худого, но ни то, ни другое не развилось еще, а потому можно только надеяться или бояться. Но я не хочу бояться за вас, я хочу только верить. Нет! Вы не погубите ни одной способности, данной вам. В вас разовьется все богатство, вся красота божественной жизни, вы будете человеком — когда? Этого нельзя определить, но придет минута, когда вы перестанете смотреть на жизнь, как только на игрушку и не будете искать в ней только одних наслаждений и мелкого удовлетворения ваших мелких требований. Когда то, Тургенев, вы говорили об ее великом, ее божественном смысле, но говорить и понимать, и чувствовать, это—все так ничтожно, когда каждое слово, каждое понятие, каждое чувство наше не перешло в нашу жизнь, не перешло в живое, горячее дело. Видите еще перед вами много впереди, но ведь вы не должны растрачивать напрасно своих сил, если хотите вырасти сильным человеком. Мне кажется, вы слишком мало надеетесь на то, что дано вам от природы; берегитесь, чтобы не потерять» (Ibidem).

В силу этого представления своего о великом предназначении Тургенева-поэта и в связи с заботой о лучших условиях существования для ее избранника, Т. А-вна определенно советует ему оставить родину и уехать за границу. Попутно она кладет, между прочим, такую характеристику современной ей России. «Здесь нет жизни, здесь мертво все. Здесь страшное рабство, вы сами это говорили прежде. И надо много, много силы, чтобы в самом рабстве сохранить свою самобытность, свою свободу и в этом темном загрязнившемся мире создать себе новый, светлый, чистый, воздвигнуть храм, достойный присутствия бога живого. Много, много силы надо, Тургенев, чтоб победить и страдание, и страх, и неволю, чтоб уметь отречься от всего и не потерять ни одного верования, не потерять той смелости, той непоколебимости духа, с которой не страшно вступить в бой с жизнью» (Jbidem). Татьяна Александровна смотрит таким образом на Тургенева как на своего любимого, младшего брата и оправдывает смелость в указаниях своих тем, что и сам он называет ее сестрой. Свое назначение она видит в необходимости направить еще нетвердые шаги поэта по прямому героическому пути жизни, укрепить его своей «Schwesterliebe», не дать ему возможности растратить в мелочах и суете обыденной жизни те великие дары, которые получены им от неба. «О, Тургенев, неужели вы будете таким, как и все!», — восклицает она: «Неужели и вы будете счастливы обыкновенным, безмятежным счастьем всех людей!» Но не только идеальная привязанность, не только большая опытность в жизни и знание последней дают Татьяне

Александровне право руководить Тургеневым. Уже в одном из первых ее писем ясно чувствуется несомненная любовь Т. А. к Тургеневу. Между ними несомненно было что-то и, повидимому, с обеих сторон. Недаром приписка Бакуниной гласит «Alexandrine et Nathalie (Бееры) saient tout ce qui a été entre vous et moi». В дальнейшем Татьяна Александровна представляет Тургеневу возможность еще большей близости или окончательного расхождения. И в том и в другом случае она просит его только об одном, чтобы он был «прям, прост, благороден». «За меня вам нечего бояться», прибавляет Татьяна Александровна, «со мной сила бога моего, и этой силы, поверьте, не сломит ни один человек в мире». Дальнейшее развитие чувства Бакуниной идет по пути большей порывистости и экзальтации. Однако, несмотря на это, Татьяна Александровна старается смотреть правде в глаза, старается быть сама с собой искренней. «Часто, Тургенев, я так глубоко, так живо чувствую вас и ваше присутствие в себе, что, кажется, вы в самом деле тут передо мною и читаете в душе моей. И я свободна. Меня ничто не стесняет, как будто все, что останавливало меня прежде, вдруг уничтожается — и я уж ничем не отделена от вас. Но минуты эти коротки. Я не могу их удержать, я не хочу, потому что не хочу предаваться ложному. Лучше не иметь ни одной минуты счастья и быть в Истине. Дети пускай забавляются игрушками, пускай любят те призраки, которые сами создали себе от нечего делать. Кто раз переступил за предел детской жизни, тому уже не возвратиться к ней» (№ 89). И Татьяна Александровна действительно не тешит себя самообольщением. Из того же письма видно, как больно, как скорбно воспринимает она неразделенность своего чувства. «Знаете, Тургенев», пишет она ему, «иногда все внутри меня бунтует против вас. И я готова разорвать эту связь, которая бы должна унижать меня в моих собственных глазах. Я готова ненавидеть вас за ту власть, которой я как будто невольно покорилась. Но один глубокий внутренний взгляд на вас смиряет меня. Я не могу не верить в вас». Чувство Татьяны Александровны, по ее словам, всецело поглотило ее. «С тех пор, как я люблю вас», признается она, «у меня нет теперь ни гордости, ни самолюбия, ни страху. Я вся предалась судьбе моей». Та же самая черта всепоглощения любовью еще ярче сказывается в том недатированном письме, в котором Бакунина, объясняя И. С. причину, которая заставила ее взять свои письма, с новой силой обосновывает истинную сущность своих переживаний. «Вчера я ничего не могла вам сказать, ничего, Тургенев», пишет она. «Но разве вы не знали, что было у меня в душе. Нет я бы не пережила этих дней, если б не оставалась мне смутная надежда еще раз, боже мой, хоть раз еще, один раз увидеть вас. Я не знала, что буду говорить вам, когда брала я перо. Мне казалось, я сумею высказать все перед вами, но теперь мне страшно мне холодно. Вед вы не поймете, вы не можете понимать меня, Тургенев. Не из глупой боязни взяла я у вас письма мои. Скажите, чего же мне бояться, если я не побоялась вашего презрения? Неужели вы думаете, я бы испугалась другого суда над собой? О подите, расскажите, кому хотите, что я люблю

вас, что я унизилась до того, что сама принесла к ногам вашим мою непрошенную, мою ненужную любовь. И пусть забросают меня каменьями. Поверьте, я вынесла бы все без смущения, только не говорите же ради бога, что я боялась оставить у вас мои письма. Вы сами этого не думаете. Вы знаете, что у меня было, что у меня могла быть только одна мысль: я хотела совсем освободить вас от себя, взять у вас последнее воспоминание, чтобы в вашу светлую жизнь не вкрадывалось ни одно грустное чувство, ни одно сожаление. И если-б я могла окружить вас всем, что жизнь заключает в себе прекрасного, святого, великого, если-б я могла умолить бога дать вам все радости, все счастье — мне кажется, я бы позабыла тогда требовать для самой себя. Но когда-нибудь, я верю, вы будете так счастливы, как я хочу. Тогда, Тургенев, вспомните, что я бы радовалась за вас, я бы стала так радоваться, как мать радуется за сына, потому что чувствую в душе всю глубокую, всю беспредельную, всю святую нежность матери, все ее святое самоотречение» (№ 87).

Цитируемое письмо дает нам отчетливое представление о переживаниях Татьяны Александровны. В нем и горечь неразделенного чувства, печаль неоднократно подчеркнутой «непрошенной», «ненужной» любви (в этом отношении характерно также недатированное письмо с пометой «Nacht» № 86), и покорность воле божьей, заповедующей самозабвение и самоотречение. Неоднократно углубляясь в этот печальный для нее факт неразделенности чувства, Т. А—вна всегда пытается встать на всепримиряющую религиозную точку зрения. Она неизменно старается уверить себя, что была недостойна этой любви, что «никогда не могла бы быть счастлива здесь, никому не могла бы дать счастья». «Мне назначен один труд», думает она, а не отдых... Я знала это и всегда чувствовала, что грешны мои другие требования, бесплодны все желания мои, и малодушно предавалась им». Несмотря на эту мысль о некоторой религиозной предопределенности, у Бакуниной не могли не проскальзывать, однако, и другие ноты, обличающие совсем иное, глубоко пессимистическое настроение.

«Dunkel ist mir der Sinn, die Bedeutung des Lebens — und ob es einmal heller wird. Nun es gehe — wie es will. Die Befreiung ist doch nah, mein Gott. Einem jeden schlägt doch die Stunde der Erlösung. Oder ist's umsonst, dass man hofft, dass man glaubt, dass man liebt? Alles umsonst. Leben und Tod umsonst. Hier nichts, dort auch nichts und es vergeht alles umsonst ohne zu wissen warum es eigentlich da war» (№ 86).

Вот почему Татьяне Александровне подчас так страстно хочется поскорее уйти из жизни. Любовь же всецело становится для нее синонимом отречения. В таком тоне она и пишет Тургеневу: «das ewig und das einzig Wahre bleibt immer nur die Liebe allein oder die Entsagung — denn es ist eins». Этим же тоном отречения обвеяно и то прекрасное письмо, написанное 11 июня 42 года из Шашкина, которое вставлено в такую поэтическую красочную рамку. «Jeudi midi, fenêtre ouverte, ciel gris, l'air tiède—choeur d'oiseaux partout des bois et des champs. Pourquoi, mon Dieu, pourquoi cette tri-

stesse dans mon âme comme si j'avais à ésperer, à croire, à attendre encore. Et qu'ai je donc à attendre? Tout n'est il pas dit pour moi... Seigneur, Seigneur! écoute moi. Sauve moi. C'est de toi, que j'espere mon salut. Гром гремит со всех сторон, почти не прерываясь, удары повторяются один сильнее другого, молнья сверкает мне прямо в глаза. Вот будто над самым домом разразился удар — чудно!.. Дивна божественная природа и в бурях и в спокойствии своем... О не переставай, гроза, гром, не умолкай, мне легко, мне хорошо под ударами твоими. Я бы хотела пойти и стать вон там, под этой синей тучей. Я бы хотела, чтобы она вся обрушилась надо мной и обновила меня и освежила все силы мои, всю жизнь во мне. Я бы хотела, хотела, но ты, мой бог, хочешь, чтобы во всем я отказалась от воли моей — я повинуюсь». Т. А—вна ясно сознает в письме этом, что прошлое для нее невозвратно. Она не может не упрекать себя теперь за те мучительные минуты, пережитые, повидимому, в Москве, когда она, «не будучи в силах противостоять охватившей ее лихорадке», отдалась своим чувствам. «То, что было между нами», пишет она теперь, «уверяю вас, никогда больше не повторится, и вы можете без боязни довериться мне, довериться дружбе моей, она будет тиха и без требований» (№ 81).

Однако, этому спокойствию и нетребовательности Бакуниной трудно поверить, зная ее склонность к экзальтации и судя о ней хотя бы по таким строкам: «Позвольте мне опять назвать вас братом. О, вы были мне больше, чем брат, больше, чем друг. Вы были Христом моим, и я до земли склоняюсь перед вами. Я вам молюсь. Вас благословляю, вас благодарю за все. В вас я узнала все величие бога, всю беспредельную любовь его. Знаю за дело, что вы не любили меня. Моя любовь мне все открыла. Если бы вы не пришли, я бы осталась в прежней темноте, в прежнем неведении моем. Но теперь так светло в душе. Gebt mir Euere Hand, lasst mich sie an meine Lippen drücken und mit meinen heissen Thränen benetzen. Ach Gott! Ich habe keine Thränen mehr. Ich kann nicht weinen, meine Augen sind trocken, ganz trocken, der letzte Lebensfunken, der bald verlöschen muss» (№ 87). Все те же мотивы экзальтации повторяются и в другом письме, носящем подзаголовок — «Тотчас после вашего отъезда». Прося здесь Тургенева взять крест, который она надела на себя со своей умершей сестры Любаши, Т. А. указывает, что первой ее любовью был Христос, последней же «einzig wahre, einzig heilige» должен быть он — Иван Сергеевич. «Вчера вечером мне было глубоко, бесконечно грустно, я много играла и много и долго думала», так заканчивает она это письмо свое. «Молча стояли мы на крыльце с Alexandrine. Вечер был так дивно хорош. После грозы звезды тихо загорались на небе, и мне казалось, они смотрят мне прямо в душу и хотят, чтоб я надеялась, и я как будто прощалась с землею и с жизнью. И сколь мне было ее жаль... Мне грустно было оторваться от вас. Ведь жизнь не повторяется и смерть отнимает не на один миг, но навсегда. И вдруг я почувствовала, будто оковы спадают с меня. Робость моя исчезла. Я стала свободна, смелость и простота делают свободу нашу, и я почувствовала и смелость и про-

стоту в душе моей. Тургенев! и с вами у меня не было бы робости. Теперь я с вами свободна вполне. Придите же, брат мой, друг мой, примите опять свободное, смелое признание любви моей. Только теперь люблю я вас полной любовью, потому что не знаю ни страха, ни колебания, ни унижения в ней, потому что свободно и гордо отдаюсь ей. Дайте руку, верьте мне. Моя свобода пускай сделает и вас свободным» (№ 85).

Перед нами прошел один из периодов взаимоотношений Бакуниной к Тургеневу. Ясно видно, что Иван Сергеевич не разделяет ее любви, но эта неразделенность не принимает, однако, еще тех черт отчужденности, которая все явственнее наступает в двух других, написанных через год (1843) письмах Бакуниной. Что заполнило собой этот год, нам неизвестно. Переписка указывает только, что в середине мая Т. А—вна обращалась к Тургеневу относительно запутанных денежных дел своего брата Михаила Александровича. В письме от 15 мая 43 года она просила у Тургенева, как об одолжении, написать издателю «Deutsche Jahrbücher» Dr. Руге, которому Бакунин с обычным для него легкомыслием не заплатил крупный долг в 2800 талеров, что долг этот в самом скором времени будет погашен семьей. Этим путем она пыталась вывести Michel'я из того «унизительного положения», в которое он попал, и хотела предотвратить возможный разрыв между ним и Руге (№ 83). Что ответил Тургенев Бакуниной, неизвестно; известно только, что 15 июля того же года он отдал распоряжение банкирской конторе барона Штиглица отправить «тысячу рублей ассигнациями приказу г-на Арнольда Руге в Дрездене, другую тысячу рублей отослать приказу Михаила Бакунина в Цюрихе» [1]). Просьба Татьяны Александровны была, следовательно, хотя и с опозданием, но все же исполнена Тургеневым. Но отношения их не только не наладились, а перешли все в более и более натянутые. Об этом определенно свидетельствует последующее письмо Т. А—вны от 13 июня того же года (№ 84).

Имея в виду какой-либо устный или письменный ответ Тургенева, она чувствует, что он хотел оскорбить ее. Однако, это не удалось, и в Бакуниной сильно только сожаление о том, что она слишком мало знала И. С. Больше всего поразило Татьяну Александровну на этот раз не лишнее подтверждение печального факта, что «они всегда были чужды друг другу», что и в прошлом так же, как в настоящем, нет у них ничего общего, но больно ударил ее по сердцу самый тон ответа «сухой и презрительный». Вот этого тона «sec et méprisant» она не может совместить с своим представлением о Тургеневе, таком добром, таком благородном, как ей казалось всегда. Поэтому она не в состоянии, несмотря на то, что как сама, сознает, не имеет никакого права, не упрекнуть И. С. в «miserable amour propre», в «гордости ребенка». Все же ей тяжело так расставаться с ним, и она хочет полного примирения. Но примирение это не состоялось, и последнее письмо Татьяны Александровны от 15 августа говорит о полном разрыве (№ 82). Впрочем,

---

[1]) Подробности об этом деле см. в журнале «Минувшие годы» 1908 года, № 8, стр. 98.

она и не просит ответа. Она считает, что лучше не получать его, чем читать ненужные и пустые фразы, доставляющие ей одно страдание.

По отношению к прошлому у нее наступило успокоение, и ей самой кажутся далекими «ces rélations étranges, que j'ai follement fais naître entre nous». Но если в сердце ее нет более страсти, то в нем сохраняется «религиозное воспоминание» о былом и глубокая искренняя преданность Тургеневу. Она-то и заставляет ее желать Ивану Сергеевичу счастливой и радостной жизни и позволяет напомнить о себе. «Если вы почувствуете себя когда-либо в будущем одиноким и печальным», обращается она к Тургеневу, «вспомните тогда обо мне, вспомните, что есть сердце, всецело преданное вам...». Примирительным аккордом заканчивается затем и все письмо. «Soyez heureux, soyez béni». «Будьте счастливы, будьте благословенны» — последние слова Т. А—вны, обращенные, повидимому, непосредственно к Тургеневу. Но и в дальнейшем она не переставала, наверное, интересоваться его жизнью и судьбой. Недаром В. Г. Белинский в письме от 4 декабря 1844 г., отвечая Бакуниной на ее вопрос, пишет: «С глазами Тургенева было что то в роде припадка, но без всяких дурных следствий. Здоровьем он, как вам известно, не крепок; но это не мешает ему жить, т.-е. ничего не делать и быть больше веселым, нежели скучным. Он теперь весь погружен в итальянскую оперу и, как все энтузиасты, очень мил и очень забавен» [1].

Любовь Т. А. Бакуниной прошла перед нами в одностороннем освещении лишь ее личных переживаний. Как же, возникает теперь невольный вопрос, относился к роману этому избранник ее сердца, что передумал он сам, что он перечувствовал? Три напечатанных М. Клевенским письма Тургенева далеко не исчерпывают, конечно, ответов Тургенева. Однако и в них имеется весьма интересный материал. Так уже из первого письма И. С. видна его симпатия к Т. А. «Я знаю, что вы не любите, когда вам говорят о вашем здоровье», пишет он ей. «Я хотел бы вам сказать одно: wie können Sie wissen, ob Ihr Leben keine hohe und heilige Bedeutung für Andere gewinnen kann, und ob es nicht schon vielleicht geschehen ist». Но самым значительным является конечно третье письмо Тургенева. Оно написано перед расставанием в Москве, откуда И. С. не в силах уехать, не сказав Т. А. «задушевного слова». В их отношения уже вкрались какие то темные переживания. «Дайте мне вашу руку», просит Тургенев, «и если можете, позабудьте все тяжелое, все половинчатое прошедшего». Душа его преисполнена в данный момент глубокой грустью. «Как бы я хотел плакать и прижать вашу руку к моим губам и сказать вам все-все, что теперь так тревожно толпится в душе», — говорит он. Он чувствует, что они расстались не навсегда, что он снова увидит ее, свою «добрую, прекрасную сестру». Иначе, его пугает мысль, что Татьяна Александровна может умереть, так и не зная его, «не услыхав от него одного искреннего истинного слова, такого слова, которое и его бы просветило и дало ему возможность понять ту странную связь, глубокую, сросшуюся со

[1] Белинский. Письма, ред. Евг. Ляцкого, т. III, стр. 85.

всем его существом — связь между ним и ею»... «Я чувствую, что я говорю истину, и мне не к чему лгать», прибавляет Тургенев. Он ясно сознает теперь ущербность в их прошлом. «Мы теперь жили как старики, или, пожалуй, как дети — жизнь ускользала у нас из рук — и мы глядели за ней как глядели бы дети, которым нечего жалеть, у которых еще много впереди — или как старики, которым уже и не жалко жизни». А между тем... «клянусь вам богом», пишет Тургенев, «я говорю истину, я говорю, что думаю, что знаю: я никогда ни одной женщины не любил более вас — хотя не люблю и вас полной и прочной любовью...». Он уверен, что она одна его поймет, и только для нее, с «которой каким то невыразимо чудным образом связана душа», хотел бы он быть поэтом. В часы творчества и блаженства уединенного она никогда не покидает его: ей он читает, что выльется из-под пера его. Так образ Татьяны Александровны всегда одушевляет Тургенева. Он ростет в творческом сознании его, принимает новые очертания, становится синонимом его музы. Утверждая, что Бакунина «владеет всею любовью его души», И. С. развертывает попутно заманчивую для нее картину. «О, если-б мог я хоть раз пойти с вами весенним утром вдвоем по длинной, длинной липовой аллее — держать вашу руку в руках моих и чувствовать, как наши души сливаются, и все чужое, все больное исчезает, все коварное тает — и на век». Прощаясь, Тургенев просит благословения на дорогу и вновь называет Т. А. «своей сестрой, своей лучшей, единственной приятельницей». У нас есть непосредственный ответ Бакуниной на письмо это (№ 89), и оно, несмотря на грустный тон, исполнено радостью при мысли о возможном свидании. Но особенно хочет благодарить она Тургенева за одно слово. «Смотрите, не забудьте его», напоминает она. «Вы уверены, сказали вы, что я всегда пойму вас. Только это одно прошу я помнить» Она смущена затем названием сестры, которое И. С. вновь ей дал. Она чувствует, сколь много прав дает ей это название, но не желает воспользоваться ни одним из них. Письмо Тургенева было для Татьяны Александровны письмом глубокой важности. Она, повидимому, неоднократно перечитывала его и, вдумываясь в свои взаимоотношения с писателем, не могла не подвести им некоторого итога, в виде той приписки, которая сделана, должно быть, рукой Бакуниной. Ей кажется, что Тургеневу не хватает простоты и правдивости, что он живет воображе́нием, скрывается за фразами. Ей кажется, что он легкомысленно, как дитя, играет с той святыней ее переживаний, к которой он даже в случае полного равнодушия должен бы отнестись бережно и любовно. Татьяна Александровна упрекает, таким образом, Тургенева в той неискренности, в той неестественности и наклонности к фразе, которую не могли не заметить в молодом писателе и посторонние, а потому более беспристрастные наблюдатели (напр. П. В. Анненков). Она ставит в вину ему этот недостаток. А он проистекал, повидимому, вовсе не из внешних, а из глубоко внутренних переживаний Тургенева и вызывался прежде всего отсутствием той внутренней собранности, тех волевых начал, которые позволили бы ему резко оборвать намечавшиеся отношения и тем самым

сохранить как свои, так и душевные силы Бакуниной. Но И. С. не был способен на такую решительность, а чувства Т. А., как видели мы, перегорали мучительно трудно...

Бесцелен вопрос, почему так печально окончился роман Тургенева и Бакуниной. Но нельзя не указать однако, что в восприятии И. С. облик Т. А—вны носил в себе не только те идеализированные черты, какими он рисовал ее в письме, а представлялся и несколько с другой стороны. Тургенев был близко знаком со всей семьей Бакунина, он несомненно наблюдал за ними, изучал их психологию и хорошо знал, как много у всех них аффектированности, внешней горячности, наряду с холодом переживаний. Мысленно представляя себе образ Т. А—вны, он мог рисовать его в тех же красках, как это блестяще сделал Белинский относительно младшей из Бакуниных, любимой им Александры Александровны. «Эта девушка, глубокая по натуре, святое, чистое, полное грации создание, но ее натура искажена до последней возможности, без всякой надежды на исправление. Она давно отвыкла от жизни сердцем, и сердце у нее — покорный слуга воображения. Воображение живет в голове, следовательно, голова у нее повелевает сердцем... Поэтому у нее нет истинных чувств и истинных потребностей; ей нужен не мужчина, а идеал мужчины, и она может глубоко полюбить мужчину, которого никогда не видала, которого знает по слухам, и несмотря на то, в ее фантастическом чувстве будет столько сердечной мистики, столько лиризма, что перед ним преклонит колена всякий, у кого только есть человеческая душа. Она никогда не увидит и не оценит в мужчине человека — глубоко гуманическое начало, доступность всему высокому и прекрасному, здоровая натура, благородный характер — обо всем этом ей не снилось и во сне: ей нужно блеску, ей нужен герой, хоть Дон-Кихот, только герой — и идеал ее героя — брат ее Михаил Александрович. Может быть, я жестоко выражаюсь, но это так» [1]). Все те же черты находим мы действительно и в психологии Татьяны Александровны. И ей свойственен болезненный идеализм, восприятие любимого человека, как героя, идеалом которого — к чему много материала дает переписка — являлся так же брат Michel. Письма говорят нам, что Бакуниной приходилось даже защищать свою любовь перед друзьями, считавшими переживания эти «фантазией». Во всяком случае воображение, по терминологии Белинского «голова», преобладала у Т. А. над сердцем, не лишая однако переживаний ее той сердечной мистики, того лиризма, перед которыми «преклонит колена всякий, у кого только есть человеческая душа». Недостатки характера Бакуниной должно быть ясно сознавал и Тургенев, идеалом которого являлась цельная, вся отдавшаяся реальному яркому чувству женская натура. Но как бы то ни было, а образ Татьяны Александровны Бакуниной не мог пройти совершенно неотмеченным в творчестве Тургенева. И, как кажется нам, он действительно сквозит в некоторых произведениях, носящих на себе следы пережитого романа.

[1]) Белинский. Op. cit., т. II, стр. 179.

II.

«Sie sind meine *Muse*», говорил Тургенев Бакуниной в последнем из известных нам писем. Он сам утверждал следовательно, что был период, когда образ Т. А-вны властвовал над его творческим воображением, проявлялся в его поэтических созданиях. Мы можем действительно почувствовать и осознать этот образ в целом ряде произведений Тургенева, особенно в тех из них, которые были наиболее близки по времени к пережитым событиям. Позднее Тургенев чувствовал, по его же собственным признаниям (письмо к С. А. Венгерову от 19 июня 1874 года), «положительную, чуть не физическую антипатию» к своим ранним произведениям, но именно в них, в этих стихотворениях и поэмах и следует искать отражение пережитого И. С. романа с Бакуниной. Выделяя из общего количества стихотворений наиболее ранние («Вечер», «Дума», «К Венере Медицейской») и не останавливаясь на тех, которые обрабатывают чисто романтическую тему («Старый Помещик», «Баллада», «Похищение), мы должны сосредоточить все внимание на произведениях лирических. Здесь нетрудно усмотреть два различных тона, окрашивающих собой все переживания автора. Страстное, пылкое чувство выявляется в целом ряде произведений [1]). А на ряду с ним слышатся отзвуки каких-то иных, более сложных переживаний, заставляющих думать об идеальной, мечтательной, оторванной от жизни любви. Два стихотворения особенно интересны в этом отношении, и в обоих из них для меня с несомненностью вырисовывается образ Т. А. Бакуниной.

Это, во-первых, стихотворение «Нева», написанное в 43 году, и затем стихотворение «К***», помеченное 44 годом.

В первом из них поэт рисует Неву в момент «торжественного покоя» тихого закатного часа. Он смотрит на реку, «покрытую румяным блеском», на корабли с далекой стороны. У одного из них лежит и отдыхает моряк. Автора занимает вопрос, о чем тот думает:

Быть-может, спрашивает он,
Тебя минувшее тревожит:
Ты вспомнил прежнюю любовь,
Разлучный час и взгляд печальный —
И на губах, как будто вновь,
Зажегся поцелуй прощальный;
Теперь, быть-может, у окна
Она сидит... и не страдает;
Но, как свеча от ветра, тает
И разгорается она...
Иль, руки страстно прижимая
К своей измученной груди,
Она глядит полуживая
На письма грустные твои.

[1]) «Для недолгого свиданья» 43 года, «Призвание» 44 года.

Но нет... свои воспоминанья
Я на чужого перенес.
Не знал он смутного страданья,
Не проливал напрасных слез,
Не расставался, не сходился,
Не воскресал, не умирал...
Нет, беззаботно он влюбился
И безотчетно целовал...[1]).

Этот образ девы, сгорающей в своей глубокой печали, образ девы, страстно прижимающей к измученной груди руки и скорбно глядящей на грустные письма кого-то близкого, ее покинувшего — так напоминает облик больной Т. А-вны, свято сохранявшей письма Тургенева. Автобиографическим признанием звучат и дальнейшие строки Тургенева, как бы укоряющего себя за эти смутные страдания, за напрасно пролитые слезы, за неспособность беззаботно влюбиться и безотчетно целовать.

Несомненно посвящено Т. А. Бакуниной и второе из вышеуказанных стихотворений, обращенное к какой-то неизвестной, скрытой под ***.

Через поля к холмам тенистым
Промчался ливень... Небо вдруг
Светлеет... Блеском водянистым
Блестит зеленый, ровный луг.
Гроза прошла... Как небо ясно!
Как воздух звучен и душист!
Как отдыхает сладострастно
На каждой ветке каждый лист!
Оглашено раздольным звоном
Раздолье мирное полей...
Пойдем гулять в лесу зеленом,
Пойдем, сестра души моей.
Пойдем, о ты, мой друг единый,
Любовь последняя моя,
Пойдем излучистой долиной
В немые, светлые поля.
И там, где жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдет, пылая,
Над успокоенной землей —
Позволь сидеть мне молчаливо
У ног возлюбленных твоих,
Позволь руке твоей стыдливо
Коснуться робких губ моих[2]).

Стихотворение это как будто бы развертывает в поэтических тонах ту картину, которая однажды уже предносилась Тургеневу, желавшему пройтись ранним весенним утром вместе с Татьяной Александровной по

[1]) Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений. Изд. А. Ф. Маркса 1898 г., т. 9-й, стр. 248.
[2]) Ib., стр. 258.

длинной, длинной липовой аллее. Отсутствие же всякой страстности в общем тоне произведения и такие обращения, как «сестра души моей», «мой друг единый» делает его еще более созвучным с теми настроениями, которые запечатлены в переписке Тургенева. Внутренний разрыв, происшедший между Бакуниной и Тургеневым, также нашел, как представляется мне, отражение в одном из лирических произведений, относящемся к 43 году.

Когда с тобой расстался я,
Я не хочу таить,
Что я тогда любил тебя,
Как только мог любить.

Но нашей встрече я не рад,
Упорно я молчу —
И твой глубокий, грустный взгляд
Понять я не хочу.

И все толкуешь ты со мной
О милой стороне,
Но то блаженство, боже мой,
Теперь так чуждо мне!

Поверь: с тех пор я много жил
И много перенес...
И много радостей забыл,
И много глупых слез [1]).

Признание автора стихотворения, что при разлуке он любил так, как только мог любить, невольно вызывает в памяти одну из фраз тургеневского письма. «Я говорю истину: я никогда ни одной женщины не любил более вас — хотя не люблю и вас полной и прочной любовью». Стихотворение это бросает, между прочим, отблеск на виновника разрыва. Им явился Тургенев, в нем произошла перемена, и в то время, как она продолжает «толковать о милой стороне», он уже не рад более новой встрече. Все прошлое изжито: он «много перенес... и много радостей забыл, и много глупых слез».

Лирика Тургенева в освещении переписки поэта с Бакуниной дает нам таким образом возможность наглядно убедиться, какое место занимает в ней облик Татьяны Александровны. Облик этот чувствуется нами и в дальнейших произведениях. Главным образом в написанном в 1844 году рассказе «Андрей Колосов» и в относящейся к 1845 году поэме «Андрей». Личность расказчика, выведенная в первом из этих произведений, несомненно автобиографична. Она носит в себе все те же черты, которые были свойственны и молодому Тургеневу: наклонность к непрерывному самоанализу, неискренность, отсутствие решительности и воли. Если же при-

[1]) Ib., стр. 248.

нять во внимание вполне справедливую, по моему мнению, догадку М. О. Гершензона, что прототипом любовных отношений Колосова и Вари мог послужить роман Н. В. Станкевича и Любови Александровны Бакуниной, то рассказ этот приобретает еще более углубленное значение. Так же, как и Станкевич, Тургенев вошел в семью Бакуниных, так же как и он, полюбил одну из сестер. Но в то время, как Станкевич-Колосов, увидавши ложность своих чувств, сумел решительно и быстро окончательным разрывом исправить положение, Тургенев—или то же самое, что рассказчик произведения, «разыграл плохую, крикливую и растянутую комедию». И он казнит, он упрекает себя; обвиняя почти так, как обвиняла Татьяна Александровна, в желании щегольнуть великодушием, в стремлении самолюбиво поиграть с другим преданным сердцем, в неумении противиться мелкому самолюбию—мелким хорошим чувствам: сожалению и раскаянию. «О господи!»,—так автобиографически ясно заканчивается рассказ, как бы выявляя результат глубокого личного опыта: «человек, который расстается с женщиной» некогда любимой, в тот горький и великий миг, когда он невольно сознает, что его сердце не все, не вполне проникнуто ею, этот человек, поверьте мне, лучше и глубже понимает святость любви, чем те малодушные люди, которые от скуки, от слабости продолжают играть на полупорванных струнах своих вялых и чувствительных сердец» [1]). Совершенно с иной стороны выявляется затем перед нами роман Тургенева с Бакуниной в том преломлении, которое придал ему И. С. в поэме «Андрей».

Внешняя фабула произведения, заполненная чисто бытовым содержанием, не должна занимать нашего внимания. Оно обращено в сторону только одного эпизода: того письма, в котором героиня произведения Дуняша, раскрывая всю мучительность своих переживаний любившему и покинувшему ее Андрею, прощается с ним навсегда.

Не только одни литературные источники («Письмо Татьяны») осознается нами при чтении этих строчек; в их горестной тревоге, в их мучительной тоске чувствуется живое жизненное содержание. И это содержание могло быть почерпнуто Тургеневым в том богатом материале, который давала поэту переписка с Татьяной Александровной. А более детальный, более глубокий анализ явственно обнаруживает, насколько общий экзальтированный тон «литературного» письма Дуняши, и ее характеристика любимого человека, и самый колорит глубоко самоотверженной любви гармонирует с подлинными переживаниями Т. А-вны, воспроизводя их подчас дословно. Так, героиня поэмы, как и сама Бакунина, искренно верит в своего избранника. «Да ты благороден, Андрей, ты силен и свободен», пишет первая из них. А вторая: «Вы хотели быть сильным и святым, Тургенев. Vous si bon, si généreux». Самое тяжелое для обеих — это возможность разочарования в любимом человеке. «Мне не нужно ни любви Вашей, ни даже дружбы, я готова расстаться с Вами тотчас навсегда, только одно

[1]) Тургенев, И. С. Собрание сочинений, изд. Глазунова. 1911, т. V, стр. 36.

хочу я унесть с собою — это мою прежнюю веру в Вас, Тургенев. Не разрушайте ее, умоляю Вас, оставьте мне только ее одну, больше я ничего не прошу у Вас». (Письмо № 88). С особенной болью признается и Дуняша, что она начинает сомневаться «в своей любви, в своей святыне».

Даже мелкие черты перипетий любовного романа напрашиваются на невольное сопоставление. Дуняша упрекает Андрея за его поспешный отъезд: те же самые упреки слышатся и в одном из писем Т. А-вны. «Зачем Вы так спешили уехать, Тургенев? Разве боялись потерять одну лишнюю минуту?» (Письмо № 85). Обращаясь к Андрею, Дуняша пишет ему без всякой определенной цели. «Не вздумайте в моем письме постыдное желание найти... Но, боже мой! о чем могла я к вам писать?.. Мне больно, я плачу, жалуюсь невольно».

Тоже настроение было хорошо известно и Татьяне Александровне. «Слезы против воли бегут из глаз. О, не думайте, чтобы я хотела вашей любви, чтобы я чего-нибудь хотела. Безо всякого желания, без мысли о том, что невозможно для вас и для меня, я отдаюсь моей грусти».

Обе одинаково отчетливо сознают свою отдаленность от любимого ими. «J'avais oublié un instant que nous étions complétement étrangers l'un à l'autre, que dans le passé comme dans le présent il n'y avait rien, absolument rien que m'autorise à vous parler comme je l'ai fais dernierement». А в поэме... «Мы так далеки... С того мучительного дня. Вы помните — прошло так много, так много времени, что нас... Что мы... что я не знаю вас». Как та, так и другая, как героиня поэмы, так и героиня жизненного романа воспринимают свою любовь, как всецело поглотившее их чувство, заставляющее забыть все постороннее. «Когда я вас узнала — вас — я позабылась малодушно, дала вам право над собой, и без борьбы перед судьбой склонила голову послушно!» «Мне назначен, пишет Бакунина, один труд, а не отдых... я знала это и всегда чувствовала, что грешны мои другие требования, бесплодны все желания мои, и малодушно предавалась им». (№ 81). Любовь и той и другой — глубокое страдание, но озаряемое проникновенною верою в близкого человека; оно не вызывает ни отчаяния, ни злобы. «От тебя я приняла тогда страданье как дар, безропотно любя...», признается Дуняша. «Я не могла тебе не верить. Тебе не верить, боже мой, когда я вся жила тобой». — «Вам стоит только слово сказать, и я поверю вам», совершенно созвучно настроение Бакуниной: «Я готова ненавидеть Вас за ту власть, которой я как будто невольно покорилась. Но один глубокий внутренний взгляд на Вас смиряет меня. Я не могу не верить в Вас, как не могу не верить в бога». (Письмо № 89). Отсюда разделяемое той и другой чувство бесконечной благодарности к любимому человеку. «Я хотела бы показать Вам, какою благодарностью полна вся душа моя, «j'ai dans l'âme une profonde reconnaissance de toute la joie, de toute la douleur», пишет Татьяна А-вна (№ 82). «И в каждый светлый, тихий час благодарю вас бесконечно», вторит ей и Дуняша.

Однозвучна и основная сущность любви героини поэмы и Татьяны

Ал. Бакуниной, любви, заполненной необычайным самоотвержением. Пожалуй, только искренняя преданность Тургеневу дала Т. А. возможность сказать те слова, которые были почти дословно повторены затем в «Андрее». «Rappelez-vous, Tourgueneff, qu'il existe un être au monde qui n'attend que votre appele, qu'un signe de votre part pour venir et abandonner à votre disposition tout ce qu'il y a de force d'amour, de devouement en lui. Si vous sentiez un jour, un instant seul et triste oh! pensez à moi alors rappelez vous qu'il est un coeur qui vous est tout devoué». (Письмо № 82). «Но если в тишине та дружба старая случайно еще живет... и если тайно хоть изредка... вам обо мне, о стороне родной, далекой приходят мысли... Знайте: там есть сердце, полное глубокой печалью, преданное вам». А заключительные строки письма Дуняши: «От полноты души моей на жизнь обильную, святую... И даже на любовь иную, благословляю вас, Андрей!» находят себе полную параллель в одном из писем Бакуниной. «Когда-нибудь, я верю, вы будете так счастливы, как я хочу. Тогда, Тургенев, вспомните, что я бы радовалась за вас, радовалась как мать радуется за сына». «Soyez heureux, soyez béni», прибавляет она в другом письме.

Итак, и облик Татьяны Александровны в наиболее характерных особенностях ее переживаний, и отдельные моменты романа, и переживания самого Тургенева были отображены им в некоторых произведениях, близких по написанию к происшедшим событиям.

Но годы шли... Налет интимности, который чувствовался в первоначальных отражениях романа с Бакуниной постепенно стирался, и образ Татьяны Александровны претерпел несомненную трансформацию. Так, нельзя не указать на небольшой, вставочный этюд в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник», где, как бы намеренно сгустив тона, Тургенев вновь представил Бакунину, но уже в виде старой девы-философки и сентименталистки, которая, вероятно, уходила бы Татьяну Борисовну своими разговорами и своим желанием довоспитать такую богатую природу, если бы не произошло два события. Во-первых, недели через две она вполне разочаровалась на счет приятельницы своего брата. Главная же причина заключалась в том, что «она влюбилась в молодого приезжего студента, с которым тотчас же вступила в деятельную и жаркую переписку; в посланиях своих она, как водится, благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила всю себя в жертву, требовала одного имени сестры, вдавалась в описания природы, упоминала о Гёте, Шиллере, Беттине и немецкой философии, — и довела, наконец, бедного юношу до мрачного отчаяния. Но молодость взяла свое: в одно прекрасное утро проснулся он с такой остервенелой ненавистью к своей «сестре и лучшему другу», что едва, сгоряча, не прибил своего камердинера и долгое время чуть не кусался при малейшем намеке на возвышенную и бескорыстную любовь». Фактические отступления здесь несомненны: ни Тургенев уже не студент, ни Бакунина — такая старая девица, которая выведена в рассказе, но истинная причина внутреннего разрыва предста-

влена здесь быть может как нигде во всей своей голой и неприкрашенной правде. В заключение нельзя не остановиться еще на одном произведении— рассказе «Переписка», законченном в 1855 г., но начатом на целых восемь лет раньше. Автобиографическое значение «Переписки» не подлежит сомнению, в нем отзвуки романа с О. А. Тургеневой и увлечение M-me Viardot и следы былых переживаний. Возможно, что и воспоминания о Т. А. Бакуниной. Как будто бы Тургенев после долгого перерыва вновь представил себе ее образ, как будто бы они снова встретились, как встретились сначала потерявшие друг друга, а потом завязавшие переписку действующие лица рассказа. Героиня его — Мария Александровна — опять философка. Ее возраст—26 лет—буквально совпадает с возрастом Татьяны Александровны Бакуниной. Но образ героини выведен на этот раз уже не в комическом, а в глубоко искреннем, трагическом освещении. Вся горечь упреков падает теперь на долю Алексея Петровича, чрезвычайно близкого по настроению к автору и выражающего, быть может, всю его психологию. Анализируя себя, он не скрывает своего основного недостатка, который разрушил всю его жизнь: ту наклонность к безжалостному опутыванию всех чувств своих частой сетью рефлексии и размышлений, что заставляет его, образно формулируя свою мысль, сказать: «я был собственным своим пауком».

Наклонность к непрерывному самонаблюдению, в связи с мелочным дрянным самолюбием — они лишили его юности: в самой молодости он никогда не был молод. Его дальнейшее искреннее признание звучит, как вполне совпадающий мотив с одним из ранних признаний в письме к Бакуниной. «Мы глупы как дети, но мы не искренни как они, мы холодны как старики, но старческого благоразумия нет в нас». Все те же обличительные речи вкладывает он и в уста Марии Александровны. Они звучат как жестокое самобичевание. Кажется, как будто бы Тургенев вновь представляет себе Т. А. Бакунину, вновь судящую избранника своего сердца. Ей совершенно ясно теперь, что пора героических времен миновала, что героев в наше время нет, а мужчины такие храбрые, справедливые на словах, большей частью малодушны, неискренни в жизни. Но Тургенев не снимает теперь и доли ее вины, и задавая себе все тот же тревожный вопрос: почему же не задалась их любовь, почему не дала она им возможности достигнуть желанного берега, он ясно представляет себе ответ. Причиной всему являлась ложь, ходившая рука об руку с ними. Она отравляла их лучшие чувства, все в них было искусственно и натянуто. Они вовсе не любили друг друга, а только силились любить, воображали, что любят.

Пожалуй, это был последний приговор, который он произнес над своим прежним романом. А жестокая жизнь не щадила Тургенева. И не радость, покой и счастье, несмотря на мольбы Т. А-вны, принесла ему судьба. Она подарила и его, как Бакунину, странной, жестокой, быть может, такой же непризнанной любовью, где было больше пытки и страданий, чем самой любви.

Вот что поведали нам пожелтевшие от времени листки писем Татьяны Александровны Бакуниной. Края их истлели, строки стерлись, но во всей силе сохранился благоуханный аромат когда-то пережитых чувств. Прошло много лет. И — вспоминается Тургеневское стихотворение в прозе—«все они умерли, умерли». Но «как хороши, как свежи были розы».

Л. В. Крестова.

СМЕНА СТИЛЕЙ В ТЕАТРЕ ТУРГЕНЕВА.

Il me semble que les qualités éminentes du talent de M. Tourguénef devraient lui assurer de grands succès au théâtre.
Prosper Mérimée.

I.

В новой драме, как и в старинном театре, имеются свои традиционные сюжеты. Репертуар последних десятилетий, подобно комедии масок, знает повторяющиеся ситуации с аналогичными персонажами, нечто в роде фиаб или театральных схем, на которые даются беспрестанно новые вариации. Только разрабатываются эти канонические сюжеты не актером, а драматургом, не в процессе сценической импровизации, а в плане обычной литературной разработки. Это, конечно, не меняет характера устойчивых и преемственных образцов за некоторыми положениями новейшего театра.

Такова, например, сценическая комбинация: любовное соперничество тридцатилетней женщины и юной девушки, родственно связанных между собой. Эта тема беспощадной борьбы вполне созревшей женской натуры, охваченной опасной любовью осеннего возраста, с молодой девушкой, впервые стихийно и цельно полюбившей.

В русском театре эта сценическая схема, впервые установленная Тургеневым в его драматургическом шедевре —«Месяце в деревне», получила дальнейшую лирически смягченную разработку в Чеховском «Дяде Ване» (любовь Елены Андреевны и Сони к Астрову) и затем драматически обостренную трактовку в «Осенних скрипках» Сургучева. В нашей новой драме этому сюжету явно посчастливилось.

Но сфера его распространения выходит за пределы русского театра. В данном случае мы имеем дело с западной фабулой, перенесенной на русскую сцену самым европейским из наших драматургов — Тургеневым. В ряду различных сценических сюжетов, пленявших его в иностранном репертуаре, от романтической драмы до опереточного либретто, имелась также и оригинальная «фиаба» о любовном поединке мачехи и падчерицы. Драма, разработавшая эту тему, сумела обновить европейский репертуар середины столетия, выдвинув новый тип сценического представления. К ней, конечно, необходимо обратиться при изучении тургеневского театра.

Но это далеко не единственный случай рецепции Тургеневым сценариев и типов предшествующей комедии. Его театр, насчитывающий какой-нибудь десяток произведений, в ряду которых имеются такие разновидности как «Неосторожность», «Нахлебник» и «Вечер в Сорренте», сумел отразить почти все господствующие театральные виды его эпохи. Молодой автор пробует свои силы в совершенно несхожих драматических родах, прилежно экспериментируя в каждой возникающей и модной форме. Для этих упражнений он широко пользуется готовыми схемами, фабулами и персонажами старинной и современной комедии.

Тургенев был вообще необыкновенно восприимчив к новейшим литературным течениям. Это свойство его творческой организации, забытое позднейшей критикой, определенно ощущалось современниками. Не в осуждение автору, а с большим сочувствием к нему, Аполлон Григорьев отмечает, что «этот симпатичнейший талант нашей эпохи искренно отдавался всем пантиям, искренно и мучительно переживал все влияния, искренно и женственно увлекался всеми литературными модами». Это нужно постоянно иметь в виду при оценке Тургенева-драматурга.

От философской трагедии байроновского типа он пришел, через водевиль и комедию-проверб, к особому виду психологической драмы, близко граничащей с комедией нравов. Этим в сущности Тургенев завершил свою драматическую деятельность, вспыхнувшую еще только раз игривым, но беглым огоньком в поздних опытах его комических опер. Отметим, что в этой области Тургенев оказался за полстолетие предшественником целого театрального течения, которое так решительно сказалось в наши дни в попытках художественной реставрации опереточного жанра. Во всяком случае историческая линия развития тургеневского театра идет от Байрона и Альфреда де-Мюссэ к Оффенбаху и Лекоку.

В художественном центре этой многообразной эволюции и находится тот особый вид психологической драмы, который полнее всего выразился в «Нахлебнике» и в «Месяце в деревне».

Но рассмотрение этого последнего этапа драматургической деятельности Тургенева едва ли будет понятным без обращения к предшествующим формам его сценического творчества. Смена масок на тургеневской сцене полней всего обнаруживает некоторые органические и устойчивые свойства его драматургической манеры: это — прежде всего европеизм тургеневского театра в области художественных форм и затем экспериментирование драматурга в различных жанрах, как прием разработки сценического материала.

Этими чертами объединяется весь пестрый состав пьес, идущих от «Стено» к «Последнему Колдуну». Вот почему изучение каждого отдельного фрагмента этого небольшого репертуара неизбежно обращает нас к общему вопросу о смене стилей в театре Тургенева.

II.

Он начал с романтической драмы или философской трагедии. Не будем задерживаться на этом эпизоде его ранних опытов. Приверженность к определенному жанру здесь слишком очевидна. Сам автор определял «Стено», как рабское подражание Байроновскому «Манфреду», и в эволюции тургеневского театра это произведение может интересовать нас лишь как первый опыт диалогического развития сюжета. Это еще не театр в собственном смысле слова.

Но за то совершенно несомненна подлинная театральность «Неосторожности». В тургеневском репертуаре эти сцены как бы стоят совершенно особняком, несвязанные с персонажами и местом действия всего его остального репертуара. При изучении его комедий эта одинокая пьеска из испанских нравов невольно начинает интриговать, как некий ребус. Откуда проник на тургеневский театр этот дон Бальтазар д'Эстуриз? Какой смысл имеет это появление, кому понадобились эти серенады под балконом и кровавая драма ревности и мести, столь сгущенная в своем драматизме, что подчас она производит впечатление тонкого самопародирования, еле ощутимой и потому особенно действенной сатиры? Что это — шутка, фантастическая прихоть, реконструкция старинного испанского театра или же просто неудавшийся опыт трагедии?

Единственный ответ, какой нам предлагали до сих пор исследователи, это беглая и вполне бездоказательная ссылка на пьесы Мюссэ, на «театр плаща и шпаги». Но нетрудно заметить, что «Неосторожность» выдержано совершенно в иных тонах, чем La nuit Venitienne» или «André del Sarto», где нет и намека на эту нарочитую сгущенность красок, почти переходящую в карикатуру. При этом в театре Мюссэ нет ни одной пьесы, происходящей в Испании (место их действия главным образом Италия, затем Бавария и Венгрия) или претендующей на стиль испанской драмы. Совершенно свободный от местного колорита, полуфантастический театр Мюссэ весь построен на легком, остроумном и блестящем диалоге. Сходство той или иной детали в «Неосторожности» с «Венецианской ночью» (напр., объяснение под балконом), при сопоставлении пьес в их целом должно быть признано несущественным и совершенно случайным. Французский поэт имел некоторое воздействие на Тургенева лишь гораздо позже, в конце 40-х годов, когда его «Комедии и провербы» стали совершенно неожиданным театральным событием.

«Неосторожность» Тургенева — типичный сколок с испанского театра. В то время пользовался большой известностью своеобразный и весьма удачный опыт стилизации старинной драмы Сервантеса, Кальдерона и Лопе де-Вега. Книга Проспера Меримэ «Театр Клары Газюль», появившаяся в 1825 г. и отмеченная Пушкиным, пыталась дать образцы классического испанского театра в гипертрофической переработке его резких особенностей. Отсюда намеренно преувеличенные формы трагизма, доходящего до гротеск-

ных эффектов театра ужасов. Потрясающие события, резкие, слепые и беспощадные страсти, дикие преступления, предательства, месть, нравственные пытки, убийства, кинжалы и яды,—все это—в сжатой и своеобразно лаконической форме небольших пьесок производило впечатление нового и сильного искусства. Как в своем сборнике славянских песен, Меримэ прибегнул здесь к своему излюбленному приему шутливой мистификации, основанной на сложной и обширной эрудиции (хотя сам он, как известно, отрицал последнее). Он выдал пять своих пьесок за фрагменты драматического творчества испанской актрисы Клары Газюль, никогда в действительности не существовавшей. Но писал он эти сцены, тщательно изучив мастеров старинной испанской драмы и замечательно искусно стилизуя их характерные приемы.

«Неосторожность» Тургенева точно воспроизводит все основные признаки «Театра Клары Газюль». Это такая же коротенькая пьеска с быстрой сменой картин и обилием монологов, как и все комедии Меримэ: мрачная и безмолвная любовь Дона Пабло, его дьявольская ревность, чудовищное испытание Долорес, и наконец убийство ее в собственной спальни доньи, почти на глазах у мужа, —вот основной стержень тургеневской комедии, вполне отвечающей несколько иным, но чрезвычайно родственным сюжетным комбинациям Клары Газюль. В одной из ее пьесок влюбленный инквизитор подвергает допросу и психологической пытке свою пленницу; кинжал и здесь фигурирует в развязке, хотя в отличие от «Неосторожности» жертвой убийства оказывается несчастный соперник.

Главные тургеневские персонажи чрезвычайно характерны для театра Меримэ: почти всюду у него сопоставлены легкомысленные, беспечные и пленительные женщины с мрачно страстными и жестокосердными мужчинами. Слуги-предатели сильно способствуют развитию интриги.

Загадочный двухстрочный эпилог «Неосторожности» становится понятным только на фоне этих «испанских драм». Убийца невинной женщины, ставший графом Торенно и важным государственным сановником, возможен только в эпилоге театра, построенного на мрачной идее о том, что «кровь имеет очищающую силу» (восклицание Дона Пабло в момент убийства).

Родственность технических приемов здесь очевидна. Пьески Меримэ коротки, действие растет чрезвычайно стремительно, постепенность в его развитии совершенно отсутствует. Сам Меримэ указывает на это, как на характерные особенности старинных испанских драматургов. Тургенев прекрасно усваивает эту необычную в его последующем театре быстроту интриги: дон Рафаэль не успел еще взглянуть на донью Долорес, как уже клянется ей в любви, перелезает в ее сад, проникает в ее спальню и даже не успевает достаточно помучиться страхом, как уже мрачный Пабло отпускает его на все четыре стороны. Донья Долорес еле успела помечтать о кавалере, как уже видит его под своим балконом и не успевает расстаться с ним, как уже искупает жизнью свою неосторожную мечту. Этот молниеносный темп развития интриги обычно совершенно несвойствен Тургеневу.

Автор «неосторожности» воспроизводит и типичный прием драматических стилизаций Меримэ,—развитие монологов на всем протяжении комедии и нередко ее монологическое начало. Так комедия «Случайность» начинается с длинного монолога доньи Марии, одиноко мечтающей в саду, «Испанцы в Дании» открываются таким же монологом регента, «Инеса Мендо» изобилует пространными речами дона Эстебана и проч.

Необходимо отметить, что почти все имена тургеневской комедии взяты из «Театра Клары Газюль». Бальтазар имеется в пьеске «La carosse du saint Sacrement», Дон Пабло в «Le ciel et l'Enfer», Рафаэль в «Une femme et un diable», даже фамилия Де Луна встречается в пьесе «Les espagnols en Danemark». Имя служанки Маргариты соответствует Мариките, попадающемся в двух пьесах quasi-испанского театра («Une femme et un diable», «L'occasion»). Отметим, что заглавие тургеневской комедии «Неосторожность» сильно напоминает заглавный тип одной из пьес Клары Газюль «Случайность».

Может возникнуть вопрос, почему эта кровавая драма Тургенева обозначена термином комедия? Откуда этот поразительно несоответственный подзаголовок? Ответ мы находим у Меримэ: он отмечает в одном из примечаний, что «Клара Газюль широко пользуется термином комедия, употреблявшимся старинными испанскими поэтами для обозначения всякого драматического произведения, безразлично веселого или серьезного».

Нам остается отметить, что «Théâtre de Clara Gazul, comédienne espagnole» вышел вторым изданием и заметно возобновил к себе интерес в 1842 году. «Неосторожность» написана в 1843 г.

Позднейшая дружба Тургенева с Проспером Меримэ, факт общеизвестный. Может быть, не лишнее отметить, что в своей высокой оценке тургеневского дарования Меримэ с особенным вниманием остановился на его драматических произведениях. «Мне представляется, — писал он в 1868 году, когда театр знаменитого романиста был почти забыт, — что выдающиеся качества таланта г. Тургенева должны бы обеспечить ему крупные успехи на сцене»... Не сказалось ли здесь то благожелательное внимание Меримэ к близким ему иностранным писателям, которое выразилось ранее в его культе Пушкина?

Через несколько лет Тургенев обратится непосредственно к старинному испанскому театру и с восхищением погрузится в неисчерпаемый источник высокого трагизма — в драму Кальдерона. Прочитанные им в оригинале «La vida es Sueno», «Devotion de la Cruz», «El Magico prodigiozo», производят на него впечатление «испанского Фауста» и «испанского Гамлета». Он с глубоким волнением говорит о мощных концепциях величайшего из католических драматургов, и Кальдероновская драма торжествующей веры представляется ему, скептику и атеисту, таким же грандиозным явлением, как создания «величайшего антихристианского трагика» Шекспира.

Но в начале 40-х годов это творчество было ему чуждо. Перед ним стояло иное задание. Искусные и затейливые подделки Меримэ соблазняют

его проделать опыт такого же условного, намеренно подчеркнутого и стилизованного «эспаньолизма» в драме, где бы сила страстей, роковой ход событий и столкновения решительных характеров могли бы сплестись в одно ошеломляющее и интригующее целое.

Тургенев написал «Неосторожность».

III.

Следующий драматический опыт Тургенева «Безденежье» (1845) — эксперимент в совершенно ином жанре. Это опыт в области в о д е в и л я, к которому относится также и несравненно более удачный «Завтрак у предводителя» (1849).

Этот сценический вид, модный у нас, как известно, в николаевскую эпоху, принимает в тургеневской разработке особый вид театрального представления, который можно было бы определить как к о м е д и ю - в о д е в и л ь. Сущность его — в некотором ослаблении фарсовых элементов первоначального водевиля, в упразднении куплетов, в повышении нравоописательной живописи. Все остальные черты жанра — веселость, быстрота действия, сатиричность сюжета, гротескность персонажей — здесь сохранены. Сквозь более сдержанные и вполне артистические формы, в «Завтраке у предводителя», также как в «Безденежье» и даже отчасти в «Провинциалке», отчетливо просвечивают основные признаки старинного водевиля. Его анекдотическая основа, общая веселость разработки и резко сатирические черты, унаследованные от ярмарочного балагана, приближают маленькую пьеску к границам буффонады. Не трудно заметить здесь и некоторые рудименты куплетности (мотивы, распеваемые Жазиковым, романс графа Любина и проч.).

Этот жанр в силу его глубокой театральности был признан строгими литературными судьями. По мнению Шлегеля, «водевили напоминают стаю букашек, радостно жужжащих летним вечером; подчас они жалят, но порхают всегда веселой стаей, пока солнце случая светит для них». Гораздо решительнее высказался в пользу водевиля Теофиль Готье. Как раз в 1844 году, когда Тургенев уже обдумывает, быть может, «Безденежье» (1845), французский поэт дает решительную апологию водевиля.

Отмечая заметное оскудение комедийного жанра, Готье заключает: «Но если где-нибудь еще теплится пламя подлинной комедии, то, конечно, не в больших театрах, но на двадцати маленьких сценах, где она распадается на коротенькие акты, скроенные самыми разнообразными руками. Эта комедия, которая зовется водевилем, комедия многообразная, живая, полная смелых выдумок, рискующая на все, ловкая и остроумная, сеющая пригоршнями аттическую соль и изображающая нравы с небрежной и меткой верностью. Ее единственные недостатки — дикий язык и невыносимая музыка. И, хотя мы выше всего ценим совершенство стиля, мы должны признать, что в этом неиссякающем творчестве есть некоторая мощь и ориги-

нальность. Это вполне французский жанр: у греков—трагедия, у римлян—комедия, у англичан и немцев—драма; водевиль принадлежит всецело нам. И поистине можно пожалеть, что классические правила мешают многим известным писателям овладеть этой формой, столь гибкой, столь легко повинующейся прихотям замысла, готовой на все, даже на поэзию...»

Аналогичные характеристики водевиля мы находим в конце 40-х годов у такого строгого ценителя художественного, как Аполлон Григорьев: «Признаюсь вам,—пишет он в 1849 г.,—у меня маленькая слабость к водевилям г. Ленского—в них много ума, много жизни, много знания сцены, хотя грех попрекнуть их в излишней pruderie». (Отеч. Зап. 1849, т. 67, отд. VIII, стр. 169. Заметки о Моск. театре, письмо 4-е). В другой корреспонденции он отмечает, что в водевиле «Сиротка Сусанна», «есть зародыши жизни, драмы; лица его, хотя очерченные слегка, внушают интерес» (там же, т. 66, отд. VIII, стр. 135).

Итак водевиль, вопреки нашим представлениям о нем, отнюдь не считался в эпоху своего расцвета каким-то низким жанром, стоящим как бы вне искусства. Неудивительно, что Тургенев, неизменно озабоченный чисто художественными заданиями, обращается к этому соблазнительному и модному роду, стремясь довести его до степени комедийного стиля.

Водевильный тип «Безденежья» отмечался критикой. Профессор Варнеке говорит по поводу этой пьесы, что «прежде всего здесь бросается в глаза явное ее родство с излюбленным в николаевскую пору водевилем: цепь последовательно приходящих кредиторов—самый распространенный прием тогдашних водевилистов... Но в то же самое время — продолжает исследователь — для автора этого водевиля постановка «Ревизора» не прошла бесследно. И сам Жазиков, и его слуга Матвей — прямая родня Гоголевского Осипа и его барина...» [1]) Во всяком случае до сих пор не отмечалось, что театр Тургенева через посредство водевиля николаевской эпохи протягивает руку русской комедии XVIII в. и продолжает ее традицию. «Безденежье» развивает типы и положения комедии Владимира Лукина «Мот любовью исправленный» 1765 г. Не только центральный образ промотавшегося дворянина, осаждаемого кредиторами, но и фигура преданного старого слуги, который сражается с разношерстными заимодавцами, отбивает от них своего хозяина и мечтает о прежнем времени и прежних господах, намечает весь образ тургеневского Матвея. Это относится и к веренице кредиторов, в пьесе Лукина — нескольким купцам, женщинам и даже «извозчику, с которым мы целый год, не платя ни полушки, ездили». В развязке у Лукина фигурирует традиционное неожиданное наследство от дядюшки, которому соответствует у Тургенева появление щедрого Блинова. За выделением любовной интриги, основная ситуация и главные персонажи старинной комедии воскрешены тургеневским водевилем.

---

[1]) Б. В. Варнеке. Тургенев-драматург. «Венок Тургеневу», Од., 1919 г., стр. 5.

Мы оставляем пока открытым вопрос, непосредственно ли перешли они из пьесы Лукина в театр Тургенева или же дошли до него в преломлении современного водевиля, унаследовавшего не мало типов и положений старинного театра.

Особый интерес представляет брызжущий весельем «Завтрак у предводителя». О степени его живости, сценичности и «водевильности» следует судить по первой редакции комедии [1]). Как известно, свой «Завтрак у предводителя» Тургенев определял в конце 60-х годов, как «сцены, не имеющие значения драматического». Между тем новооткрытая первоначальная редакция обнаруживает глубокую сценическую действенность этой комедии. Тургенев писал свою пьеску не для чтения, а для постановки. Отсюда более подробное описание сцены, обширная характеристика действующих лиц, детально разработанная мимика и жестикуляция персонажей, указание интонаций, обилие комических реплик и ситуаций, наконец, общая тщательная и тонкая разработка отдельных сценических моментов. Характерно обилие ремарок, относящихся к пластическим или звуковым моментам исполнения и, конечно, потерявших весь свой смысл, как только комедия превратилась в «пьесу для чтения». Вся богатая расцвеченность текста со стороны интонирования ролей совершенно исчезает из окончательной редакции.

Также характерна забота автора о постройке отдельных групповых сцен, где учитывается каждая деталь в расположении исполнителей (распределение группы над столиком с развернутым планом, момент появления Пехтерьева, немая сцена и проч.).

Вся эта подробная картинная и динамическая разработка пьесы исчезает из окончательной редакции. Тургенев тщательно вытравляет из нее и всевозможные комические реплики, сильно оживляющие ход пьесы, но не представляющие особенного интереса в чтении. Таков, напр., рассказ Мирвошкина о его жене и сцена передразнивания индюшек (вплоть до звукоподражательных эффектов). Все это, конечно, оказалось ненужным при литературной обработке текста.

Насколько сами персонажи разработаны сильнее, юмористичнее и сценичнее в раннем тексте можно судить по роли Беспандина. Первоначально он был выдержан в резко-комическом, несколько гротескном стиле. Он говорит скоро, отрывочно, быстро движется, наливает себе разом в рюмку сладкой и горькой водки из двух графинов, «заедая рюмку, кладет куски в рот обеими руками», плюет себе на ладонь, свистит и проч. Все эти комические эффекты и забавные jeux de scène исключены из общеизвестного текста комедии.

Такова была сложная работа Тургенева над своими пьесами. Не веря в свои драматургические способности, он сознательно искажал в позднюю

---

[1]) «Завтрак у предводителя». Запрещенный цензурою текст, сохранившийся в корректурных листах и найденный в 1917 г. в Главн. Управлении по делам печати. См. «Литературный музеум» под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Петербург.

эпоху свой театр. Стремясь придать своим пьесам характер драматизированных повестей или диалогических рассказов, он исказил их глубокую сценическую сущность, вытравил из них ряд чисто «зрелищных» и действенных эффектов и в процессе этих исправлений, сокращений и переделок значительно угасил их театральную сущность. Общеизвестный текст «Завтрака у предводителя», напр., лишь отдаленно свидетельствует о глубокой театральности его первоначальной редакции. В момент написания комедии молодой Тургенев ни на мгновение не переставал следить за движением своих персонажей, не переставал наблюдать их во всех сценических соотношениях и тщательно фиксировать в своих ремарках все общие «ансамблевые» перемены в их группировках и каждый характерный жест или мимический момент отдельных героев.

Проделанная впоследствии Тургеневым сложная работа придания «литературности» своим недостаточно признанным драматическим опытам, к сожалению, удалась их автору и то, что было выиграно по части их беллетристичности, должно было искупиться понижением их первоначальной органической театральности.

Первая редакция «Завтрака у предводителя» обнаруживает близость этой комедии к типу особых локальных буффонад с бытовыми провинциализмами и характерными захолустными типами. Первоначально она так и была обозначена «сцена из уездной жизни». Как известно, тема пьески — неудавшийся полюбовный раздел — уже мелькнула в «Записках Охотника» (в «Однодворце Овсянникове»). Но, облекая этот эпизод в сценические формы, Тургенев мог иметь перед собой и драматические образцы. Выскажем в виде простого предположения, так как проверить его мы не имеем возможности, что сценической моделью для «Завтрака» могла послужить одна из пьесок немецкого драматурга Карла Мальца. По словам самого Тургенева в «Вешних водах», «Мальц был франкфуртский литератор 30-х годов, который в своих коротеньких и легко набросанных комедийках, писанных на местном наречии, выводил с забавным и бойким, хотя и не глубоким юмором местные, франкфуртские типы». — Джемма, читавшая совсем по-актерски «когда нужно было представить либо выжившую из ума старуху, либо глупого бургомистра — корчила самые уморительные гримасы»... Из дальнейшего описания видно, что от любовных сцен «сам автор воздерживался по мере возможности».

Если вникнуть в это описание, в нем нетрудно различить довольно точную характеристику «Завтрака у предводителя». К тургеневской пьеске несомненно подойдет и сделанное определение драматической формы «коротенькая и легко набросанная комедийка», и характер трактовки: «забавный, бойкий, хотя и не глубокий юмор», и общая тема — «местные типы», и, наконец, повидимому, характеристика центральных персонажей — «выжившая из ума старуха» и «глупый бургомистр», вполне соответствующие фигурам Кауровой и Балагалаева. Стилистический признак мальцовских комедий — местное наречие — широко применен Тургеневым в другом дра-

матическом опыте, «Разговоре на большой дороге», который, как известно, сопровождается даже специальным словариком орловских выражений.

IV.

От комедии-водевиля вполне естественный переход к комедии-провербу. Если несколько понизить комизм положений, повысить общую артистичность обработки, ввести лиризм и отбросить обычную комическую шаржировку, водевильный жанр может почти совпасть с «драматической пословицей». Неудивительно, что вслед за «Безденежьем» Тургенев пишет «Где тонко, там и рвется». Сценический проверб необыкновенно подходил к театральным возможностям молодого Тургенева. Этот тип легкой комедийки, блистательно возрожденный Альфредом де-Мюссэ, восходил во Франции к изящному и женственному стилю театра Мариво. Создатель ажурной и жеманной комедии XVIII века, породил к началу следующего столетия целую школу последователей, утвердивших на французской сцене этот своеобразный, скорее литературный, чем театральный, жанр. Известный тогдашний критик Жофруа, определял его как смесь «красивых разговоров и прелестных стихов, поток мадригалов и любезных пустяков, блестящую вышивку под которой нет ткани».

Мюссэ пришлось иметь дело с совершенно разработанным жанром: он принял его целиком и возвел на степень высокого сценического мастерства. Во всей сюите своих легких пьесок Мюссэ создавал особый литературный стиль, пользуясь для своих диалогов «поэтической прозой», необыкновенно музыкальной, отчетливой и прозрачной.

Но театр его был признан не сразу. Необычная судьба «Комедий и пословиц» любопытна для нас по ее связи с русской сценой. Пережив в 1830 году провал своей «Венецианской Ночи», поэт отказался от мысли ставить свои драматические опыты. С этого времени он их пишет исключительно для журналов, где они и появляются, не вызывая никакого шума. Но в 1837 г. в «Библиотеке для чтения» был помещен перевод драматической пословицы Мюссэ «Un Caprice», переименованный переводчиком Очкиным в поговорку «Женский ум лучше всяких дум».—«А. М. Каратыгиной,— рассказывает хроникер петербургских театров,— пришла в голову мысль поставить пьесу в свой бенефис, и успех вполне увенчал попытку. Бенефициантка сыграла очаровательно роль светской барыни, г-жи де Лери, которая кокетничает с графом Шавиньи (Сосницкий) и, болтая с ним у камина, заставляет наконец его пасть на колени и просить ее руки... Несколько лет спустя, по совету Александры Михайловны (Каратыгиной), г-н и г-жа Аллан сыграли «Un caprice» на Михайловском театре. Пьеса Мюссэ произвела фурор. Переселившись в Париж, г-жа Аллан дебютировала в ней на первом французском театре (Comedie française), и французская публика подтвердила приговор петербургской. После того все другие его произведения были поставлены на сцену. Знали ли парижане, что они обязаны русской артистке

открытием сценического таланта у Альфреда Мюссэ? В этом случае действительно оказалось, что «Женский ум лучше всяких дум» [1]). Имя русской артистки, открывшей Мюссэ-драматурга, парижане не знали, и до сих пор ни один исследователь французского театра не называет его. Но заслуга русского театра в этом открытии была сразу признана. В отчете о дебюте г-жи Аллан во Французской Комедии 27 ноября 1847 года цитированный уже выше Теофиль Готье между прочим писал: «Этот маленький акт — крупное литературное событие. Со времени Мариво французская комедия не видела ничего более тонкого, хрупкого и изящно-радостного, чем этот прелестный шедевр, погребенный в журнальных страницах и открытый теперь русскими в Петербурге, этих оснеженных Афинах, откуда он вернулся к нам».

Вслед за успехом «Каприза», Французская Комедия ставит одну за другой почти все забытые пьесы Мюссэ, и на один 1848 год падают четыре постановки его комедий.

В первый же момент этого шумного успеха Тургенев пишет свой проверб «Где тонко, там и рвется», отмеченный всеми типическими признаками жанра.

Необходимо, впрочем, отметить, что влияние Мюссэ на театр Тургенева, вопреки преданию, было в общем незначительно. «Неосторожность» и «Провинциалку» не следует включать в сферу этого воздействия. Из всего тургеневского репертуара лишь две комедии написаны несомненно в стиле пословиц Мюссэ. Это — «Где тонко, там и рвется» и «Вечер в Сорренте». (Комедия-проверб отнюдь не требовала обязательной пословицы в заглавии и определялась внутренними признаками.) Но и здесь влияние сказывается не столько в заимствовании темы, сюжета, драматической интриги, сколько в замечательном воспроизведении почти незнакомого у нас театрального жанра. Стиль проверба замечательно схвачен Тургеневым и передан им мастерски.

Это прекрасно понял искушенный в драматическом искусстве Некрасов: «Без преувеличений скажу вам, — писал он Тургеневу о его новой комедии, — что вещицы более грациозной и художественной в нынешней русской литературе вряд ли отыскать». Строгие судьи Анненков и Дружинин дали аналогичные отзывы.

И действительно, Тургеневу удалось блестяще выполнить все требования жанра: незатейливая, но увлекательная интрига, легкий, блестящий, то лирический, то острый, то шутливый диалог, нередко переходящий в

---

[1]) А. И. Вольф. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 г. Спб. 1877. Ч. I, 61—62, 108. Г-жа Аллан сыграла «Каприз» в Михайловском театре в сезон 1843/44 г.г. Русская сцена признала в лице Каратыгиной Мюссэ драматурга ровно за десять лет до его признания во Франции. Указание некоторых новейших французских исследований на «легенду» петербургских постановок «Каприза» не подтверждается фактами. Г-жа Аллан действительно «привезла театр Мюссэ в своей муфте из Петербурга в Париж». — За помощь, оказанную мне в установлении этого историко-театрального эпизода приношу мою искреннюю признательность Н. Е. Эфросоум.

турнир остроумия, благополучный и даже радостный исход комедии, не лишенный, впрочем, привкуса, некоторой горечи, заключение пьесы пословицей, стоящей в заглавии и звучащей под занавес словно рефрен всей пьесы, — все это замыкает маленький психологический эпизод в четкую и тонкую оправу классического проверба. Тип комедийки Мюссэ здесь передан виртуозно. Упражнение в новом жанре, глубоко созвучном вкусам и творческим возможностям Тургенева, удалось ему, конечно, не хуже предыдущих опытов в испанской стилизации и петербургском водевиле.

Но и здесь Тургенев обращает главное внимание на самый жанр, изучает в иностранном образце новую сценическую форму, пробует свободно воспроизвести известный театральный тип, несравненно менее интересуясь сюжетом, интригой, развитием действия. Так же как в «Неосторожности». фабула драматической пословицы Тургенева достаточно самостоятельна, отдельные образы лишь отдаленно напоминают здесь некоторые фигуры Мюссэ, соотношения их лишь в отдельных моментах интриги совпадают. «Где тонко, там и рвется» допускает сближение с «Les caprices de Marianne». Горскому здесь отчасти соответствует Октавий, который говорит о себе: «я только бессердечный ветренник; у меня нет уважения к женщине; любовь, которую я внушаю, подобна той, которую я сам испытываю — это мимолетное опьянение сновидением... Моя веселость подобна маске гистриона; мое одряхлевшее сердце в ней не участвует, мои пресыщенные чувства ее не хотят»... И далее: — «Я не люблю вас, Марианна, вас любил Цэлио»...

Любовь героини к этому увлекательному и холодному ритору напоминает отдельными чертами отношения Веры к Горскому. Положение гордой и властной Марианны между страстно влюбленным в нее Цэлио и увлекательным, но бесстрастным Октавием напоминает центральную ситуацию тургеневского проверба. Но все это—признаки весьма отдаленного сходства, на котором было бы неосторожно слишком настаивать. Единственное, что остается несомненным, это тот новый сценический стиль, которому Тургенев научился в театре Мюссэ. [1])

Новая формула сказалась с такой же отчетливостью и чистотой в другом тургеневском провербе, написанном гораздо позже — «Вечере в Сорренте». Эта сценка — маленький вариант к «Месяцу в деревне». Невольное соперничество тридцатилетней женщины и восемнадцатилетней девушки, ее племянницы и воспитанницы, из-за появившегося в их кругу нового молодого человека. Даже некоторые имена действующих лиц напоминают написанную за два года перед тем большую драму: Надежда Павловна здесь соответствует Наталье Петровне, Бельский — Беляеву. Но комедийный сюжет здесь разработан легко и эскизно без нажимов в драматических местах и выдержан весь в тонах салонной комедии, где капризный флирт

---

[1]) Отметим, что перевод «Где тонко там и рвется», был впоследствии напечатан в той же Revue de deux Mondes, где появились в свое время почти все Comedies et proverbes. Уже переводное заглавие тургеневской пьески замечательно передает весь стиль театра Мюссэ: «Trop menu le fil casse».

сменяется изящным любовным признанием, а воркотня грузного саратовского помещика чередуется с итальянской серенадой, гитарным звоном и бойким жаргоном французского живописца. По всему своему сценическому стилю эта пьеска напоминает светскую шараду, миниатюрную разработку вечной темы «le jeu de l'amour ou du hasard»; вместе с комедией о блестящем состязании Веры и Горского она являет типичный образец того русского «мариводажа», в котором Тургенев остался непревзойденным мастером.

Вся сценка определенно выражена в тонах комедийной пословицы, и заключительная реплика Надежды Павловны: «Погодите, Сергей Платоныч, не отвечайте за других», лишним штрихом подчеркивает здесь характер комедии-проверба (ср. у Мюссэ; «il ne faut jurer de rien»).

Но вне вопроса о жанре эта тургеневская «пословица» не связана с театром Мюссэ, если не учитывать еще, пожалуй, самого заглавия «Вечера в Сорренте», напоминающего «Une nuit Vénitienne».

Вопреки обычным указаниям, сам Тургенев не слишком увлекался театром Мюссэ и отдавал себе полный отчет в сущности этого изящного, но не сильного жанра. Он пишет, между прочим, г-же Виардо, восхищаясь «мощным Кальдероном»: «Нам же, слабым потомкам могучих предков, в лучшем случае удается лишь достигнуть грации в нашей слабости; я имею в виду «Каприз» Мюссэ, который продолжает здесь производить фурор».

Но вскоре Тургенев затоскует в этом «грациозно-слабом» жанре и снова попытается испробовать себя на сильно драматических композициях. Новый крупный успех на одной из парижских сцен сыграет заметную роль в обращении Тургенева к проблеме психологической драмы.

V.

25-го мая 1848 г. (нов. стиля) парижский Thèâtre Historique ставил новую пьесу Бальзака «Мачеха» («La Marâtre»).

Это был первый театральный успех знаменитого романиста. Все предыдущие попытки его утвердиться на сцене терпели полную неудачу. Когда директор Исторического Театра спросил Бальзака о его новой драме, романист отвечал ему:

— «Это будет нечто ужасное... Но поймите меня правильно. Речь идет не о какой-нибудь громоздкой мелодраме, в которой предатель поджигает дома и держит в страхе их обитателей. Нет, я мечтаю о салонной комедии, где все мирно, спокойно, приветливо. Мужчины невозмутимо играют в вист при свете свечей под мягким зеленым абажуром. Женщины смеются и беседуют над своими вышивками. Пьют патриархальный чай. Словом, все возвещает порядок и гармонию. И вот под всем этим бушуют страсти, драма зреет и движется, пока, наконец, не прорывается, как пламя пожара. Вот чего я хочу» [1]).

[1]) Hyppolite Hostein. «Historiettes et souvenirs».

Бальзак выступал здесь сценическим новатором или, во всяком случае, решительным обновителем забытого и оставленного жанра. «Мачеха» была обозначена самим автором в подзаголовке его пьесы как «интимная драма» и во многом действительно обращала к старинной «мещанской драме». Критик «Revue de deux Mondes» с сочувствием отмечал попытку Бальзака «восстановить трагедию домашнюю, семейную, интимную, идущую на смену героической комедии».—«В проявлениях этой мирной однообразной патриархальной жизни, в которой рассеянный зритель заметит только невинное времяпрепровождение и приветливые улыбки, есть нечто от тревожной тишины и скрытого беспокойства, которые предшествуют буре и располагают к волнению». Критик ставит в заслугу Бальзаку его умение доказать, что «вокруг какой-нибудь кушетки и ломберного стола человеческие страсти могут сплести такую же подлинную трагедию, как и в идеальном мире исторических героев.»

Другой театральный критик, рецензии которого неоднократно приводились нами, Теофиль Готье, писал по поводу новой пьесы: «Мачеха» Бальзака принадлежит к той школе истинной драмы, которую блистательно открыли в прошлом столетии Дидро, Мерсье и Бомарше. Это самая логическая концепция интимной и буржуазной трагедии... Невидимая драма растет и разыгрывается в этом мирном и дремлющем доме, в котором величайшими событиями кажутся перипетии традиционной партии виста».

Таким образом сам драматург и авторитетнейшие критики его отмечали в «Мачехе» новую театральную форму. Пьеса Бальзака как бы демонстративно ликвидировала романтический театр и выдвигала на смену ему борьбу страстей в ежедневной обстановке, намечая новые компоненты для назревающей психологической драмы.

В момент этой бальзаковской премьеры Тургенев находился в Париже и ревностно исполнял обязанности театрального корреспондента г-жи Виардо, гастролировавшей в Лондоне. Из его писем к ней 1847/48 гг. видно, что он посещает все спектакли, бывает на всех премьерах, живет театральными новостями. Едва ли этот прилежный посетитель всех новых постановок Скриба, комической Оперы и даже театра бульварных обозрений мог пройти мимо такого крупного события, как новинка Бальзака, в придачу прошедшая с шумным успехом. Позднейший отрицательный отзыв Тургенева о Бальзаке - романисте едва ли может опровергнуть это предположение. Мы считаем возможным утверждать, что, с обычной восприимчивостью к новым сценическим жанрам, молодой Тургенев пристально всмотрелся в тему и технику бальзаковской драмы и затем переработал ее в своем «Месяце в деревне».

VI.

Главные персонажи обеих пьес вполне соответствуют друг другу в общей сценической схеме; они выполняют совершенно аналогичные роли. В этом отношении можно было бы установить знак равенства между глав-

ными лицами «Мачехи» и «Месяца в деревне». Таблица соответствия выразилась бы в следующих параллелях:

Генерал Граншан	Аркадий Сергеевич Ислаев.
Гертруда, его вторая жена.	Наталья Петровна, жена его.
Наполеон, сын генерала, подросток.	Коля, сын их.
Полина, дочь генерала от первого брака.	Верочка, воспитанница.
Фердинанд Маркандаль, служащий на фабрике генерала.	Алексей Николаевич Беляев, студент, учитель Коли.
Вернон, домашний доктор.	Игнатий Ильич Шпигельский, доктор.
Годар.	Афанасий Иванович Большинцов, сосед.

Соотношение действующих лиц в обеих пьесах сводится в основном к следующей схеме: молодая женщина (Гертруда, Наталья Петровна) является соперницей юной девушки, своей падчерицы или приемной дочери (Полина, Верочка) в любви к молодому человеку, служащему у них (Фердинанд, Беляев); влюбленная женщина в целях удаления соперницы пытается выдать девушку замуж за явно неподходящего претендента (Годар, Большинцов). В этом плане, как и вообще в развитии соотношений между главными персонажами, принимает деятельное участие домашний врач, тонкий и насмешливый наблюдатель всего происходящего (Вернон, Шпигельский). Вот схема, неизменно определяющая развитие действия обеих пьес.

Попробуем сопоставить их наиболее характерные персонажи.

Т И П: ЖЕНИХ ВОСПИТАННИЦЫ.

Основные черты типа: робость, комическая женобоязнь, при желании жениться, материальная обеспеченность, провинциальная неотесанность, словом, все необходимые черты для того, чтобы брак с ним был драмою для девушки, но представлялся возможным для окружающих.

Годар.

(Гертруда говорит о нем): — Это такой богатый жених, что было бы безумием отказать ему. Он любит Полину, и хотя у него свои недостатки, хотя он и немного провин-

Большинцов.

У Большинцова 350 душ, незаложенных, ни копейки долгу. — Я вам сказывал,—говорит ему на это Шпигельский,—что вы отличнейший человек и жених хоть куда.

циал, он может сделать твою дочь счастливой.

(Годар о себе): — Я так робок. — Я женюсь, потому что не умею ухаживать за женщинами. — Но я хочу быть уверенным, что мне не откажут. — Я буду колебаться вечность, прежде чем решусь сказать, что́ мне внушает вид красивой женщины.

И когда он остается наедине с Полиной: — Ну что же мне ей сказать потоньше, поделикатней? Ах, кажется, нашел. Какой сегодня прекрасный день, сударыня.

П о л и н а—Действительно прекрасный день, сударь.

(Большинцов о себе): — Робость одолевает. — Я должен вам сознаться, Игнатий Ильич, что я... я вообще с дамами, с женским полом вообще мало, так сказать, имел сношений. — Я бы желал положительно узнать, какой ответ. — Я, Игнатий Ильич, признаюсь вам откровенно, просто не могу придумать, о чем можно с особой женского пола поговорить — и притом наедине... особенно с девицей.

И, когда Большинцов должен ухаживать за Елизаветой Богдановной, повторяется диалог Годара с Полиной:

Б о л ь ш и н ц о в: — Сегодня погода, можно сказать, приятная-с.

Елиз. Богд.: — Ах, очень.

Т И П: ДОМАШНИЙ ВРАЧ.

О с н о в н ы е ч е р т ы т и п а: проницательный наблюдатель, устроитель семейных дел; за всем следит, все замечает, правильно соображает и делает безошибочные выводы. Скептик и злой насмешник.

Д о к т о р В е р н о н.

Сам он называет себя врачом-космополитом; по определению окружающих, это — злой философ. Генеральша называет его паразитом их дома и даже шпионом. — Жених падчерицы, Годар, советуется с ним о своем предстоящем браке. — С внешней стороны наделен некоторыми комическими чертами, напр., постоянно сморкается.

Ш п и г е л ь с к и й.

(Наталья Петровна говорит о нем): — Этот уездный Талейран... Он смешон, он забавен, точно; но... он не в свои дела мешается... Это неприятно... Притом, он при всем своем низкопоклонстве, очень дерзок и навязчив... Он большой циник.

Шпигельский занимается делами всякого рода, устраивает женитьбу Большинцова.

Т И П: МУЖ.

О с н о в н ы е ч е р т ы т и п а: натура прямая и доверчивая; он понимает, что вокруг него происходит что-то неладное, но не насилует событий и ждет, чтобы окружающие сами разъяснили ему странные обстоятельства, происходящие в его семье.

Генерал Граншан.

Генерал недоумевает, но не перестает верить и ждать:—Решительно здесь происходит нечто необычайное. — Здесь, несомненно, что-то подозрительное.—Когда он застает жену в неурочный час в решительном объяснении с Фердинандом (предметом ее страсти), он просто и открыто ставит вопрос: — Совещание с Фердинандом в такой ранний час?! О чем же вы беседовали?

Ислаев.

Застав Наталью Петровну с Ракитиным в необитаемых сенях, Ислаев спрашивает: — Что это? Продолжение сегодняшнего объяснения, видно, предмет важный?—Он знает, что в его семейной жизни не все в порядке:— Это удивительно... Это что-то необыкновенно,— повторяет он, но терпеливо ждет объяснения Ракитина.

В первоначальной редакции комедии «Студент», в списке действующих лиц, дана характеристика Ислаева, несомненно, приближающая его к соответствующему персонажу Бальзаковской драмы: это, во-первых, б о г а т ы й помещик; это—образованный, умный, несколько холодный человек, много читал и на себя надеется [1].

Центральная нить интриги — борьба двух женщин, полюбивших одного человека, или, точнее, беспощадный поединок замужней женщины и молодой девушки, связанных семейно, но неожиданно ставших соперницами. Этапы этой борьбы и составляют основную ткань бальзаковской драмы.

Основные моменты этой борьбы сводятся к следующему: Гертруда, подозревая опасность, создает план выдачи Полины замуж за глупого, смешного, пожилого провинциала Годара, которого она сама называет «захолустным шутом». Этим проектом она, между прочим, решает воспользоваться, чтоб выпытать у Полины ее сердечную тайну. Во втором акте происходит замечательная сцена этого инквизиторского выпытывания. Обе женщины работают над одной и той же вышивкой. Гертруда с деланной материнской заботливостью ставит вопрос о «прекрасной партии», т.-е. о Годаре. На холодный ответ Полины она вкрадчиво продолжает: «Видишь ли дорогая моя Полина, бывает любовь, тайна которой иногда героически охраняется женщинами даже среди жесточайших пыток. У тебя в душе, быть может, такая любовь. Еслиб с тобой случилось такое несчастье, ты можешь рассчитывать на меня. Ведь я люблю тебя. Я уломаю твоего отца, он доверяет мне, я даже имею на него влияние... Итак, дорогая моя девочка, открой мне свою душу»... Но осторожная и скрытная Полина не выдает себя. Гертруда меняет систему прямых вопросов, она заводит окольную речь об общем герое. «Фердинанд — симпатичный юноша, он четвертый год в нашей семье; что может быть естественнее, чем привязанность к этому молодому человеку, хорошего происхождения, к тому же одаренного?..».

[1]) Н. Н. Ф а т о в. Рукопись «Студента» Тургенева. «Культура театра», 1922, I—II.

Наконец пускается в ход последнее средство: Гертруда сообщает Полине вымышленное известие о том, что Фердинанд тайно обвенчан. По резко изменившемуся лицу девушки мачеха заключает о правильности своих подозрений. Война объявлена.

Таков несомненный прототип знаменитой сцены III акта «Месяца в деревне» — объяснения Наталии Петровны и Верочки. В дальнейшем развитии действия целой системой ловких ходов мачехе удается совершенно лишить Полину свободы выбора. В силу сложных сплетений драматической интриги, влюбленная девушка вынуждена отказаться от всех своих прав на своего возлюбленного и подчиниться жестокому плану мачехи, т.-е. дать свое согласие на брак с нелепым претендентом. Точно так же в последнем акте «Месяца в деревне», в результате законченного поединка с Натальей Петровной, Вера вынуждена всей создавшейся конъюнктурой обратиться к Шпигельскому с заявлением на счет Большинцова: «Вы можете ему сказать... что я готова за него замуж выйти».

Таковы основные моменты в развитии действия обеих пьес, которые дают достаточно основания поставить тургеневскую комедию в связь с бальзаковской драмой.

Но помимо фабулы и типов, здесь наблюдается и совпадение отдельных сценических приемов: таков, напр., момент игры в карты: главные объяснения действующих лиц прерываются восклицаниями игроков и маленькими стычками между ними (—«У меня король. — У меня дама. — А, мадемуазель, вы делаете промахи... — Нет возможности так продолжать игру. Полина делает ошибку за ошибкой, а ты, Вернон, ты не следишь за игрой, ты бьешь моих королей...» и проч.).

Весь первый акт тургеневской комедии прорезан совершенно аналогичными столкновениями игроков в преферанс — Шаафа, Анны Семеновны и ее компаньонки. (—«Да ты нас, батюшка, этак совсем заиграешь... — Так вист же... — А, наконец, обремизился» и проч.). В обеих пьесах эти объяснения игроков врываются в основной диалог совершенно иного тона, прерывая сложные психологические беседы и лирику взаимных признаний неожиданными техническими терминами карточной игры.

Другой сценический прием в целях оживления действия: шумное появление резвого подростка среди взрослых, занятых своими душевными драмами и тонкими интригами. В пьесе Бальзака маленький Наполеон, в минуту драматического напряжения действия, шумно вбегает в гостиную, внося в напряженную атмосферу свои беззаботные интересы, — разговоры о пони, езде на нем и проч. В момент такой скрытой внутренней борьбы Натальи Петровны и Ракитина «Коля вдруг с шумом вбегает из залы», показывая старшим свои новый лук и стрелы. Напряжение внутренней борьбы находит временное разрешение в чисто внешнем оживлении действия. Еще один общий прием сценической игры: доктор-дипломат застает влюбленную девушку в состоянии полного отчаяния; ему сразу ясно все, но он не выдает себя.—«Дитя мое,—обращается к Полине доктор Вернон,—вы

изменились в лице. А ну-ка, пощупаем ваш пульс». (III, 8 . — «Что вы, моя барышня, нездоровы, что ли?—спрашивает в последнем действии Шпигельский Веру: — дайте-ка пощупать пульс».

Наконец в обеих пьесах наступает момент, когда тридцатилетняя женщина смиряется перед своей юной соперницей, и унижение ее доходит даже до коленопреклонения. Гертруда становится на колени перед Полиной, чтоб вымолить у нее отказ от дальнейшей борьбы (II, 11). Наталья Петровна, сознав свою вину перед Верой, «тихо становится перед ней на колени» и просит прощения. Мотивы действия, их смысл, их психологическое значение и драматическая сущность совершенно различны; но необычный сценический прием — коленопреклонение сильнейшей из двух соперниц перед другой, в обоих случаях совершенно одинаков.

Мы сопоставили моменты совпадения двух пьес. Необходимо отметить, что эта тема поединка влюбленных женщин осложнилась у Бальзака многими мелодраматическими эффектами; в пьесе фигурируют усыпляющие снадобья и яды, имеются сцены похищения писем, отравления, смерти и проч. Критика, благожелательно отнесшаяся к бальзаковской драме, совершенно справедливо отмечала в ней этот крупный недостаток. «К несчастью,—замечает театральный хроникер «Revue de deux Mondes», высоко оценивший замысел автора, драматическую завязку и начала действия,— к несчастью, вторая часть пьесы Бальзака отменяет и портит впечатление от первой. Под конец мы попадаем в полную мелодраму; мы находим здесь опиум и яды, всю эту уголовную аптеку, от которой новая драма, казалось не оставила для себя ни единой капли. Здесь образы стираются и грубеют». Далее критик упрекает Бальзака за предание Полине черт «женского макиавелизма». — «Не лучше ли было противопоставить мачехе чистое и нежное создание в роде Офелии или Гретхен? Разве автор, показывая нам юную девушку, любящую и наивную, сильную только своей любовью и чистотой, в борьбе с крайним проявлением коварства, ревности и ненависти, не достиг бы более драматического и более нравственного эффекта, чем в этой борьбе одинаковым оружием.

Тургенев словно прислушался к этим советам и последовал им. Весь мелодраматический элемент «Мачехи» остался незатронутым. Пьеса Бальзака отразилась на «Месяце в деревне», главным образом, своей первой частью — интимно-драматической. Тип влюбленной девушки совершенно лишен у него «черт макиавелизма». Вера — чистое и нежное создание в известном смысле типа Офелии и Гретхен, как это требовал критик, действительно оттеняющая контрастом своей натуры тип опытной интригующей и решительной женщины.

По основной своей схеме и по сочетанию главных персонажей, «Месяц в деревне», как мы видели, это — «Mâratre», лишенная всех черт мелодраматизма. Тургенев удержал то ценное, что дал Бальзак в своей пьесе: благодарную сценическую схему, основные контуры центральных масок и—

главное — новаторскую форму «интимной драмы», в которой внутренний трагизм получает свое развитие в необычной будничной среде.

Заметим в заключение, что одно из предполагаемых заглавий тургеневской комедии «Две женщины» подчеркивает близость ее к бальзаковской драме и что к работе над пьесой «Студент», как первоначально назывался «Месяц в деревне», Тургенев приступил в 1848 году, т.-е в год постановки «Мачехи» Бальзака.

VII

На этом обычно заканчивается изучение тургеневского театра. По общепринятой формуле, Тургенев в начале 50-х гг. навсегда отказывается от драматического творчества.

Но если не считаться с одной только оффицальной историей его опубликованных созданий, необходимо учесть пережитый Тургеневым уже после «Отцов и детей» и «Дыма» рецидив драматургического творчества. Новые опыты в этом роде до такой степени не имели в виду печати, что до сих пор, за небольшим исключением, они остаются не изданными. Непосредственной целью их были подмостки, они исполнялись сейчас же по написании и пользовались завидным успехом на европейской сцене. Мы имеем в виду опыты Тургенева в сочинении текстов для комических опер г-жи Виардо.

В конце 60-х гг. (1867—1869) Тургенев пишет четыре французских опереточных либретто: «Trop de femmes», «Le dernier Sorcier», «L'Ogre» и текст четвертого, название которого точно неизвестно, предназначенного для постановки в Баден-Баденском театре 10-го августа 1869 г. (о нем Тургенев сообщает в своих письмах Людвигу Пичу). Весьма возможно, что это и есть та пьеса, которую Тургенев, по свидетельству Пича, написал в Баден-Бадене.

Постановка этих музыкальных комедий живо захватывала Тургенева. Он неизменно исполнял в них главные роли: — паши, колдуна Кракемиша и людоеда. Он сообщал своим русским и европейским литературным корреспондентам (Пичу, Анненкову) об этих опытах, а об одном из них послал обстоятельнейшую статью в «Петербургские Ведомости». Постановка их на сцене Веймарского театра, горячий интерес к ним Листа, усиленное внимание к ним прусской королевской четы и других германских князей, сочувственное отношение Веймарской публики — все это чрезвычайно занимает и радует Тургенева. Непризнанный драматург с удовлетворением принимает запоздалый успех свой на сцене: «Нельзя было не чувствовать, что «Последний Колдун» нравился — сообщает он в корреспонденции «Петербургских Ведомостей»: — не происходило того едва заметного но томительно постоянного шелеста, того своеобразного шороха, который непременно возникает в большом собрании людей, когда они скучают и который — что греха таить! — я слыхивал не раз при исполнении мною некогда сочиняемых комедий». Авторской гордостью дышит и сообщение

его Анненкову: «Это 11-е представление было удостоено присутствия короля и королевы Прусских, наследного принца и наследной принцессы Прусских же, великого герцога и герцогини Баденских, герцога и герцогини Дармштадских, принца и принцессы Вильгельма Баденских (дочери Марьи Николаевны) и иных чрезвычайных особ, министров, генералов и т. д... Гости остались довольны» и проч.

Таким образом, тема «Тургенев на сцене» получает неожиданное расширение. Этот последний этап его театра, знакомый нам только по либретто «Последнего Колдуна» (да и то в сокращенном немецком переводе) и по обстоятельной корреспонденции самого автора в «Петербургские Ведомости» [1]) дает все же возможность судить о последнем театральном стиле, означившем новую грань в сценической продукции Тургенева.

И здесь, как в молодые годы, он проявил острую восприимчивость к новейшему театральному течению. С конца 50-х и особенно в 60-е годы стараниями Оффенбаха утверждается на европейской сцене модный жанр оперетки, достигающий сразу небывалых успехов. В эти годы появляются знаменитые «Орфей в аду» (1858), «Прекрасная Елена» (1869) и «Перикола» (1868) среди дюжины других, менее прославленных произведений, как «Свадьба при фонарях», «Песенка Фортунио», «Герцогиня Герольштейнская» и мног. друг. Это время кризиса и гибели старого водевиля, которому молодая оперетта наносит смертельный удар; она отменяет его незатейливые композиции и тщательно становится на их место. Старинный водевиль как бы раскалывается: его жанровые сценки отходят к комедии, его куплеты с переодеванием—к оперетке. Робкие карикатуры водевильных авторов вырастают в веселую политическую сатиру. Мастерская—хотя и легкая—музыка опереточных композиторов навсегда погребает беспомощную банальность куплетных форм. Живость, блеск и общедоступность нового жанра обеспечивают ему повсеместный и безграничный успех.

Одно из любопытных свидетельств острой популярности нового жанра — статья молодого Михайловского «Дарвинизм и оперетки Оффенбаха» (1871). Знаменитый публицист сравнивает «веселого маэстро» с Вольтером, сопоставляет его создания с литературой просвещения, считает Оффенбаха в равной мере, как и Дарвина, продолжателем «революционно-философского движения XVIII века». «Смех Оффенбаха — отголосок хохота Вольтера», заключает этот неожиданный исследователь оперетты.

Обширная эрудиция, проявленная им в творчестве Оффенбаха и его школы, свидетельствует о необычайной популярности нового жанра.

Признаки его определялись отчасти предшествовавшими формами родственных музыкальных комедий. Оперетка середины столетия наследовала не только водевилю, но и старинной комической опере XVIII века так называемой «opera-buffa» или «comedies à ariettes». Комический сюжет,

[1]) Оба эти документа опубликованы М. О. Гершензоном в «Русских Пропилеях», III, 176—185, 281—294.

небольшое количество актов, смесь музыки и обычных диалогов, живость действия, налет фривольной шутки — все это, неприкосновенно сохраняясь в оперетке, получало здесь новую черту сатирической пародийности и более высокую степень художественно-музыкальной разработки. Элемент шутливой пародии и политической сатиры слегка подкрашивался лирико-сентиментальными ариями влюбленных, контрастно выделяющими бурную веселость остального текста

По этой формуле писались для Оффенбаха либретто Скрибом, Мельяком и Галеви, в полном соответствии с его музыкальным даром. Пародия и легкая политическая карикатурность «Орфея», «Герцогини Герольштейнской» и почти всех других произведений Оффенбаха оттенялась мелодическими ариями Эвридики «La femme qui d'amour rève», куплетами Дафниса: «Puisque Chloé sommeille» (в «Дафнисе и Хлое»), песенкой Фортунио и проч.

По этому канону писались опереточные либретто и Тургеневым. «Последний Колдун» написан в двух небольших актах, удачно подчиняющих сказочный сюжет острой политической злободневности. Это история борьбы некогда грозного колдуна Кракемиша, волшебство которого настолько выдохлось, что даже его верный слуга Перлимпинпин превратился в идиота. Царица эльфов ведет успешную борьбу с ним и под конец навсегда и безраздельно освобождает от него свой заветный лес. Попутно разворачивается история любви принца Лелио к дочери колдуна Стелле. Эта несложная схема дает возможность Тургеневу выявить все приемы нового жанра.

В основе «Кракемиша», согласно Оффенбаховской поэтике, лежит политическая сатира. «Последний Колдун» писался в конце 60-х г.г., т.-е., другими словами, перед закатом Второй Империи во Франции. Наполеоновский режим явно разлагался, непрочность Бонапартовской династии служила постоянной темой для политических памфлетов. Рошфор издевался над «императором французов» и его ближайшими сподвижниками, ясновидящие наблюдатели предчувствовали неизбежность надвигающейся катастрофы, действительно грянувшей в 1870 г. Опереточные либреттисты широко пользовались темами и фигурами разлагающегося строя, придавая этим приемом острую актуальность своим веселым пьескам.

Тургенев последовал этому правилу. Наполеоновский режим, как это видно из его корреспонденции о Франко-Прусской войне, вызывал в нем резко-враждебное отношение. Он был всецело на стороне немцев, «Ибо, — писал он в одной из своих корреспонденций,— в одном бесповоротном падении наполеоновской системы вижу спасение цивилизации, возможность свободного развития свободных учреждений в Европе: оно было немыслимо, пока это безобразие не получило достойной кары». «. .Пор положить конец той безнравственной системе, которая царит у них вот уже скоро двадцать лет» и проч. Решительный противник бонапартизма, Тургенев выводит в своем «Последнем Колдуне» последнего Бонапарта, от власти которого, в конце концов, освобождаются заветные леса. Все основные по-

роки режима, столько раз клейменные в современной литературе — продажность правительственной системы, погоня за наживой, маниакальное властолюбие Наполеона, легкомысленная жизнь двора с его бесконечными празднествами — все это находит отражение в куплетах Кракемиша:

Du kennst noch nicht
Des Goldes Tugend,
Willst herrschen und siegen, —
Musst reich du sein.
Du siehest die Welt
Zu Füssen dir liegen
Kannst Allem genügen,
Was dir nur gefällt.
Im Rang uber Allen
Die Krone im Haar
Beneidet von Allen
Von Fürsten sogar.
Ein Fest jeder Tag
Nichts wirst du entbehren,
Kannst alles begehren,
Was Geld nur vermag.
Du lebst im Palast
Und tausend erfüllen
Mit ängstlicher Hast
Dir jeglichen Willen
Thu, was dir gefällt...

и т. д.

Так же показательна в этом смысле и тронная речь Кракемиша, в которой он упоминает о «престиже» своего имени, о своей династии, о своем желании сохранить мир (знаменитая формула Луи-Бонапарта). По красноречивому указанию Тургенева, «Прусский король, видевший два раза нашу оперетку, особенно забавлялся этим пассажем», т.-е. тронной речью. Анненкову он пишет совершенно открыто: «спич Кракемиша, в котором слегка пародировался спич его величества Наполеона III, вызвал даже густой смех на августейшие уста короля Вильгельма». Этой политической сатирой на Наполеона III объясняется такое исключительное внимание к тургеневской оперетке Прусского королевского дома и всех владетельных герцогов Германии, министров, генералов и проч. История уже подготовляла свою развязку затянувшейся политической трагикомедии. 8 апреля 1869 года великий герцог Веймарский ставит на своем театре эту сатиру на Бонапарта, а в следующем году Наполеон отдает свою шпагу королю Вильгельму, столь густо смеявшемуся над «Последним Колдуном».

Другой обязательный прием опереточного либретто — лирические партии, неизменно присутствующие в каждой оффенбаховской буффонаде.

У Тургенева им соответствуют романсы Лелио, песни Стеллы, дуэты обоих возлюбленных. По свидетельству автора, «любовный дуэт между им (Лелио) и Стеллой, по своей стыдливой и в то же время стремительной страстности, едва ли не лучший перл «Последнего Колдуна». Таким образом, формула оффенбаховского канона выполнена полностью.

На непосредственное знакомство Тургенева с музыкой Оффенбаха у нас имеются некоторые указания. Еще в 40-х годах при постановке Мюссэ на сцене французской комедии, Оффенбах прославился своей музыкой, написанной на песенку Фортунио, как известно, превосходно переведенную Тургеневым. Едва ли в атмосфере тех повышенных музыкальных интересов, в которых жил Тургенев, имя композитора популярнейшего романса осталось неизвестным. Одна из первых оперетток Оффенбаха называлась «Croquefe ou le dernier des paladins». Сходство с Тургеневским «Craquemiche ou le dernier des sorciers» слишком очевидно.

Так заканчивал свою драматургическую деятельность Тургенев. После всех театральных жанров, испробованных им в молодости, он решил проявить себя и в модном увлекательном роде, пришедшем на смену дряхлеющему водевилю. Сам старый водевилист, он не мог не почувствовать влечения к новой форме веселого сценически-музыкального вида. Инстинкт театрального писателя подсказывал Тургеневу возможность достигнуть и в этом легком жанре художественно-ценных эффектов. «Оперетта — есть квинт-эссенция подлинной, настоящей т е а т р а л ь н о с т и, самодовлеющей и самоценной, говорит современный исследователь, той театральности, которая идет от балагана, от разыгравшейся актерской стихии «представления» и «перевоплощения». В оперетте все — и музыка, и содержание, и яд пронизывающей ее сатиры, и ее злободневность — театрального происхождения. В ней нет оттого критериев натурализма, нет критерия «сообразности» и правдоподобности, нет никаких теоретических предпосылок, всегда имеющихся в драме, слишком тесно связанной (пока что) с литературой. Оперетта, как и простой балаган — есть рафинированный осколок театральной композиции» [1]). За полстолетие до широкого признания оперетты равноправным сценическим родом Тургенев оказывается предшественником целого театрального течения, которое стремится в наши дни в лице Рейнгардта, Таирова или Станиславского выявить тонкую художественность опереточного жанра.

Таков был последний стиль театра Тургенева.

Недавно академик Перетц отметил «тесную и неизбежную связь изучения старинного русского театра с изучениями театра европейского, без которых всякая речь о прошлом театра на Руси будет праздным пустословием». Опыт изучения Тургенева показывает, что этот принцип должен быть распространен и на некоторые явления нового русского театра.

---

[1]) Л. С а б а н е е в. Театр оперетты. «Мастерство театра». 1922 г. I, 80.

Тургенев - драматург изучался неоднократно авторитетными историками литературы и сцены. Но до сих пор его театр не рассматривался на фоне современного европейского репертуара, за которым этот вечный скиталец по Европе имел полную возможность внимательно следить, как зритель, и которому он мог творчески следовать, как автор. Настоящая статья — посильная попытка в этом направлении.

Мы сознаем всю ее недостаточность.

Многие поднятые здесь вопросы могут быть разрешены только в европейских библиотеках и архивах, над обстоятельными историко-театральными трактатами, над комплектами старых газет, репертуарными списками Berliner Schauspielhaus конца 30-х годов или Comédie Francaise конца 40-х годов. Но... по слову ибсеновского Бранда, «простится то тебе, чего не сможешь»... Мы можем пока только указать на этот путь, выдвинуть в качестве существенно важной проблему изучения Тургенева-театрала и остаться при некоторых наших гипотезах, веря в их будущее подтверждение.

Но ряд вопросов, возникающих при подобной постановке темы, мы считаем так или иначе разрешенными. Работа над ними дает, думается нам, право и на некоторые выводы.

По образцам текущего репертуара, Тургенев учился прежде всего различным жанрам и вечно сменяющимся обликам и композиционным типам современного театра. От некоторых иностранных, преимущественно французских, драматургов Тургенев стремился перенять секреты театральной техники, искусство строить пьесу, все сложные и тонкие приемы завязки, развития, нарастания и разрешения сценического действия. И в этой области, как это особенно видно по «Месяцу в деревне», часто даже самые детали, побочные условия, второстепенные приемы, эпизодические jeux de scène, случайные, но удачные ситуации — воспринимались им и становились для него необходимыми элементами театрального механизма.

Существенно важно, что Тургенев учился своему искусству не столько у драматургов-профессионалов, сколько у поэтов и беллетристов, дилетантствующих в театре. Меримэ, Мюссэ и Бальзак были случайными драматургами, переносящими на сцену многие качества своих поэм, новелл или романов, но этим самым создающие не мало дефектов в своих сценических опытах. Отсюда глубоко литературный и недостаточно театральный характер Тургеневских комедий, которые остаются за выделением, может быть, одного только «Завтрака у предводителя» в его первой редакции и, конечно, комических опер, скорее драматизированными повестями и новеллами, чем собственно театральными представлениями. В этом смысле глубокое художественное чутье и огромный эстетический опыт не обманули Тургенева, когда он признал свой театр пьесами для чтения. Успех некоторых из этих комедий на сцене не опровергает их преимущественно беллетристического характера

Повести могут иметь успех на сцене. Так было с Мюссэ и с Бальзаком, так случилось и с Тургеневым. Законы литературной композиции и общее художественное мастерство могут, при известных условиях, создать счастливое и для рампы сочетание лиц и действий. Театр литераторов никогда не замирал во Франции, создавая подчас значительные и жизненные явления. Они-то и привлекли внимание нашего молодого поэта и беллетриста женственно восприимчивого ко всем литературным воздействиям, когда он попытался в середине сороковых годов превратиться из страстного театрала в активного драматурга. Произошла любопытная рецепция и переработка литературно-сценического материала.

В области композиции своих комедий Тургенев, как мы видели, полагался подчас на современных французских авторов и следовал за их образцами. Основной сюжет пьесы, главное соотношение персонажей, центральный узел интриги, типические особенности главных героев переносились им в план построения его собственной комедии. В остальном он, конечно, не нуждался в их указке: пейзаж и intérieur'ы усадебной России, излюбленные им образы изящных Гамлетов, мечтательных девушек, кротких старичков, рыхлых тетушек, уездных философов и трогательных приживальщиков органически обрастали вокруг того или иного сценического скелета, раскрывая исконную сущность тургеневского творчества. А главное, все это разрабатывалось в типичных тонах того особенного т у р г е н е в с к о г о с т и л я, которым живут и дышат рассказы этого мастера словесной акварели, его повести и лучшие страницы его романов.

Короче говоря: он принимал готовый сценарий и разрабатывал его по-своему, заполняя своими излюбленными красками контуры сценической схемы.

Еще чаще, как мы видели, Тургенев обращался к современному репертуару не за сюжетной канвой, а за теми новыми формами, исканием которых он как художник был постоянно озабочен.

Вот почему проблему смены стилей мы сочли основной и поставили как главное задание в этом опыте изучения тургеневского театра.

Леонид Гроссман.

СРАВНЕНИЯ ТУРГЕНЕВА.

Автором печатаемой нами работы «Сравнения Тургенева» является безвременно скончавшийся молодой ученый Вадим Иванович Дьяконов.

Родился Вадим Иванович 31 янв. (ст. ст.) 1892 г. в Москве. Окончив I московскую гимназию, в 1912 г. он поступил на историко-филологический факультет московского университета. Война заставила его на некоторое время прервать университетские занятия, и он закончил курс лишь в 1919 году. Оставленный при кафедре русского языка и литературы профессорами М. Н. Сперанским и П. Н. Сакулиным, Дьяконов с увлечением принялся за научную работу. Но обнаружившийся у него туберкулез легких подтачивал его здоровье. Заболев весною 1921 г. плевритом, он уже не мог оправиться и 11 мая 1922 года скончался в Марфине, где и похоронен.

Покойный обладал большими научными способностями и среди своих университетских товарищей выделялся склонностью к историко-литературным изысканиям. В студенческие годы им были написаны три большие работы: 1) Оссианизм в русской литературе конца XVIII и начала XIX века, 2) Байронические мотивы в поэзии И. И. Козлова и 3) художественный стиль И. С. Тургенева. Первая работа столь богата фактическими данными, что заслуживала бы быть напечатанной, если бы недавно не появилась в Нежине книжка Д. Н. Введенского на совершенно тождественную тему. Сочинение «Художественный стиль И. С. Тургенева», удостоенное историко-филологическим факультетом золотой медали, представляет попытку применить к творчеству Тургенева приемы формального анализа. Это — весьма обстоятельный труд, распадающийся на следующие главы: введение («Вопросы изучения стиля»), И. С. Тургенев и предшественники, композиция, «повторения самого себя», основные черты «тургеневской» манеры, пейзажи, портреты, эпитеты, глаголы, сравнения, метафоры, зрительные, слуховые, обонятельные и др. впечатления, некоторые мелкие особенности стиля, поэтика, заключение. В приложении: обзор тургеневской литературы и к вопросу о западных влияниях в творчестве Тургенева. Эту работу, написанную в 1918—1919 г., и сам автор не считал законченной. Некоторые проблемы, затронутые здесь, уже разработаны в печати другими исследователями. Мы берем отсюда главу о сравнениях Тургенева, интересную прежде всего по полноте собранного и расклассифицированного материала.

В последние годы, лишенный возможности работать в больших библиотеках Москвы, В. И. Дьяконов писал статьи и заметки для периодических изданий, преимущественно театральных. Вот перечень (в хронологическом порядке) его печатных работ:

1) А. Ф. Писемский. Вестник Театра, 1920, 23—28 марта, № 58. Стр. 8—9. Подпись: В Д.

2) «Каин» (Литературная справка). Вестник Театра, 1920, 20—25 апреля, № 61. Стр. 3—4.

3) «Принцесса Брамбилла» (к постановке в Камерном театре). Вестник Театра, 1920 г., 11—16 мая, № 64. Стр. 5—7.

4) М. П. Садовский (к десятилетию со дня смерти). Вестник Театра, 1920, 9—17 октября, № 70. Стр. 7—8.

5) Первая социалистическая пьеса (к постановке «Зорь» Э. Верхарна). Вестник Театра, 1920, 7 ноября, № 72—73. Стр. 4.

6) Поль Клодель. Культура Театра, 1921 г., 1 мая, № 5. Стр. 7—10.

7) Н. А. Некрасов и дети. Информационный Бюллетень Отдела Народного Образования М. Совета Раб., Кр. и Крест. Деп., 1921, 1 декабря, № 20. Стр. 2—3.

8) Н. А. Некрасов и театр. Экран, 1921, 6—8 декабря, № 12. Стр. 4.

9) Мольер и русский театр. Экран, 1922, 27 января—2 февраля, № 19. Стр. 3—4.

10) А. Н. Майков (к 25-летию со дня смерти). Экран, 1922, 21 марта, № 26. Стр. 11.
11) Сборник историко-театральной секции. Т. I. Птг. 1918. Рецензия в «Научных Известиях», сборник второй. М. 1922. Стр. 269—271.

Больной, вынужденный жить вне Москвы, В. И. Дьяконов с лихорадочным напряжением следил за событиями в театральном и литературном мире. Перечисленные выше статьи служат его очередными откликами на эти события. Так он создавал для себя фикцию участия в общественной жизни...

Смерть отняла у науки талантливого и полезного работника.

П. Н. Сакулин.

Несмотря на некоторые частные разногласия, наука, в вопросе о сравнениях, в общем, стоит более или менее на одной точке зрения. Целый ряд исследователей, как русских, так и западных, переходя к этой области стиля, согласно относит ее в одну общую группу с другими аналогичными явлениями — метафорами, аллегориями, сопоставлением и др., различно оценивая только их взаимоотношения. Все эти отдельные частности, однако, довольно существенны для разрешения общего вопроса о сравнениях. Думается, что краткий обзор наиболее важного из литературы по данному предмету будет небесполезен прежде самого анализа сравнений Тургенева. Отсюда выяснятся для читателя некоторые из тех теоретических предпосылок, которые легли в основание настоящей главы.

Остановлюсь сначала на западных ученых, минуя древних (Аристотеля и др.) и слишком устарелых [1]). Здесь следует отметить из старых работ, прежде всего, Спенсера («Философия слога»), в виду сходства некоторых его воззрений с взглядами А. А. Потебни. Именно Спенсер подчеркивает значение сравнения, равно как метафоры и пр., с точки зрения экономии. В изложении А. Белого мысль его получает такое выражение: «Сравнение (conjuratio) есть сопоставление двух предметов по одному или нескольким признакам. Спенсер указывает на то, что употребление сравнений увеличивает экономию мысли; целый ряд посредствующих мыслей о предмете опускается, как скоро мы заменим их удачным сравнением» [2]). Таково же значение, по Спенсеру, и метафор. Следует отметить еще, что Спенсер исходным пунктом наблюдаемого в данной области психического процесса считает сравнение. Метафора же есть уже завершение этого пути. В сравнениях, по изложению того же А. Белого, «сопоставление признаков; здесь (т.-е. в метафорах) завершение этого сопоставления, заканчивающееся соединением признаков» [3]). Как увидим ниже, в вопросе о том, что первоначальнее, первичнее,—метафора или сравнение, лежит один из главных пунктов расхождения различных теоретиков.

Другой видный ученый, приблизительно того же времени, Гербер, выдвигает иную точку зрения, имеющую за собой большую давность — именно, он настаивает на художественном, украшающем значении как всех фигур вообще, так и метафор и сравнений в частности. При этом он

---

[1]) Подробное изложение их, с рядом примеров, см. у К. Гербера.—Die Sprache als Kunst. Erster Band, Bromberg. 1871, VIII, S. 332 und folg.

[2]) А. Белый. Символизм. Изд. «Мусагет». М. 1910. Стр. 580.

[3]) Op. cit., стр. 581.

связывает эти явления с фактами языка. «Alle Wörter», — формулирует он, — «sind Lautbilder und sind auf ihre Bedeutung an sich und von Anfang an Tropen. Wie de Ursprung des Wortes ein künstlerischer war, so verändert es auch seine Bedeu ung wesentlich nur durch künstlerische Intuition. «Eigentliche Worte» d. h. Prosa gibt es in der Sprache nicht» [1]). Так же оценивает Гербер и метафоры, присоединяя к этой точке зрения еще и мотив познания окружающего мира при помощи данной фигуры [2]).

Интересные соображения встречаем мы в примечательной для своего времени книге А. Бэна (A. Bain) — Englich composition and Rhetorie, 4 ed. 1877. Бэн интересен тем, что он один из первых вводит при изучении вопросов стиля психологическую точку зрения, предваряя этим труды позднейших исследователей. Так же поступает он и при рассмотрении сравнений. Установив, что фигура сравнения, и аналогичные [3]), основана на психологическом чувстве сходства (Similarity), Бэн так определяет цель сравнения (согласно с точкой зрения Гербера): «Во всех формах речи, имеющих целью действовать на ум, — как в описании, повествовании, рассуждении, — сравнения употребляются для того, чтобы сделать предмет более понятным» [4]). В словесных же произведениях, действующих на чувство, в ораторской речи, в поэзии, задача, по Бэну, иная: сравнения здесь «имеют целью дать большую силу впечатлению» [5]). Бэн устанавливает и некоторые нормы, некоторые требования, которым должны отвечать как те, так и другие категории сравнений. Так, для второй группы художественных сравнений он отмечает следующие правила:

1. Выбранный для сравнения образ должен быть выразительнее, чем предмет сравниваемый.

2. Степень усиления не должна переходить границы естественности.

3. Сравнение не должно быть черезчур обыкновенно или избито. Некоторая доля свежести и оригинальности обязательна везде, где желают достигнуть сильного впечатления.

4. Не следует употреблять сравнений, которые говорят только уму, не давая ничего чувству. Но обратно возможно: сравнение может не оправдываться с точки зрения ума, но впечатления сравниваемых предметов гармонируют между собой [6]).

По вопросу о взаимоотношении между сравнением и метафорой Бэн высказывается в том смысле, что сравнение есть момент первоначальный, а метафора позднейший, «метафора есть сравнение, вошедшее в употребительный язык» [7]).

---

[1]) Gerber, Die Sprache als Kunst. I, 333.

[2]) «Die Metapher schafft dabei die Wörter nicht neu, sondern sie deutet sie um; sie setzt das Dasein und das Wirken von Wörtern voraus, ist nicht Raumbild, sondern Vorstellungsbild», 367—368. Сказанное относится и к сравнениям.

[3]) По Бэну, метафора, олицетворение, аллегория, некоторые виды синекдохи.

[4]) Русский перевод А. Е. Грузинского под заглавием: «Стилистика и теория устной и письменной речи». М. 1886. Стр. 11.

[5]) Стр. 12. Само сравнение, по Бэну, «состоит в отыскании между двумя предметами сходства по форме или по впечатлению», стр. 17.

[6]) Стр. 15—16.

[7]) Стр. 18.

Из числа более или менее старых исследователей я и ограничусь указанными тремя. Как мы видели, уже здесь намечаются две основные точки зрения, различные между собой. Одна (Спенсер) учит о значении сравнений и метафор, как, главным образом, фактора экономии мысли. Другая (Гербер и Бэн) выдвигает иной принцип — принцип художественности, украшения, присоединяя к нему и вопрос о познавательном значении сравнений.

Из новых западных теоретиков я остановлюсь несколько на Лакомбе[1]) и Эльстере [2]).

Лакомб устанавливает прежде всего то положение, что метафоры и сравнения, в сущности, очень близки между собою и нередко сливаются. Причина этого лежит в одинаковом психологическом процессе, производящем эти фигуры. «Que les auteurs passent très aisement», — говорит Лакомб, — «dans une même phrase, de la comparaison à la métaphore ou inversement, que ces figures, comparaison, métaphore, allégorie, fondent les une dans les autres, rien d'étonnant; elles sont les produits d'un procédé intellectuel, unique au fond [3]).

Этим общим процессом, породившим рассматриваемые фигуры, является, по Лакомбу, наша способность искать аналогии в самых разнообразных областях, вызванная стремлением украсить тот или иной образ, оживить его [4]). Вся разница между метафорой и сравнением только в способе выражения, внешнем образе, а не в сути.

Лакомб предлагает следующую классификацию фигур этой группы: 1) la comparaison explicite; 2) la comparaison implicite ou métaphore; 3) la comparaison suivie point au point, parallèle, détaillée qu'on nomme l'allégorie; 4) la parabole ou la fable; 5) le symbole; 6) l'emblème.

Значение всех этих фигур для художественного произведения чрезвычайно велико. «La poésie», — категорически заявляет Лакомб, — «sans une certaine abondance de ces figures ne paraît pas poésie». «Одним из главных условий художественности той или иной фигуры должны являться ее неожиданность и оригинальность, ее образность, которая заставила бы читателя проделать весь тот творческий путь, который был совершен автором. В результате этого получается чувство эстетического удовольствия, вызываемое удачным и тонким сравнением или метафорой. Чрезмерное внимание к этой стороне приводит иногда к отрицательному явлению, перегруженности изобразительных средств, к тому, что Лакомб называет «орнаментальными сравнениями» (la comparaison ornamentale). Истинный художник должен избегать этого преувеличения.

Лакомб дает и некоторый исторический анализ рассматриваемых

---

[1]) P. Lacombe. Introduction à l'histoire littéraire. Paris. 1898.

[2]) E. Elster. Prinzipien der Literaturwissenschaft. II Band. 1911. Stilistik.—Как видно из дальнейшего, В. И. Дьяконов не мог воспользоваться книгой Эльстера, а знал только изложение О. Бургардта. *П. С.*

[3]) Page 379.

[4]) Page 379.

фигур. Именно, он отмечает, прежде всего, что сравнение в собственном смысле более свойственно древним, античным литературам, чем позднейшим. Новая литература более тяготеет к метафоре, неточному сравнению. Те же сравнения, которые встречаются у новых писателей, становятся более краткими и лаконичными, «гомеровские сравнения» редки. Таким образом, по Лакомбу, литература исторически идет от сравнения к метафоре [1]). Интересны далее наблюдения Лакомба над отношением к сравнениям и метафорам классической и романтической школ, отношением совершенно различным. Романтики больше тяготеют к метафоре и олицетворению, в то время как классицизму более свойственны распространенное сравнение и аллегория. Эти наблюдения Лакомба очень интересны. Будучи шире развиты, они смогут дать примечательную картину стилистического пользования теми или иными фигурами не только у отдельных представителей литературы, но и у целых школ, направлений. Замечания Лакомба, таким образом, намечают определенный исторический путь при исследовании сравнений и метафор.

Другой видный западный ученый, Э. Эльстер, приступая к рассмотрению названных фигур, первоначальной формой, из которой развились все остальные, считает, как и Лакомб, сравнение. Самую сущность метафорической апперцепции Эльстер видит в том, что наличные представления переплетаются с другими, относящимися к иной области. Иначе говоря, все дело сводится к перенесению (μεταφορά). Психологическое объяснение этого Эльстер видит в том, что параллельное представление ближе нам, чем непосредственно данное. В данном случае происходит нечто подобное тому, что мы наблюдаем в детской жизни. Эльстер предлагает следующую градацию метафор:

1. Первоначальное и параллельное представления ясно выражены. Между ними существует определенная связь. (Сравнение).

2. Переход от одного представления к другому менее ясен, но тем не менее мы всегда легко восстанавливаем по метафоричному образу первоначальный.

3. Первоначальное представление скрывается в области подсознательного [2]).

4. Исходное представление не восстанавливается вовсе, напр., следующие слова Фауста у Гете: «Лишь многоцветным отблеском живем мы».

Говоря о сравнениях, Эльстер отвергает устарелый взгляд на то, что главным их признаком является союз «как». Сравнение мы будем иметь

---

[1]) Как увидим ниже, на анализе Тургенева, это неверно: у него как раз гораздо больше сравнений, чем метафор. Вообще, думается, это замечание Лакомба не соответствует действительности, за исключением вопроса о размере сравнений.

[2]) У О. Бургардта мы находим такой пример:

«В разбеге прибоя таится отлив,
«То море рокочет, и рокот красив». (К. Д. Бальмонта).

О. Бургардт. Новые горизонты в области исследования поэтического стиля. (Принципы Э. Эльстера). Киев. 1915 г. Стр. 34.

и в других случаях, где налицо необходимая для данного явления связь. Переходя к оценке метафорических категорий, Эльстер, излишне категорично, устанавливает, что метафора ценнее сравнения, так как заставляет сильнее работать воображение. Что касается возможных подходов при изучении, то здесь Эльстер указывает два пути: психологический и эстетический. При психологическом подходе необходимо установить, во-первых, из какой области берет автор свои метафоры (охотничьей, морской, сельской и т. п.), а во-вторых, те категории, по каким распадаются метафоры,— зрительного, слухового, обонятельного и других порядков. Очень важно также соединение отвлеченных понятий с конкретными образами. Что касается эстетической точки зрения, то здесь, прежде всего, должно быть обращено внимание на то, насколько далеки друг от друга связываемые образы. Чем дальше они друг от друга, тем удачнее метафорическое выражение, конечно, при условии, если выдержан художественный образ. «Метафора, — читаем мы у Бургардта,—должна отличаться очарованием новизны, не утомлять однообразием и витать в мире самых резких контрастов; при всем этом она должна отвечать еще требованиям жизненной правды» [1]). В случае искажения метафоры мы получаем катахрезис, где хаотично сплетаются различные образы. Прием этот очень удобен для комических целей.

Из русских исследователей остановлюсь на подходе А. Н. Веселовского и А. А. Потебни.

А. Н. Веселовский, в общем, уделяет рассматриваемым фигурам отдельно немного места, касаясь их только в общей связи с явлениями психологического параллелизма [2]).

Устанавливая общую градацию параллелизма, Веселовский включает туда, в соответствующих местах, и метафорические фигуры. Именно получается следующая схема: 1) двучленный параллелизм; 2) многочленный параллелизм; 3) одночленный параллелизм (метафора); 4) отрицательный параллелизм.

Привлекает к рассмотрению Веселовский также символы и аллегории.

По вопросу об определении понятия сравнения и метафоры, Веселовский дает такие характеристики: «Поэтическая метафора — одночленная параллельная формула, в которую перенесены некоторые образы и отношения умолченного члена параллели»[3]). Что касается сравнения, то «это уже прозаический акт сознания расчленившего природу; сравнение— та же метафора... оно больше развито (обстоятельно) и потому менее нравится» [4]).

Веселовский именно настаивает на том, что в сравнении, в силу того, что оно состоит из двух частей, особенно развит элемент рассудочности,

---

[1]) Op. cit., стр. 37.

[2]) «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля». Собрание соч., т. I. Первоначально Ж. М. Н. Пр. 1898 г., № 3.

[3]) Собр. соч., т. I, стр. 203.

[4]) Стр. 211.

сознательности, по сопоставлению с другими видами параллелизма. Отсюда его меньшая художественная ценность.

В общем, однако, мы не найдем у Веселовского подробной и детальной теории сравнений и метафор. Его научный интерес относится к области всей группы явлений, к психологическому параллелизму, а на отдельных частностях он останавливается только по связи с общим. Тем не менее это включение интересующих нас фигур в общую цепь параллелизма очень важно в истории вопроса и должно быть отмечено.

Гораздо подробнее останавливается на этом вопросе А. А. Потебня [1]). Исследователь относит метафору к третьему виду поэтической образности (первый — синекдоха, второй — метонимия). Следуя за Аристотелем, — Потебня всякую метафору представляет в виде пропорции с четвертым неизвестным, искомым. «Чтобы назвать, читаем мы в изложении В. Харциева, с т а р о с т ь в е ч е р о м ж и з н и [2]), нужно сравнить ж и з н ь [3]) человека с днем, вечер с заключительным моментом жизни. Получается: искомое (X) составляет такую часть жизни (А), какую часть дня (С) всегда составляет вечер (В)» [4]). Самый процесс отыскания этого неизвестного совершается в сознании человека очень быстро, за исключением, конечно, сложных метафор. Это объясняется тем, что в языке уже имеется громадный запас готовых метафор, облегчающий ход мысли.

Общее свойство всех метафор, по Потебне, — необходимость контекста с остальными частями образа. При этом метафора делает метафоричным и все остальное целое, нужное для понимания данной картины. Таковы, например, указывает Потебня, следующие случаи: «Он молча п р о г л о т и л [5]) обиду и покраснел», «И п р о я с н и л с я т е м н ы й [6]) ум», «Ель р у к а в о м [7]) мне дорожку завесила [8])» и др. Что касается, в частности, сравнения, то его Потебня определяет, в общем, сходно с Веселовским. Сравнение — это «такая форма метафоры... когда образ дается рядом со значением, выраженным прозаически» [9]). Иначе это можно выразить так: «когда рядом с обычным представлением и его выражением ставится другое представление и выражение менее обычное, более чувственное и наглядное» [9]). Потебня касается и внешней формы сравнения, отмечая, что, в сущности, разница между сравнением с «как» и творительным падежом невелика. Форма с «как» только более влияет на метафоры в главном предложении. Место сравнений обычно при определениях и сказуемых.

Очень интересна мысль Потебни о препозитивных и постпозитивных сравнениях. Первые — это такие, когда на первом плане, прежде образ, а значение, объяснение его, после, а вторые, наоборот, когда сначала идет

[1]) См. его книгу «Из записок по теории словесности», 1905, а также изложение этой книги в статье ученика Потебни, В. Харциева, «Элементарные формы поэзии», «Вопросы теории и психологии творчества», под редакцией Б. А. Лезина, т. I.

[2]) и [3]) Курсив Харциева.

[4]) В. Х а р ц и е в, op. cit., стр. 386.

[5]) [6]) [7]) [8]) Курсив Потебни.

[9]) В. Х а р ц и е в, стр. 387.

значение, а потом уже образ. При этом между тем и другим видом наблюдаются и важные различия по существу. «Если образ постпозитивен, резюмирует Потебня, то он большею частью является воспоминанием и носит характер обобщения. Воспоминанию этому придается большая или меньшая конкретность, не доходящая, однако, до отождествления этого образа с выражением непосредственного восприятия действительности. При рассказе о том, как какой-то герой пал, сраженный ударом врага, слушатель Гомера вспоминает, благодаря сравнению, как падает ель, подрубленная дровосеком, и это воспоминание обобщает явление смерти.

Если образ препозитивен, то он часто носит характер непосредственного восприятия частного случая, он является, так сказать, наличным впечатлением, ведущим мысль к значению. При этом важно то, выражено ли отношение образа к значению лексически, посредством сравнительного союза, или это отношение выражено простым сопоставлением. Если образ постпозитивен, стоит после значения, то отношение это обязательно будет выражено и грамматически (как-так, или одно «так»). Если же образ предшествует, то наблюдается художественный прием — бессоюзие (asyndeton)...»[1]).

В качестве примера препозитивного сравнения, будящего мысль, двигающего ее вперед, Потебня указывает на следующее место из «Войны и Мира» Л. Н. Толстого: «Иногда Пьер вспоминал о с л ы ш а н н о м[2]) им р а с с к а з е,[3]) как на войне, солдаты, находясь под выстрелами в прикрытии, когда им делать нечего, старательно изыскивают себе занятие, для того, чтобы легче переносить опасность. И Пьеру все люди представлялись такими солдатами, спасающимися от жизни: кто честолюбием, кто картами или женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто вином, кто государственными делами». «Нет ни ничтожного, ни важного, всё равно: только бы спастись от нее (жизни), как умею», думал Пьер: «только бы не видеть ее, эту страшную ее».

Образцом постпозитивного сравнения, наоборот, успокаивающего, утишающего мысль может служить пример (Потебни).

Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты...
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною...

Кроме всего отмеченного выше, у Потебни мы встречаем еще и целый ряд других интересных наблюдений, как по вопросу о метафоричности вообще, так и по отдельным частным пунктам. Я однако ограничусь только сказанным, как самым главным. Как мы видели, наиболее ценны у Потебни те специально стилистические частные замечания, которые он делает по поводу разных отдельных вопросов. Общие его тезисы, в общем, идут в уровень со всеми, уже высказывавшимися мнениями.

---

[1]) и [2]) Курсив Потебни.
[3]) Харциев В., op. cit., стр. 389—390.

Ряд учеников Потебни [1]) продолжал его изыскания, углубляя и расширяя положения своего учителя. Проф. И. Мандельштам в своей книге о Гоголе пытался, правда, местами не совсем удачно, применить теоретические воззрения и практически. Однако чего-либо примечательного, нового они не внесли. Любопытно только высказанное А. Г. Горнфельдом (впрочем, возможно, что не свое) мнение, что «в современном поэтическом обиходе сравнение... становится слишком тяжеловесным...» [2]).

На этом я и закончу свое краткое изложение некоторых воззрений на метафоры и сравнения. Вообще же по данному пункту существует целая литература, из которой мной приведена только наиболее примечательная и характерная часть. Вопрос, как мы видели, довольно сложен и допускает различные подходы. При всем том, однако, думается, что некоторые положения этой научной литературы, взятые у тех или иных теоретиков, могут послужить основанием при практическом изучении сравнений и метафор какого-либо автора. К числу этих положений следует отнести близкое родство между собой этих фигур, необходимость психологического подхода при изучении, некоторые отмеченные выше эстетические нормы и др. В результате теоретическая работа различных ученых позволяет современному исследователю при практическом изучении подвести под свою работу некоторый фундамент, дает ему в руки необходимые априорные предпосылки, руководясь которыми легче вести работу. Конечно, это отнюдь не должно значить, что изучающий должен подходить к работе с какой-то готовой меркой: многое скажется в самом процессе анализа. Но всё же некоторые уже добытые наукой предпосылки облегчают изучение.

Приступая теперь к непосредственному анализу материала, отмечу, предварительно, самый план работы.

Сначала я рассмотрю внешние, формальные их выражения у Тургенева («как», творит. падеж, препозитивность и постпозитивность), затем отмечу, из какой области и каковы психологические основания его сравнений (зрительные, слуховые и др. впечатления), далее остановлюсь на том, насколько оригинальны встречающиеся образы, и, наконец, предложу общую эстетическую оценку всех сравнений в целом. Идя таким путем, мы постепенно будем переходить от частных, специальных особенностей к более общим свойствам и, наконец, в результате, сможем подвести окончательный итог.

Что касается тех предпосылок, тех оснований, которыми я буду руководствоваться при своем анализе, то они частью вытекают из приведенного выше обзора литературы сравнений. Главное исходное положение, которое я буду всегда иметь в виду, это, насколько то или иное сравнение своеобразно и неожиданно, насколько оно возбуждает творческую мысль читателя. При этом я не буду упускать и того, в какой мере согласуются те или иные сравнения с общим тоном и манерой Тургенева, насколько они

[1]) И. И. Мандельштам, А. Г. Горнфельд, Д. Н. Овсянико-Куликовский, В. Харциев и др.
[2]) Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XV, стр. 321.

однозвучны с его основными приемами и настроениями. Важное значение придаю я также и принципу «повторности», насколько тот или иной образ владеет писателем, насколько часто возвращается к нему его художественное воображение. При определении основных линий стиля писателя это имеет чрезвычайно важное значение.

Предваряю, однако, во избежание недоразумений, что в своей работе я отнюдь не следовал какой-нибудь одной предвзятой теории. Изучение научной литературы послужило для меня только отправной точкой, некоторым фундаментом, но отнюдь не заключало в себе чего-либо навязанного, заранее предопределяющего ход изучения. Самый метод, как и многие частности, уяснялись мне только в самом процессе анализа.

I.

ВНЕШНЯЯ ФОРМА СРАВНЕНИЙ ТУРГЕНЕВА.

Наиболее часто встречается среди сравнений Тургенева форма с «как», самая употребительная вообще и у других писателей. Среди разобранных мной сравнений, взятых из всех произведений, как ранних, так и последних, этот прием встречается в подавляющем большинстве. На ряду с этим, однако, мы находим у Тургенева и другие формы: творительного падежа, «словно», «точно», «подобно», распространенные сравнения и некоторые иные. Встречается и бессоюзное сравнение (asyndeton). Этот последний прием, по Потебне, употребляется обычно при препозитивных сравнениях и имеет целью придать воспоминанию значение непосредственного восприятия. Наконец, правда, довольно редко, попадаются и случаи отрицательного сравнения, столь характерного для народной поэзии [1]).

Что касается наиболее частой формы — «как», то относительно ее следует вообще отметить, что она, по своей структуре, является более рельефной, более подчеркивающей элемент сравнения, более, наконец, выделяющей привлекаемый для сравнения образ, чем какие-либо другие, напр., в виде творительного падежа. Благодаря ей, усиливается также и метафоричность примыкающих частей предложения. Присущ также этой форме и некоторый элемент энергичности, при краткости сравнения. При этом названная форма сравнения, в свою очередь, может быть разделена на две группы: совсем краткую, лаконичную и более обширную. Художественнее и ярче будет вторая, так как первая уж слишком сжата и не дает простора творчеству писателя. Такие сравнения, как: «Г-н Ратч вертелся по комнате, как кубарь» («Несчастная», 208) [2]), «Мы начали перелетывать с берега на берег, как кулички-песочники» («Призраки», 79), «Я сегодня кашляю, как старая овца» («Дневник лишнего человека», 190), «Горестное умиление,

---

[1]) Типа: «Не белы ль то снеги забелелися,
Моего ль то друга каменны палаты».

[2]) Ссылки везде сделаны на издание Маркса (при «Ниве»).

возбужденное в нем (Литвинове) Татьяной, растаяло, как снег в огне, и раскаяние замерло» («Дым», 125) и т. п., — давая краткий, лаконичный образ, не обогащают сравниваемое явление теми или иными художественными подробностями, а ограничиваются только сдержанным указанием. Другие, более обширные сравнения, богаче в этом отношении. Здесь уже перед нами нередко небольшая картинка или более или менее развитой образ. Таково, напр., сравнение звука со струной в «Певцах»: «Дрожащий, как струна, когда внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием» (248) [1]). Аналогичны с «как» и встречающиеся у Тургенева формы «подобно», «словно», «точно» и др. случаи их употребления будут однако реже[2]).

Сравнение в творительном падеже будет уже носить несколько иной характер. Оно, по своему существу, менее задерживает внимание, менее останавливает читателя, так сказать, мимолетнее, чем прием с «как». С другой стороны, оно более подвижно и гибко, не рассекает самого строя фразы. Иногда, по ходу действия, бывает удобнее употребить именно эту форму, чем какую-либо иную. И Тургенев это чувствовал. Пример этого мы находим, между прочим, в «Вешних Водах»: «Она (Полозова) птицей взвилась на седло» (143), в описании знаменитой поездки Марии Николаевны и Санина в горы. Здесь данной формой подчеркивается именно как бы взлет Полозовой. Выражение с «как» было бы здесь тяжеловеснее.

Что касается бессоюзного сравнения (asyndeton), то значение его уже указано мной выше. Тургенев употребляет эту форму нередко, что и вполне понятно, если мы примем во внимание, какую крупную роль играет в его творчестве воспоминание. Сознательно или инстинктивно, но Тургенев всегда прибегал к этой форме в тех случаях, когда нужно было рельефнее, живее обрисовать тот или иной образ прошлого, интимнее связать его с настоящим.

Интересны далее встречающиеся у Тургенева случаи отрицательного сравнения, столь характерного для народной словесности. Главный смысл этого приема — искание подходящего образа, иногда довольно показательное для творческой индивидуальности писателя. В качестве иллюстраций приведу следующие примеры: «Это уж не амазонка пускает коня в галоп — это скачет молодой женский кентавр — полузверь и полубог» («Вешние Воды», 140), «То не ветер воет, то не дождик струится ручьями:

---

[1]) Ср. также: «Фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений, как на заре стрижи вокруг колокольни». («Первая любовь» 5). «Неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как еще задолго до водопада стремление потока увлекает лодку». («Призраки», 75). «Бросить холодный, ясный взгляд на всю свою прошедшую жизнь — вот как прохожий, оборачиваясь, глядит с высокой горы на пройденное им поле — можно только в известные лета». («Переписка», 156). «Последние мои надежды с треском рухнули, как ледяная глыба, прохваченная весенним солнцем, внезапно рассыпается на мелкие куски». («Дневник лишн. чел.», 209) и целый ряд других.

[2]) Особый вид составляет выражение «ни дать, ни взять». Напр.: «Голова (Лукерьи) совершенно высохшая, бронзовая — ни дать, ни взять — икона старинного письма». («Живые мощи», 367). «Он (Чертопханов) закидывал голову назад, надувал щеки, фыркал, вздрагивал всем телом — ни дать, ни взять как индейский петух». («Чертопханов и Недопюскин», т. I, стр. 309).

то жалуется и стонет Хаос, то плачут его слепые очи» («Довольно», 110) [1].

Наконец особенного внимания, со стороны формы, заслуживают у Тургенева распространенные сравнения. Представляя из себя целую картину, уводящую иногда внимание читателя в сторону от первоначального образа, эти сравнения отличаются нередко значительной художественностью и выдержанностью. По отношению к разъясняемому явлению путем этого приема достигается большая обрисованность и выпуклость, большая законченность. Что касается заключающейся здесь опасности отвлечения в сторону, как, напр., это случилось с Гоголем [2], то в этом отношении Тургеневу всегда удавалось соблюсти нужное чувство меры. Самые большие из его распространенных сравнений не производят дисгармоничного впечатления. Напротив, этот прием не только не заключает в себе у Тургенева чего-либо антиэстетичного, но очень часто является тонким и художественным, удачно служащим раскрытию образа. Можно указать целый ряд примеров этого из самых различных областей. К нежным, чисто «тургеневским» распространенным сравнениям можно отнести, например, следующие:

В «Фаусте»: «Да, Вера погибла, а я уцелел. Помню, когда я был еще ребенком, у нас в доме была красивая ваза из прозрачного алебастра. Ни одно пятнышко не позорило ее девственной белизны. Однажды, оставшись наедине, я начал качать цоколь, на котором она стояла... ваза вдруг упала и разбилась вдребезги. Я обмер от испуга и стоял неподвижно перед осколками. Отец мой вошел, увидал меня и сказал: «вот, посмотри, что ты сделал: уже не будет у нас нашей прекрасной вазы; теперь уж ничем ее поправить нельзя». Я зарыдал. Мне показалось, что я совершил преступление.

«Я возмужал — и легкомысленно разбил сосуд, в тысячу раз драгоценнейший...» (т. VI, стр. 269) [3].

В «Вешних Водах»: Когда Санину попался в руки гранатовый крестик, то «не то сожаление, не то радость изобразили его черты. Подобное выражение являет лицо человека, когда ему приходится внезапно встретиться с другим человеком, которого он давно потерял из виду, которого нежно любил когда-то и который неожиданно возникает теперь перед его взором, все тот же и весь измененный годами» (т. VIII, стр. 5).

В «Довольно»: «Помнится, однажды, поздней ночью, в Москве, я подошел к решетчатому окну старинной церкви и прислонился к неровному стеклу. Было темно под низкими сводами — позабытая лампадка едва теплилась красным огоньком перед древним образом, — и смутно виднелись одни только губы святого лица, строгие, скорбные; угрюмый мрак надвигался кругом и, казалось, готовился подавить своею глухой тяжестью слабый луч ненужного света... И в сердце моем — теперь такой же свет и та-

---

[1]) Также: «То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня (листьев)». («Свиданье», т. I, стр. 269).

[2]) См., напр., классические примеры из «Мертвых душ» — сравнение фраков на балу у губернаторши с мухами и Ноздрева с «отчаянным поручиком».

[3]) Кроме сравнения, здесь также налицо и символ. Ваза символизирует Веру.

кой же мрак» (т. VIII, стр. 107). — «В последний раз отдался я тем воспоминаниям и прощаюсь с ними безвозвратно. Так скупой, в последний раз налюбовавшись своим кладом, своим золотом, своим светлым сокровищем — засыпает его серой, сырой землей; так светильня истощенной лампады, вспыхнув последним, ярким пламенем, покрывается холодным пеплом». «Взглянул зверек в последний раз из своей норки на бархатную травку, на солнышко, на голубые ласковые воды — да и забился в самую глушь, свернулся калачиком и заснул. Будут ли ему хотя во сне мерещиться и солнышко, и травка, и голубые, ласковые воды»? (стр. 112) [1]).

См. также в стихотворении в прозе «Камень» [2]), в поэме «Параша» (девушка и пчелиные соты), в поэме «Андрей» (улыбки Дуни и — струйки реки иль светлые кружки в тени дубов и лип).

Кроме этих мягких, чисто «тургеневских» по тону и колориту сравнений, можно указать и целый ряд других, более обычного характера, нередко очень оригинальных. Все эти сравнения представляют собою, в большинстве случаев, целые отдельные картины, привлекаемые автором для сопоставления и оттенения первоначального образа. При этом следует еще раз подчеркнуть, что Тургеневу всегда удается соблюсти необходимое чувство меры, избежать растянутости и перегруженности.

Интересно указать, что один раз такое распространенное сравнение проникает собою у Тургенева целую сцену, будучи проведено во всех деталях. Это именно в «Записках Охотника», в «Гамлете Щигровского уезда», в описании приезда на бал сановника: «...Вдруг тревожное волнение распространилось по всему дому. Сановник приехал. Хозяин так и хлынул в переднюю. За ним устремились несколько приверженных домочадцев и усердных гостей... Шумный разговор превратился в мягкий, приятный говор, подобный весеннему жужжанию пчел в родимых ульях. Одна неугомонная оса — Лупихин и великолепный трутень — Козельский, не пошизили голоса... И вот, вошла, наконец, матка — вошел сановник. Сердца понеслись к нему навстречу, сидящие туловища приподнялись» (т. I, стр. 286).

Особенно богаты распространенными сравнениями «Переписка», «Довольно».—В последнем они занимают иногда даже целые главы (см. в «Переписке», т. VI, стр. 152, 157, 162, в «Довольно», т. VII, стр. 107, 113, 117) [3]).

---

[1]) Целых три сравнения. Важно последнее.

[2]) Все стихотворение целиком посвящено этому сравнению. Имеется и элемент символизма.

[3]) Другие случаи распространенных сравнений см.:

а) в виде целой отдельной картины:

«Разговор» (т. IX, стр. 150)— романтического характера; «Гамлет Щигр. уезда» (т. I, стр. 300, 302)— подробное сравнение жены рассказчика с чахлым чижом; «Три встречи» (т. V, стр. 240)— сравнение заколоченного дома со слепым стариком, выщедшим погреться на солнце; «Рудин» (т. IV, стр. 318)—сравнение «нынешней» литературы, скорбящей о народе, с барином, только сочувственно кряхтящим, в то время как мужики, надсаживаясь, втаскивают коляску на берег; «Странная история» (т. VII, стр. 297)—охотничье сравнение; «Новь» (т. IV, стр. 17)—детальное сравнение некоего Скоропихина с бутылкой кислых щей; «Отчаянный» (т. VIII, стр. 376)—сравнение изменившегося лица Миши Полтева с лицом чистеньких двенадцатилетних мальчиков в Светлое Воскресенье.

б) остальные:

«Андрей» (т. IX, стр. 215); «Поездка в Полесье» (т. VI, стр. 281)—отвлеченное; «Степн. король Лир» (т. VII, стр. 366)—гиперболичное сравнение Харлова с мастодонтом, «Стук... стук... стук» (т. VIII, стр. 169); «Пунин и Бабурин» (т. VIII, стр. 207); «Новь» (т. IV, стр. 86)—сравнение Валентины Михайловны с розой.

Другая, примыкающая к этому приему, манера — накопление сравнения — встречается у Тургенева очень редко и совсем не характерна для него. Можно указать всего только два—три случая этого приема, да и то преимущественно в ранних произведениях. Таково, напр., следующее место в «Помещике», 1846 г.:

«И гнев исчез его (помещика), как пар,
Как пыль, как женские страданья,
Как дым, как юношеский жар,
Как радость первого свиданья». (Т. IX, стр. 177) [1]).

Наконец, остановимся еще несколько на вопросе о препозитивности и постпозитивности сравнений Тургенева. В этом отношении замечания, высказанные Потебней, подтверждаются с полной очевидностью. Если привлекаемый образ является воспоминанием и обобщается для данного случая, то тогда мы встречаем у Тургенева постпозитивную форму. При этом воспоминанию придается обычно та или иная степень конкретности, но не до полного отождествления с непосредственной действительностью.

Напр.: «Ах! наши сердца сходились, шли навстречу друг другу, как сливаются подземные ключи, невидимо, неслышно... и неотразимо» («Несчастная», т. VII, стр. 253). — «Валентина Михайловна... распустилась еще немножко больше перед ним (Неждановым)... Так в темный жар летнего полудня расцветшая роза распускает свои душистые лепестки, которые скоро снова сожмет и свернет крепительная прохлада ночи» («Новь», т. IV, стр. 86). — «Что-то разом обняло и обхватило меня снизу вверх: кобчик так подхватывает когтем, «чокает» перепела» («Призраки», т. VII, стр. 93).

Препозитивный образ, наоборот, будет иного характера: он нередко представляет непосредственное восприятие частного случая, является, по выражению Потебни, «наличным впечатлением, ведущим мысль к значению». Таковы, например, следующие случаи:

«И, как ветра слабый ропот,
«Милых слов я слышу шопот». (Стих. «Похищение», т. IX, стр. 244).

«Рудин прошелся по комнате.

— Заметили ли вы, — заговорил он, круто повернувшись на каблуках, — что на дубе, а дуб крепкое дерево — старые листья только тогда отпадают, когда молодые начнут пробиваться?

— Да, — медленно возразила Наталья, — заметила.

— Точно то же случается и с старой любовью, с сильным сердцем: она уже вымерла, но всё еще держится; только другая, новая любовь может ее выжить» («Рудин», т. IV, стр. 357).

«Как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты» («Отцы и Дети», т. II, стр. 13).

«И вот сильно потрясая тусклый от ладана воздух, внутренно нас потрясая, тяжелой волной прокатились звуки органа» («Довольно», т. VII, стр. 110).

---

[1]) Ср. еще: «Андрей» (т. IX, стр. 201, строфа 27)—несколько иронического характера.

Следует отметить, что гораздо чаще, в подавляющем большинстве случаев, встречаются у Тургенева постпозитивные сравнения, очевидно, всего более соответствовавшие тому пути, которым шла его мысль в этом процессе, от значения к образу.

В вопросе об отношении сравнений к другим членам предложения приходится опять отметить правильность замечаний Потебни, проверенных на данном частном случае, — произведениях Тургенева. Большинство его сравнений стоят при сказуемых и определениях.

«Горестное умиление, возбужденное в нем (Литвинове) Татьяной, растаяло, как снег в огне, и раскаяние замерло» («Дым», 125).

«Мысли в нем волновались, словно дым или туман» («Петушков», т. V, стр. 169).

«Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то-и-дело по ее глазам и губам» («Первая любовь», т. V, стр. 23).

«Я обернулся и увидал раздутую, как у удава, под оттопыренными ушами, красную шею господина Ратча» («Несчастная», т. VII, стр. 209).

Иногда, но реже сравнения ставятся и при других членах предложения подлежащих, дополнениях. Напр.: «Окно, словно зоркий глаз... мерцает путеводной звездой» («Певцы», т. I, стр. 232).

II.

ОБЛАСТИ, ОТКУДА ТУРГЕНЕВ БЕРЕТ СВОИ СРАВНЕНИЯ.

Вопрос, к которому мы переходим, — об источниках сравнений Тургенева, — очень важен и значителен. Решением его определяется тот круг художественных образов и ситуаций, которыми руководился писатель в данной частной особенности стиля. Вместе с тем этот вопрос связан и с общим характером и манерой того или иного писателя. Эльстер справедливо указывает, что отражения этого мы найдем и в обыкновенной речи. Так, сравнения солдата, матроса, охотника и др. резко отличаются друг от друга. Интересно, что некоторые современные теологи пытались на основании этого определить точнее те сферы, в которых вращалась мысль Христа.

Тургенев в своих сравнениях и метафорах точно так же отразил этот основной закон. Все те образы, которые мы найдем у него, непосредственно связаны с кругом его общего художественного внимания. Даже такие книжные сравнения, как литературные, вызванные воспоминанием о той или иной прочитанной книге или историческом факте, и те не случайны, если вспомнить общую насыщенность страниц Тургенева его начитанностью. Выдающаяся роль природы в произведениях автора «Записок Охотника» сказалась на его сравнениях самым решительным и определенным образом. Целый ряд сравнений Тургенева, притом одних из самых удачных, связан у него с теми или иными явлениями окружающей, наблюдаемой им природы.

К сопоставлению при этом привлекаются не только конкретные моменты, но и отвлеченные, нередко философские представления. Довольно ощутительно сказалась на этой группе сравнений писателя и его любимая страсть — охота, давшая ему, во время его скитаний по лесам и болотам, богатый запас впечатлений и наблюдений определенного рода. Сюда же примыкает и другая, близкая указанной, категория — сравнения из мира животных, птиц, насекомых и т. п., представляющая иногда, как, напр., по отношению к птицам, очень интересные особенности. Далее следует отметить группу, связанную с областью различных вещей, окружающих человека, которые рассматриваются Тургеневым, по связи с фактами и переживаниями человеческой жизни, в том или ином аспекте. Наконец, последнюю группу составят названные уже мной литературные сравнения, обязанные своим происхождением тому или иному книжному припоминанию автора.

Что касается первой группы — сравнений, связанных с природой, — то здесь, как основной принцип, следует, прежде всего, отметить то, что вообще характерно для Тургенева в этом пункте: именно, настойчивое и последовательное привлечение сравнений из этой области, в той или иной мере, к человеку, его наружности, переживаниям и т. п. Встречается у Тургенева, но реже и обратное явление — сравнение моментов природы с фактами человеческой жизни. Таким образом, в результате получается полный, замыкающийся круг.

Укажу сначала отдельные мотивы первого подотдела — «человек и природа».

По поводу внешнего вида и различных душевных переживаний и состояний человека здесь можно отметить следующие моменты:

1) Сравнение с теми или иными деревьями.

«...с бледных губ (отшельника) едва
«Беззвучно падают слова,
«Как поздней осенью с вершин
«Нагих и трепетных осин
«На землю грустной чередой
«Ложится листьев легкий рой». («Разговор», т. IX, стр. 150, двигат.)

«Он (Герасим) вырос немой и могучий, как дерево растет на плодотворной земле» («Муму», т. V, стр. 272).

«Себялюбивый человек засыхает, словно одинокое бесплодное дерево» («Рудин», т. IV, стр. 332).

«Машу всю поводило, как бересту на огне» («Чертопханов и Недопюскин», т. I, стр. 327, — двигат.).

«Так кончило свое земное поприще тихое и доброе существо (Маланья Сергеевна), бог знает зачем выхваченное из родной почвы и тотчас же брошенное, как вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало без следа, это существо,

и никто не горевал о нем» («Дворянское Гнездо», т. III, стр. 222, — зрит.).

«Люди, что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною березою» (слова Базарова — «Отцы и Дети», т. II, стр. 87).

«А когда я летаю, мне все кажется, что его (сердце) кто-то сосет, или как будто из него что-то сочится, вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор» («Призраки», т. VII, стр. 92, — зрит.).

«Он (Санин)... напоминал молодую, кудрявую, недавно привитую яблоню в наших черноземных садах» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 33, — зрит.).

«Caesar, Caesar venit!», зашумели голоса, подобно листьям леса, на который внезапно налетела буря» («Призраки», т. VII, стр. 86, — слух.).

«На засыхающем, покоробленном дереве лист мельче и реже, но зелень всё та же. Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминания, и там — глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобой своей пахучей, всё еще свежей зеленью и лаской, и силой весны». (Стих в прозе «Старик», т. IX, стр. 97, — зрит.) [1]).

2) Сравнения с цветами и растениями.

«Все, что в душе цветет так боязливо,
«Как первые весенние цветы». (Стих. «Когда давно забытое названье», т. IX, стр. 25, зрит.).
«Она вся расцветала, как весной
«Земля цветет, и страстно и лениво
«Под теплою, обильною росой». (Т. IX, стр. 141, зрит.).

«Казалось, избыток счастья... надломлял ее (незнакомку) слегка, вот как распустившийся цветок иногда надламывает свой стебель» («Три встречи», т. V, стр. 253, — зрит.).

Пасынков говорил «голосом беззвучным и слабым, как шелест тростника» («Яков Пасынок», т. VI, стр. 213, — слух.).

Влечение «завяло тогда, как одинокий колос среди негодных трав» («Переписка», т. VI, стр. 155, — зрит.).

«Проступало, как весенняя трава, радостное чувство молодой, закипающей жизни» («Первая Любовь», т. VII, стр. 5, — зрит.).

«Горечь едкая и жгучая, как горечь полыни, наполняла всю его душу» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 34, — вкусов.).

---

[1]) См. еще приведенное мной выше сравнение старой и новой любви с листвой дуба («Рудин», т. IV, стр. 357). Ср. также в «Истории лейтенанта Ергунова»: «Подробности эти обросли, если можно так выразиться, первоначальный ствол самой истории, как опенки обрастают срубленный пень» (т. V, стр. 136,—зрит.).

Литвинову горько стало «словно полынь склеила его стиснутые губы» («Дым», т III, стр 86, — вкусов.).

Валентина Михайловна «распустилась еще немножко больше перед ним... Так в томный жар летнего полудня расцветшая роза распускает свои лепестки, которые вскоре снова сожмет и свернет крепительная прохлада ночи» («Новь», т. IX, стр. 86, — зрит.).

Русые крестьянские головы от времени до времени «начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленной волной пробегает легкий ветер» (стих. в прозе «Христос», т. IX, стр. 105, — двиг.).

У Панталеоне «огромные космы волос, смоченные потом, грузно раскачивались из стороны в сторону, словно корни крупного растения, подмытые водою» («Вешние Воды», т VIII, стр 10,— двигат.) [1]).

3) Световые эффекты (все зрит.)

Взгляд Параши...

«То был он ясен, как весенний луч,
«То чуть мерцал, как месяц из-за туч».
(«Параша», т. IX, стр. 123).

«...каждый (Андрей и Дуня) принимал участье
«Во всем, что думал и желал другой,
«И не совсем их позабыло счастье:
«Так иногда над тучей грозовой,
«Когда шумит сердитое ненастье,
«Откроется внезапно золотой
«Клочок небес — и луч косой, широкий
«Сквозь частый дождь осветит лес далекий».
(«Андрей», т. IX, стр. 215).

«Прежде подобные мысли и в голову бы мне не пришли — прежде в те счастливые дни, когда я сам разгорался, как заря...» («Довольно», т. VII, стр. 107).

«Что-то неотвязчиво-постылое, противно-тяжкое, со всех сторон обступило его, как осенняя, темная ночь» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 4).

«...Изредка, как короткая молния, вспыхивает в нем мысль» (там же, стр. 77).

Марианна — «лицом вся радостная и светлая, словно клад нашла, словно солнце ее озарило» («Новь», т. IV, стр. 226).

«Я сейчас взглянул из окна: среди быстро мчавшихся туч стояла одна прекрасная звезда. — Как быстро они ни мчались — они не могли ее за-

---

[1]) Ср. также: «...пестрые ленты, перья и стальные искры на шляпах и вуалях напоминали взору оживленный блеск и легкую игру весенних цветов и радужных крыл». («Дым», т. III, стр. 5). Касьян с «густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке». («Касьян с Красивой Мечи», т. I, стр. 120).

крыть. Эта звезда напомнила мне тебя, Марианна». (Из предсмертного письма Нежданова, там же, стр. 287).

Калиныч с «лицом кротким и ясным, как вечернее небо» («Хорь и Калиныч», т. I, стр. 6).

«Когда ее глаза, большею частью полуприщуренные, открывались во всю величину свою — ее лицо изменялось совершенно: точно свет проливался по нем» (о Зинаиде) («Первая любовь», т. VII, стр. 12).

4) Сравнения с ветром.

«И как ветра слабый ропот,
«Милых слов я слышу шопот». (Стих. «Похищение», т. XI, стр. 244, сл.)

«Лучинов увлекал ее (Ольгу Ивановну), как вихрь щепку»... («Три портрета», т. V, стр. 108,—двигат.).

«В душе Литвинова поднимались, как мгновенные удары ветра перед грозой, внезапные бешеные порывы» («Дым», т. III, стр. 167,—двиг.) [1]).

5) Сравнения со снегом (все зрит.).

«Сердце его (Акима) не умело противиться женскому взгляду: он таял от него, как первый осенний снег от солнца» («Постоялый двор», т. V, стр. 307).

«Скорбь о прошедшем таяла в его (Лаврецкого) душе, как весенний снег» («Дворянское Гнездо», т. III, стр. 255).

Все в молодости исчезает, «как воск на солнце, как снег...» («Первая любовь», т. VII, стр. 70—71).

«Горестное умиление, возбужденное в нем (Литвинове) Татьяной, растаяло, как снег в огне, и раскаяние замерло» («Дым», т. III, стр. 125).

Ср. также: у Веры «то же спокойствие, та же ясность, голос тот же, ни одной морщинки на лбу, точно она все эти годы пролежала где-нибудь в снегу» («Фауст», т. VI, стр. 238). «Как первые снежинки кружатся, быстро сменяясь и пестрея еще в тусклом осеннем воздухе, — так в разгоряченной атмосфере Голушкинской столовой завертелись, толкая и тесня друг дружку, всяческие слова...» («Новь», т. IX, стр. 143), «Березы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег» («Свиданье», т. I, стр. 270), «Облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег» («Касьян с Красивой Мечи», т. I, стр. 124). «Они (турки в галлюцинациях Ергунова) начинают корчиться, рожи строить, а после и совсем распадаются, как талый снег» («История лейтенанта Ергунова», т. VII, стр. 165) [2]).

---

[1]) См. также приведенное выше сравнение переживаний Джеммы и Санина с вихрем. («Вешние Воды», т. VIII, стр. 82).

[2]) Укажу для полноты и остальные случаи этого сравнения, в общем, однако, малоинтересные: Федя отвечал Хорю, «улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов» («Хорь и Калиныч», т. I, стр. 3); двое молодых купеческих приказчиков «с белыми, как снег, зубами» («Касьян с Красивой Мечи», т. I, стр. 123); «белье, как снег, белое» (Татьяна Борисовна и ее племянник», т. I, стр. 212); «белая, белая, как снег, лиса» («Конец Чертопханова», т. I, стр. 343); Вязовнин «в белой, как снег, рубашке» («Два приятеля», т. VI, стр. 5); человек, «с белой, как снег, головой» («Дворянское Гнездо», т. III, стр. 249).

6) Сравнения с облаками (зрит. и двигат.).

«Обнявшись дружно, целый год
«Стремились жадно мы вперед,
«Как облака перед грозой». («Разговор», т. IX, стр. 159).

«Очертания их (мыслей Лаврецкого) были также неясны и смутны, как очертания тех высоких, тоже как будто бы бродивших тучек» («Дворянское Гнездо», т. III, стр. 248).

«Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то-и-дело по ее глазам и губам» («Первая любовь», т. VII, стр. 23).

«Кто он? Эти два слова точно стояли перед моими глазами, начертанные во мраке, — точно низкое, зловещее облако повисло надо мной — и я чувствовал его давление — и ждал, что вот-вот оно разразится» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 53).

Ср. «Погода наступила прекрасная, дни не летели; нет, они проходили мирно и радостно, как высокие, светлые облака на голубом и светлом небе» («Два приятеля», т. VI, стр. 61).

7) Сравнения с туманом и дымом.

а) «Мысли в нем (Петушкове) волновались, словно дым или туман» («Петушков», т. V, стр. 169,—зрит.).

«Да я и не понимал, что происходило во мне, — точно туман бродил в душе» («Фауст», т. VI, стр. 237,—зрит.).

«Потом он (старик Дессер в видении рассказчика) опять исчез — словно туман набежал на него» («Странная история», т. VII, стр. 298,—зрит.).

«...Лиза... исчезла, как бы в тумане» («Дворянское Гнездо», т. III, стр. 329,—зрит.).

«Передо мной, сквозя, как туман, неподвижно стоит белая женщина» («Призраки», т. VII, стр. 74,—зрит.).

...«Рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза... словно белый туман из сырой долины обдал меня» [1]) (там же, стр. 84, — осязат.).

«Облик Эллис исчезал совершенно, таял, как утренний туман на июльском солнце» (там же, стр. 100) [2]).

б) «...как дымкой,
«Прозрачной тенью трепетно облит
«Ее высокий стан...». («Параша», т. IX, стр. 140).

«Призрак тихо качнулся вперед, смешался весь, легко волнуясь, как дым» («Призраки», т. VII, стр. 74, — двиг.).

---

[1]) В отличие от других сравнений с туманом—зрительных, этот образ осязательного порядка.

[2]) Очень характерно для общего настроения данного произведения, что здесь встречаются целых три сравнения с туманом.

См. выше под рубрикой «а», пример из «Петушкова». Ср. также: «Туман волнуется, как дым» в стих. «Другая ночь» (т. IX, стр. 269, — зрит.).

...Облака, «черноватые и неопределенные, как дым» («Бежин луг», т. I, стр. 93, — зрит.).

Метафора: «Я уже вся отдалась будущему; я ничего не видела вокруг, точно я плыла по прекрасной, ровной, но стремительной реке, окруженная туманом» («Несчастная», т. VII, стр. 254).

8) Сравнения с ручьем, потоком, волной и т. п. (главным образом зрит. и слухов.).

А) «Как ручеек извилистый, но плавный,
«Катилась жизнь Прасковьи Николавны». («Параша», т. IX, стр. 146).

«...Слезы полились у ней ручьем» («Свиданье», т. I, стр. 277).

«Долго сдержанное горе хлынуло, наконец, потоком» (там же, стр. 278).

Слезы Натальи «бежали вновь, как вода из давно накопившегося родника» («Рудин», т. III, стр. 357).

«Бранные слова, оскорбления, угрозы, полились потоком» («Несчастная», т. VII, стр. 256).

«Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит» (Базаров Феничке «Отцы и дети», т. II, стр. 155).

«Быстро и неслышно, как подснежные воды, протекала молодость Елены» («Накануне», т. II, стр. 247).

«Наши сердца сходились, шли навстречу друг другу как сливаются подземные ключи, невидимо, неслышно... и неотразимо» («Несчастная», т. VII, стр. 253).

«Неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как еще задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку» («Призраки», т. VII, стр. 75).

«Разные соображения, измышления, выдумки, смешные или злые слова, набирались в нем, как вода на запертой мельнице... Заставок нельзя было поднимать: вода делалась стоячей и портилась. — Машурина подвернулась... Вот он и поднял заставки и заговорил, заговорил» («Новь», т. IV, стр. 294).

Б) «Ее рабом я был. Она
«Была свободна, как волна». («Разговор», т. IX, стр. 159) [1]).

«...легкий сон отрадной
«Волной струится мягко на глаза
«Всему, что дышит...». («Андрей», т. IX, стр. 222).

«Ненависть, презрение поднялись во мне разом, хлынули волной, затопили меня» («Несчастная», т. VII, стр. 239).

[1]) Романтический эпитет.

«Рассыпавшиеся волосы (Ирины) обдали его пахучей и мягкой в о л н о й» («Дым», т. III, стр. 163).

По лбу Пунина «пробегали морщины снизу вверх, в три ряда, к а к в о л н ы» («Пунин и Бабурин», т. VIII, стр. 191).

Несколько особо следует поставить два сравнения в «Параше» и «Андрее», где волна входит только составной частью в общее сравнение — с листком, который несет волна.

«Нет! О любви не думает она (Параша),
«Но, к а к л и с т о к б л е с т я щ и й и с ч а с т л и в ы й,
«Е е н е с е т ш и р о к а я в о л н а». («Параша», т. IX, стр. 140—141).

«И к а к л и с т о к, о т д а в ш и й с я в о л н е,
«Т о м е д л е н н о й, т о в д р у г н е т е р п е л и в о й, —
«Несутся мысли...». («Андрей», т. IX, стр. 197).

Ср. также:

«И вот мне чудится: ко мне,
«П о д о б н о м е д л е н н о й в о л н е,
. . . . . .
«Несется плавно звучный зов:
«Смирись, безумный человек». («Разговор», т. IX, стр. 168).

«Но вот, ветер набежал, и зашумели верхушки, с л о в н о п а д а ю щ и е в о л н ы» («Лес и Степь», т. I, стр. 400).

«И вот, сильно потрясая тусклый от ладана воздух, внутренно нас потрясая, т я ж е л о й в о л н о й прокатились звуки органа» («Довольно» т. VII, стр. 110).

Сопоставьте также метафорические выражения:

«Лишь изредка ветер набегал струями» («Два помещика», т. I, стр. 183); голос — «то замирал, то опять набегал ч у т ь с л ы ш н о й, н о в с е е щ е жгучей струйкой...» («Конец Чертопханова», т. I, стр. 332) и другие примеры.

В) «Ее горячие, быстрые слова пронеслись над ним, к а к г р о з н ы й л и в е н ь» («Дым», т. III, стр. 89).

«Это всё было необычайно и пронеслось, к а к м г н о в е н н ы й г р о з о в о й л и в е н ь» («Несчастная», т VII, стр. 232).

«Слезы, — ч т о г р о з а: после них человек всегда тише» («Три портрета», т. V, стр. 109) [1]).

Отдельно укажу, наконец, сравнения женщин с теми или иными явлениями природы. Прием этот, иногда очень тонкий и изящный, в немалой степени способствует прославленной обаятельности женских образов Тургенева. Укажу следующие случаи:

---

[1]) Примыкает ко всем этим сравнениям с «водой», в ее различных проявлениях и сравнение: «Он (Нежданов) знал, что друг его поглощает каждое его слово, как дорожная пыль — брызги дождя, хранит его тайны, как святыню» («Новь», т. IV, стр. 59).

«...как струйки мелкие реки
«У камышей на солнце, в неглубоких
«Местах, иль как те светлые кружки
«В тени густых дубов и лип широких,
«Когда затихнет ветер, и листки
«Едва трепещут на сучках высоких —
«По тонким губкам Дуни молодой
«Улыбки пробегали чередой». («Андрей», т. IX, стр. 205, двиг.).

Параша хороша, «как вечер пред грозой»;
«Как майская томительная ночь».
(«Параша», стр. 126, зрит.).

Лежнев говорит Александре Павловне, что она свежа, мила, «как это утро» («Рудин», т. IV, стр. 304, — зрит.).

Глаза Джеммы «то широко раскрытые и светлые, и радостные, как день, то полузастланные ресницами и глубокие, и темные, как ночь» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 27, — зрит.).

Перед Саниным «в легком, серо-зеленом барежевом платье, розовая, как летнее утро, но с неисчезнувшей еще негой безмятежного сна в движениях и во взорах, стояла Мария Николаевна» (там же, стр 115, — зрит.)

У Раисы «на верхней губе было родимое темно-синее пятнышко, точно она поела команики» («Часы», т. VIII, стр. 267, — зрит.).

Голова Дуни «склонилась, как осенний колос» («Андрей», т. IX, стр. 224, — зрит.).

«Бывают эпохи в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние розы» («Отцы и Дети», т. II, стр. 155, — зрит.) [1]).

Шея Джеммы — «гибкая и нежная, как стебель крупного цветка» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 68).

«Санин не мог отделаться от образа Полозовой, не мог не ощущать даже того особенного запаха, тонкого, свежего и пронзительного, как запах желтых лилий, которым веяло от ее одежд» (там же, стр. 122, — обон.).

Голос у Лукерьи, «слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки» («Живые мощи», т. I, стр. 367, — слух.).

Прочие случаи (напр., сравнение Валентины Михайловны с розой и др.), см. выше, под разными рубриками.

Помимо положения «человек — природа», встречается у Тургенева, хотя реже, и обратная ситуация — «природа — человек», сопоставление явлений природы с теми или иными фактами человеческой жизни. Тургенев

[1]) Ср. юмористическое выражение в «Попе»:
«...немок—пол прелестный
«Я жаловал когда-то... но они
«На уксусе настоянные розы...
«И холодны, как ранние морозы».

очень умело пользуется этим приемом, который, развиваясь дальше, постепенно переходит в олицетворение. Первоначально, однако, это будет только акт сравнения, раздельного сопоставления, в свою очередь, по теории А. Н. Веселовского, развившийся из параллелизма. В качестве примеров этой группы можно указать следующие:

«А вот и ночь: и вкралась тишина,
«Как поцелуй, томительно протяжный,
«Во все земное...» («Параша», т. IX, стр. 131).
«Как грустный взгляд, люблю я осень».
(Стих. «Осень», т. IX, стр. 254).

«О, ночь безлунная, ночь теплая, немая,
«Ты нежишься, ты млеешь, изнывая,
«Как от любовных ласк усталая жена».
(Стих. «Безлунная ночь», т. IX, стр. 266).

«Окно, словно зоркий глаз..., мерцает путеводной звездой» («Певцы», т. I, стр. 232).

«Лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз». («Свиданье», т. I, стр. 269).

«Могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы» («Лес и Степь», т. I, стр. 400).

Южная ночь, «вся светлая, роскошная и прекрасная, как счастливая женщина в цвете лет» («Три встречи», т. V, стр. 242).

«Легкий шорох, подобно шелесту женского платья, поднимался по временам в верхушках ближних деревьев» («Накануне», т. II, стр. 239, — слухов.).

«Первые жаворонки звенели высоко — высоко в полусумрачной воздушной бездне, откуда, как одинокий глаз, смотрела крупная последняя звезда» (там же, стр. 293).

«Как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты» («Отцы и Дети», т. II, стр. 13).

«Свет в окне моей комнаты мелькнул между яблонями сада, мелькнул и скрылся, словно глаз человека, который бы меня караулил» («Призраки», т. VII, стр. 93).

«Этакой старый лес — точно старый друг» («Вешние Воды», т. VIII, стр. 141).

«Ночь тихая, претихая, только изредка ветерок, словно женской ручкой по щеке тебе проведет» («Собака», т. VIII, стр. 132, — осязат.) [1]).

Отметим тут же, попутно, и другие сравнения природы с теми или иными явлениями. К числу этих явлений будут относиться как моменты той же самой природы, так и иные факторы: из мира вещей, отвлеченного порядка и др. Преимущественно все они будут связаны с зрительными впечатлениями. Из группы этих последних укажу следующие примеры:

[1]) Ср. выше, в «Накануне», сравнение шороха в верхушках деревьев с шелестом женского платья.

Вечерняя звезда теплится на небе, тихо мигая, как бережно несомая свечка» («Бежин луг», т. I, стр. 93).

«Красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобно цвету переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь, перед глазами» («Свиданье», т. I, стр. 270).

«Тонкий туман разливался молоком в воздухе и застилал отдаленные леса» («Дворянское Гнездо», т. III, стр. 247).

«Там и сям, по всему его (огромного тусклого пространства) протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала, блистали стоячие воды» («Призраки», т. VII, стр. 85).

«Мелкие листья ярко и дружно зеленели, словно кто их вымыл и лак на них навел» («Новь», т. IV, стр. 61).

«Луна уже встала на небосклоне, красная и широкая, как медный щит» (там же, стр. 72).

«Серое, одноцветное небо висит..., как полог» (стих. в прозе «Конец света», т. IX, стр. 75).

«Это небо — точно саван» (там же, стр. 76).

«...все ракиты,
«Как зимним инеем, покрыты
«Тончайшей пылью...» («Помещик», т. IX, стр. 189).

«Воздух только изредка дрожал, как дрожит вода, возмущенная падением ветки» («Три встречи», т. V, стр. 241) [1]).

«Сухой, кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки» («Отцы и Дети», т. II, стр. 137) [2]).

«Береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно-голубом небе» («Лес и Степь», т. I, стр. 401).

Следующий отдел, примыкающий к рассмотренному, составляют сравнения, черпаемые Тургеневым из мира животных. Отдел этот, по своему происхождению и значению, тесно связан с предыдущим, является только частной его деталью. Здесь, прежде всего, следует отметить сравнения, связанные с охотой, бывшей, без сомнения, одним из самых главных источников всех вообще сравнений писателя, взятых из природы. На такое значение охоты, как крупного фактора в создании изобразительных средств, указывает, помимо «Записок Охотника», и ряд отдельных мест в других произведениях, также и многие свидетельства самого Тургенева, в его письмах [3]). Охота отразилась вообще на всем творчестве Тургенева. Ска-

[1]) Моторные впечатления.

[2]) То же.

[3]) См., напр., в письме к И. П. Борисову: «охота, страсть горячая, сильная, неистомная», Париж, 9 февраля (28-го января) 1865 г. «Письма И. С. Тургенева к И. П. и П. И. Борисовым». («Щукинский сборник», выпуск VIII, М. 1909, стр. 367); в письме к А. А. Фету: «Сегодня Петров день... Воображаю себе вас с Борисовым... на охоте в Полесье... Вот поднимается черныш из куста, трах, закувыркается о-земь красноброгый... или удирает в даль к синеющему лесу, резко дробя крылами, и глядит ему вслед и стрелок и собака... не упадет ли, не свихнется ли... Нет, чешет,

залось это и на данной частной особенности стиля писателя — на его сравнениях. Некоторые из них представляют собой определенные моменты охоты, сопоставляемые Тургеневым, в той или иной связи, с различными эпизодами человеческой жизни. Эти сравнения Тургенева являются, так сказать, объяснением, толкованием многих других его сравнений, связанных с природой или животным миром. Здесь мы можем проследить и отметить самый источник многих сопоставлений писателя, их первоначальную отправную точку. Укажу следующие сравнения:

«Судьба замотала его (Недопюскина), словно зайца на угонках». («Чертопханов и Недопюскин», т. I, стр. 316).

«Хрипи там, да бейся, как заяц в силке» («Стучит», т. I, стр. 391).

«Он (жид) от нас не уйдет. — Мы его, значит, как зайца в поле» («Конец Чертопханова», т. I, стр. 338).

«Маша просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись к стенке, как раненая лисица» (там же, стр. 329).

«Мы его подстрелим, как куропатку» («Бреттер», т. V, стр. 84).

Ефрем почувствовал «некоторое содрогание; подобного рода ощущение испытывает стоящий под опушкою охотник при внезапном тявкании гончей в лесу, из которого уже, казалось, весь зверь выбежал» («Постоялый двор», т. V, стр. 338).

«По временам эти глаза (Василия) загорались зловещим внутренним огоньком; подобный огонек замечал я у борзой собаки, когда она воззрится в зайца и, подобно борзой собаке, тот весь устремился своим взором вслед за моим, когда я делал угонку, т.-е. пробовал отвести глаза в сторону» («Странная история», т. VII, стр. 297).

«Что ты кричишь..., словно гончую на след наклика ешь.» («Дым», т. II, стр. 13).

«Эллис кувыркалась на воздухе, падала, бросалась из стороны в сторону, как куропатка, смертельно раненая, или желающая отвлечь собаку от своих детей» («Призраки», т. VII, стр. 103).

Близко примыкают сюда сравнения типа:

«Хвалынский повторит несколько раз сряду: «Как тебя зовут?», ударяя необыкновенно резко на первом слове «как», а остальные произнося очень быстро, что придает всей поговорке довольно близкое сходство с криком самца-перепела» («Два помещика,» т. I, стр. 181).

разбойник, все далее и далее, закатился за лес, прощай!» 29 июля 1860 г. (А. Фет. Мои воспоминания. Часть I. М. 1890 г., стр. 335); к нему же: «В настоящую минуту я мысленно переношусь к вам и вижу вас с ружьем в руке, стреляющим по вальдшнепам в вашем парке: конец сентября самый их привал в наших краях. Помните, какие мы с вами совершали охоты!» 30 декабря 1878 г. (А. Фет. Мои воспоминания. Часть II, М. 1890 г., стр. 355).

«Девушки у нас выговаривают слово «чего-с» очень странно, как-то особенно резко и быстро... Куропатки так кричат по зарям» («Петушков», т. V, стр. 144).

«Мы начали перелетывать с берега на берег, как кулички-песочники» («Призраки», т. VII, стр. 79).

Ряд остальных примеров см. ниже в отделе о сравнениях с птицами и в других группах.

Указанные охотничьи сравнения являются, так сказать, поясняющим введением ко всем остальным сравнениям из животного мира. При ознакомлении с непосредственным материалом мы увидим, что, создавая те или иные сравнения из этой области, Тургенев непосредственно отправлялся от наблюдений и впечатлений, полученных на охоте. Как мы уже отчасти видели, это справедливо по отношению и к многим другим сторонам творчества писателя.

Обращаясь теперь к непосредственному анализу данной группы сравнений с областью животного царства, остановлюсь, прежде всего, на самом характерном отделе — сравнениях с птицами. У Тургенева это будет самая крупная категория рассматриваемой группы, представленная наиболее богато как в количественном, так и в качественном отношении. Птицы всегда привлекали к себе внимание писателя. В особенности манил и захватывал его образ летящих, стремящихся вдаль птиц. На столетнем юбилее писателя, в соединенном заседании Московского Университета и Общества Любителей Российской Словесности, М. О. Гершензон счел даже нужным посвятить этому мотиву целую речь [1]). Действительно, образ летящей, стремящейся вереницы или отдельных птиц определенно владеет Тургеневым. Помимо целого ряда свидетельств его произведений, с которыми мы сейчас ознакомимся, об этом говорят и непосредственные заявления писателя, в его письмах. Так, в письме к г-же Виардо от 2/14 сентября 1850 г. мы читаем:

«Кстати о журавлях: у нас каждый день пролетают их стаи, направляясь правильным и медленным полетом к югу. Вы помните стихи из Фауста:

Wenn über Flächen, — über Seen, [2])
Der Kranich nach der Heimath strebt...

Употребление слова streben здесь очень удачное, попробуйте-ка перевести его по-французски.

Я не знаю ничего торжественнее журавлиного крика, когда он точно с облаков падает вам на голову. Этот крик громок, звучен, могуч и очень меланхоличен. Он как будто говорит вам: «Прощайте, вы, жалкие, маленькие собачки-люди, вы не можете передвигаться с места; мы же летим на юг,

[1]) См. в книге М. О. Гершензона «Мечта и мысль Тургенева». *П. С.*

[2]) Когда через моря и равнины журавль стремится на родину.

туда, где теперь будет хорошо и тепло. А вы оставайтесь в снегах и нужде... Терпение!» [1]).

Если мы обратимся теперь к сравнениям Тургенева, связанным с птицами, то прежде всего заметим именно те, которые соответствуют только что приведенным строкам, сравнения, приводящие образ летящих птиц в связь с человеческими переживаниями, тоской, стремлением вдаль. Как раз именно эти сравнения и будут у Тургенева самыми яркими и интересными в рассматриваемой группе. Даваемый ими художественный образ и натолкнул, главным образом, М. О. Гершензона на мысль о важной роли летящих птиц в некоторых сторонах миросозерцания писателя. С другой стороны, и чисто художественное значение этих сравнений — самое примечательное среди всех остальных, относящихся сюда, по тонкости и изяществу сопоставления. К числу этих сравнений относятся следующие:

«...без всякого усилья
«Любовь, к а к п т и ц а, расширяет крылья».
(«Параша», 131).
«Сердце в вас встрепенется, к а к п т и ц а».
(«Лес и Степь», 397).
«Воображение реет и носится, к а к п т и ц а».
(Там же, 400).

«Посмотрите-ка вон на эту ласточку... Видите, как она смело распоряжается своим маленьким телом, куда хочет, туда его и бросит! Вон взвилась, вон ударилась книзу, даже взвизгнула от радости, слышите? Так вот я для чего пью, Маша, чтобы испытать те самые ощущения, которые испытывает эта ласточка. . Швыряй себя куда хочешь, несись куда вздумается...» («Затишье», 113, Веретьев).

«Я даже на ходу подпрыгивал — право, словно крылья вдруг выросли у меня за плечами» («Дневник лишнего человека», 197)

«Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья» («Ася», 338).

«Концы тонких лент слегка приподнимались у ней за плечами, словно крылья» («Дым», 51).

«Мы взмыли кверху, к а к в а л ь д ш н е п, н а л е т е в ш и й н а б е р е з у—и о п я т ь понеслись в прямом направлении.» («Призраки», 79).

«Мы начали перелетывать с берега на берег, к а к к у л и ч к и - п е с о ч н и к и.» (там же, 79).

«И мы вдруг полетели через Волгу, в косвенном направлении, над самой водой, низко и порывисто, к а к л а с т о ч к а п е р е д б у р е й» (там же, 89—90).

«Мерное, широкое колебание сверху вниз и снизу вверх, колебание, напоминающее зловещий размах крыльев хищной птицы, когда она ищет своей добычи» (там же, 102).

---

[1]) И. С. Т у р г е н е в. Неизданные письма к г-же Виардо и его французским друзьям. Издание Д. П. Ефимова, М. 1900. Стр. 114—115.

«...Поедем прямо, как делают птицы» («Вешние Воды», 139).

«Фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений, как на заре стрижи вокруг колокольни.» («Первая любовь», 5).

«Они (молнии) не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, как крыло умирающей птицы» (там же, 25) [1]).

«Только он сам, этот образ (Зинаиды) казался успокоенным: как полетевший лебедь от болотных трав,—отделился он от окружавших его других неблаговидных фигур» (там же, 25).

«Рудин — тот не унывал..., куда, носится, бывало, среди всякого рода недоразумений и путаницы, как ласточка над прудом» («Рудин», 368).

«Что-то разом обняло и подхватило меня снизу вверх: кобчик так подхватывает когтем, «чокает» перепела» («Призраки», 93).

«И надо всей этой молодою, уединенной, тихой жизнью, округляя свои груди, как большие, ленивые птицы, тихо плыли светлые облака» («Новь», 46).

«Крылья у него (Христа) по всему небу развернулись, длинные, как у чайки» («Живые мощи», 376).

«...И уже чудится мне быстрый шелест шагов — и стою я, весь напряженный и легкий, как птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь» («Довольно», 110).

«...Твои мысли, мои мысли, — как оба крыла одной и той же в лазури потонувшей птицы» (там же, 111).

«И словно стадо птиц огромных,
«Внезапно ветер налетит,
«И в сучьях спутанных и темных
«Нетерпеливо прошумит» (стих. «Осень», 254).

«Как стая громадных птиц, промчался прочь взыгравший вихрь» («Вешние Воды», 52).

«Иногда ему казалось, что вихрь налетал на него, и он ощущал быстрое вращение и беспорядочные удары его темных крыл» («Дым», 117) [2]).

Близко примыкают к указанным, но только элементарнее, и сравнения:

«Ивану Андреевичу показалось, что слова старухи летели к нему

---

[1]) См. еще: «...рама давно вывалилась из окна (беседки) и, зацепившись одним углом, висела печально, как перешибленное птичье крыло» («Дневник лишн. чел.», 293); «и только там в глубине его (умирающего) потускневших глаз, билось и трепетало что-то, как перешибленное крыло на-смерть раненой птицы» (стих. в прозе «Что я буду думать?», 112). В последнем примере интересно сочетание отвлеченного образа с конкретным.

[2]) Ср. также в «Накануне» слова Шубина: «А не полечу, значит, я пингвин морской, без крыльев» (т. II, стр. 229). См. знаменитое место в «Призраках»—полет журавлей (т. VII, стр. 99), очень интересный ссн в письме к г-же Виардо (цит. изд., стр. 97—98).

винтом, вот как летают турманы» («Похождения подпоручика Бубнова», 47). «...птицей.

«Я полетел домой» («Поп», 15).

«Маша легче птицы выпорхнула из комнаты» («Бреттер», 72).

«Сколько раз вылетал соколом (Рудин) — и возвращался ползком, как улитка, у которой раздавили раковину» («Рудин», 424).

«Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком» («Отцы и Дети», 94).

«Трудно передать словами, какою перепелкой влетел в комнату прогрессист» (там же, 112).

«А заведете речь с тем же политико-экономом... о самых трудных задачах общественной науки, только вообще, без фактов... фрррр..., так птицей и взовьется, орлом» («Дым», 95).

«...И каково изумление, каков конфуз Санина, когда под ярый лай Тартальи, ловко растопырив ноги и перелетая птицей через прикорнувшего Эмиля — он внезапно видит перед собой... двух офицеров» («Вешние Воды», 77).

«Она (Полозова) птицей взвилась на седло» (там же, 143).

Помимо всех этих сравнений, связанных, так или иначе, с полетом, стремлением вдаль птиц, мы находим у Тургенева и целый ряд других, в ином аспекте, но тоже связанных с птицами же. Не столь показательные и значительные, как предыдущие, эти сравнения, тем не менее, всё же интересны в смысле приверженности писателя к определенному кругу. Ими еще больше расширяется та область сопоставлений с птицами, которую мы определили выше, как одну из самых характерных для Тургенева. Напомню, также, что и по показаниям современников интерес к птицам вообще был велик у писателя [1]).

Укажу, для полноты картины, все остальные встречающиеся у Тургенева случаи сравнений с птицами тех или иных моментов, располагая материал по определенным рубрикам. Именно мной будут указаны следующие группы: 1) сравнения с хищными птицами, 2) сравнения с тетеревом и куропаткой, 3) сравнения вообще с понятием «птица», без указания породы и 4) сравнения с домашними птицами. Указанный порядок избран мной в зависимости от степени характерности и значительности той или иной группы. Хищные птицы привлекали Тургенева своей смелостью и размахом; тетерев и куропатка связаны с его охотничьими интересами; домашние птицы, как наименее примечательные, помещены мной на последнем месте.

Прежде чем привести указанные группы, отмечу предварительно две пары сравнений, заслуживающих, по своей художественности, особого внимания и выделения. Именно, это будут сравнения девушки с птицей

[1]) Ср. напр., свидетельство Я. П. Полонского, в его воспоминаниях о том, как Тургенев слушал птиц. См. также статью Тургенева о соловьях, т. XII.

и «Фаусте», и «Несчастной» и дома с птицей в «Чертопханове и Недопюскине» в «Асе». Первые сравнения следующие:

«Однако, я, помнится, спросил ее (Веру), зачем она, когда бывает дома, всегда сидит под портретом г-жи Ельцовой, словно птенчик под крылом матери» («Фауст», стр. 255).

«Она (Сусанна) прижалась к промерзлому стеклу, точно она нашла себе гнездышко в углублении окна» («Несчастная», стр. 229).

Вторая пара:

Домик «торчал на голом месте, в полуверсте от дороги, как говорится, «на-юру», словно ястреб на пашне» («Чертопханов и Недопюскин», стр. 322).

«Весь дом со своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке, казался огромной, сгорбленной птицей» («Ася», стр. 304).

Как видим, во второй группе перед нами образ птицы привлекается уж для сопоставления не с теми или иными моментами из человеческой жизни, а сравнивается с предметами материального мира.

Возвратимся к указанным четырем группам. Приведу их в последовательном порядке, одна за другой. Приводимый материал будет служить иллюстрацией к высказанным положениям.

1) Сравнения с хищными птицами.

Жена везет Сергея Петровича домой:

«Так ястреб ловкий и лихой,
«Уносит селезня с болота». («Помещик», 192).

Степан бросился на Муху, «как коршун на цыпленка» («Муму», 290).

«Как коршун, с которым он (хозяин), особенно по выражению глаз своих, имел много сходного, возвращался он в свое гнездо» («Постоялый Двор», 304).

«Ястребом напустился он на сына» («Дворянское Гнездо», 216).

«Та сила (смерть)..., которая без зрения, без образа, без смысла — всё видит, всё знает, и, как хищная птица, выбирает свои жертвы» («Призраки», 103).

«Он оглядывался, и, как ястреб когтит пойманную птицу, глубже и глубже врезывалась тоска в его сердце» («Дворянское Гнездо», 241).

«Пойманная птица, должно быть, так замирает в когтях коршуна» («Несчастная», 256).

Панталеоне «угрюмо пуча глаза..., снова уподобился птице, да еще сердитой, — ворону что ли или коршуну» («Вешние Воды», 18).

«У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза» (там же, 145).

«Старушка тотчас схватила ее (10 рубл. бумажку) своими пухлыми кривыми пальцами, напоминающими мясистые когти совы» («Странная история», 294).

«Иные его (Лемма) движения напоминали неуклюжее охорашивание совы в клетке, когда она чувствует, что на нее глядят, а сама едва видит своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами» («Дворянское Гнездо», 202).

2) Сравнения с тетеревом и куропаткой.

«Хвалынский повторит несколько раз сряду: как тебя зовут?, ударяя необыкновенно резко на первом слоге «как», а остальные произнося очень быстро, что придает всей поговорке довольно близкое сходство с криком самца-перепела» («Два помещика», 181).

«Мы его подстрелим, как куропатку» («Бреттер», 84).

Девушки выговаривают «чего-с» странно, резко, быстро, «куропатки так кричат по зарям» («Петушков», 144).

«Он (мужичонка) бормотал, как тетерев, и не был способен ни на что» («Дворянское Гнездо», 251).

«Всё одно и то же долбил, как тетерев какой» («Новь», 225) [1]).

3) Сравнения с домашними птицами.

«Он (Чертопханов) закидывал голову назад, надувал щеки, фыркал, вздрагивал всем телом, словно от избытка достоинства, ни дать, ни взять, как индейский петух» («Чертопханов и Недопюскин», 309).

«Голос его — юношеский, звонкий и хриплый, как у молодого петуха, слегка сорвался» («Дым», 16) [2]).

«Недопюскин ковылял за ней на своих толстых и коротких ножках, как селезень за уткой» («Чертопханов и Недопюскин», 327).

«Он сам смахивал на степенного гусака» («Муму», 273).

«Один с лежанки шею вытягивает, точно больной утенок» («Пунин и Бабурин», 227).

Волосы Панталеоне «со всех сторон круто подымались кверху и, падая обратно растрепанными косицами, они придавали фигуре старичка сходство с хохлатой курицей» («Вешние Воды», 8).

«Где бы другой непременно занемог опасно, или даже умер бы, он (Миша) только встряхивался, как утка на воде, и расцветал пуще прежнего» («Отчаянный», 369).

4) Разные сравнения [3]).

«Коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь» («Лебедянь», 199).

«Если бы зяблик или чиж мог говорить и стал бы уверять меня, что он заклюет другую птицу — не привел бы он меня в большее изумление, чем Иван о ту пору» («Старые портреты», 354).

---

[1]) Ср. еще выше в охотничьих сравнениях сравнение метания Эллис с смертельно раненой куропаткой. Характеристику куропаток см. Письма к Виардо, стр. 83—84.

[2]) Для характеристики наблюдательности Тургенева см. его рассказ о маленьком белом петухе в письме к г-же Виардо (цит. изд., стр. 60).

[3]) Введя эту рубрику, автор нарушил свое деление на четыре группы. *П. С.*

«У меня с детства был чиж, которого кошка раз подержала в лапах; его спасли, вылечили, но не исправился мой бедный чиж, дулся, чах, перестал петь... Кончилось тем, что однажды ночью, в открытую клетку, забралась к нему крыса и откусила ему нос, вследствие чего, он, наконец, решился умереть. Не знаю, какая кошка подержала жену мою в своих лапах, только и она также дулась и чахла, как мой несчастный чиж» («Гамлет Щигровского уезда», стр. 302).

«Вследствие этой особенности Ивана Ильича (петь рано утром старинный романс) его прозывали также щуром; известно, что щур в клетке поет и только раз в течение дня, рано поутру» («Затишье», 74).

5) Сравнения с птицей вообще.

«Беззаботен, как птица» («Ермолай и мельничиха», 18).

Взглянув на лицо умершего отца, «я запищал от страха, как грубо схваченная птичка» («Дневник лишнего человека», 187).

Нинетта «поет, как птичка» («Переписка», 173).

«Ее (девицу Моро) даже нельзя было назвать доброю: не бывают же добры птицы» («Дворянское Гнездо», 304).

«Когда Эмилия говорила, она беспрестанно поворачивала голову из стороны в сторону и подергивала плечиками; птицы так делают, когда сидят на высокой голой ветке и со всех сторон освещены солнцем» («История лейт. Ергунова», 142).

«Колибри, проворно вскинув обе руки вокруг шеи молодого лейтенанта, не поцеловала, а словно клюнула его в губы» (там же, 157).

«Колибри вытянула шею, как птица» (там же, 161).

«Она (Софи) выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще вострее выдвинула свой нос, словно клюнуть им собиралась» («Странная история», 293).

«Он (Литвинов) попытался вырваться из заколдованного круга, в котором мучился и бился безустанно, как птица, попавшая в западню» («Дым», 43).

Наконец, встречается у Тургенева, правда редко, и обратное явление; сравнение птицы с человеком.

Дятел, «который хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и с беспокойством выглядывал из-за нее то направо то налево, точно музыкант из-за шейки контрабаса» («Первая любовь», стр. 45).

«Мы вспугнули одну цаплю; она поднялась из ракитового куста, болтая ногами и с неуклюжим усилием махая крылами; тут она мне показалась действительно похожей на немца» («Призраки», стр. 79).

Рассмотренная группа сравнений, из области сопоставлений с птицами, как мы видели, очень характерна для Тургенева. Перед нами определенный круг, начинающийся и замыкающийся в пернатом царстве. Наиболее примечательна та группа, которую я поставил в начале — связывающая те или иные моменты человеческой жизни с полетом, устремлением птиц вдаль.

Довольно показательны далее сравнения с хищными птицами, а также с теми, которые служат предметом охоты. Остальные представляют уже меньше интереса.

Сравнения с птицами есть, как я говорил выше, первая, так сказать, вступительная группа к целому ряду сравнений из области животного мира. Тургенев взял из него целый ряд примеров для своих сопоставлений. При этом одни из них будут относиться к домашним животным, а другие к диким. Многие, как из тех, так и из других, определенным образом связаны у писателя с охотой. На первом месте среди домашних животных в этом отношении следует поставить собаку. Сравнения этого рода наиболее характерны и показательны. Собака вообще играет в творчестве Тургенева заметную роль. Можно указать целый ряд мест, как в его художественных произведениях, так и в письмах, которые в той или иной мере, были бы связаны с этим животным [1]).

Из других животных, наиболее примечательными являются те, которые, в той или иной мере, связаны с охотой. В качестве примеров сравнений с животными укажу следующие:

1) С о б а к а.

«Я в деревне скучал, как щенок взаперти» («Гамлет Щигровского уезда», 229).

«М-ль Boncourt частенько посматривала на Рудина с лукавым и странным выражением в глазах: у старых, очень умных легавых собак можно иногда заметить такое выражение» («Рудин», 402).

«Мальчишки бегали за «дохтуром», как собачонки» («Отцы и Дети», 47).

«Ученые собаки так на задних лапах танцуют» («Отцы и Дети», 161).

«По временам эти глаза загорались зловещим внутренним огоньком; подобный огонек замечал у борзой собаки, когда она «воззрится» в зайца, и, подобно борзой собаке, тот (Василий) весь устремился своим взором вслед за моим, когда я «делал угонку», т.-е. пробовал отвести глаза в сторону» («Странная история», 297).

«...В новой шляпе и новой бекеше, прямой, как стрела, завитый, как пудель, появился г-н Клюбер» («Вешние Воды», 85).

---

[1]) В п р о и з в е д е н и я х.

Во-первых, целые отдельные вещи или более или менее крупные эпизоды. См.: «Муму», «Пегас», «Собака», стих. в прозе «Собака». Отдельные эпизоды: «Ермолай и мельничиха» (т. I, стр. 17); «Чертопханов и Недопюскин» (т. I, стр. 322—323); «Дворянское Гнездо» (т. III, стр. 294); «Отцы и Дети» (т. II, стр. 85—86, 89, 176); «Вешние Воды» (т. VIII, стр. 9 и passim). Кроме того, см. «Записки Охотника» (т. I); «Малиновая Вода» (стр. 25); «Однодворец Овсянников» (стр. 65); «Льгов» (стр. 80); «Бежин Луг» (стр. 95, 97, 98, 105); «Касьян с Красивой Мечи» (стр. 119); «Петр Петрович Каратаев» (стр. 256); «Чертопханов и Недопюскин» (стр. 309, 325, 327); «Конец Чертопханова» (стр. 343); «Бреттер» (т. V, стр. 37, 43, 50). «Дневник лишнего человека» (т. V, стр. 188); «Три встречи» (т. V, стр. 245); «Постоялый двор» (т. V, стр. 354); «Фауст» (т. VI, стр. 228); «Рудин» (т. IV, стр. 411); «Дворянское Гнездо» (т. III, стр. 251); «Призраки» (т. VIII, стр. 91); стих. в прозе «Как хороши, как свежи были розы» (т. IX, стр. 112).—См. также статью: «Пятьдесят недостатков ружейного охотника и пятьдесят недостатков легавой собаки» (1876 г.); «Русские Пропилеи» т. III, стр. 240.

В п и с ь м а х.

См. ряд мест в письмах к г-же Виардо (по цитированному выше изданию Ефимова), стр. 10, 57, 83, 85, 86, 90—91. Целый ряд аналогичных мест мы находим и в других письмах Тургенева.

«Слова однообразно и веско выскакивали одно за другим из побледневших его губ, напоминая отрывистый лай строгой и старой дворовой собаки» («Новь», 73—74).

Ср. «Письма к Виардо», 83, 86.

2) Лошадь.

«Дернув кверху головой, как лошадь, которая не ожидала, что ее возьмут за морду» («Бурмистр», 153).

«Чубучок захрипел, как запаленная лошадь» («Петушков», 162).

«Сначала, при слове любовь, м-ль Boncourt вздрагивала, навастривала уши, как старый, полковой конь, заслышавший трубу» («Рудин», 356).

«Он сам себя сравнивал с лошадью, запряженной в молотильную машину» («Дворянское Гнездо», 304).

«Василий подошел, задыхаясь как запаленная лошадь» («Странная история», 298).

«...Выхоленного, гладкого, толстоногого, нежного трехлетка бывших «господских» конских заводов, которого только что начали подганивать на корде..., напоминал Санин» («Вешние Воды», 33).

Транквиллитатин «глуп был, как лошадь. Он вообще смахивал на лошадь» («Часы», 259).

«...Дьячок... с длинной волнистой косой, смутно напоминавшей расчесанный хвост орловского рысака» («Новь», 57).

См. еще: «Дневник лишнего человека», 191 (сравнение пристяжной с запятой) и «Дым», 14.

3) Бык.

«...Поглядывал кругом, как бык из-под ярма» («Певцы», стр. 238).

«Герасим скучал и недоумевал, как недоумевает молодой здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо» («Муму», 272).

«Теперь же он (хозяин) представлялся брюхатым и плотным с... шеей, как у быка» («Конец», 65).

4) Баран.

«У Наума в подвале, по рукам, по ногам связанный, как баран, вот где я провел ночь» («Постоялый Двор», 350).

5) Козел и овца.

«Смех старухи был чрезвычайно похож на блеяние старого козла» («Похожден. подпор. Бубнова», 51) [1]).

«Ольга пошла за Василием, как послушная овечка» («Три портрета», 109).

«Я сегодня кашляю, как старая овца» («Дневн. лишн. человека», 190).

6) Кошка.

«Я кинул ей (Саре) несколько червонцев на колена; она подхватила их проворно, как кошка» («Жид», 123).

---

[1]) См. также в письме к г-же Виардо сравнение «старого чахоточного господина отталкивающего вида» с козлом с глазами попугая. Письма, цит. изд., стр. 54.

«У Бабебибобу глаза стали сжиматься и расширяться, как у кошки («Похожд. подпор. Бубнова», 49).

7) Кот и мышь.

«Ему вдруг показалось, что он мышь, что она кошка» («Похожд. подпор. Бубнова», 49).

«...Авдей, которому, как кошке, жаль было так скоро расстаться с своей жертвой» («Бреттер», 83).

«Но наедине он (Василий) играл с ней (Ольгой), как кошка с мышью» («Три портрета», 108).

«Быстро и молча, как кошка на мышь, кинулся Наум на огонь» («Постоялый Двор», 340).

«Константин Диомидыч осторожно, как кот, подошел к девушке» («Рудин», 309).

«А Зинаида все играла со мной, как кошка с мышью» («Первая любовь», 32).

«Она играет со мной, как кошка с мышью» («Призраки», 92).

«Кот, должно быть, так подходит к мыши, которой некуда спастись» («Несчастная», 260).

«По одному взгляду, брошенному на него Сипягиным, он понял, что тот все время играл с ним, как кошка с мышью» («Новь», 263).

«Они (дочки Ипатова), как мышата, в течение всего вечера то-и-дело шныряли из комнаты в комнату» («Затишье», 92).

См. также сравнение почерка г-жи Виардо с бегающей мышкой («Письма», стр. 27).

8) Лисица.

«Осторожен и предприимчив, как лисица» («Певцы», 242).

«Она (Маша) перед тем просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись к стене, как раненая лисица» («Конец Чертопханова», 329).

«Зато у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевский подойдет к ней (Зинаиде), хитро покачиваясь, как лиса» («Первая любовь», 31).

«Кабинет этот, мрачный, тесный... возбуждал в уме сравнение с жилищем волка или лисицы» («Несчастная», 275).

«Из себя он (Настасей Настас.) был пухлый и круглый, а лицо — как у лисицы» («Часы», 250).

9) Волк.

«...Бреттер сидел перед ним, понурив голову, как волк» («Бреттер», 46).

«Беловзоров с каждым днем становился все грознее и грознее и глядел на увертливого графа, как волк на барана» («Первая любовь», 40).

10) Медведь.

«Совершенным медведем показался он (Харлов) мне и тут: и голова, и плечи медвежьи, и ставил он ноги широко, не разгибая ступни — тоже по-медвежьему» («Степной король Лир», 378).

11) Заяц[1]).

«И куда я ни мечусь, как заяц на угонках... все то же, то же». (Стих. в прозе «Старуха», 70).

«Гиршель беспрестанно останавливался, вздрагивал, как заяц» («Жид», 127).

«...ловили его, как зайца в поле» («Ермолай и мельничиха», 19).

«Священник «мастер против порчи», два раза в виде очень прыткого зайца с бородой и косичкой, перебежал ему дорогу» («Дым», 39).

«...осторожна, на подобие зайца» («Контора», 151).

«...закричал жалобно, по-заячьи» («Бирюк», 176).

«Судьба замотала его (Недопюскина) словно зайца на угонках» («Чертопханов и Недопюскин», 316).

Иван Афанасьич, когда он встречался с товарищами, принимал для избежания насмешек (он переселился к Василисе) «вид зайца, который барабанит посреди фейерверка» («Петушков», 159).

«Но он едва улыбался в ответ на их шутки и глядел, как выразился о нем однажды Пигасов, грустным зайцем» («Рудин», 369).

«А Яков хоть бы слово мне в ответ, побежал, как заяц» («Рассказ отца Алексея», 330).

12) Белка.

«Лицо книзу заострено, как у белки» («Бежин луг», 99).

«Вдруг среди смеха (рассказчик) печально опускался весь, впадал в нелепое уныние, а там опять принимался за прежнее — словно вертелся, как белка в колесе» («Дневник лишнего человека», 191).

«Но как белка, которая чистит себе нос в то самое мгновение, когда стрелок в нее целится, человек не предчувствует своего несчастия — и вдруг подламывается, как на льду» («Постоялый двор», 312).

13) Змея.

«.....змеею

«Согнулся тонкий стан» («Поп», 13).

«...дорога шла большая,

«И как змея свивалась и ползла» («Параша», 125).

«Эта небольшая речка ...ползет змеей» («Ермолай и мельничиха», 20).

«Гиршель опять выставил свою курчавую головку, сказал ей (Саре) два слова; она нагнулась и ускользнула, как змея» («Жид», 124).

«Старик принес ключи и, без всякой нужды, изгибаясь, как змея, высоко поднимая локти, отпер дверь» («Дворянское гнездо», 250).

«Кузьма Васил. нагнулся было к ней, но она медленно отклонилась и выпрямилась, как уж, на которого набрели в лесной траве» («История лейтенанта Ергунова», 156).

«Коса ее развилась и темной змеей упала к ней на плечо» («Отцы и дети», 105).

---

[1]) О любви Тургенева к зайцам см. письма к Виардо, цит. изд. 82, 96.

«В этих глазах что-то двигалось медленным, безостановочным и зловещим движением свернувшейся и застывшей змеи, которую начинает отогревать солнце» («Призраки», 94).

«Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, как брюхо ящерицы — не туча и не дым, медленно, змеиным движением, двигалось над землей» («Призраки», 102).

«Узкая кисть второго (брата) с длинными тонкими пальцами протянулась, как змея, по женоподобной груди первого» (Стих. в прозе «Два брата», 99).

14) Кабан.

«Он дрыгнул всем телом как-то в бок и оскалился, точно кабан» («Степной король Лир», 364).

15) Лягушка.

«Вслед за часами, ноги Давида вскидываются вверх — и сам он весь, головою вниз, руки вперед, с разлетевшимися фалдами куртки, описывает в воздухе крутую дугу — в жаркий день так вспугнутые лягушки прыгают с высокого берега в воду пруда» («Часы», 284).

16) Сравнения с животными, не принадлежащими к окружающему Тургенева миру.

«Он (Харлов) был ужасен. Вспомнился мне сановник, которого он некогда оборвал за сравнение с мастодонтом. Действительно, такой вид должно было иметь допотопное животное, только что спасшееся от другого сильнейшего зверя, напавшего на него среди вековечного ила первобытных болот» («Степной король Лир», 366).

«...во всех движениях Егора замечалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость — важность статного оленя» («Поездка в Полесье», 276).

«Когда же она (Мар. Павл.) поднимала свои глаза, в них было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взор лани» («Затишье», 30).

«При чем он (Серг. Серг.), как страус, прятал голову от жены» («Бреттер», 72).

«...в прозрачной тени быстро блеснули передо мной ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани» («Свидание», 272).

«Но Чертопханов... как тигр вцепился ему в горло» («Конец Чертопханова», 347).

«Герасим, как лев, выступал сильно и бодро» («Муму», 300).

«Я обернулся, увидал раздутую, как у удава, под оттопыренными ушами, красную шею господина Ратча» («Несчастная», 209).

17) Зверь вообще.

«Он (Иван Андр.) ходил по комнате, как дикий зверь в тесной клетке» («Три портрета», 96).

«Не человек — дикий зверь метался предо мной» («Степной король Лир», 374).

«Он увидал ее головку сквозь золотую сетку колосьев, откуда она высматривала, как зверок» («Отцы и дети», 40).

«На ней (телеге), как нарочно все затихло. Ни гу-гу! Так затихает щука, ястреб, всякий хищный зверь, когда приближается добыча» («Стучит», 392).

«Он (юродивый) сидел на лавочке под воротами и, упершись на нее обеими ладонями, раскачивал направо и налево понуренную голову, — ни дать ни взять, дикий зверь в клетке» («Странная история», 308).

«Господи! Что тут произошло! Точно дикий зверь, который до сих пор только изредка ворчал и шевелился в нас, вдруг сорвался с цепи и встал на дыбы, во всей безобразной красе своего взъерошенного загривка» («Несчастная», 283).

«Герасим бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь» («Муму», 272).

Специальный подотдел составят у Тургенева сравнения с различными насекомыми. На первом месте среди них, по художественности, обитатели поля и леса. Остальные, домашние, уже менее интересны. Наиболее примечателен для тургеневских сравнений из этой области образ пчелы и аналогичных насекомых, идущий еще от ранних произведений.

18) Сравнения с насекомыми.

Распространенное сравнение жениха и девушки с пчелой и цветком («Параша», 143).

Снежинки летят —

«Словно пчелы весной, воздух недвижный пестря» (стих. «Первый снег», 271) [1]).

«Шумный разговор превратился в мягкий приятный говор, подобный весеннему жужжанию пчел в родимых ульях». Далее дается целая картина сопоставления собравшегося общества с ульем — матка, трутни и т. п. («Гамлет Щигровского уезда», 286).

«Генерал Ратмиров, подобно трудолюбивой пчеле, извлекающей сок из самых даже плохих цветков, постоянно обращался в высшем свете». («Дым», 81).

«Обе брови поднимались и опускались, как усики у осы» («Чертопханов и Недопюскин», 326).

«...и мать вечно копошилась и возилась, как муравей» («Дневник лишнего человека», 184).

«В одной из соседних комнат, в столовой, гудело, как залетевший шмель, однообразное бормотанье дьячка» («Несчастная», 272).

«Работник Лука, черный, как жук, хотя и булочник» («Петушков», 154).

«А у нас тихо и светло, и тепло, и приветно; что-то забавное, что-то детски-невинное бабочкой — направда-ли — порхает вокруг?» («Довольно», 110).

---

[1]) Ср. также в «Бежином луге» слова одного из мальчиков: «Звездочки, что пчелы роятся», 110. Выражение, вообще, употребительное в народной речи.

«Оно (сердце Санина) и билось так легко, как бьет крылами мотылек, приникший к цветку и облитый летним солнцем» («Вешние воды», 78) [1]).

«Он чрезвычайно дорожил каждою своей мыслью. Взберется на нее с усилием, как божия коровка на конец былинки, и сидит, сидит на ней, все как будто крылья поправляет и полететь собирается — и вдруг свалится и опять полезет» («Рудин», 426).

«...хлопотал и возился, словно муравей» («Малиновая вода», 31).

«В те времена (дело происходило в 1836 г.) еще не успело развестись племя фельетонистов и хроникеров, которое теперь кишит повсюду, как муравьи в разрытой кочке» («Дворянское гнездо», 238).

«...с этой-то бабой Марианна возится, минуты не посидит — настоящий муравей» («Новь», 226).

«Addio... нестерпимой, острой трелью звенит это и..., я отмахиваюсь, как от комара» («Три встречи», 248).

«Счастливый человек — что муха на солнце» («Дневник лишнего человека», 197).

«Воспоминание о незнакомке... приставало ко мне со всей докучной настойчивостью послеобеденной мухи...» («Три встречи», 258).

«Он (Литвинов) не мог отбиться, как от жужжанья назойливой летней мухи, от постоянного ощущения презрения к самому себе» (Дым», 157).

«Случалось ли вам спасти муху от паука? Случалось? Помните, вы посадили ее на солнце, крылья, ножки у ней слеплены, оклеены. Как она неловко движется, как неловко старается обчиститься!.. После долгих усилий, она кое-как оправляется, ползет, пытается расправить крылья... но не гулять уж ей по-прежнему, не жужжать беззаботно на солнце, то влетая через открытое окно в прохладную комнату, то опять свободно выносясь на горячий воздух... Она по крайней мере, не по своей воле попала в грозные сети... а я! Я был собственным своим пауком» («Переписка», 157).

«Лаврецкий смеялся, но Лемм не выходил из своего угла, молчал, тихо шевелился весь, как паук» («Дворянское гнездо», 258).

«...по временам неизъяснимо противное приникание к земле, — паук так приникает к пойманной мухе» («Призраки» 102).

«Ее смуглые пальчики так и бегали по струнам, как паучки» («История лейтенанта Ергунова», 155).

«Как тараканы, сползлись со всех сторон знакомые и незнакомые мелкие людишки в его обширные, теплые и неопрятные хоромы» («Дворянское гнездо», 213).

«Все сюда, как тараканы, лезли» («Дым», 124).

«Какие-то темные блохи ходят по ровной черте обнаженного небосклона... это мужики двоят поднятый пар» («Новь», 153).

---

[1]) Ср. еще следующие слова из дневника Елены: «Шубин наряден, как бабочка, да любуется своим нарядом; этого бабочки не делают». Т. II, стр. 297.

Особенно удачны следующие два распространенные сравнения отвлеченного характера,—первое препозитивное, а второе постпозитивное.

«Случалось ли вам, гуляя по кустарнику, *натыкаться на тех темных* кузнечиков, которые, прыгнув из-под самых ног, с треском раскрывают вдруг ярко-красные крылья, перелетят несколько шагов и тут же падают опять на траву? Точно так же и наша темная молодость иногда распускала на несколько мгновений и не на долгий полет свои пестрые крылышки...» («Переписка», т. VI, стр. 158).

«Ну, да; человек любил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях — смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка. Так, поздней осенью, в морозный день, когда все безжизненно и немо в поседелой траве, на окраине обнаженного леса — стоит солнцу выйти на миг из тумана, пристально взглянуть на застывшую землю — тотчас отовсюду поднимутся мошки: они играют в теплом его луче, хлопочут, толкутся вверх, вниз, вьются около друг друга... Солнце скроется — мошки валятся слабым дождем — и конец их мгновенной жизни» («Довольно», т. VII, стр. 113).

В результате обзора всех этих сравнений, взятых из животного мира, приходится констатировать тот факт, что, на-ряду с сопоставлениями из природы вообще, данная группа является у Тургенева наиболее характерной и интересной. Мы встречаем здесь целый ряд образных, оригинальных сравнений, нередко ярко и своеобразно озаряющих раскрываемый образ. Помимо того, что всеми этими сопоставлениями еще теснее устанавливается та живая, интимная связь, которая, как одна из самых характерных особенностей, существует у Тургенева между человеком и природой, сравнения эти интересны еще далее и тем, что с очевидностью показывают, насколько велика и утонченна была у Тургенева наблюдательность по отношению к различным животным. Целый ряд мелких черточек и деталей, напр., из жизни лошади или зайца (см. выше), удачно схваченных Тургеневым, не менее удачно связывается им с различными явлениями человеческой жизни. В конечном счете, все эти сравнения у Тургенева, прославленного знатока природы и животного мира, принадлежат к одним из самых лучших.

Третьей областью, количественно в общем небольшой, откуда Тургенев черпал свои сравнения, является мир тех или иных вещей, привлекаемых писателем для сопоставления с различными моментами.—Сравнения этой группы,—что по отношению к Тургеневу и вполне понятно, будут уже менее художественны и удачны, чем предыдущие. Власть вещи, которую в последнее время выдвинул между прочим Н. М. Минский, вообще сравнительно немного сказалась в творчестве Тургенева, за исключением пристрастия к старинным предметам. Что же касается собственно сравнений, то здесь эта область представлена еще меньше. Художественное содержание этих сравнений тоже очень невелико. Мысль читателя на них почти совсем не задер-

живается — в них нет оригинальности, красочности. Для полноты укажу однако и их. Именно, мы встречаем у Тургенева следующие случаи:

«Недопюскин покачивал головой, как фарфоровый китаец» («Чертопханов и Недопюскин», 327).

«Он (Василий играл братьями, сестрами, Рогачевыми, соседями, соседками — как пешками» («Три портрета», 107).

«Какой мешок», подумала она (Александра Павловна). Сгорбленный, запыленный, с фуражкой на затылке, из-под которой беспорядочно торчали косицы желтых волос, он, действительно, походил на большой мучной мешок» («Рудин», 305).

«Она говорила о них (замечательных людях), и, как богатая оправа вокруг драгоценного камня, имена их ложились блестящей каймой вокруг главного имени — вокруг Дарьи Михайловны» (там же, 336—337).

«Нельзя долго носиться с одними и теми же мыслями: они передвигаются постепенно, как стеклышки калейдоскопа» («Дым», 153).

«Он чувствовал одно: пал удар и жизнь перерублена, как канат» (там же, 117).

«В нем словно что-то обрушилось, как плохо выведенная стенка» («Вешние воды», 54).

«Это было огромное, тусклое пространство,... там и сям по всему его протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала, блистали стоячие воды» («Призраки», 85).

«От нее (Анны Захаровны) попахивало камфорой, как от залежалого платья» («Новь», 47).

«У ее (Валентины Михайловны) брата он (цвет лица) переходил в ту черноту, которую вежливые люди величают бронзой, но которая русскому глазу напоминает голенище» (там же, 63).

Отдельно отмечу сравнение со статуей:

«Просиявшее небывалою красотой лицо величаво окаменело, как у статуи» («Дым», 157).

«Она походила на статую» («Клара Милич», 34).

Наконец, последней областью, названной мной выше среди источников тургеневских сравнений, являются те или иные *литературные реминисценции*, всплывающие, по разным поводам, в сознании писателя и сопоставляемые с различными моментами. Основным принципом таких сравнений является, обычно, сходство и одинаковость ситуаций, как в серьезном, так и в юмористическом толковании. На этих сравнениях сказалась та характерная, не раз отмечавшаяся мной выше, особенность Тургенева, которую можно определить термином «литературность». Как уже указывалось мной по разным поводам, насыщенность литературой, начитанность составляет одну из существенных особенностей Тургенева. Высоко образованный, обладающий богатым запасом сведений как в русской, так и в иностранной литературе, живо интересовавшийся ею [1]), он, есте-

[1]) Ср. напр., увлечение Тургенева Кальдероном и Уитманом, как свидетельство разносторонности его интересов.

ственно, неоднократно возвращался в своей собственной художнической деятельности к различным чужим, владевшим им, образам. Вполне естественно, что и в сравнениях своих, в некоторых случаях, Тургенев обращался мыслью к литературным источникам в тех случаях, когда на это наталкивало сходство ситуаций. При этом представляется возможным разбить все эти литературные сравнения на несколько групп. Именно, на две основные, с подразделениями. Первую группу составят сравнения, заимствованные из русской литературы, при чем здесь возможно деление на три отдела: 1) сравнения, связанные с Пушкиным, 2) сравнения, связанные с Гоголем и 3) остальные. Преимущественное выделение Пушкина и Гоголя вполне понятно. Ведь для Тургенева изо всех русских писателей именно они имели больше всего значения, именно их он больше всего чтил и ценил. Естественно, что, при возникновении какой-либо сходной ситуации, мысль его невольно обращалась к этим излюбленным им авторам, сыгравшим столь видную роль в его творческой жизни.

Характерно при том, что некоторые собственные сравнения Тургенева навеяны непосредственно Гоголем: манера сопоставлять явления перешла от него на некоторые сравнения Тургенева.

Ко второй группе я отношу сравнения, связанные с иностранной литературой. Здесь можно выделить два приблизительно равных отдела: сравнения, относящиеся к классической литературе, и сравнения, связанные с западно-европейской литературой. Получивши порядочное, по тогдашнему времени, образование, развитое и углубленное начитанностью, Тургенев довольно хорошо знал классический мир, различные его мифы и предания. На его сравнениях, относящихся к данной области, это видно определенным образом. Однако, в то же время, познания этого рода у Тургенева не представляли из себя чего-либо специально углубленного, поднимающегося над обычным уровнем начитанного человека. Чего-либо, напоминающего в этом отношении А. Н. Майкова или А. А. Фета, мы у него не найдем. Сравнения его в этой области не указывают на особую изощренность в знании мифологии. Что касается сравнений, взятых из западно-европейской литературы, то здесь в ранних произведениях преобладает Байрон, а в более поздних Шекспир и Гете. Опять-таки, как и среди сравнений из русской литературы, это будет находиться в полном соответствии с общим отношением Тургенева к западно-европейской литературе. Как мы знаем, Шекспир и Гете — наиболее чтимые Тургеневым писатели, больше всего его интересовавшие.

Таким образом, рассматриваемые литературные сравнения Тургенева еще раз подтверждают на частных случаях высказывавшееся выше не раз по другим поводам наблюдение о значительной литературной насыщенности писателя. Человек, прежде всего, западной и своей культуры, связанный с ее художественным творчеством многими нитями, Тургенев не мог в своих произведениях не вспомнить его явлений. Это мы и видим в данной области его сравнений.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А) Сравнения, связанные с Пушкиным.

«Нет, — думал Борис Андреевич, отходя от нее (Полиньки), — какая это Татьяна! Это просто олицетворенный трепет»... («Два приятеля», 29).

«Она бросила на меня быстрый неровный взгляд и, опустив свои черные ресницы, села близ окна «как Татьяна» («Несчастная», 207).

«Вспомнилось ему почему-то расставание Ленского с Ольгой в «Онегине» («Вешние воды», 51).

«Сова ли это закричала в роще, другое ли какое существо издало этот стон, я не дал себе тогда отчета, но, как Мазепа Кочубею, отвечал криком на зловещий звук» («Фауст», 267).

Б) Сравнения, связанные с Гоголем.

«...наш Андрей, наш бедный друг,
«(Коварный друг) глядел не то Фоблазом,
«Не то Маниловым» («Андрей», 211).

«Ворошилов даже вопрос себе поставил, не требует ли офицерская честь удовлетворения? — но, как Гоголевский поручик Пирогов, успокоил себя в кофейной бутербродами» («Дым», 147).

«...пьет вальяжно». Что в подобном случае значит «вальяжно», — я не понял; но едва ли это похвала. — В роде гоголевского «моветона», — помнишь в «Ревизоре» («Новь», 222—223) (из письма Нежданова Силину о своем опьянении в кабаке).

«Я, как Поприщин, большею частью лежал на постели»... («Дневник лишнего человека», 225).

«Что такое мечта? Мужик Собакевича — вот мечта» («Яков Пасынков», 214).

Ср. следующие сравнения, безусловно, в гоголевском духе: «побежка их (лошадей) напоминает ухарскую походку бойкого полового» («Лебедянь», 198).

«Кирилла Селифаныч так неловко раскланивался, как будто у него отвалился живот» («Гамлет Щигровского уезда», 284).

«Глуп, скажу я вам, один, как пара купеческих лошадей» («Гамлет Щигровского уезда», 285).

«Зато, как и острит, ни дать ни взять, тупым ножем бичевку пилит» (там же, 286).

«Но вот вдруг на лице «игрушечки» глаза открылись огромные, величины небывалой, настоящие мостовые арки» («История лейтен. Ергунова», 164).

В) Остальные.

Овсянников, «с лицом, напоминающим несколько лицо Крылова» («Однодворец Овсянников», 59).

«С каким горьким чувством на душе я бросился ниц на дно лодки, и, как Репетилов, попросил, чтобы везли меня куда-нибудь» («Переписка», 175).

Санин «думал про себя, что никакая пальма, даже в стихах Бенедиктова, тогдашнего модного поэта не в состоянии соперничать с изящной стройностью ее стана» («Вешние воды», 15).

«...и сама вдова (Миловидова) точно походила на одну из купчих Островского, хотя была чиновница» («Клара Милич», 37).

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А) Классическая литература.

«Чем Маша не Клеопатра, или не Федра?» («Затишье», 88).

«...статуя Галатеи, сходящая живой женщиной с своего пьедестала в глазах замирающего Пигмалиона...» («Три встречи», 265).

«Но от нее веяло холодом, как от статуи... Возвратилась Галатея на свой пьедестал и уже не сойти с него более» (там же, 269).

«А три старые девы, словно Парки, молча и быстро шевелили спицами» («Дворянское гнездо», 226).

«Но вот они приблизились к экипажам, остановились, и неудержимый несмолкаемый смех поднялся у них, как у небожителей Гомера» («Накануне», 291).

«И между нами по временам поднимался смех, звонкий и радостный, как смех богов» (стих. в прозе «Лазурное царство», 95).

«Сложена она (Мария Павловна) была великолепно. Классический поэт сравнил бы ее с Церерой или Юноной» («Затишье», 80).

«Я у ног твоих, ты мой владыка, моя богиня, моя волоокая Гера, моя Медея» (там же, 115) (Верстьев—Маше. «Эпитеты»).

«Одна Нефка (собака) дольше всех жила — и та не дождалась меня, как Аргос дождался Улисса» («Фауст», 228).

«Я нахожу, что они (облака) похожи на те пурпуровые паруса, которые были на золотом корабле у Клеопатры, когда она ехала навстречу Антонию» («Первая любовь», 39) (слова Зинаиды).

«Вспоминал (Санин) ее мраморные руки, подобные рукам олимпийских богинь» («Вешние воды», 53).

«Это уже не амазонка пускает коня в галоп — это скачет молодой женский кентавр — полузверь и полу-бог» (там же, 140).

«Сознательно он не сравнивал себя с Нептуном; но как-то сочувственно вспомнил о нем» («Новь», 100).

«А какие были волосы! — золотое руно, подобно тому, за которым аргонавты переплывали морские пучины» («Пунин и Бабурин», 191).

«Тогда один из молодых людей, вдохновившись классическими воспо-

минаниями, предложил привязать Мишу к колеснице Ахилесса» («Отчаянный», 370) [1]).

Б) Западно-европейская литература.

«Скучал он (Андрей) не как байронов Корсар,
«А как потомок выходцев-татар» («Андрей», 196)
«И сходя с вершин Урала,
«Как дворец Сарданапала,
«Загорелся пышный день...». (Стих. «Признание», 260).

«Я, как Гамлет, вперил взоры свои в г-жу Шлыкову» («Три встречи», 264).

«Все мы, как Полоний в «Гамлете» решили, что облака напоминали именно эти паруса, и что лучшего сравнения никто из нас не приищет» («Первая любовь», 39).

«Помнится, где-то у Шекспира говорится о «белом голубе в стае черных ворон», подобное впечатление произвела на меня вошедшая девушка» («Несчастная», 207).

«Вот где проявился Вертер», думал я на следующий день, снова направляясь к жилищу бригадира» («Бригадир», 190).

«Странное имя для «Шарлотты» — Аграфена» (там же, 190).

«Мы бы с ней славно провели несколько месяцев, в роде Павла и Вирнии» («Рудин», 368) (слова Лежнева).

«Что Дон-Кихот чувствовал тогда — я чувствую теперь...» (там же, 408) (слова Рудина).

«Ты назвал себя Вечным Жидом» (там же, 436) (Лежнев).

«Я не Айвенго; я знаю, что не с леди Ровеной счастье» («Несчастная», 254).

«При ней я ощущал одно подобострастное обожание... В немецких сказках рыцари впадают часто в подобное оцепенение» («Переписка», 179).

«Так размышлял николаевский Дон-Жуан, вероятно, даже не поздозревавший в то время, чем был и чем остался в памяти людской настоящий Дон-Жуан» («История лейтенанта Ергунова», 158).

«Я знал, что ее (руку) держал не мальчик, увлеченный мгновенным порывом, не Дон-Жуан, не военный ловелас, а благороднейший, лучший из людей» («Несчастная», 254).

«Эти чувства (Сан. к Джемме) были самые искренние, эти намерения самые чистые, как у Альмавивы в «Севильском цырюльнике» («Вешние воды», 88).

Talagaieff «me faisait, il faut le dire, un peu l'effet de don Juan acculé par les paysans à la fin du premier acte de l'opéra» («Une fin», 63).

«Невозможно передать чувство, которое я испытывал, когда, улучив

[1]) См. еще: «Дневник лишнего человека», 6 (сравн. с Сократом), «Живые мощи», 374, «Дневник лишнего человека», 208 (анекдот о молодом лакедемонце, укравшем лисицу,) 229 (сравнение со Сципионом Африканским), «Переписка», 152, «Дым», 101 (с Гелиогабалом), 179 (с Солоном).

удобную минуту, он (Пунин) внезапно, словно сказочный пустынник или добрый дух, являлся передо мной с увесистой книгой...» («Пунин и Бабурин», 197).

«Староста Ерофей — удивительный тип, точно Патфайндер Купера» («Отцы и дети», 70).

«А лицо, как у Ринальдо Ринальдини» («Новь», 96).

В) Библейские сравнения.

«Здесь она порхает вокруг меня, как то легкое дуновение, от которого поднялись дыбом волосы у пророка» («Дневник лишнего человека», 237).

«Весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная, и только одно великое слово: «свобода» носилось, как божий дух, над водами» («Дым», 177).

«Седобородый, степенный мужичок, ни дать, ни взять — древний патриарх» («Конец Чертопханова», 337).

Особо следует поставить сравнения, связанные с живописью и вообще изобразительным искусством. Преимущественно они встречаются у Тургенева при описании женщин, при чем наиболее удачными являются образы, связанные со старинными итальянскими мастерами. Попадаются, однако, и сопоставления с греческим и др. искусствами. В качестве примеров сравнений женщин с теми или иными произведениями изобразительного творчества можно указать такие:

«Хороша (Нинетта), что твои все Рафаэли» («Переписка», 173).

«Она (Ася) сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине» («Ася», 306) [1]).

«Своим детским лицом и этим выражением неподвижной задумчивости, тайного постоянного изумления она (Софи) напоминала мне до-рафаэлевских мадонн» («Странная история», 302).

«...взор его (Санина) не мог оторваться от ее (Джеммы) пальцев, гибких и длинных и отделенных друг от дружки, как у Рафаэлевой Форнарины» («Вешние воды», 24).

«У Ирины очертания некогда сжатых плеч напоминали теперь богинь, выступающих на потолках старинных итальянских дворцов» («Дым», 60).

«...лицо у него (Нежданова) интересное и оригинальное. Цвет волос, как у того апостола, которого старые итальянские мастера всегда писали рыжим» («Новь», 48).

«Она (Лукерья) взглянула на меня — и ее темные веки, опушенные золотистыми ресницами, как у древних статуй, закрылись снова» («Живые мощи», 374).

У Лукерьи «голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять — икона старинного письма, нос узкий, как лезвие ножа» (там же, 367).

[1]) Ср. эпитет в «Фаусте» — «голова вся в крутых, белокурых завитках — совершенный Геркулес Фарнезский», 228.

«Лицо Сусанны напоминало лики на старых образах, и какое выражение было на этом лице! Такое выражение, как будто она собралась крикнуть отчаянным криком, да так и замерла, не произнося звука» («Несчастная», 272).

Кроме приведенных, у Тургенева встречаются и некоторые другие аналогичные сравнения. Указанные однако — самые характерные. Как видим, эта небольшая группа является одной из самых тонких и художественных среди сравнений Тургенева, связанных с реминисценцией из прошлого. Особенно удачны женские образы.

Наконец, определенно литературного происхождения и ранние романтические сравнения. Восходя, иногда через посредство Лермонтова, к западно-европейскому романтизму, часто байронизму, сравнения этого рода принадлежат в общем к числу самых неинтересных и бесцветных у Тургенева. Отражая чужое, внешне усвоенное влияние, притом вообще не характерное для всей манеры писателя, они представляют только некоторый историко-литературный интерес—в смысле выяснения художнической эволюции Тургенева. По своей же сущности это исключительно наносные, лишь поверхностно воспринятые элементы. Ничего своего, оригинального мы здесь не найдем. Притом и распространение их падает только на ранний, начальный период творчества писателя, совершенно исчезая в дальнейшем. Наиболее характерны в этом отношении сравнения в «Стено» (1834 г.) и «Разговоре» (1845 г.). В первом мы встречаем, напр., следующие сравнения:

«И Рим лежит, как саваном покрыт» (слова Стено) («Русские Пропилеи», т. III, стр. 2.)

«Чрез двести лет придет твоя пора,
«Мой древний Колизей, и ты падешь
«Под тяжкою рукою веков... как старый
«Столетний дуб под топором» (слова Стено), 2.
«Как сон пустой, как легкое виденье
«Рим перешел... и мы исчезнем так же,
«Не оставляя ничего за нами
«Как слабый свет луны, когда, скользя
«По глади вод, он быстро исчезает,
«Когда найдет на нее туча... О! (слова Стено), 3.
«Моя душа — вот это море, Джулия,
«Когда, забыв мои страданья, я
«Вздохну свободно после долгой
«Борьбы с самим собой — я тих и весел
«И отвечаю на привет людей.
«Но скоро снова черными крылами
«Меня обхватит грозная судьба». (Слова Стено), 6.
«В тебя я верю, как бы в бога» (Джулия—Стено), 7.
«... глаза
«Твои чернее ночи; у моей
«Небесной были очи голубые
«Как это небо... Я ее любил,
«Любил, как любят в первый раз, любил,
«Как бога и свободу...». (Стено-Джулии), 8.

«...И вот о н [1]) (Стено) предо мной
«Стоял во всем величии мужчины,
«Как царь, как бог...». (Джулия), 11.
«...О, знаю, я, Антонио,
«Что я свободен так же, как *убийца*,
«Которому над плахой сняли цепь». (Стено), 17.
«..вот солнце,
«Как царь, как бог, взошло оно на небо». (Стено), 39.

См. также в «Разговоре»:

«Бывало пламенная речь
«Звенела, как булатный меч,
«Гремела, как набат, когда
«Во дни покорности, стыда
«Упругой меди тяжкий рев
«В народе будит ярый гнев,
«И мчатся граждане толпой
«На грозный, на последний бой». (Слова старика), 150.
«Нет! нет! ты знаешь: жизнь моя
«Прошла, как безотрадный сон...» (Слова молодого человека), 165.

Ср. еще: «Разговор», 169, стихотворения — «К А. С.», 256. «Признание», 260, «Один, опять один я», 271 и др.

Подводя итоги по вопросу об источниках сравнений Тургенева, приходится повторить, что на первом месте среди них стоит природа в ее различных проявлениях. Эта область представлена в сравнениях писателя наиболее богато, к ней он наиболее охотно возвращается. В то же время, будет ли это непосредственный образ из природы или какая-нибудь деталь из животного мира, эти сравнения являются и наиболее удавшимися у Тургенева. Они ему всего ближе, всего дороже, с ними связан у него наибольший запас наблюдений, вынесенный из охотничьей и помещичьей жизни. Именно эта окружавшая его природа средней полосы России в них и представлена почти исключительно. Что касается остальных областей, откуда Тургенев черпал свои сравнения, то они уже будут менее примечательны, не так симптоматичны для писателя, менее интересны. Тем не менее некоторые из них, как напр., литературный источник, все же показательны для некоторых сторон творчества Тургенева, находятся с ними в тесном соответствии.

III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНЕНИЙ ТУРГЕНЕВА.

Материал по данному вопросу в значительном размере приведен мною уже выше, в предыдущем изложении. В настоящем отделе я сделаю только сводку всех данных, извлечение из общей суммы сравнений и подведу некоторые итоги.

Как уже неоднократно приходилось отмечать, у Тургенева все частные

[1]) Курсив Тургенева.

особенности стиля в психологическом отношении (и в некоторых других) определенно подчинены общему восприятию писателем внешнего мира. То, как Тургенев вообще реагирует на те или иные, идущие извне, рефлексы, что́ он преимущественно воспринимает среди различных впечатлений, отражается, как общее правило, и на всех отдельных деталях стиля. Эпитеты, сравнения, метафоры и пр.—все в каждом отдельном случае согласно повторяют основную психологическую особенность Тургенева в этом отношении. Именно, мы всегда замечаем, что на первом месте идут у Тургенева зрительные образы, затем слуховые, которые тоже играют довольно значительную роль, и потом уже в той или иной мере остальные (обонятельные, осязательные, двигательные и вкусовые). Такое разделение в общем довольно обычно и встречается у большинства людей. Тургенев не представляет в этом отношении чего-либо особого, своеобразного [1]), идущего в разрез с общим порядком.

Что касается непосредственно сравнений, то и здесь на первом месте идут зрительные рефлексы. Главным образом, это будет относиться к тому отделу, который мы выше определили формулой — «человек и природа». Здесь можно указать целый ряд характерных и интересных примеров. Всматриваясь в них внимательнее, мы яснее понимаем то, как воспринимал писатель зрительную сторону внешнего мира, какие факторы этой области его больше всего интересовали. Самый процесс сравнения предполагает акт художественного предпочтения. Действительно, обращаясь непосредственно к зрительным сравнениям Тургенева, мы замечаем определенный, характерный подбор их с данной точки зрения. Именно, преимущественно это будут мягкие, светлые тона, нередко те или иные радостные моменты природы. Привлекая их для художественного раскрытия и толкования какой-либо своей мысли, Тургеенв достигает этим определенного эстетического результата — разъясняемый образ светлеет, оживает, расцвечивается светлыми, радостными красками. Для создания лирического настроения, столь существенного у Тургенева, это очень важно. Благодаря указанным особенностям зрительных сравнений писателя, многие страницы его произведений расцвечиваются нежным колоритом. Напомню для иллюстрации некоторые примеры [2]):

«...каждый (Андрей и Дуня) принимал участье
«Во всем, что думал и желал другой.
«И не совсем их позабыло счастье:
«Так иногда над тучей грозовой,
«Когда шумит сердитое ненастье,
«Откроется внезапно золотой
«Клочок небес — и луч косой, широкий
«Сквозь частый дождь осветит лес далекий». («Андрей», т. IX, стр. 215).

[1]) Ср. напр., исключительное преобладание вкусовых рефлексов у современной поэтессы Анны Ахматовой.

[2]) Остальные случаи см. выше.

Калиныч с «лицом кротким и ясным, как вечернее небо» («Хорь и Калиныч», т. I, стр. 6).

Перед Саниным «в легком, серо-зеленом барежевом платье, тюлевой шляпке, в шведских перчатках, свежая и розовая, как летнее утро, но с неисчезнувшей еще негой безмятежного сна в движениях и во взорах стояла Мария Николаевна» («Вешние воды», т. VIII, стр. 115.)

«Я сейчас взглянул из окна — среди быстро мчавшихся туч стояла одна прекрасная звезда. — Как быстро они ни мчались — они не могли ее закрыть. Эта звезда напомнила мне тебя, Марианна» (Из предсмертного письма Неждановa) («Новь», т. IX, стр. 287).

Кроме отмеченной группы зрительных сравнений, мы, конечно, встречаем у Тургенева и некоторые другие (напр., унылого осеннего освещения, зимнего колорита и пр.). Но все они не будут уже так характерны и существенны для световых восприятий в сравнениях писателя. Главное, наиболее существенное в зрительных сопоставлениях Тургенева будет заключаться именно в указанном отделе [1]).

Довольно богато представлены у Тургенева, далее, и сравнения, связанные с слуховыми рефлексами. Общий их характер опять-таки, как и в зрительных сравнениях, разработан у писателя совершенно сходно с основными чертами его восприятий звука: т.-е. все в тех же мягких тонах, с определенным преобладанием тихих, затушеванных звуков [2]) типа «шелест», «шопот», «лепет» и т. п. Остальные звуковые рефлексы встречаются в сравнениях Тургенева уже гораздо реже и мало показательны для него, для его общей творческой манеры.

Кроме указанного выше, отмечу отдельно, как характерно повторяющийся мотив, сравнение со струною, встречающееся у Тургенева в различных вариациях. Повторность этого слухового уподобления указывает на определенную приверженность к нему писателя, которым данный образ владел на всем протяжении его творчества. См.:

«Иль никогда немая грудь,
«Блаженства горького полна,
«Не трепетала, как струна?» («Разговор», т. IX, стр. 156. Двигательный образ).

«Сердце в нем (Санине) затрепетало, как струна, когда его губы в первый раз произнесли это «ты» (двигательный образ) («Вешние воды», т. VIII, стр. 82.)

---

[1]) Интересно отметить встречающееся у Тургенева (правда, единично) привлечение зрительного сравнения для раскрытия слухового образа. «...так трогательно звенел этот бедный усиленный, как струйка дыма, колебавшийся голосок». «Живые мощи», т. I, стр. 374. «Как наглый язык высунулся он наружу, этот голос». «Призраки», т. VII, стр. 95. Особенно удачен образ в «Певцах»: «Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжко шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка, медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова», т. I, стр. 248.

[2]) Примеры таких сравнений см. выше.

«Я посмотрел на Тархова: он весь внутренно трепетал, как натянутая струна; он весь звенел, он едва сдерживал порывы поднимавшейся молодой крови» («Пунин и Бабурин», т. VIII, стр. 232). (Двигательный и слуховой образы).

«Людская тысячеголовая сила гудела вокруг, натянутая, как струна» («Новь», т. IX, стр. 106). (Слуховой образ).

«Я слышал за собой неровный, длинный вздох, подобный трепетанию лопнувшей струны (стих. в прозе «Нимфы», т. IX, стр. 103) (слуховой образ).

Как видим, здесь почти в одинаковой мере слуховые образы сочетаются с двигательными. Образ дрожащей струны привлекает внимание Тургенева в той же мере, как и звучащей. В одном случае даже (из «Пунина и Бабурина») переплетаются и те и другие [1]).

Из остальных категорий чаще других встречаются среди сравнений Тургенева двигательные образы (см. выше). Особо следует поставить сравнения тех или иных событий и явлений с проходящими облаками и трепетаньем листьев и ветвей. Как та, так и другая группа очень характерна для Тургенева. При этом первая невольно связывается с одним из самых излюбленных Тургеневым сравнений — с летящими птицами. В одном месте он даже непосредственно соединяет тот и другой образ:

Над садом Сипягиных, полным света и красоты, «надо всей этой молодою уединенной, тихой жизнью, округляя свои груди, как большие, ленивые птицы, тихо плыли светлые облака» («Новь», т. IV, стр. 46).

В качестве примеров той и другой группы можно указать следующие два:

«Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по ее глазам и губам» («Первая любовь», т. VII, стр. 23).

«...как струйки мелкие реки
«У камышей на солнце, в неглубоких
«Местах, иль как те светлые кружки
«В тени густых дубов и лип широких,
«Когда затихнет ветер, а листки
«Едва трепещут на сучках высоких —
«По тонким губкам Дуни молодой
«Улыбки пробегали чередой». («Андрей», т. IX, стр. 205).

(Остальные примеры обоих родов см. выше).

Другие психологические категории (обонятельные, осязательные,

[1]) Укажу еще, в дополнение к звуковым сравнениям вообще, следующие оригинальные примеры: «Случалось ли вам сидеть в темную тихую ночь возле леса, мне всегда кажется тогда, что сзади, близко, над самым ухом, как-будто двое горячо спорят чуть слышным шопотом». «Затишье», т. VI, стр. 94. «Колибри засмеялась коротким и странным смехом... точно у ней в горле стеклышки столкнулись». «История лейт. Ергунова», т. VII, стр. 153. «Если бы ты слышал, как она смеется... серебро так не звенит». «Переписка», т. VI, стр. 174. (Ср. в «Бежином луге» зрительное сравнение с серебром— «блеск их (змеек облака) подобен блеску кованого серебра», т. I, стр. 92.

вкусовые) в сравнениях Тургенева встречаются очень редко, можно указать только единичные случаи. См. их в предыдущем отделе.

Таким образом, в результате рассмотрения психологических основ сравнений Тургенева, мы получили тот вывод, что у него *на первом месте* идут зрительные образы, затем слуховые, двигательные и потом уже остальные.

Тургенев здесь, в этой частной детали стиля, вполне определенно следует общим своим восприятиям внешнего мира.

IV.

СТЕПЕНЬ ОРИГИНАЛЬНОСТИ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ СРАВНЕНИЙ ТУРГЕНЕВА.

Самым первым условием оригинальности сравнений является то, чтобы первоначальный и привлекаемый для художественного раскрытия образы относились к разным областям, были как можно больше удалены друг от друга. Однотипность в данном вопросе является отрицательным фактором. Иными словами, сравнение не будет ярким и оригинальным, не привлечет к себе внимания, если мы, напр., будем сопоставлять отвлеченные понятия с отвлеченными же, события из человеческой жизни с другими такими же и т. п. Наоборот, сравнения, взятые из иной области, чем разъясняемый образ, в значительной мере содействуют яркости впечатления. Таковы, среди прочих сочетания отвлеченных понятий с конкретными, зрительных образов с слуховыми и т. п. Метафоричность и синкретизм даваемых художником образов имеют здесь первенствующее значение. У некоторых писателей, главным образом, из числа принадлежащих к романтической и символической школе, отмеченная особенность сравнений достигает чрезвычайного развития, выражаясь в самых ярких и неожиданных образах.

Что касается сравнений Тургенева, то они во многих случаях вполне отвечают всем требованиям художественного реализма. Тургенев, по своим основным особенностям, не мог, конечно, в такой мере стремиться к утонченности и прихотливости сравнений, как мы это наблюдаем у некоторых представителей новейшей русской и западной литературы. Тем не менее Тургенев, в рамках главного характера своего творчества, в своих сравнениях очень часто является оригинальным. Конечно, есть у него немало и обыкновенных, общеупотребительных сравнений, но от них не свободен ни один, самый яркий писатель, так как подобные сравнения составляют общее достояние, откуда неизбежно черпает и разговорная речь и художественнее творчество. Подобные сравнения, если они не представляют собой чего-либо показательного [1]), должны быть по просту сброшены

[1]) Как, напр., некоторые, приведенные мной выше сравнения из животного мира и др., важные для уяснения тех сфер, откуда Тургенев черпал свои сопоставления.

со счета, как не имеющие никакой ценности. За исключением этой группы, все остальные сравнения Тургенева, имеющие то или иное художественное значение, носят на себе печать оригинальности. Конечно, необходимо при этом иметь в виду, что оригинальность эта находится в зависимости от основных линий тургеневского творчества, всецело определяется ими, т.-е. будет окрашена все в те же мягкие, не поражающие тона. Мы не должны искать среди сравнений Тургенева чего-либо необычного, поразительного. С другой стороны, отсутствие этих последних качеств вовсе не будет говорить о слабой степени оригинальности сравнений Тургенева. Оригинальность эта у него, несомненно, есть, только выражена она будет в обычных мягких тонах.

Главным, наиболее своеобразным признаком сравнений Тургенева является, как мы уже это видели выше, их определенная, настойчиво проводимая писателем принадлежность к разнообразным явлениям природы. Преимущественное пользование, в качестве материала для сравнений, теми или иными факторами окружающей природы, сообщает раскрываемым образам особую, специфическую своеобразность. Благодаря этому многие события и моменты очень часто из человеческой жизни вовлекаются в один общий круг, в котором одни факторы, более яркие и убедительные, разъясняют другие, не столь художественно наглядные. Это постоянное черпание из богатого источника окружающей природы, проводимое в соответствии с основным характером Тургеневского творчества, является одной из самых важных и своеобразных сторон сравнений писателя. Наиболее художественные и оригинальные сопоставления будут у Тургенева именно из этой группы. Особенно удачны, как мы видели выше, сравнения человеческих переживаний и женщин и девушек с теми или иными моментами природы. Именно они в немалой степени содействовали созданию Тургеневу славы тонкого и изящного художника природы, певца женщин и интимных переживаний. Я не буду повторяться, указывая фактический материал. Целый арсенал примеров был уже приведен мной выше.

Не менее удачно, далее, и сочетание отвлеченных образов с конкретными, очень часто встречающееся у Тургенева. По Эльстеру, этот прием вообще принадлежит к одним из самых тонких и художественных. Тургенев пользуется им очень охотно, достигая нередко очень удачных результатов. Наиболее интересно здесь сочетание отвлеченных моментов с образами, заимствованными из той или иной области природы. Тургенев здесь творит в своем обычном, характерном для него духе. Приведу сейчас встречающиеся у него случаи подобных сравнений. Именно, это будут следующие:

«Последние мои надежды с треском рухнули, как ледяная глыба, прохваченная весенним солнцем, внезапно рассыпается на мелкие куски» («Дневник лишнего человека», 209).

«Сердце его (Акима) не умело противиться женскому взгляду; он таял от него, как первый осенний снег от солнца» («Постоялый двор», 307).

«Скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег» («Дворянское гнездо», 255).

«Я (молодость) одна живу — смотрите. А у самой дни бегут и исчезают без следа и без счета, и все в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег» («Первая любовь», 71).

«Горестное умиление, возбужденное в нем Татьяной, растаяло, как снег в огне, и раскаяние замерло» («Дым», 125).

«Ах! наши сердца сходились, шли навстречу друг другу, как сливаются подземные ключи, невидимо, неслышно... и неотразимо» («Несчастная», 253).

«Очертания их (мыслей Лавр.) были так же неясны и смутны, как очертания тех высоких, тоже как будто бы бродивших тучек» («Дворянское гнездо», 248).

«Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по ее глазам и губам» («Первая любовь», 23).

«И только изредка, как короткая молния, вспыхивает в нем мысль, что если бы кто-нибудь на свете знал» («Вешние воды», 77).

«Неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как еще задолго до водопада стремление потока увлекает лодку» («Призраки», 75).

«То является она (любовь) вдруг, несомненная, радостная, как день, то долго тлеет, как огонь под золой» («Рудин», 357).

«Фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений, как на заре стрижи вокруг колокольни» («Первая любовь», 5).

«Он не мог отбиться, как от жужжания назойливой летней мухи, от постоянного ощущения презрения к самому себе» («Дым», 157).

«Те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды — словом, то же хлопотливое прыгание белки в том же старом, даже не подновленном колесе» («Довольно», 114).

«Подробности эти обросли, если можно так выразиться, первоначальный ствол самой истории, как опенки обрастают срубленный пень» (История лейт. Ергунова», 136).

Близко примыкают сюда и следующие два сравнения:

«Но бросить холодный, ясный взгляд на всю свою прошедшую жизнь — вот как прохожий, оборачиваясь, глядит с высокой горы на пройденное им поле — можно только в известные лета...» («Переписка», 156).

«Как путник в темную ночь, видя впереди огонек и боясь сбиться с дороги, ни на мгновение не спускает с него глаз, так и Литвинов постоянно устремлял всю силу своего внимания на одну точку, на одну цель»(«Дым»,120).

Остальные случаи сравнений, относящихся к указанной категории, см.:

«Рассуждать наперед о том, что хочешь сделать, так же вредно, как накалывать булавкой наливающийся плод» («Рудин», 348).

«Передумывать и перевертывать одну и ту же мысль—занятие слишком известное несчастным любовникам. Оно действует на душу, как мехи на тлеющий уголь» («Бреттер», 64).

«Он (князь) своим великодушием прихлопнул меня, как гробовою крышею» («Дневник лишнего человека», 224).

Между Верой и Вязовн. «внутренний разрыв чувствовался во всем; так в целом существе человек замечает влияние невидимой внутренней раны» («Два приятеля», 58)

«Оно (счастье) — как здоровье: когда его не замечаешь, значит оно есть» («Фауст», 257).

«Грешно петь там, где лежит покойник; а в это мгновение в этой комнате умирало то прошлое, о котором он упомянул, прошлое людей, собравшихся в ней» («Накануне», 363).

«Он чувствовал одно: пал удар, и жизнь перерублена, как канат» («Дым», 117).

«Нельзя долго носиться с одними и теми же мыслями: они передвигаются постепенно, как стеклышки калейдоскопа» («Дым», 159).

«Что-то неотвязчиво-постылое, противно тяжкое, со всех сторон обступило его, как осенняя темная ночь» («Вешние воды», 4).

«А то, пожалуй, перед концом пойдут, как ржа по железу, немощи, страдания...» (там же 4).

«Первая любовь — та же революция: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновение, молодость стоит на баррикаде, высоко вьется ее яркое знамя, — и чтобы там впереди ее ни ждало — смерть или новая жизнь, — всему она шлет свой восторженный привет» (там же, 83).

Это сочетание отвлеченных образов с конкретными является одним из наиболее ярких выражений основного принципа художественности сравнений — чтобы исходный и привлекаемый образ были насколько возможно дальше друг от друга, заставляли бы читателя в процессе восхождения от одного к другому проделать тот или иной путь. В данной группе перед нами моменты, наиболее отдаленные друг от друга — та или иная отвлеченная мысль, переживание и конкретный, реальный, самой жизнью данный образ. В других группах, как мы видели выше, это расстояние между сравниваемым и привлекаемым для сравнения образом будет меньше. Но и во многих прочих случаях все же промежуток этот в достаточной степени велик — в мере, требуемой художественным чувством. С другой стороны, на - ряду с различием, в основе сравниваемых образов у Тургенева всегда лежит нечто общее, то, на основании чего возможен самый акт сопоставления. Это необходимое условие всякого сравнения у Тургенева всегда налицо. Беспорядочного смешения образов (катахрезис) мы у него никогда не встретим. Такие сопоставления, как, напр., сравнение тех или иных чувств и переживаний с устремлением вдаль птиц, на - ряду с отдаленностью областей, содержат в себе в то же время и нечто общее — основной психологический смысл, однородность положений. То же самое найдем мы и во всех других случаях[1]).

[1]) Напр., в сравнении с животными, насекомыми, вещами и др.

Вполне удовлетворяют сравнения Тургенева и другому художественному требованию, — чтобы разъясняющий образ действительно достигал своей цели, т.-е. рельефно, ярко раскрывал, обрисовывал основную мысль, понятие. Такие, напр., случаи, как:

«...но и сквозь слезы и сквозь грусть, навеянную то певучим стихом, то красотою вечера, проступало, как весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни» («Первая любовь», т. VII, стр. 5), или —

«Недалеко от берега большие, темные барки тихонько переваливались на якорях, слегка двигая остриями своих мачт, как указательными перстами» («Призраки», т. VII, стр. 89), —

сразу бросают свет на первоначальный образ, ярко и рельефно выдвигая и оттеняя его. Если мы с этой целью пересмотрим все приведенные мной выше сравнения, то сразу же убедимся в том, что значительное большинство их отчетливо удовлетворяют этому требованию.

Наконец, сравнения Тургенева вполне художественны и с точки зрения разнообразия. Несмотря на то, что берутся они почти все из одной области, из мира природы в широком смысле, Тургенев сумел избежать в них однотонности и слитности. Даже в пределах одной какой-либо группы он старается варьировать с разных сторон выбранный им образ. Так, сравнения, напр., с собакой, лошадью и др. (см. выше) значительно разнообразятся: животные берутся в различные моменты их жизни и освещаются с разных сторон. То же встречаем мы и в сравнениях, взятых из природы, литературных и пр.

В общем ,по вопросу о художественном значении сравнений Тургенева, следует признать, что степень его у писателя довольно велика. В особенности это станет ясным, если принять во внимание слабое развитие и сравнительную бедность этой особенности стиля у других представителей русской реалистической школы, даже у Л. Н. Толстого. Таких мягких, нежных или, с другой стороны, метких, выхваченных из природы или самой жизни сравнений мы мало у кого из них встретим. И именно мягкость, нередко переходящую в непосредственный лиризм, следует отметить, как мы это не раз делали по другим поводам, в качестве главной, основной особенности тургеневских сравнений. Обращается ли писатель к самой природе, черпает ли он из животного мира или еще откуда-нибудь, он почти всегда за некоторыми, обусловленными различными причинами исключениями, остается мягким, изящным, лиричным. И именно такие сравнения, как мы видели выше, больше всего ему и удаются, отмечены все более печатью истинного таланта. В некоторых других, как, напр., в гиперболичных, юмористических и даже литературных, Тургенев уже менее силен, менее является самим собою. Следует отметить при этом, что, несмотря на мягкость и лиризм, сравнения Тургенева в то же время никогда не бывают бесплотными, чуждыми действительности, оторванными от реальной почвы. Наоборот, прикрепленность к земле, — конкретность — одно из главных свойств сравнений Тургенева. Его сопоставления всегда правдивы, всегда реальны.

Мы очень редко встретим у него неестественность сопоставлений. Собственные теоретические воззрения писателя вполне согласовались с этим. В одном из своих писем к Я. П. Полонскому, разбирая его стихотворение «Орел и змея», Тургенев особенно настаивает на «п р а в д е»[1]) сравнений, решительно выдвигая этот признак, как основной. И именно в плоскости этой правдивой художественной реальности и следует оценивать и изучать сравнения Тургенева. Связанные непосредственно с живой, трепещущей жизнью, от нее берущие все свои краски и тона, сравнения эти при таком подходе явятся перед нами в надлежащем свете, с надлежащим значением. Если мы не найдем у него каких-либо поразительных, неожиданных, резко ярких сопоставлений, которые встречаются, напр., у К. Д. Бальмонта, то зато, с другой стороны, значительное большинство сравнений Тургенева будет тонко выдержано в духе основного принципа его сближений — изящного, тонкого, мягкого реализма.

Предъявляя к Тургеневу только те требования, которые согласны с манерой и заданиями самого художника, мы, в значительном большинстве случаев, увидим, что он этим требованиям удовлетворяет в полной и исчерпывающей мере. В итоге получится то, что мы признаем за сопоставлениями Тургенева высокую художественную ценность и отнесем его сравнения к числу одних из самых удачных особенностей стиля писателя.

Отмечу еще, в качестве дополнительной иллюстрации, несколько отдельных сравнений писателя. Примеры эти будут принадлежать к числу самых оригинальных. Таковы:

«Вся моя жизнь озарилась любовью, именно вся, до самых мелочей, словно темная, заброшенная комната, в которую внесли свечку» («Дневник лишнего человека», стр. 197).

«Иногда, когда мне случается долго думать о том времени, иные воспоминания внезапно всплывают из мрака прошедшего — вот как звезды неожиданно выступают на вечернем небе навстречу внимательно устремленным глазам» (там же, стр. 198).

«Она (Маша) как будто пробудилась от тяжелого сна, из темной комнаты вышла на воздух и солнце» («Бреттер», стр. 71).

«Облака, изжелта-белые, как весенний запоздавший снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса» («Касьян с Красивой Мечи», стр. 124).

Лепетанье листьев, «похожее на бесконечный мелкий плеск внезапно набежавшей зыби» (там же, стр. 126).

«...И надо всем этим, как бы белые крылья ангела, тихая женская прелесть» («Фауст», 250).

«Он (Герасим) торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине» («Муму», стр. 299.)

---

[1]) Курсив Тургенева.

«Страстная мелодия полилась из-под широко проводимого смычка, полилась, красиво изгибаясь, как та змея, что покрывала своей кожей скрипичный верх» («Песнь торжествующей любви», стр. 289).

Алекс. Серг. говорил, «славным русским языком, несколько старомодным, но вкусным и чистым, как ключевая вода» («Старые портреты», стр. 346).

«Стоит только произнести при ком-нибудь имя Покровского — и все остатки благородства в нем зашевелятся, точно ты в грязной и темной комнате раскупорил забытую склянку с духами» (слова Лежнева) («Рудин», стр. 365).

«...Но все-таки ей (Лизе) стыдно стало, точно чужой вошел в ее девическую, чистую комнату» («Дворянское гнездо», стр. 289).

«Смерть, как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет ее на время в воде: рыба еще плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит ее — когда захочет» («Накануне», стр. 382—383).

«Так большая, только что пойманная на крючек, но еще не выхваченная рыба плывет по дну глубокой реки под самой той лодкой, на которой сидит рыбак, с крепкой лесою в руках» («Клара Милич», стр. 26) [1]).

«Бесконечной вереницей тянулись друг за другом ненужные и неясные мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины» («Гамлет Щигровского уезда», стр. 288).

«Я (рассказчик)... глупо и вяло рос, словно под периной» (там же, стр. 294).

«В одно прекрасное утро родилась на мой счет сплетня... родилась и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника» (слова рассказчика), там же, стр. 298.

«Дайте мне хоть раз посмотреть в лицо другое, в другую душу — мое собственное лицо мне опротивело; я похож на человека, который был бы осужден весь свой век жить в комнате с зеркальными стенами» (Из письма Алексея Петровича), («Переписка», стр. 155).

Колибри «обняла его (Ергунова) голову своими гибкими, гладкими руками, и быстрый поцелуй обжег его щеку... точно уголек к ней приложился» («История лейт. Ергунова», стр. 162).

«...За обедом, сидя перед Платошей, он (Аратов) вдруг вспомнил ее полуночное явление,... всю эту смешную фигуру, от которой, как от свистка машиниста в фантастическом балете, все его видения рассыпались прахом» («Клара Милич», стр. 55).

V.

ДОБАВЛЕНИЕ.

Из числа сравнений, не вошедших ни в одну из предыдущих рубрик, но тем не менее так или иначе характерных для Тургенева, укажу еще

[1]) Два одинаковых философских сравнения, характерных для миросозерцания Тургенева.

сопоставления с ребенком (вообще детьми), выражения типа: «она обернулась к нему, как будто кто ее толкнул» («Отцы и дети», т. II, стр. 105), гиперболичные и юмористические сравнения. Все они, в особенности первой группы, интересны в смысле повторности, определенного постоянства на протяжении целого ряда страниц.

Из числа сравнений с детьми укажу следующие две группы: 1) в виде небольшой образной картины, 2) краткие, простые сопоставления. Наибольший интерес представляет, конечно, первая. Здесь нередки случаи удачных, художественных образов.

1) Сравнения с ребенком, детьми в виде маленьких картинок.

«К ее ногам прилег я, как котенок...
«Она меня бранит — а я молчок —
«И робко — как наказанный ребенок —
«То ручку, то холодный локоток
«Целую, то колено...» («Поп», 12).

«Все кончено: она ему вверялась...
«Сближению стыдливо предавалась...
«Так в речку ножку робкую дитя
«Заносит, сук надежный ухватя». («Параша», 142).

«... сам
«Помещик вовсе растерялся,
«Не верил собственным глазам
«И, как ребенок, улыбался». («Помещик», 190).

«Но все же она любила мужа; да,
«Как любят дети»...». Далее идет характеристика подобной любви. («Андрей», 201).

«С начала самого любовь должна
«Расти неслышно — как во сне глубоком
«Дитя растет...». (Там же, 203).

«И стал он (Андрей) тих и кроток, как дитя
«В обновке...» (Там же, 204).

Маша чувствовала, что «душа его (Лучк.) темна, как лес, и силилась проникнуть в этот таинственный мрак. Так точно дети долго смотрят в глубокий колодец, пока не разглядят, наконец, на самом дне неподвижную, черную воду» («Бреттер», 57).

«Мне было неловко, как пристыженному мальчику» («Три встречи», 258).

Лишний человек находился в самом разгаре первой любви, «в том состоянии обожания... когда вы улыбаетесь и смотрите выздоровевшим ребенком» («Дневник лишнего человека», 198, 199).

«Утром, славным летним утром веяло от всего, все глядело и улыбалось, точно румяное, только что вымытое личико проснувшегося ребенка» («Затишье», 110).

«Надежда Алекс. уклонялась от него (Влад. Серг.) с своенравием прихотливого ребенка» (там же, 127).

«Нежные щеки, которые загорели у ней, как у ребенка» («Дворянское Гнездо», 273).

«Избалованные дети так говорят со своими няньками» («Отцы и дети», 70).

«И побежишь, как ребенок к няньке» («Дым», 99).

«Я чуть не соскочил со стула от восторга, но только ногами немного поболтал, как ребенок, который лакомится» («Первая любовь», 14).

«В течение всех этих приготовлений оба противника стояли поодаль, напоминая собой двух наказанных школьников, которые дуются на своих гувернеров» («Вешние воды», 58).

«Я отвернулся, как ребенок от розги» («Призраки», 92).

«Затем», с изнеможением в кости «поплетутся они (люди) вновь в этот мир, где народы, как крестьянские мальчики в праздничный день, барахтаются в грязи из-за горсти пустых орехов или дивятся, разинув рот, на лубочные картины, раскрашенные сусальным золотом» («Довольно», 117).

«Иногда он надувал щеки и слабо пыхтел, как ребенок» («Бригадир», 179).

«Бригадир принялся зевать продолжительно и откровенно, не спуская с меня отупелых глаз; так зевают очень маленькие дети» (там же, 187).

«...у нее на лице появилось даже то степенное выражение, какое бывает у детей, когда они очень... очень довольны» («Вешние воды», 137).

Пунин «Пушкина боялся, как дети боятся буки» («Пунин и Бабурин», 237).

«Он, как только приходил в некоторый азарт, говорил о себе, как маленькие дети, в третьем лице» («Новь», 144).

2) К р а т к о.

«Звезда дрожит в огнях заката,
«Любви прекрасная звезда,
«А на душе легко и свято,
«Легко, как в детские года». (Стих. «Весенний вечер», 252).

«Мне было стыдно и смешно,
«Что столько лет я жил шутя,
«Любил забывчивый покой
«И забавлялся, как дитя». («Разговор», 162).

«Ты, как дитя, самолюбив». («Разговор», 164).

«Но все ж ты прав: я шут, я раб,
«Я, как ребенок, вял и слаб,
«Мои мечты еще глупей
«Моих младенческих затей». (Там же, 170).

«Но за барином наблюдал, как за ребенком» («Хорь и Калиныч», 5).

Яков «наслаждался своей победой, как дитя» («Певцы», 250).

«Разумеется он (Вас.) влюбился не как ребенок» («Три портрета», 105).

Ольга Ивановна «лишь изредка судорожно всхлипывала, как ребенок» (там же, 109).

Гиршель, «рыдал, как ребенок» («Жид», 132).

«...Молод и неопытен, как ребенок» («Петушков», 137).

«Петушков запрыгал на месте, как ребенок» (там же, 157).

Петушков «предался весь, как дитя, своему неудовольствию» (там же, 138).

«Лиза обращалась со мной доверчиво и вольно, как ребенок» («Дневник лишнего человека», 202).

«Александра Павл. глядела и смеялась, как ребенок» («Рудин», 307).

«При уме ясном, обширном он был мил и забавен, как ребенок» (там же, 368).

«Он и был невинен, как дитя, этот юный Алкид» («Дворянское гнездо», 235).

«Он (Рудин) живет на чужой счет не как проныра, а как ребенок» («Рудин», 416). (Слова Лежнева).

«Лаврецкий сперва улыбнулся немного, потом заплакал, слабо всхлипывая, как дитя» («Дворянское гнездо», 303).

Варвара Павловна «обрадовалась, как дитя, когда Мария Дмитриевна согласилась принять ее (склянку с духами) в подарок» (там же, 321).

«Аркадий .. с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу» («Отцы и дети», 48). (Слова Н. П.).

«Как дитя, обрадовался Литвинов» («Дым», 178).

«Марианна не была ребенком, но прямотою и простотою чувства она походила на ребенка» («Новь», 158).

Ср. также:

«Ей снова стало жалко его; так мать жалеет своего больного ребенка» («Новь», 244).

Очень характерно затем для Тургенева сравнение-метафора типа «как будто кто-нибудь толкнул», употребляемое им для выражения сильной степени удивления. Встречаемое довольно часто, в различных ситуациях, общих однако по тону, выражение это определенным образом указывает на склонность Тургенева именно в этой формуле передавать данное психическое состояние. Настойчивая повторность настоящего сравнения совершенно ясно указывает на это. Встречающиеся случаи будут следующие:

«Слушаю-с, — ответил Онисим так отрывисто, как будто кто-то толкнул его сзади» («Петушков», 140).

«Василий Иванович пошатнулся, словно кто по ногам его ударил» («Отцы и дети», 203).

«Она обернулась к нему, как будто он ее толкнул» (там же, стр 105).

«Не успела Зинаида произнести эти слова, как я уже летел вниз, точно кто подтолкнул меня сзади» («Первая любовь», 41).

«Меня как будто что-то в сердце толкнуло» (там же, 70).

«Литвинов прочел эти пять строк и медленно опустился на диван, словно кто пихнул его в грудь» («Дым», 55).

«Литвинов пошатнулся, словно кто его в грудь ударил» (там же, 119).

«— Ну хорошо, — произнес я вслух и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнул» («Призраки», 77).

«Она (Сусанна) отклонилась, как будто я толкнул ее» («Несчастная», 209).

«Этот взгляд точно толкнул меня» (там же, 245).

«Санина точно что в бок кольнуло» («Вешние воды», 91

Ср. также:

«Все мое тело дрогнуло от сильного толчка — точно я коснулся лейденской банки» («Призраки», 88).

«...Не мог усидеть на месте, словно что его подмывало» («Отцы и дети», 95).

Что касается гиперболичных сравнений, то они в общем мало характерны для Тургенева. Большинство их определенным образом связаны, с Гоголем и являются одним из результатов влияния последнего на Тургенева.

Из числа их укажу наиболее характерные следующие:

«Собаки лаяли лаем до того хриплым и злобным, что, казалось, у них отрывалась вся внутренность» («Певцы», 235).

«Кирилла Селифанович так неловко раскланивался, как будто у него отвалился живот» («Гамлет Щигровского уезда», 284).

Все в доме «стоит крепко и держит тепло: печи, что твои слоны, мебель сбродная, домодельщина» («Бригадир», 174).

«Звук его (голоса) напомнил лязг железных полос, везомых в телеге по дурной мостовой, и говорил Харлов, точно кричал кому-то в сильный ветер через широкий овраг» (Степной король Лир», 313).

«И что у него были за руки — те же подушки» (там же, 313).

«Помнится, я без некоторого почтительного ужаса не мог взирать на двухаршинную спину Мартына Петровича, на его плечи, подобные мельничным жерновам» (там же, 313).

«Его уши! Совершенные калачи — с завертками и вышибами» (там же, 313).

«Прижавшись всем телом и лицом к своему барину и упираясь босыми ногами в заднюю ось дрожек, он казался листиком или червяком, случайно приставшим к воздвигавшейся перед ним исполинской туше» (там же, 317).

«...А ел он так, как, я полагаю, не едал никто со времен Полифема» 318.

...«Запирался один в комнату и гудел, именно гудел, как целый пчелиный рой» (там же, 319).

«Анна, — закричал он, и при этом его громадный живот приподнялся и опал, как волна на море» (там же, 324).

«Очень уж разило от Харлова... в лесном болоте не так сильно пахнет» (там же, 366).

«Dès qu'il nous eut aperçu, l'homme arrêta brusquement son petit cheval, et nous cria d'une voix de trompette» («Une fin», 55).

Наконец, последняя группа — сравнения юмористического характера. Как юморист вообще, Тургенев ничем особенным себя не проявил: сила его

таланта лежала не в этой плоскости. Тем не менее среди его юмористических сравнений немало метких и удачных. Тургеневу удается иногда найти то или иное оригинальное сочетание, смешащее читателя своим несоответствием. Главный принцип подобных сравнений, как и следует, заключается в несообразности и комичности образов — первоначального и привлекаемого к сопоставлению. В общем однако приходится признать, что юмористические сравнения Тургенева — только частный, второстепенный эпизод его сравнений вообще.

В качестве примеров укажу следующие (начиная с ранних произведений):

«Сестра моей любовницы дебелой —
«Во всем разгаре жизни молодой,
«О господи, была подобна спелой
«Душистой дыне, на степи родной
«Созревшей в жаркий день...». («Поп», стр. 6—7).

«Он (поп) улыбнулся слабо... взор лукавый
«Провел кругом... слегка махнул рукой
«И пал к ногам супруги величавой,
«Как юный дуб, низринутый грозой...
«Как смелый витязь падает со славой
«За край — хотя подлейший — но родной,
«Так пал он, поп достойный, но с избытком
«Предавшийся крепительным напиткам». (Там же, 14—15.)

«А женщина она была простая,
«С лицом весьма похожим на пирог». («Параша», 122).

«Российские стихи — российский квас —
«Одну и ту же участь разделяют:
«В порядочных домах их не читают,
«А квас не пьют». (Там же, 124).

«Моей красотке было двадцать лет,
«(Иной мне скажет: устрицам в апреле,
«Девицам лет в пятнадцать — самый цвет». (Там же, 126).

«Мы за границу ездим, о друзья,
«Как казаки в поход...» (Там же, 132).

Сосед, провинциальный лев «не раз окинул, меня взором, даже обратился ко мне с выражением актера на сцене, просыпающегося в незнакомой стороне».. («Дневник лишнего человека», 216).

«Князь все время был окружен хозяином, именно окружен (на балу), как Англия окружена морем» (там же, 218).

«Он глух и вдобавок глуп, как пятка» («Муму», 280).

«Обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок» (там же, 280).

Степан спал «в положении убитого воина на батальной картине, судорожно вытянув обнаженные ноги из-под сюртука» (там же, 290).

«Он (Корчагин) держался необыкновенно величественно, точно он был не живой человек, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подписке» («Рудин», 413).

«Она (Каллиопа Карловна) постоянно чего-то боялась, словно не доела» («Дворянское Гнездо», 233).

«Он говорил довольно долго, с небрежной самоуверенностью разрешая все затруднения и, как фокусник шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами» (там же, 279).

«Р. Р..., который считает себя очень больным и очень умным человеком, а здоров, как бык, и глуп, как пень» («Дым», 7).

«Ступай домой, — отвечал я ей тем же голосом, каким я говаривал эти слова моему кучеру, выходя в четвертом часу ночи от московских приятелей» («Призраки», 101).

«Но когда я с ней познакомился, она (Элеон. Карл.) напоминала взору добрый кусок говядины, только что выложенной мясником на опрятный, мраморный стол» («Несчастная», 205).

«В последнее время в нашей литературе после тщетного искания «новых людей» начали выводить юношей, решившихся, во что бы то ни стало, быть свежими!.. свежими, как фленсбуртские устрицы, привозимые в С.-Петербург» («Вешние воды», 32—33).

«— Я сегодня встретил Скоропихина... нашего всероссийского критика и эстетика и энтузиаста. Что за несносное создание! Вечно закипает и шипит, ни дать, ни взять, бутылка дрянных кислых щей... Половой на бегу заткнул ее пальцем вместо пробки, в горлышке застрял пухлый изюм,— она все брызжет и свистит — а как вылетит из нее вся пена — на дне остается всего несколько капель прескверной жидкости, которая не только не утоляет ничьей жажды, но причиняет одну лишь резь» («Новь», 25). (Слова Паклина).

«У нас теперь по большим-то дорогам трактиров этих развелось, что блох в овечьей шубе» (там же, 218) [1]).

В. И. Дьяконов.

---

[1]) Иногда юмор сравнений этого рода становится излишне грубоватым. Напр., «Чулкатурин подошел на балу к длинноликей барышне с жилистой шеей, напоминавшей ручку контрабаса». «Дневник лишнего человека», стр. 215.

ТУРГЕНЕВ—РЕДАКТОР ТЮТЧЕВА.

В 1899 году исполнилось двадцать пять лет со дня смерти Тютчева. Автор одной из немногих вызванных этим юбилейных заметок писал: «наступившее двадцатипятилетие... прошло бы совершенно незамеченным, если бы о нем не напомнили газеты, по обязанности отмечающие всякие юбилейные сроки. Постараемся остановить хоть на короткое время внимание мыслящих людей на литературном факте, несомненно заслуживающем внимание и сделаем, что в наших силах, для освещения личности поэта, уже далеко отстоящего от современных поколений» [1]). Около того же времени современный критик отзывался о произведениях Тютчева, что они «читаются с трудом и ценятся лишь самыми строгими и рьяными эстетиками» [2]). Однако не далее как через четыре года отношение к Тютчеву со стороны печати и публики изменилось коренным образом. В 1903 г. в связи с новой юбилейной датой — столетие рождения поэта — газеты констатировали: «никогда, ни во время расцвета своего таланта, ни тотчас после смерти Тютчев не пользовался такой славой, как теперь... Звезда Тютчева заблистала вновь необыкновенно ярко, его стихотворения вновь нашли отзвук в сердцах читателя... В истории долго лежал Тютчев, теперь он ожил и живет...» и т. д., и т. д. [3]). И действительно за эти четыре года из забытого, известного читателю только по «нескольким произведениям, помещаемым в хрестоматиях», поэта Тютчев превратился «в хорэга, запевалу всей современной русской поэзии», не только «певца певцов», но и «пророка, учителя жизни» [4]) и т. п. Однако в то самое время, когда имя Тютчева оглашало столбцы всех газет и журналов, когда его поэзия вызывала всеобщий восторг, русский читатель (на немецкий язык стихи Тютчева были вторично полностью переведены в 1905 г. и изданы в одном из самых распространенных издательств) лишен был возможности читать его произведения:

---

[1]) Аммон. Несколько мыслей о поэзии Тютчева. «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1899, VI, 446.

[2]) Скабичевский. Сочинения. Спб. 1890 г., стр. 504—6.

[3]) «Русские Ведомости». 1903 г. № 322 и др.

[4]) Мережковский. Две тайны русской поэзии и др.

все прежние издания его давно сделались библиографической редкостью, нового издания не появлялось. Только в 1912 г. издательством Маркса было выпущено «Полное собрание сочинений Тютчева» под редакцией П. В. Быкова. Своей обманчиво-научной внешностью (вводящая статья такого действительно авторитетного знатока Тютчева, как В. Я. Брюсов, пухлый аппарат примечаний, хронологический и библиографический указатели, заявления редактора о тщательной выверке текста и т. п.) это первое критическое издание вызвало к себе общее доверие. «Прекрасная работа» отмечал, например, Лернер [1]). Другой рецензент полагал даже, что «сверка текста с подлинными рукописями едва ли внесла бы какие-либо существенные изменения в ныне установленный текст» [2]).

Однако, на самом деле, для того, чтобы внести такие изменения, нет даже нужды обращаться к рукописям. Во всех прежних изданиях Тютчева механически перепечатывавшиеся из первого издания его стихи подвергались самым разнообразным вольным и невольным искажениям. Все эти искажения не только были тщательно введены редактором последнего издания в его «канонический» текст, но и дополнены бесчисленным рядом новых грубейших ошибок.

Так в предисловии редактор указывает, что даваемый им текст «тщательно проверен и исправлен». Однако слово т щ а т е л ь н о менее всего подходит к немалой и нелегкой его работе. Так, напр., в тексте «Песни Радости», относительно которого из примечания мы узнаем, что он печатается по редакции альманаха «Северная Лира», допущено с е м н а д ц а т ь (не считая знаков препинания) явных ошибок против этой последней. То же самое имеем в «Урании», которая могла печататься только по тексту «Речей и Отчетов Московского Университета» и которая содержит сравнительно с этим текстом целый ряд «новых вариантов», в примечании, конечно, не оговоренных. В качестве примеров ошибок другого рода, являющихся уже сознательными исправлениями, то вызванными «настоятельными требованиями смысла» и оговоренными, как таковые, в примечаниях, а то лежащими исключительно в области личного вкуса самого редактора и о которых он предпочитает, производя их, просто умолчать, можно указать пьесы: В р а з л у к е е с т ь в ы с о к о е з н а ч е н и е (вставка лишнего слова), С е й д е н ь я п о м н ю д л я м е н я (перестановка эпитетов: солнце м о л о д о е, признанье з о л о т о е, у П. Быкова наоборот), Ч а р о д е й с к о ю з и м о ю («исправление» образа: весь опутан, весь окован легкой ц е п ь ю пуховой — у Быкова нелепое т е н ь ю) и т. п. и т. п.

Однако сколь бы досадны и малоизвинительны ни были все эти искажения и ошибки — все они носят несколько внешний характер и при желании могут быть обнаружены без особого труда путем простого обращения к первопечатным текстам и прослеживания дальнейшей их судьбы из изда-

[1]) «Русский Библиофил». 1912 г. V, 87—89.
[2]) «Русское Богатство». 1912 г. IX, 215.

ния в издание. Давая подробно-составленный библиографический указатель, сам же Быков значительно облегчил дело «поимки его с поличным». Гораздо серьезнее стоит вопрос о том «получившем право гражданства» тексте первого собрания стихов Тютчева, вышедшего под редакцией И. С. Тургенева в 1854 г., который образует первый, как бы материковый слой всех дальнейших текстовых напластований и был принят Быковым без всякой критики, как нечто само собой разумеющееся, в качестве «руководящего» текста и его издания.

История литературы дает нам постоянные примеры, периодически повторяющиеся, любопытного явления — прилива сочувствия и интереса к стихам и последующего вытеснения, «затирания» стихов прозой. В другом месте мы подробно выяснили ту огромную роль, которую Тургенев сыграл в «возрождении» русской поэзии в начале пятидесятых годов, равно как установили исключительно властный характер редактирования им стихов выдвигаемых им же поэтов, в частности стихов Фета [1]). Однако за все время редактирования Фета, настойчиво требуя изменений для большинства фетовских текстов, по большей части давая даже подробную программу самых изменений, Тургенев в конечном счете все же предоставлял действовать, т.-е. изменять свои стихи, самому поэту. Совсем с иным сталкиваемся мы в истории редактирования Тургеневым стихов Тютчева.

Как увидим далее, у нас имеются все основания полагать, что те чрезвычайного художественного и принципиально-теоретического значения выправления, которые имели здесь место, были произведены Тургеневым не только без всякого участия, но даже и без ведома о том самого Тютчева.

Тургенев и Тютчев познакомились, видимо, в начале пятидесятых годов. В письме жене от 10 декабря 1852 г. Тютчев просит передать Тургеневу, если он зайдет к ней, свой «самый теплый привет» [2]). Время с 1852 по 1854 год Тургенев провел в ссылке, в своем имении. В 1854 г. в Петербурге писатели снова встретились. Тургенев к этому времени прогремел своими «Записками охотника» — книгой, очаровавшей и Тютчева «В них изумительная полнота жизни и мощь таланта»,—отзывается он в одном из писем жене; в другом — «Я только что прочел «Записки Охотника», где есть чудные места. Тут проявляется такая сила таланта, что это действует самым живительным образом; его чувство природы зачастую звучит для меня, как откровение» [3]).

В свою очередь поэзия Тютчева воспринималась Тургеневым с неменьшим восторгом И тогда, и потом он ставил Тютчева в ряду самых значительных русских поэтов, в своих письмах постоянно цитировал его стихи [4]), выдвигал их как никем не превзойденный образец поэтического мастерства [5]),

---

[1]) См. Тургенев — редактор Фета. «Печать и Революция». 1923 г. III.

[2]) Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене. «Старина и Новизна». Кн. XVIII, 44 (везде цитируется по французскому тексту).

[3]) Ibid. 40, 44.

[4]) Фет. Мои воспоминания. I, 349 и др.

[5]) См. напр. Вл. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северн. Вестн.», X, 175.

способностью их «чувствовать» определял вообще способность «чувствовать поэзию» [1]) Слишком большой короткости отношения Тютчева и Тургенева никогда не достигали, но оба писателя испытывали постоянное влечение друг к другу, и чувство самой искренней симпатии и приязни соединяло их всю жизнь. Тургенев посылал Тютчеву все свои новые произведения, портрет поэта висел в Спасском, среди семейных реликвий [2]); его смерть вызвала в Тургеневе самые живые сожаления [3]); Тютчев в наиболее тягостные минуты своей жизни раскрывал Тургеневу интимнейшие свои переживания [4]) и т. п.

Упомянутая встреча в 1854 г. сыграла выдающуюся роль в судьбе поэзии Тютчева. Несмотря на хвалебную статью Некрасова, стихи Тютчева в это время были известны слишком небольшому кружку ценителей. Тургенев, как раньше мюнхенский приятель Тютчева, кн. Гагарин, доставивший его стихи Пушкину, решил распространить имя поэта в широкой публике. 10 февраля 1854 г. Тургенев писал Аксакову: «Я здесь... уговорил Тютчева, Ф. И., издать в свет собрание своих стихов», на что Аксаков сейчас же отозвался: «Вы сделали доброе дело, уговорив Тютчева издать свои стихотворения» [5]). Получив согласие поэта, Тургенев немедленно приступил к осуществлению издания, и уже в мартовской книжке «Современника», к редакции которого он имел о ту пору самое близкое отношение, появилось 92 стихотворения Тютчева, данные, в качестве приложения, в конце книги с особым заглавным листом, оглавлением и нумерацией. В майской книжке это собрание было дополнено еще девятнадцатью пьесами, и в мае же все стихи были выпущены с предисловием Тургенева отдельной книжкой.

«Уговорить» Тютчева на опубликование сборника его стихов Тургеневу удалось не без усилий, «стоило большого труда» [6]).

В воспоминаниях современников и в последующей литературе о Тютчеве единогласно указывалось на всегда присущее ему равнодушие к своей художественной деятельности — и совершенную беззаботность о судьбе своих поэтических творений, которые он только «допускал в себе» в минуты, почему-либо потерянные для его дипломатического мышления и светской bonmot'ной болтовни [7]). Однако, на самом деле, отношение Тютчева к своим стихам было, по меньшей мере, двойственным. Своим политическим единомышленникам и сановным друзьям он отзывался о своей поэтической деятельности с подчеркиваемым пренебрежением. «Бумагомарание», «вирши», «пустозвонное безделье» — вот обычные определения им и своих стихов,

---

[1]) Фет. Мои воспоминания. I, 349.

[2]) М. Щепкин. Воспоминания об И. С. Тургеневе в селе Спасском. «Истор. Вестник». IX, 913.

[3]) Фет. Мои воспоминания. II, 278—9.

[4]) Фет. Мои воспоминания. II, 3 и след.; Письма Тургенева к граф. Ламберт, 172.

[5]) Из переписки И. С. Тургенева с семьею Аксаковых. «Вестн. Евр.». II, 478, 482.

[6]) Фет. Мои воспоминания. I, 134.

[7]) Julian Klaczko. Le congrès de Moscou et la propagande panslaviste. Revue de deux Mondes, t. LXXI, pp. 157—9; ср. Аксаков, Биография Тютчева, стр. 83. А. О. Смирнова. Записки, II, 57; Сушков. Раут. 1851, I, 75 и др.

и стихотворчества вообще. Но с поэтами он говорит о поэзии совсем по иному: Жуковскому, напр., признается, что «более всего в мире любит отечество и поэзию» [1]); в неизданном письме Аксакову прямо как бы извиняется в свойственной ему слабости — «ребячески-отеческой заботливости» об «округлении» своих стихов [2]). Точно так же не бывал он безучастен и к успеху своей поэзии. На письмо Гагарина с извещением о горячем приеме его стихов Пушкиным, Вяземским и Жуковским, он, вопреки своей «обычной лени на письма», откликнулся немедленно, не скрывая своей радости. После статьи Некрасова собрал свои стихи, переписал их в одну тетрадь и начал готовиться к их изданию. Наоборот, невнимание публики и критики действовали на него самым болезненным образом, не только понуждая вовсе прекращать помещение своих стихов в журналах, но и парализуя самое его поэтическое творчество. Между тем в пятидесятые годы отношение к Тютчеву со стороны друзей его поэзии носило несколько странный характер. Отзываясь с величайшим сочувствием о его прежних стихах, собранных в свое время в Пушкинском «Современнике», рецензенты встречали его новые произведения с почтительным, но и нескрываемым равнодушием. И. С. Аксаков, напр., прямо писал, что они «дороги только по имени автора, а не сами по себе» [3]). Тот же Некрасов в год появления своей восторженной статьи о «старом» Тютчеве, по поводу новых его стихов высказывался, что они «к сожалению далеко не так хороши, как прежние» [4]). Другой рецензент отмечал: «Впрочем эти новые стихотворения никак не могут идти в сравнение с теми, которые принадлежали к лучшей поре его деятельности и с которыми познакомил публику Пушкин в своем «Современнике» [5]). И это несмотря на то, что среди разбираемых стихов находились такие, как «Слезы людские», «Итак опять увиделся я с вами», «Не остывшая от зною», «Дума за думой», «Первый лист» и др. — пьесы, единогласно признаваемые позднейшими критиками за лучшие произведения поэта. Видимо, в творчестве Тютчева заключалось нечто такое, что не покоряло с первого взгляда, требовало для своего усвоения нескольких десятилетий.

Но в болезненно-мнительном и исключительно-недоверчивом к самому себе Тютчеве, для деятельности которого в каком бы то ни было направлении необходимо было, по его собственному признанию, наличие среды «животворной, воодушевляющей, вне которой ничто невозможно» [6]) — поддержать первый, вызванный статьей Некрасова, порыв к отдельному изданию своих стихов такое отношение никак не могло.

---

[1]) Русск. Арх. 1903, XII.

[2]) Мурановский Архив.

[3]) И. С. Аксаков в его письмах, I, 67. Исследователи обычно относят этот отзыв Аксакова к политическим стихам Тютчева, на самом деле он относится как раз только к его лирике. См. мою статью: Тютчев, его читатели и критики. «Былое Литературы».

[4]) «Современник». 1850, I, XXII, отд. 6, стр. 312.

[5]) Ibid. 1852, XXXII, 77.

[6]) «Православное Обозрение». 1875, IX, 76.

И Тютчев не только нехотя соглашается передать стихи Тургеневу, но и проявляет в дальнейшем совершенное безучастие к изданию, целиком устраняя себя от всякого соприкосновения с ним.

Так первый биограф поэта, И. С. Аксаков, прямо утверждает: «Тютчев, при этом издании, был очевидно сам в стороне; за него распоряжались, рядили и судили другие. Мы убеждены, что он даже и не заглянул в эту книжечку»[1]). Биография Аксакова сама по себе является источником далеко не бесспорным, но это его предположение подтверждается и с другой стороны. Сам Тургенев в предисловии к изданию заявляет: «Получив от Ф. И. Тютчева право на издание его стихотворений, редакция «Современника» поместила в этом собрании и те стихотворения, которые принадлежат к самой первой эпохе деятельности поэта и теперь были бы, вероятно, им самим отвергнуты». Это определенно указывает, что Тютчев не знал даже состава выпускаемого сборника, действительно «не заглядывал» в него. В письмах жене, за 1854 г. особенно подробных и многочисленных, сообщая о себе все самомалейшие новости, в частности, несколько раз возвращаясь к рассказу о впечатлении, произведенном в петербургских салонах выдержками из его писем в связи с войной, напечатанными в Revue des deux Mondes, — об издании своих стихов Тютчев не упоминает ни словом [2]). Да и не тем в эти «роковые минуты» русской истории, перед лицом сперва небывалого расцвета, а затем все яснее обозначавшегося неминуемого крушения всех его задушевнейших чаяний и надежд было заполнено его сознание. «Теперь тебе не до стихов, о слово русское, родное», восклицает он; а от того же 10 февраля 1854 г., когда Тургенев извещал Аксакова о получении им от поэта права на издание его стихов, пишет: «Отныне только чудо, только личная, так сказать, интервенция самого господа бога может предотвратить войну; а война эта, просто на просто, конец мира или по меньшей мере, начало конца».[3]) На-ряду с этим началом «конца» какое значение могло иметь для поэта начало его литературной популярности, столько уже раз обещанной ему друзьями и так всегда обманывавшей.

Между тем, несмотря на то, что сам поэт никакого участия в составлении сборника 1854 г. и ходе издания его не принимал, целый ряд перепечатываемых в нем стихов явился с резкими изменениями против первоначального своего вида.

В творческом процессе Тютчева обычно отмечается совершенное отсутствие обязательного для каждого поэта элемента — «хотя бы и вдохновенного, но все же труда»; о его стихах Аксаков, в полном согласии с современниками, утверждает, что они «не писались, а только записывались», «не сочинялись, а творились», при чем творчество это носило исключительно характер «как бы импровизации» и поэт никогда не возвращался

---

[1]) И. С. Аксаков. Биография Федора Ивановича Тютчева, стр. 323; см. там же, стр. 83.
[2]) «Старина и Новизна», кн. XIX, стр. 104—133.
[3]) Ibid. стр. 106.
[4]) Аксаков. Биография, 83.

к раз «оброненным» им на бумагу, «на первый попавшийся лоскуток» строфам, навсегда забывая о самом существовании их. Из всех легенд, накопившихся вокруг облика Тютчева, это представление о характере его творчества является наименее основательным. Уже только просмотр примечаний к последнему марксовскому изданию сочинений Тютчева обнаруживает, что ни одна почти пьеса поэта при повторных прижизненных ее воспроизведениях в печати не являлась целиком в прежнем своем тексте, что все они несли следы тех или иных перемен. О том же свидетельствуют рукописи поэта. Наконец в упоминавшемся уже нами письме к Аксакову Тютчев категорически признает наличие в себе постоянной заботы «рифмотворца» «об округлении своего пустозвонного безделья» [1]). Термин «округление» лучше всего передает и самый характер его работы над стихами, у каждого поэта окрашенной в свои глубоко индивидуальные цвета. Баратынский, например, мог вернуться к стихотворению, написанному им десять-двадцать лет назад, бросить металл его в плавильную печь снова вспыхнувшего вдохновения, удалить из его состава все лишнее, временное, случайное; насквозь переработать плоть стиха, удивительным образом сохраняя его сущность. Работа Тютчева — работа ювелира, тонкая, легко скользящая над стихом, наносящая на него почти неуловимые изменения [2]).

Но в издании 1854 года мы встречаемся не только с такими обычными для Тютчева вариантами, имеющими характер мелких поправок, вызванных постоянно действующим в поэте стремлением приуменьшить степень лжи, свойственной, по его глубокому убеждению, всякой «мысли изреченной». Некоторые из приведенных здесь изменений касаются наиболее существенных формальных сторон стиха, затрагивая и коренным образом видоизменяя самый принцип Тютчевского стихосложения. Так, поэт в нескольких ранних своих стихотворениях допускает ряд смелых нововведений, безгранично расширяющих пределы и возможности русской просодии. В издании 1854 г. все эти нововведения были уничтожены, как будто свидетельствуя либо о внутреннем отказе поэта от своих прежних дерзаний, либо об уступках, сделанных им не приемлющему этих нововведений вкусу журнальной критики и широкой читательской массы. И некоторые тонкие знатоки и выдающиеся мастера стихотворного искусства эту, так или иначе, но измену поэта самому себе резко тогда же не одобряли. Фет, например, исключительно поклонявшийся поэзии Тютчева, чтивший в нем величайшего лирического поэта, «когда либо появлявшегося на земле», отнесся к измененным стихам с явным порицанием.

«Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков, — пишет он, намекая на злосчастную судьбу, постигшую и собственные его произведения [3]),— но и тут есть известные

---

[1]) Мурановский Архив, не издано.

[2]) Подробнее об этом в моей подготовляющейся к печати статье «Этюды по психологии творчества: творческий процесс Пушкина, Баратынского и Тютчева».

[3]) См. Тургенев—редактор Фета. «Печать и Революция». 1923, кн. III.

границы и опасности. Можно что называется записать картину. Это случилось даже с позднейшими изданиями Тютчева, где алмазные стихи появились замененные стразами» [1]).

Особенно яркие образцы таких «записанных» стихов дают две, наиболее, пожалуй, знаменитые впоследствии пьесы Тютчева — Silentium и Сон на море. Ритмическая структура обоих этих пьес резко отклоняется от общепринятых тогда законов русского силлабо-тонического стихосложения, сочетая в пределах одной пьесы, подчас одной строки ,несколько разнородных метрических единиц.

Тютчев в этих ритмических построениях не является полным новатором. На протяжении всей почти истории русской поэзии, от конца XVIII века до наших дней, ведется настойчивая борьба за усвоение русскому стиху принципов чистого тонизма, в направлении к чему двигалась и остановившаяся на пол-пути реформа Тредьяковского—Ломоносова. Введенное этими последними силлабо-тоническое стихосложение основывалось на счете ударяемых слоговых групп — стоп, составляющих метрические элементы стиха, при чем характер всей метрической системы предполагался обязательно однородным на протяжении целого стихотворения. Каждая данная пьеса могла быть написана либо ямбами, либо дактилями, либо иным каким, но обязательно одинаковым размером.

Это правило единоразмерности, сохранявшее вплоть до наших дней всю непререкаемость и силу закона, чрезвычайно механизировало и обедняло ритмический аппарат русского стиха. Под влиянием, с одной стороны, русских же народных песен, ритм которых не подчинялся канонизованному литературному стопосложению, с другой — немецкой романтической лирики (косвенно, сказывалось влияние и античных строф, которые Востоков и другие пытались привить русской поэзии) с самого начала XIX века и даже ранее делались неоднократные попытки строить стихотворную строку не из стоп, а из разнородных ритмических элементов — долей. Но всегда эти попытки встречались и решительным осуждением со стороны представителей школьной версификации, и дружным шиканьем журналов и публики.

Так Шевырев, восставая против «излишней строгости нашего тонического (мы бы теперь сказали — силлабо-тонического) стихосложения» и опираясь в этом на самого «великого его вводителя» — Ломоносова напоминает его «тетраметры из анапестов и ямбов сложенные», приведенные им в «Письме о правилах российского стихотворства» [2]). Державин, вообще непрестанно экспериментировавший над стихом, в написанную амфибрахиями пьесу «Ласточка» допускает и другие размеры: дактиль, анапест и даже ямб. Представитель тогдашней литературной молодежи, Карамзин, находил даже, что «сие смешение мер может быть очень

[1]) А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Изд. Маркса. I—II, 490.
[2]) «Телескоп». III, 297.

приятно» [1]), но поэты старшего поколения решительно осудили такое новшество, и Капнист переложил стихи в правильный ямб.

В словаре Остолопова приводится стихотворение Висковатова, написанное сплошь в хориямбах.

Соединением разных размеров часто писал и наставник юношеских лет Тютчева, поэт Раич, навлекая постоянные нападки критики за «смешной выбор стихотворных мер» [2]).

Пушкинская школа, исключая Дельвига, за пределы общепринятого стопосложения почти не выходила. Но теоретически ни сам Пушкин, ни ближайшие его приверженцы ничего предосудительного в свободной ритмичности не усматривали. Скорее наоборот, — в первом же номере Пушкинского «Современника» барон Розен, восставая против рифмы, — этой «звучащей тени», «фигуры без содержания», порожденной «кукушечьим инстинктом» юного человечества, — как против «непростительного варварства», призывал вернуться к «меанотическим извивам» античных метров и утверждал, что только путем «усовершенствованного ритма», его «таинственных прелестей» и «пленительных таинств» можно преодолеть власть «прелестной очаровательницы», непобедимое пристрастие к которой и сам он, как стихотворец, разделял с современной публикой. Можно даже думать, что восторги Пушкина и его ближайших друзей перед стихами Тютчева и были в значительной степени обусловлены как раз теми п л е н и т е л ь н ы м и т а и н с т в а м и у с о в е р ш е н с т в о в а н н о г о р и т м а, которые они в себе заключали.

Несколько ранее Д. Дубенский, автор статьи «О всех употребляющихся в русском языке стихотворных размерах», приравнивал свободный ритм Тютчевского перевода из Гейне «На чужой стороне», исправленный в издании 1854 года в направлении школьных требований, ритмам народных песен, с одной из которых — «Со вечера дождик частехонек идет» — он дает, по его указанию, полное совпадение [3]).

Но огромное большинство журнальной критики относилось к попыткам этого рода безусловно отрицательно.

Так, например, в рецензии на переводы водевилей Скриба «литературный летописец» «Библиотеки для чтения» с уничтожающим превосходством отмечал: «переводчик нашел тайну писать стихи, которых невозможно разделить на стопы» [4]).

Дружными осуждениями встречен был и Губероский перевод Фауста, в котором были выдержаны размеры подлинника [5]). Плетневский «Современник» счел нужным вступиться за Губера. «Некоторых поразило, — писалось там, — что он, сохраняя по большей части метры подлинника, позволил себе употреблять иногда, по примеру Гёте, стихи без метра. Такое обвинение

---

[1]) «Московский Журнал». 1792, VIII, стр. 193.
[2]) См. напр. отзыв Сомова «Северные цветы» на 1830 г., стр. 37.
[3]) Атеней. 1828, IV, № 14, стр. 119 и № 15, стр. 149.
[4]) Библиот. для Чтения. 1838, т. XXIX. Литерат. летопись, стр. 38.
[5]) См. напр. «Отечеств. Записки». 1839. I, крит. 33 и др.

кажется нам ребяческим. Ужели стихи без метра позволительнее и менее неприятны на одном языке, нежели на другом?.. ужели переводчик обязан вводить гармонию там, где ее нет в подлиннике потому только, что на его языке еще не было писано стихов без метра [1]).

Но как и призывы бар. Розена, эта защита носила едва ли не только теоретический характер.

По крайней мере, «переведенное в размере подлинника» начало Фауста было в свое время, по свидетельству самого Губера, дружески исправлено Пушкиным, «мастерски изменено им в звучный, прекрасный ямб» [2]).

Но если в Пушкинскую эпоху «стихи без метра» находили себе отдельных защитников, то с годами отношение к ним становилось все недоброжелательнее. С крайним ригоризмом относятся к ним и в пятидесятые годы — время выхода в свет отдельного Тютчевского сборника. Малейшего указания на «несоблюдение надлежащего размера», «непостижимый размер» становится совершенно достаточно, для того чтобы погубить в глазах читателя или критика любое стихотворение [3]). Сам Тютчев взгляда на допустимость стихов, «которых невозможно разделить на стопы», не изменил... В те же пятидесятые годы написано им знаменитое впоследствии стихотворение П о с л е д н я я л ю б о в ь, где законы силлабо-тонического стихосложения нарушаются столь же определенным образом. Но зато решительного противника «стихи без метра» встречали в принципиальном «враге всякой новизны в искусстве» [4]), редакторе Тютчевского сборника, И. С. Тургеневе. Согласно новейшим исследованиям, ему самому овладение техникой стихосложения далось не сразу, в результате долгого упорного труда [5]). Возможно, это и заставляло его так особенно ценить «соблюдение метрических правил», усматривая в том чуть ли не самое существо поэтического деланья, отличающее его, как таковое от всех других форм словесного мастерства.

В одном из шутливых посланий Фету он, например, пишет:

Любезнейший Фет!
На ваше рифмованное
И милейшее письмо
Отвечать стихами
Я не берусь;
Разве тем размером,
Который с легкой руки
Гете и Гейне
Привился у нас...
Размер этот легок,
Но и коварен.

---

[1]) «Современник». 1839, XIII, 76—7.
[2]) Литерат. прибавл. к «Русскому Инвалиду». 1837, № 34, стр. 335.
[3]) См. «Библиотека для Чтения». 1851, I и др.
[4]) В л. С т а с о в. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный Вестник». 1888, X, 159.
[5]) И. Р о з а н о в. Певец молчания (о стихотворениях Тургенева). Сборник «Творчество Тургенева», стр. 65—7.

Как раз по горло
Провалишься в прозу,
В самую скудную прозу [1]).

И Фета, «под перстами» которого «сугубо процвел» этот «коварный», проваливающий в прозу, размер, Тургенев постоянно винит в неуменье справляться с метром. «Метр вас поедом поедает», пишет он ему как то, разбирая его переводы из Гафиза [2]). Необыкновенно мелодичную, но погрешающую «против размера» строфу «Колыбельной» Фета —

Дева — радость любви,
Звезды, что очи твои:
В небе луна и в воде
Будто печаль и любовь,

— вклиняющуюся в правильные амфибрахии всего стихотворения — решительно изымает из подготовляемого им к печати издания 1856 года [3]).

Характерно в этом отношении и письмо Тургенева к юноше К. Леонтьеву, свидетельствующее о его специальных занятиях метрикой и огромной эрудиции в этой области. Разбирая написанную в гекзаметрах поэму Леонтьева, Тургенев дает как бы целый трактат о гекзаметре, подробно излагая его метрическую сущность, античный характер, эволюцию его в новых европейских литературах, и присоединяет к письму «таблицу всех чисто метрических ошибок», найденных им в стихах Леонтьева. Заканчивается письмо следующими характерными словами: «мне весьма было бы приятно знать, что вы продолжаете вашу поэму, соображаясь с метрическими правилами, а метрические правила соблюдать так легко, что право не стоит нарушением их вредить впечатлению читателя» [4]).

На подобные же мысли неминуемо должны были навлечь Тургенева и написанные резко, вопреки «метрическим правилам», стихи Тютчева. В самом поэте, решительно, как мы видели, отстранившем себя от всего, связанного с изданием его стихов, едва ли бы могла возникнуть забота о «впечатлении читателя», желание этому впечатлению «не вредить». (Вспоминается, как позднее, в 1868 г., Тютчев отказался даже заглянуть в корректурные листы нового издания его стихотворений, выпущенного Аксаковым, и они так и были возвращены в типографию непросмотренными). Наоборот, в редакторе его первого сборника и такое желание, и такая забота были бы только естественны. Но так или иначе, «безразмерные» стихи в издании 1854 г. оказались переделаны в строгом соответствии с «метрическими правилами» — Silentium зазвучало в безукоризненных ямбах, Сон на море в столь же безукоризненных амфибрахиях.

[1]) Фет. Мои воспоминания. Ч. II, стр. 15.
[2]) Ibid. I, 310—11.
[3]) Стихотворения Фета, 1850 года. Экземпляр И. С. Остроухова.
[4]) К. Леонтьев. Тургенев в Москве. «Русский Вестник». 1888, II, 112—115.

Если мы сопоставим теперь, с одной стороны, все, что нами было сказано об отношении Тютчева к изданию 1854 года — его полную самоустраненность, неосведомленность и безучастие — а с другой постоянную заботу и страсть Тургенева к выправлению чужих стихов, то едва ли не естественно будет предположить, что и исправленные этим изданием стихи Тютчева были изменены никем иным, как самим их редактором. Рассмотрение Тютчевских рукописей может такое предположение только укрепить. По сообщению нам Г. И. Чулкова все имеющиеся многочисленные автографы и современные списки обоих пьес совершенно совпадают с первоначальным текстом и ни один из них не соответствует тексту Тургеневского издания.

Не будет ничего неожиданного в таком предположении и с точки зрения современных литературных нравов. Произвольно изменять и всячески подправлять редактируемые произведения, без ведома и согласия на то их авторов, было в то время делом вполне обычным.

Так, например, возражая «критиканам», редактор одного из самых популярных и авторитетных в то время журналов, писал: «если слог «Библиотеки для чтения» в первом году жемчужный, то он остается жемчужным и поныне, потому что одна и та же рука п о с т о я н н о о б д е л ы в а е т в с е с т а т ь и и в ы п р а в л я е т с л о г и х» [1]).

Столь же заботливым редактором был и глава «Современника» Некрасов. Фет рассказывает курьезный случай редакторской расправы Некрасова с одной черезчур, по его мнению, затянувшейся и прискучившей ему повестью. «Повесть надоела Некрасову, громогласно зевавшему над ее корректурой, и вдруг на самом патетическом месте, не предупредив ни словом автора, он подписал: «она умерла» и сдал в печать» [2]).

Тургенев с подобным редакторским самодержавием, видимо представлявшимся ему чем-то естественным и неизбежным, и мирился сам, и призывал мириться других. Так, устраивая в одном из журналов рассказ начинающей писательницы, он предупреждал, что ей «конечно, не нужно будет претендовать» на редактора этого журнала, «если он что-нибудь выкинет и изменит». «Господа редакторы, добавлял он, считают за собою это право изменения и урезывания... они даже и меня, и Толстого изменяют» [3]). Большинство редакторов это «право» даже вменяло себе в обязанность, смотрело на него, как на акт дружеского расположения по отношению к «изменяемому и урезываемому» ими автору. Воспитанный на «добрых старых» традициях знаменитый издатель «Русского Архива», П. И. Бартенев, — «обломок старых поколений», как называет его Брюсов, — предлагая как то этому последнему «исправить» стихотворение Тютчева, говаривал: «Издатель должен быть другом автору» [4]).

---

[1]) Библиотека для чтения 1838, т. XXVII, Литерат. летопись, стр. 29, курсив наш.
[2]) Мои воспоминания. I, 307.
[3]) А. Л. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. «Северный Вестник». 1887. № 3, стр. 80.
[4]) «Русская Мысль». 1912, X, 116.

В пылкости «дружбы» Тургенева к вверившимся ему поэтам на истории его отношений с Полонским и Фетом мы могли удостовериться в достаточной степени.

Но если вся внешняя обстановка издания 1854 года, равно как изучение автографов Тютчева и ознакомление с редакторскими навыками Тургенева и его теоретическими взглядами в области русской просодии, невольно подсказывают мысль о непричастности самого поэта к изменениям, проведенным этим изданием в тексте его стихов, то анализ этих изменений едва ли не превращает ее в полную уверенность. Ибо при анализе этом обнаруживаются такие резкие и грубые ошибки против начального замысла стиха, в которые положительно не мог бы впасть сам его автор.

Возьмем прежде всего измененные строки Silentium. Творческая история этого стихотворения, отразившаяся и в истории его текстовых вариантов, вкратце такова. В 1833 году оно было впервые напечатано в «Молве». Текст «Молвы» сплошь читается в обыкновенном четырехстопном ямбе. На некоторые сомнения могла бы только навести современного нам читателя 5-я строка 3-й строфы: разгонят дневные лучи с кажущимся хориямбом в 3-й и 4-й стопах. Однако поэты XVIII века произносили слово дневной с ударением на первом слоге, делающем строку Тютчева строго ямбической, и такое произношение завещали своим наследникам. Подобным образом это слово звучит у Батюшкова, Жуковского, лицеиста-Пушкина, молодого Лермонтова. Но традиционное произношение, видимо, стало уже ощущаться всеми к тому времени, как некий ранящий ухо архаизм, и на-ряду с ним у всех этих поэтов встречаем употребление слова дневной с привычным теперь для нас ударением на втором слоге. Это новое произношение все более и более подавляет старое и, наконец, вовсе уничтожает его [1]) Тютчев простой перестановкой ударения согласно новым требованиям мог быть натолкнут на тот ритмический перебой, с каким строка появляется в «Современнике» 1836 года: дневные разгонят лучи (∪—|∪∪|—∪|∪—; встречающая нас здесь перестановка слов ритмического рисунка никак не меняет). От нового чтения этой строки поэт, видимо, восходит и к симметричному изменению ритмов первой строфы. Вся пьеса получает определенную к необыкновенно стройную ритмийную композицию. Центральная строка — Мысль изреченная есть ложь, падающая как раз на средину пьесы и сгущающая в себя всю ее ритмовую изобразительность (может быть воспринята в любом из ритмических ходов, встречающихся в Silentium) оказывается заключенной в рамки начальной и конечной строф, построенных по совершенно аналогичным с точки зрения школьной метрики неправильным линиям ритмов. Точно также и образная выразительность пьесы в этой второй редакции достигает предельной степени Эта новая редакция была напечатана тремя годами позднее первой в Пушкинском «Современнике», забыта там и нас-

[1]) Ср., напр., А. Бем. Днѐвной и дневнòй у Пушкина. Пушкин и его современники. XXVII, стр. 103—107.

столько отличается от воспринятой всеми изданиями позднейшей, «Тургеневской», что заслуживает полного воспроизведения. В «Современнике» 1836 года пьеса звучит так:

Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне,
Безмолвно, как звезды в ночи:
Любуйся ими—и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая возмутишь ключи:
Питайся ими—и молчи.

Лишь жить в себе самом умей.
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушил наружный шум
Дневные разгонят лучи:
Внимай их пенью—и молчи.

В Тургеневском издании, где пьеса снова появилась (не считая ее перепечатки в статье Некрасова) после восемнадцатилетнего перерыва, оказались выправленными строки с «неправильным» метром (4-я и 5-я первой строфы и пятая третьей) и внесено легкое изменение в четвертую строку третьей строфы, можно думать, вызванное стремлением заменить несколько резкий с точки зрения «поэтического» языка глагол оглушил. Измененные строки звучат: в первой строфе —

пускай в душевной глубине
и всходят и зайдут оне,
как звезды ясные в ночи...—

и в четвертой—

их заглушит наружный шум,
дневные ослепят лучи...

Последняя перемена относительно малосущественна, но вариант первой строфы изменяет не только метр, но и образ.

Сравнение дум со звездами в современной Тютчеву поэтической речи употреблялось часто и охотно и, видимо, начало приобретать характер некоего поэтического клише. Так за три года до появления Silentium мы встречаем его, например, в анонимных стихах Невского Альманаха (1830 г.): в черепе некогда

— думы в творческой тиши,
родилися как звезды в поднебесной.

За два года до Silentium у Вяземского встречаем почти совпадающие строки:

И у меня на тайном дне
В сердечной светлой глубине
Зажглися звезды чистых дум... и т. п.

Возможно даже, что это сравнение возникает в русской поэзии несамостоятельно, являясь одним из международных бродячих образов. Так Кольцов около этого же времени употребляет его переводя Думу Шекспира:

В душе человека возникают мысли
Как в дали туманной небесные звезды.

Однако ни в одном из приведенных случаев на вопрос, как же возникают подобные мыслям звезды авторы точно не отвечают. Тютчев не просто заимствует это сравнение из современной ему традиции, а и договаривает потенциально содержащуюся в нем изобразительность, устанавливая, в приведенных примерах намечаемую только словесно, связь между прохождением по горизонту души дум и движением звезд по небу через безмолвие обоих этих процессов.

Создать этот образ Тютчеву удается также не сразу. В «Молве» читаем:

Пускай в душевной глубине
Встают и кроются оне,
Как звезды мирные в ночи.

Метр этой первой редакции ничего «предосудительного» в себе не содержит, и в случае отказа поэта от ритмических ходов, допущенных им во второй редакции, возврат к первоначальному чтению, где в эпитете мирные все же содержится эмбрион последующего образа, был бы всего проще и естественнее. Без труда можно было бы придать звездам и иной более подчеркивающий отсутствие в их восприятии звукового момента эпитет, хотя бы тихие. Между тем в издании 1854 г. читаем звезды ясные, эпитет, относящийся к зрительной категории, и определенно смещающий нас с той линии, по которой двигался замысел автора первых двух редакций.

Еще резче следы работы чужой руки, неосторожными движениями своими безжалостно разрушающей хрупкие чары стиха, разрывающей его нежное кружево, заметны в другом из упомянутых выше стихотворений, в Сне на море. Сон на море—одна из самых значительных и по своей сущности и по художественному ее выражению пьес в творчестве Тютчева. Последующие исследователи не уставали восхищаться ею. Мережковский называет ее «лучшей художественной иллюстрацией Шопенгауэрова Мир, как воля и представление». «Разве не гигантское вдохновение, не могучее искусство создало эти образы!»—восклицает Фет. И действительно, как это выясняется из анализа пьесы, художественные достоинства ее громадны.

Сон на море появился впервые в «Современнике» 1836 года в совершенно своеобразном ритмическом звучании. Перепечатка его «Галатеей» 1839 года не коснулась ритма и дает только небольшие словарные изменения. В 1854 г. стихотворение ритмически оказалось совершенно переработанным, при чем ритмичный строй его, как и в Silentium, был решительно упрощен, вытянут по линейке школьной просодии. Текст «Современника» 1836 г. таков:

Сон на море.

И море и буря качали мой челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне;
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня как кимвалы звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков летал оглушен;
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой
Он веял легко над гремящею тьмой;
В лучах огневицы развил он свой мир:
Земля зеленела, светился эфир,
Сады — лавиринфы, чертоги, столпы,—
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц...
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял...
Но все грезы насквозь, — как волшебника вой,
Лишь слышался грохот пучины морской;
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

В пьесе чередуются ощущения двойного порядка: звуковые и зрительные — видения сна, возносящегося над бурным морем и слагающийся из пения валов и перекличи ветров «хаос звуков», время от времени в эти видения вторгающийся, проницающий их «насквозь». Этой двойственности в полной мере отвечает ритмийный строй пьесы. Мотив взнесенного парящего сна передается поэтом исключительно амфибрахиями (∪—∪), этим из всех трехсложных размеров самым спокойным, уравновешенным. Там же, где на сцену выступают ощущения звукового порядка—грохот пучины морской, — размер ломается; в амфибрахические строки врываются строки с анапестами (∪∪—) и дактилями (—∪∪), самым чередованием подымающихся и падающих стоп своих великолепно передающие свист бури, размах колеблющихся волн.

В полном соответствии этой организованности ритмов находится и образная сторона пьесы. Ощущения сна, согласно самой природе сонных видений, являются только зрительными (луга, яркий, зеленела, светился, сиял и т. п.); ощущения слуховые из него абсолютно исключены. Поэт

подчеркивает это самым энергичным образом: сон волшебно-немой, сонмы кипели безмолвной толпы [1]), тихая область видений и снов. Обратно сплошь звукового характера слова живописующие вторую «беспредельность» — «хаос звуков»: звучали скалы, окликались ветры, пели валы, гремящею тьмой, грохот пучины и т. д. Даже эта пена, врывающаяся «все грезы насквозь», воспринимается в ощущениях звукового ряда: пена ревущих валов. Таким образом контраст — сна (1) на море(2) выдержан и словарем пьесы с той же настойчивой последовательностью.

В стремлении к единообразию размера издание 1854 года уложило Сон на море в сплошные амфибрахии, явившиеся для него подлинным прокрустовым ложем: лишние слоги обрубались (напр., вместо «но над хаосом звуков носился мой сон» в издании 1854 г. имеем «над хаосом звуков носился мой сон)»; там же, где слога не хватало, строка вытягивалась (вместо «две беспредельности были во мне» в издании 1854 г. «и две беспредельности были во мне»). В результате вся живопись ритмов была стерта, «картина», действительно, оказалась «записанной».

Но помимо целого ряда исправлений, вызванных приведением стихов к одному размеру, в издании 1854 г. имеется одна поправка, обусловленная очевидно, какими-то иными соображениями: измененная строка (и сонмы кипели безмолвной толпы) и без того звучала в амфибрахиях.

Возможно, что исправление было вызвано некоторым кажущимся несоответствием глагола движения [2]) кипели (14-я строка) с эпитетом недвижный мир (18-я). Вспоминается, как Тургенев писал в однородном же случае Фету: «Присланное вами стихотворение мне очень и очень понравилось. Но каким образом «все тише, все яснеи» в первой строфе ладит с мраком во второй. Тут есть маленькое отсутствие гармонии и поэтического равновесия. Я думаю, добавляет он, это весьма легко исправить» [3]). Вероятно такое же «отсутствие поэтического равновесия» усмотрел Тургенев и в стихотворении Тютчева и также нашел, что «это весьма легко исправить». И исправление не замедлило. По поводу этой перемены (в издании 1854 г. 14-я строка читается: «и чудился шорох несметной толпы») В. Я. Брюсов отмечает, что ее можно считать «единственным исправлением, действительно придавшим новую красоту стихотворению» [4]). Однако едва ли

[1]) Вызывает на некоторое сомнение глагол — кипели. Кипение как будто может восприниматься и слухом; но эпитет — безмолвный это сомнение устраняет. Это безмолвное кипение получает сверх того и особую выразительность.

[2]) На самом деле грезы поэта расположены не в одном моменте времени, длительны (все глаголы сюда относящиеся многократного вида: носился, летал, шагал) и наблюдавшееся в один момент времени кипение толпы, могло не противоречить тому, что через некоторое время «с высей творенья» мир показался поэту недвижным. Однако некоторое несоответствие возможно ощущал здесь и сам Тютчев. По крайней мере во второй редакции «Галатеи» 1839 года, он заменяет эпитет недвижный характерным безмолвным, еще раз подчеркивая отсутствие в его сне звуковых ощущений.

[3]) Фет. Мои воспоминания. II, 58—9; курсив в обоих случаях Тургенева.

[4]) Брюсов. О собрании сочинений Тютчева. «Русский Архив». 1898, III, 249—260.

дело не обстоит как раз наоборот. Ш о р о х — слово и содержанием, и самой звуковой своей стороной, вызывающее в сознании ощущение слухового ряда, — хотя бы только чудящийся в немом сне поэта, решительным образом убивает ту удивительную выдержанность начальной композиции пьесы, которую нам обнаружило ее рассмотрение. Во всяком случае этот едва слышимый для постороннего уха, для невдумавшегося читателя ш о р о х, самому поэту должен бы был звучать резким криком, от которого неминуемо рухнули бы все воздушные постройки, его н е м о г о, б е з м о л в н о г о, т и х о г о сна.

Точно такой же характер грубых нарушений потаенного авторского замысла имеют и почти все остальные, на первый взгляд вполне закономерные и целесообразные изменения текста, вводимые изданием 1854 года.

Так, например, в стихах «И т а к о п я т ь у в и д е л с я я с в а м и, м е с т а н е м и л ы е х о т ь и р о д н ы е» издание 1854 г. изменяет — места п е ч а л ь н ы е, — чем действительно и устраняет противоречие двух рядом поставленных и как будто исключающих друг друга слов: н е м и л ы е и р о д н ы е. Однако в этом противоречии — душа и жизнь всего стихотворения [1]).

Перестановка слов в пьесе К а к п т и ч к а р а н н е ю з а р е й (в «Современнике» 1836 г. «о ночь, ночь, где твои покровы»; изд. 1854 г. — «ночь, ночь о где твои покровы»), правда, делает строку легче читаемой, но задыхающийся, изнемогающий ритм первой редакции, достигаемый накоплением ударных слогов ∪ — — — и сгущением согласных, прекрасно гармонировал с содержанием строки (конечно, в ее связи со всем стихотворением). Новая редакция эту гармонию уничтожает.

В своих указаниях поэтам Тургенев постоянно настаивает на точности рифмы: Алексея Толстого «обвиняет» за «хромые рифмы» в Иоанне Дамаскине [2]); Фету как-то пишет: «Вот что я имею сказать о присланных стихах: «Тополь» — хорош. Но мне ужасно жаль сироток рифм: «споря» и «не увял»: куда делись их подружки? И потому я для удовлетворения своего уха читаю так: «пуская мрачней мрачнее дни з а д о р я и осени тлетворной веет б а л — смысла нет, но есть гармония» [3]). С уточнением рифмы сталкиваемся мы и в Тургеневском тексте стихов Тютчева.

Так последняя строфа пьесы «Не то что мните вы, природа...» в «Современнике» 1836 г. звучала:

Не их вина: пойми, коль можешь,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах! — не встревожит
И голос матери самой.

---

[1]) Это почувствовал даже И. С. А к с а к о в, цитирующий в своей биографии, вопреки обыкновению н е-Т у р г е н е в с к и й т е к с т. (Биография, стр. 52).

[2]) А. Т о л с т о й. Полное собрание сочинений. Изд. Маркса. 1908 г., т. IV, стр. 181.

[3]) Ф е т. Мои воспоминания. I, стр. 362.

Издание 1854 года печатает: «пойми, коль может». Введя это чтение в свой текст редактор последнего марксовского издания даже оговаривает чтение «Современника» 1836 года, как «очевидную опечатку». Между тем, очевидно, что это не так. Первая и вторая строки заключают в себе обращение к глухонемому (фигура обращения вообще исключительно специфична для Тютчева), при котором второе лицо неизбежно.

Подобного рода, более или менее, существенных исправлений в первоначальный текст Тютчевских стихов было внесено Тургеневским изданием не мало, перечислять их все здесь нет нужды. Должно отметить однако, что все эти исправления касаются только формальной стороны Тютчевского стиха; на содержание его, в противоположность стихам Фета, редактор не посягнул ни разу. Это и понятно, если вспомнить, что привлечь Тютчева к совместной переработке текста, как это имело место с Фетом, Тургеневу никак бы не удалось. С другой стороны глубокая философская сущность целого ряда пьес Тютчева и не могла встретить в Тургеневе такого недоброжелательства, какое он проявлял к философическим потугам «телячьих мозгов» Фета [1]). Философствующая мысль в Тютчеве никогда не бывала обнажена, всегда была не только одета живой плотью образа, но и являлась, по справедливому указанию Аксакова, самой этой плотью. Эту чистоантичную способность Тютчева к пластическому конкретному мышлению, к воспроизведению самых острых и сложных интеллектуальных проблем в серии живых и осязаемо-наглядных образов Тургенев в Тютчеве как раз особенно-то и ценил. О стихах Тютчева он отзывался: «если мы не ошибаемся, каждое его стихотворение начиналось мыслью», и тотчас же добавлял: «мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно [2]). Все редакторское внимание Тургенева было обращено на недостаточно, по его мнению, развитую «внешнюю сторону дарования» Тютчева с ее «устарелыми выражениями, бледными и вялыми стихами», неумением подчас «владеть языком» и проч. [3]). Внести сюда те или иные улучшения он, видимо, находил возможным и без участия отдавшего свои стихи в полное его распоряжение поэта [4]), и по мере разумения и сил эти улучшения в них и внес.

Загадочным представляется, что, как и текст вышедшего из-под редакторства Тургенева собрания стихов Фета, текст издания 1854 года уже при жизни Тютчева был воспринят в качестве канонического, не вызывая в этом никакого противодействия со стороны его автора. Казалось бы, если сам Тютчев при его отношении к своим стихам мог просто не заметить внесенных в них искажений, то как было не обратить его внимания на них,

---

[1]) Головачева-Панаева. Воспоминания, стр. 220.

[2]) Несколько слов о стихотворениях Тютчева. «Современник». 1854, IV, стр. 23—26 или Тургенев. Полное собрание сочинений. Изд. Глазунова, т. X, стр. 441.

[3]) Ibid.

[4]) Вспоминается, как Тютчев, посылая свои стихи в 1826 году Гагарину, писал ему: «Делайте с ними, что хотите». Очевидно на таком же основании отдал он их и Тургеневу.

хотя бы тому же Фету, который пребывал тогда с Тютчевым в самых тесных отношениях (встречался с ним раза три в неделю, читал ему свои новые стихи, толковал с ним по всем вопросам литературы и поэтического творчества) и в то же время так резко не одобрял Тургеневских перемен, заменивших «алмазные» Тютчевские стихи «стразами».

Разгадку этого дает сам же Фет. «Федор Иванович, вспоминает он, болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи» [1]). В корректуры нового вышедшего при его жизни сборника своих стихов, перепечатавшего тексты Тургеневского издания, Тютчев, как упоминалось, даже и заглянуть отказался.

«Не мог склонить своей я лени праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась».

В результате, как это случилось и с Фетом, текст Тургеневского издания стихов Тютчева получил все «права гражданства» и перепечатывался в качестве канонического, всеми последующими семью-восемью изданиями. Разница только в том, что, как мы видели, в истории Тютчевского текста дело одной разовой порчей не ограничилось: почти каждое издание его стихов вносило свою лепту искажений в тот основной фонд, который был заложен их первым редактором.

Между тем, восстановление подлинных текстов некоторых пьес Тютчева вызывается отнюдь не только преувеличенной заботливостью исследователей, пекущихся в своем бесплодном пуризме о каждой малейшей запятой, но имеет и огромное художественное и крупное историко-литературное значение.

Стройный ритмийный лад Silentium и симфоническая, в подлинном смысле этого слова, ритмопись Сна на море представляют непревзойденные на протяжении всей русской поэзии образцы высочайшего художественного мастерства.

Современный исследователь, рассматривая ритмы двух пьес Жуковского — К ней и 19 марта 1823 г., отмечает: «к сожалению эти ритмические откровения Жуковского остались как бы без влияния на последующий — Пушкинский — период русской лирики (исключение представляет Дельвиг). Только Лермонтов кое-где вновь ищет ритма в сознательном нарушении правильности размера, и много, много лет прошло до тех пор, пока русская лирика ввела в обиход и этот ритмический прием» [2]). Теперь мы видим, что «искал ритма в нарушении правильности размера» не один Лермонтов: мимо «ритмических откровений», явленных Тютчевым urbi et orbi уже со столбцов Пушкинского «Современника» в 1836 году, исследователю эволюции русского стиха проходить немыслимо. Больше того: если и у Жуковского и у Лермонтова плоды их ритмических исканий дали себя знать действительно только «кое-где», в относительно второстепенных пье-

[1]) Фет. Мои воспоминания. II, стр. 2.
[2]) И. Н. Розанов. Русская лирика. М. 1914, стр. 191.

сах, если ни баллады Жуковского, ни Демон Лермонтова не представляют решительно никаких отступлений от школьной просодии, то свободные ритмы Тютчева падают на две стержневые его пьесы, являющиеся идеологическим ключом ко всему его творчеству.

Исследуя один только четырехстопный ямб Тютчева, А. Белый находил: «Тютчев — единственный поэт по богатству и многообразию ритма; он соединяет особенности ритмов Державинской эпохи с особенностями ритмов Пушкина и Боратынского; никогда еще русский четырехстопный ямб не достигал такой величавой красоты (плавности и стремительности одновременно); никогда после Тютчева не достигал он такой виртуозности» [1]. Если даже анализ канонически-правильных, всеми признанных метров Тютчева дает возможность ставить его на такую высоту, то наличие в его творчестве Silentium (кстати, несмотря на все свои отклонения, оно до конца укладывается в схему обыкновенного четырех-стопного ямба) и Сна на море в их первоначальном, неизвращенном виде решительно делает его величайшим русским ритмиком своего времени, предтечей всех современных ритмовых достижений».

Итак, рассмотрение истории отношений Тургенева с поэтами-пятидесятниками, в частности с Тютчевым и Фетом [2], развертывает перед нами еще одну новую страницу его богатой и многообразной литературной деятельности. До сих пор мы знали Тургенева, как автора блестящих в художественном отношении повестей и романов; как поэта; в малой степени, как критика.

Ныне он предстает нам в качестве организатора рассеянной, растерянной и подавленной в ту пору русской поэзии. Он собирает стихи старых и новых авторов, устраивает их в «Современнике», издает отдельными сборниками, пишет к ним предисловия, ведет за них агитацию в печати, оживленно редактирует их. Творческий импульс, действовавший в нем с никогда не ослабевающей силой, не мог и здесь отказаться от своих прав. Печать своей творческой индивидуальности была принудительно наложена им и на произведения редактируемых им авторов. О Фете Лев Толстой вспоминал: «Фет не любил и прямо не мог исправлять и переделывать того, что написал» [3]. Между тем, как мы знаем, Тургенев упорно заставлял всячески упиравшегося Фета, в точности следуя его указаниям, и исправлять, и переделывать свои стихи. Чтобы убедиться в том, с какой органической неохотой шел на это поэт, достаточно вспомнить хотя бы вариант—на суку ни с чем несообразном, предложенный им, наконец, к никак не складывавшемуся на Тургеневский лад стиху [4].

Явно вопреки творческой воле, правда, в противоположность Фету, совершенно пассивно относившегося к тому Тютчева, изменил Тургенев и его стихи.

---

[1]) Символизм, стр. 300.
[2]) См. «Печать и Революция». 1923, кн. III.
[3]) В. Лазурский. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М. 1911, стр. 94.
[4]) См. «Печать и Революция». 1923, кн. III.

Однако, несмотря на все это, в смысле облегчения восприятия их произведений современной читательской средой, Тургенев оказал обоим авторам несомненную услугу. Редактируя эти произведения, Тургенев подходил к ним с точки зрения критериев и вкусов той широкой публики, «благосклонному вниманию» которой он их адресовал. Характерно в этом отношении совпадение целого ряда его указаний по поводу отдельных стихов Фета с отметками, нанесенными неизвестной рукой на поля экземпляра издания 1850 г., хранящегося в Московском Историческом Музее. Равным образом, замечания, делаемые им по поводу стихотворения У ж в е р б а в с я п у ш и с т а я, совершенно сходятся с разбором этого стихотворения Некрасовым [1]) и т. п.

Мало того, несомненное значение имела упорная и беспощадно-насмешливая Тургеневская критика для Фета и в деле выработки его поэтического мастерства. Неуклонная борьба Тургенева с архаизмами и Бенедиктовского склада неологизмами, до которых был так охоч молодой Фет, требование полноты и ясности художественного воплощения, законченности и лаконизма стихотворной фразы — несомненно способствовали усовершенствованию его стиля, доведению его до высокого предела В е ч е р н и х О г н е й.

Что касается стихов Тютчева, и без того встреченных за их «обветшалую и устарелую» форму резкими нападками со стороны некоторых критиков, то о них прямо должно сказать, что, появись они в текстах «С о в р е м е н н и к а», 1836 г о д а с их «дерзновенными» отступлениями в области ритма, хромыми рифмами, архаическим, а подчас и вульгарным словарем, — какое бы то ни было признание их современной критикой и публикой было бы прямо-таки гадательно.

Со времени издания Тургеневым стихов Тютчева прошло шестьдесят девять лет. Современный читатель достаточно вырос и созрел, чтобы принять и оценить их так, как они есть, во всем их «смелом новаторстве» без смягчений и сглаживаний их редактора.

«Краскам чуждым» пора «ветхой чешуей» ниспасть с их «записанных» полотен.

Дать русской публике подлинного Тютчева, равно как и подлинного Фета, отныне первая задача исследователей-специалистов.

Но неправы будут и эти исследователи, если, освобождая их стихи от чужеродных им Тургеневских примесей, они не воздадут должного и настойчивой, бескорыстной, плодотворной, а в условиях времени и правомерной и даже целесообразной энергии их «исказителя».

Д. Б л а г о й.

---

[1]) «Современник», 1850, № 1, отд. VI, стр. 61—2.

ИСТОРИЯ «ПРИЗРАКОВ».

I.

История «Призраков» — длинная, трудная и странная история.

«Призраки» писались с 1855 по 1864 г., т.-е. около девяти лет. Создавались они трудным творческим процессом, в непрерывных колебаниях авторских замыслов и решений. А судьбу это маленькое произведение имело необычайную: оно ссорило Тургенева с редакторами, не удовлетворило современных критиков, дало материал для злых пародий и самого автора доводило до решения уничтожить свое создание.

Впрочем, в результате трудов поэта и усилий критической мысли в конце концов отслоилась какая-то большая значимость «Призраков» — если не в строго художественном, то в идейном и автобиографическом отношении.

Довольно скоро стало ясно, что «Призраки» не являются случайным капризом творческой фантазии, но включены в целую сюиту и, вместе с «Поездкой в Полесье» и «Довольно», образуют трилогию, объединенную в одном круге идей и настроений. Правда, не все литературно-биографические данные об этой трилогии изучены (и ниже будет представлено много новых данных), но единство трех произведений очевидно, как и их литературно-биографическая показательность.

В соответствии с таким значением, «Призраки» вызвали довольно большую специальную литературу. Непосредственно вслед за их появлением в журнале Достоевского «Эпоха» (1864, I—II) отозвался Е. Н. Эдельсон статьей в «Библиотеке для Чтения» (1864, IV—V) и одновременно — М. А. Антонович в «Современнике» (1864, IV). Позднее «Призракам» посвятил две страницы С. А. Венгеров в своей молодой книге: «И. С. Тургенев. Критико-биографический этюд» (П., 1877, стр. 147—148). Других больших высказываний при жизни Тургенева «Призраки» не вызвали, зато после смерти поэта критическая и научная литература о «Призраках» все возрастала и дала несколько очень обширных рассуждений. В 1885 году в своей книге «Тургенев в его произведениях» (П., 1885, гл. IV) о «Призраках» (в связи с «Довольно») подробно говорил А. И. Незеленов. Десятью годами позже высказался Д. Н. Овсянико-Куликовский («Этюды о творчестве И. С. Тургенева», первое издание — Харьков, 1896, второе — Петроград, 1904, потом Собрание сочинений, том II). Одновременно писал С. А. Андреевский («Литературные

очерки», несколько изданий). В 1904 году вышли сразу три работы, где «Призракам» уделено много внимания, — А. М. Евлахова: «И. С. Тургенев поэт мировой скорби» («Русское Богатство» 1904, VI), Н. Аммона: «Неведомое у Тургенева» (Журнал Мин. Народн. Просвещения 1904, IV) и особенно А. А. Андреевой: «Призраки как исповедь И. С. Тургенева» («Вестник Европы» 1904, IX). Юбилей 1918 года принес «Призракам» новые суждения: П. Н. Сакулин — «На грани двух культур. И. С. Тургенев» (М. 1918), М. О. Гершензон — «Мечта и мысль И. С. Тургенева» (М. 1919), Вл. Фишер — «Таинственное у Тургенева» (Сборник «Венок Тургеневу», Одесса, 1919), М. А. Петровский — «Таинственное у Тургенева» (Сбор. «Творчество Тургенева», М., 1920) и особенно Ч. Ветринский — «Муза - вампир» (там же).

Из перечисленных авторов наиболее подробно обсуждали «Призраки» Овсянико-Куликовский, Евлахов, Андреева и Ч. Ветринский. Нельзя сказать, чтобы и они были единогласны, что же касается давних критиков — разногласия между ними были значительны. Незеленов признал в «Призраках» «чудные художественные картины», «которые в будущих веках будут служить образцами высокой поэзии», его поддерживал С. А. Андреевский, находивший, что поэма «удалась вполне и ее следует причислить к совершеннейшим созданиям искусства». Антонович же, наоборот, находил, что «как фантазия, она очень бледна, не фантастична, образы ее не поражают ни страшностью, ни таинственностью, ни ужасом, ни прелестью». С Антоновичем согласен Венгеров: «все как-то слишком беспорядочно, свалено в одну кучу и носит отпечаток какой-то небрежности. Даже несколько хороших картин природы не искупают общей вялости». В наше время М. О. Гершензон признал «Призраки» «в общем бледной, а местами и неприятной вещью».

Вкусовые, эстетические оценки всегда субъективны. Но в суждениях о «Призраках» была одна ошибка в понимании общей схемы и замысла произведения. Ее следует устранить.

Еще Незеленов в 1885 году утверждал, что «в образе фантастического существа — Эллис — поэт рисует нам свою музу». Андреевский повторяет за ним: «эта аллегорическая Эллис, это муза Тургенева». А Ч. Ветринский это вскользь брошенное определение сбставляет сложной аргументацией и стремится ответить на вопрос, который сам себе задает: «Почему же муза Тургенева (а Эллис — несомненно его муза, по глубокому интимному соответствию показанных ею картин и того, как они приняты, всему складу натуры и поэтического дара Тургенева), почему же муза Тургенева пьет его живую кровь, почему обаятельная, прекрасная Эллис является в то же время губительным вампиром?» (Статья Ч. Ветринского так и озаглавлена: «Муза — вампир».) По толкованию критика, художественное творчество слишком захватывало Тургенева, «отымало его от непосредственной жизни», доставляло ему много мук и истощения. «Вот в этом-то смысле муза и была вампиром для Тургенева». Свое порабощение искусству, музе, Тургенев и изобразил, по мнению Ч. Ветринского, в «Призраках». Став на такую общую

точку зрения, критик истолковывает и разные детали в том же общем духе. «То, что Эллис — иностранка, может быть, сознательный намек на то, что творческие вдохновения Тургенева связаны с всем известным его западничеством». Что Эллис представлена «существом ночным», наш толковник поясняет тем, что «сова Минервы также вылетает по ночам»...

Искусственность таких частичных толкований очевидна. Но и общее положение: Эллис — муза ошибочно. Между тем, оно влечет к передвижению всего центра тяжести произведения. Центральным в «Призраках» делается образ Эллис - музы, изображение «хищного элемента в музе» (по выражению Ч. Ветринского), картины же, показанные герою произведения, становятся чем-то второстепенным, подсобным. Между тем, ни логический анализ текста, ни история произведения не дают нам права на такую перестановку. Сам Тургенев заявил (А. В. Половцеву): «П р и з р а к и произошли случайно: у меня набрался ряд картин, эскизов, пейзажей... Сначала я хотел сделать картинную галлерею, по которой проходит художник, рассматривая отдельные картины, но выходило сухо. Поэтому я выбрал ту форму, в которой и появились П р и з р а к и». Юлиану Шмидту Иван Сергеевич писал, что в процессе созидания «Призраков» мыслил Эллис «голько случайным фантастическим образом». Итак, главным для поэта был «ряд картин». Для них надо было подыскать обрамление, внешнюю связь, сюжет, и сначала это было обозрение картинной галлереи художником. Потом Тургенев придумал иное: полеты с фантастическим существом. Чтобы не выходило сухо, поэт очень осложнил этот сюжет - обрамление. Героем он сделал не художника, как думал раньше (и как поступил в «Довольно»), и не поэта, а какого-то степняка - помещика, живущего в уездной глуши, на попечении старухи-ключницы Марфы и расстроившего нервы столоверчением, впрочем — бывавшего раньше в Москве и за границей. Выбрав как прием для демонстрации задуманных картин полеты над землей, Тургенев, в интересах той же занимательности, осложнил образ фантастической спутницей героя. Она не просто носит героя по воздуху над земными пространствами, но и сосет его кровь, стремясь сама «набраться жизни» и из бестелесного существа превратиться в женщину. Тургенев замысловато переплетает историю этого сказочного призрака - вампира с картинами, какие ему хочется показать читателю; с рассчитанной последовательностью он рассказывает, как всё больше, с каждой новой встречей, материализировалась Эллис, как всё больше розовело ее тело и как, обратно, всё больше хирел ее спутник-помещик. Но история Эллис легко отделяется, как оболочка, от основного ядра. Надуманность сюжета-рамки очень ощутима и вызывала сопротивления, напр., Достоевского, как увидим ниже. Здесь нет той простоты приема, какая была бы достигнута, если бы действительно в «Призраках» муза являлась водительницей поэта, как, скажем, Беатриче для Виргилия у Данте.

Итак, в Эллис нет символического значения; это условная фантастика,

имеющая служебное назначение и изысканная поэтом без особой утонченности и требовательности.

Зато «картины», обрамленные этой незамысловатой фантастикой, символичны и по замыслу и по разработке.

Как уже сказано, «Призраки» вместе с «Поездкой в Полесье» и «Довольно» образуют трилогию, объединенную одной проблемой и создающую целую поэтическую философему. Любопытно, что и композиционное строение двух остальных членов триады напоминает «Призраки». Если в «Призраках» фабула надумана и легко отделяется от основного ядра, то в «Довольно» воспоминания художника о возлюбленной, дающие повод к размышлениям о смысле искусства, истории, всей жизни, — тоже легко отделимы от этого идеологического комплекса; впоследствии Тургенев находил, что в «Довольно» «выражены такие л и ч н ы е воспоминания и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды» (письмо к М. М. Стасюлевичу 8—20 мая 1878 — в журн. «Книга и революция» 1921, №№ 8—9). В «Поездке в Полесье» идеологическое ядро получает вид какой-то вставки, неожиданной и далекой от того описательного и жанрового материала, каким заполнен рассказ, от полесского лесного пожара, от Кондрата, Егора, Ефрема.

Но как ни разнообразны сюжетные окружения, идеологическое ядро во всех трех произведениях одно и то же.

Замечательно, что члены трилогии сближены между собою и хронологически. На этом следует остановиться, так как в критической и научной литературе укрепились ошибочные представления, которым отчасти способствовал и сам Тургенев. Под первопечатным, журнальным, текстом «Призраков» он выставил: «Баден-Баден, 1863», и потом другие повторяли на разные лады, что «Призраки» написаны в 1863 году. Но они писались около девяти лет! С другой стороны, «Поездка в Полесье» задумана еще в 1853 году; С. Т. Аксакову Тургенев писал 23 апреля и 12 мая 1853 года, что он начал «Поездку в Полесье»; но это был тогда «рассказ о стрельбе мужиками медведей на овсах в Полесье», — что потом вовсе исчезло из «Поездки». Надо думать, что новый состав «Полесья», а вместе с тем и то лирическое отступление, какое роднит этот рассказ с другими, определился позднее, ближе к тому времени, когда «Полесье» печаталось, т.-е. к 1857 году («Библиотека для Чтения» 1857, X). Так, в письме к А. В. Дружинину от 5 декабря 1856 года Тургенев писал: «сильно подвинулся рассказ, назначенный мною в Библ. для Чтения — и которому заглавие будет: «Поездка в Полесье»... Как только я его кончу, немедленно перепишу и отправлю» (Первое собрание писем Тургенева, стр. 30).

«Довольно» впервые напечатано в 1865 г. (в третьем издании сочинений Тургенева, Карлсруэ). Но задуман и начат этот «отрывок» гораздо раньше: в начале 1862 г. Об этом свидетельствует Н. В. Щербань, и его показание подтверждается письмом Тургенева от 26 февраля (10 марта)

1862 г. из Парижа: «Довольно обещано во «Время», но подвигается оно ужасно медленно» («Русский Вестник», 1890, VII, 20).

«Призраки» задуманы в 1855 г., напечатаны в 1864 г. Но усиленные работы над ними относятся к началу 60-х годов.

Таким образом, хронологически все три произведения сближаются, и можно без натяжки утверждать, что в пятилетие 1857—1862 гг. Тургенев был охвачен одним кругом идей и переживаний, которые он и закреплял постепенно, фрагментарно, в отдельных частях трилогии.

В трилогии «Призраки» занимают среднее место — и хронологически, и идеологически. В «Полесье» философема жизни только намечена — мотивами ничтожности человека перед природой и скоротечности и неполноты счастья. В «Призраках» мотив счастья потухает, мотив беспощадной природы разработан мало, зато выдвинуты мотивы любви, еще больше — истории и культуры, и впервые остро поставлена проблема смерти. Наконец, в «Довольно» мотивы любви, народности, права, свободы, человечества, искусства ставятся еще прямее. Впрочем, и здесь мотивы «мировой скорби» не были исчерпаны. Доля их, после продолжительной паузы, возродилась, в семидесятых годах, в «Стихотворениях в прозе».

«Поездка в Полесье» писалась около четырех лет, «Призраки» — около девяти, «Довольно» — около трех. Стало быть, из трех членов сюиты «Призраки» имеют историю самую длительную. Она остается такой и по сравнению с другими произведениями Тургенева, даже самыми крупными, как «Отцы и дети» (наоборот, это лучшее произведение поэта написано замечательно быстро), — и я не ошибусь, если скажу, что никакое другое произведение Тургенева не созревало так медленно.

II.

Изучить историю «Призраков» во всей полноте было бы очень поучительно — и для биографии автора, и для приемов тургеневского мастерства, и для общей психологии творчества. К сожалению, мы располагаем далеко не всеми необходимыми для того материалами. Для творческой истории «Призраков» в нашем распоряжении нет рукописей Тургенева. Несомненно, черновые автографы рассказали бы нам явственно весь ход работ по композиции и стилю «Призраков», а может быть, дали бы и несколько фрагментов, не попавших в окончательный текст. Возможно, что и замыслы всего произведения, и мотивация отдельных частей раскрылись бы глубже и убедительнее. Для текстуальной и творческой истории «Призраков» мы имеем только вереницу печатных изданий — от 1864 до 1884 года. Наблюдения над печатным текстом будут предложены ниже, но они дают скудные результаты.

Зато внешняя биография «Призраков» необычайно богата.

Когда возник замысел этой фантазии?

В письме в редакцию «Московских Ведомостей» (мне придется его привести ниже) М. Н. Катков заявил: «Г. Тургенев писал мне, от 28-го ноября 1855 года, что обещанный им рассказ готов будет к 15-му и непременно уже к 20-му декабря и тотчас перешлется» (примечание Каткова: «собственные слова г-на Тургенева из его записки, уцелевшей в редакции»). Тургенев часто давал опрометчивые обещания и потом не выполнял их, и дальнейшая история «Призраков» показывает, что к 28 ноября 1855 г. едва ли было много в рукописях этой фантазии (ниже приводятся слова Тургенева о «плане» «Призраков»). Но дата 28 ноября 1855 г. является самой ранней, с какой мы в праве вести летописание «Призраков». Несомненно, что осенью 1855 г. замысел произведения окреп настолько, что Тургенев мог уже обещать рукопись к половине декабря. Само собою разумеется, что первая мысль о «Призраках» могла возникнуть раньше, гораздо раньше ноября 1855 г., может быть — ближе к тому времени, когда Тургенев пережил впервые подавляющие впечатления природы в Полесье. Но возможно и обратное. Во всяком случае, исходной точной датой будем считать 28 ноября 1855 г.

В конце этого года М. Н. Катков, тогда еще либерал и англоман, усиленно готовился к изданию своего «Русского Вестника», начавшего выходить с января 1856 года. Он заручился согласием Тургенева на сотрудничество и обещанием прислать на зубок новому журналу «Призраки». В объявлениях о подписке Катков называл в числе сотрудников и Тургенева. Но Тургенев «Призраков» всё не присылал, а потом другой журнал — «Современник» — стал печатать объявления, что четыре писателя: Толстой, Тургенев, Островский и Григорович обязались помещать свои произведения исключительно в «Современнике».

Энергичный и резкий Катков взволновался и выступил в печати с протестом. Отсюда разгорелась его полемика с Тургеневым (она впервые в отрывках изложена С. А. Венгеровым в его упомянутой книге 1877 года, позднее — в «Первом собрании писем Тургенева» 1884 года — два письма Тургенева, потом полностью перепечатана М. О. Гершензоном в «Русских Пропилеях», том III, М., 1916). Возьмем оттуда всё существенное. В публикации об издании «Русского Вестника» на 1857 год, помещенной в «Московских Ведомостях» (1856, № 140, 22 ноября), Катков писал: «В объявлении об издании в будущем году журнала «Современник» значится, что четверо литераторов, из которых назовем здесь только двух, И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстого (Л. Н. Т.), заключили с этим журналом «обязательное соглашение помещать только в нем свои сочинения». Заключение формального обязательства и соглашение его в публике имело своей причиною, сколько можно заключать из упомянутого объявления, желание поддержать при опасностях усплившейся конкуренции тот журнал, в котором и без того первый из поименованных литераторов преимущественно, а второй исключительно печатали до сих пор свои труды. Мы обязаны войти по этому поводу в некоторое объяснение. Объявляя в прошлом году об откры-

тии издания «Русского Вестника», мы, в числе своих сотрудников, поименовали обоих уважаемых нами литераторов, основываясь на изъявленном ими согласии. Особенно со стороны г. Тургенева встречено было новое издание с живым сочувствием. Он вызывался принимать в нем самое деятельное участие. Для «Русского Вестника» был им предпринят особый труд. В письме своем к редактору он предлагал объявить заблаговременно, что в одной из первых книжек «Русского Вестника» будет помещена его повесть под заглавием: П р и з р а к и (вероятно, весьма сходная по содержанию с рассказом, который появился в сентябрьской книжке «Современника» под заглавием Ф а у с т). Неоднократно извещал он нас о ходе своей работы, которая, как он писал, замедлилась от разных обстоятельств, и откладывал доставление ее в редакцию от одной книжки до другой. Наконец, в августе, он уехал за границу, а редакция «Современника» напечатала вышеупомянутое объявление об его «обязательном соглашении» с ней. Зная лично г. Тургенева и имея основание уважать его не только как литератора, но и как человека, мы уверены, что в его глазах д а н н о е с л о в о должно быть обязательнее самого формального обязательства, а потому мы не сомневаемся, что он, рано или поздно, очистит и себя и нас перед нашей публикою». К этому Катков язвительно добавляет: «он может быть покоен: успех «Русского Вестника» от этого не до такой же степени увеличится, чтобы причинить ущерб «Современнику». В наших глазах, издание журнала не может иметь смысла и не стоит труда, если успех его должен зависеть от подобных случайных поддержек».

Прочтя это полемическое объявление, Тургенев поспешил ответить на него в тех же «Московских Ведомостях» (1856, № 151, 18 декабря) письмом в редакцию из Парижа, от 4-го (12) декабря 1856 года: «Я на-днях получил № «Московских Ведомостей», в котором помещено объявление об издании «Русского Вестника» в будущем году вместе с замечанием насчет моих отношений к этому журналу. Как ни неприятно мне занимать публику подробностями дела лично до меня касающегося — я не могу не отвечать на это замечание и надеюсь, что вы не откажетесь поместить мой ответ в вашей газете. Вот в чем дело. Прошлой осенью я, не назначая впрочем определенного срока, обещал г-ну издателю «Русского Вестника» повесть под названием: «Призраки», за которую я принялся в то же время, но которую до сих пор кончить не успел. В начале нынешнего года я заключил с гг. издателями «Современника» условие, в силу которого я обязался помещать свои произведения исключительно в их журнале, при чем однако я выговорил себе право исполнить прежние свои обещания, а именно в отношении к «Русскому Вестнику». Следовательно, вся моя вина состоит в том, что я до сих пор не окончил этой повести. Но г-н Катков, несмотря на то, что по его словам, он питает ко мне уважение, почел себя в праве намекнуть, что эту самую повесть я поместил под именем «Фауст» в № 9 «Современника», тогда как тем из наших общих знакомых, которым я сообщаю планы моих произведений, хорошо известно, что между этими двумя повестями нет никакого

сходства. Я нахожу, что подобный поступок со стороны г-на Каткова разрешает меня совершенно от обязанности исполнить мое слово,— и это я делаю тем охотнее, что непоявление моей повести на листах его журнала, вероятно, никем замечено не будет. Г-н Катков напрасно старается меня успокоить. Я слишком хорошо знаю сам, что содействие мое в одном журнале — ни значительно способствовать его распространению, ни повредить другому — решительно не может. Заслуженный успех «Русского Вестника» — лучшее тому доказательство». Катков не остался в долгу и в тех же «Московских Ведомостях» (1856, № 152, 19 декабря) отвечал огромным письмом, из которого я возьму только выдержки: «В последнем нумере «Московских Ведомостей» напечатано письмо к вам г-на Тургенева, вызванное замечанием, сделанным мною в объявлении об издании «Русского Вестника» в 1857 году. Считаю своим долгом объясниться перед публикой. Единственным источником этого замечания была законная потребность, скажу более — необходимость, отдать отчет публике, почему одно из положительных обещаний, данных редакциею, при открытии подписки, не было исполнено... Не встретив в продолжении целого года статьи г-на Тургенева, которая, по обещанию редакции, должна была появиться в одной из первых книжек журнала, читатели имели полное право думать, что обещание это дано было опрометчиво и, может быть, не совсем основательно, что редакция подхватила какое-нибудь мимоходом брошенное слово и воспользовалась им в своих видах. Мудрено ли, что в публике могло бы возникнуть такое мнение, когда сам г-н Тургенев утверждает теперь, что исполнению своего обещания он *не назначал определенного срока*? Следовательно, он мог поместить в «Русском Вестнике» свою повесть через три, через четыре года. Следовательно, редакция не имела права упоминать о ней в договоре своем с публикою на 1856 год. Смеем уверить г-на Тургенева, что мы не увлеклись бы такого рода обещанием. Он забыл, как происходило дело; этой забывчивостью с его стороны объясняю я и все недоразумение, возникшее между нами. Г. Тургенев писал мне, от 28 ноября 1855 года, что обещанный им рассказ *готов будет к 15-му и непременно к 20-му декабря, и тотчас же перешлется*. (Собственные слова г-на Тургенева из его записки, уцелевшей в редакции). Не прежде как получив *такое* обещание, редакция, в свою очередь, обещала публике рассказ г-на Тургенева. После того он неоднократно и через общих знакомых и в письмах, изъявлял сожаление, что работа его замедлялась разными обстоятельствами, назначал разные сроки и обещал даже не приниматься ни за какую другую работу, прежде чем не исполнит этого обязательства. Прошла большая половина года, он уехал за границу, заключив свое известное условие с «Современником» и не бросив в редакцию «Русского Вестника» ни одного объяснительного слова, не дав никакого указания, что сказать ей по этому случаю в своем отчете публике. Глубоко сожалею, что догадка о сходстве *Призраков*, обещанных в «Русский Вестник», с *Фаустом*, напечатанным в «Современнике», оскорбила г-на Турге-

нева. Догадка эта распространилась прежде моего замечания, с некоторыми, не совсем лестными для редакции комментариями; я слышал ее от многих, в том числе и от общих наших знакомых. Высказывая эту догадку, я впрочем не придавал ей особенного значения... Сущность же дела, по моему мнению, заключается в том, что если бы г-н Тургенев не забыл силы и формы своего обещания, еслиб он потрудился представить себе всю непрятность положения, в каком должна была, по этому случаю, находиться редакция нового журнала, то вместо той повести, которую в мысли своей он назначал для «Русского Вестника» и которая не удавалась ему, он мог бы доставить другую повесть, которую успел окончить. Мы были бы в праве считать свое обязательство перед публикою исполненным, если бы вместо Призраков представили ей Фауста. Думаем, что г-ну Тургеневу было бы тем легче сделать этот обмен, что редакция «Современника» при открытии подписки на нынешний год не обещала Фауста, и потому могла бы пожертвовать им в ожидании Призраков и многих других произведений г-на Тургенева, как своего исключительного сотрудника на будущее время...».

Тургенев не оставил письмо Каткова без ответа. В «Московских Ведомостях» (1857, № 7, 15 января) он печатает письмо к редактору — из Парижа, от 1-го (13) января 1857 г.: «Получая снова от меня письмо, в котором идет речь о моей повести, обещанной «Русскому Вестнику» и т. д., вы, вероятно, подумаете, что игра не стоит свеч. Это мнение разделит с вами публика, разделяю и я. Но делать нечего, надо очистить этот вопрос. Ограничусь двумя словами. Я готов сознаться, что в первом письме моем из Парижа мне бы следовало к словам: не назначая определенного срока, прибавить слово: обязательного; я действительно надеялся доставить мою повесть г-ну Каткову в начале прошлого года; — но в деле сочинительства одной доброй воли мало, и повесть моя осталась неоконченной. Это не мешает мне объявить, что всю ответственность за эту неисправность (если только стоит употреблять такие громкие слова по поводу такого маловажного дела) я принимаю на себя. Что же касается до выговоренного мною (при заключении условия с «Современником») права исполнить обещание, данное «Русскому Вестнику», то г-ну Каткову стоит обратиться в редакцию «Современника», у которого хранится оригинал нашего условия, чтобы убедиться в совершенной справедливости моих слов. Сожалею, что этот запрос г-ну Панаеву не был сделан г-м Катковым раньше; это бы избавило и его, и меня от нового сомнения и намека. В надежде, что этим объяснением прекратится возникшее недоразумение, прошу вас принять, м. г., уверение в совершенном уважении и преданности, с которыми остаюсь и пр.».

Однако, «возникшее недоразумение» на этом не прекратилось. В полемику вмешался «Современник», анонимной заметкой в журнальной хронике («Современник» 1857, т. LXI, отд. V, стр. 184—185), и это вызвало новое письмо Каткова («Московские Ведомости», 1857, № 11): «...Редакция «Современника» сочла нужным вмешаться в наше объяснение с автором Фауста

и принять его под свою защиту. Для этой цели она нашла всего удобнее перепечатать письмо г. Тургенева, помещенное в номере № 151-м «Московских Ведомостей», а из моего письма извлечь три—четыре фразы, которые, как и сказано в моем письме, не относятся к сущности вопроса. Уважение к публике и наконец к собственному журналу обязывало редакцию «Современника» перепечатать вполне и мое письмо. Она могла истолковывать дело, как ей угодно, но не должна была ронять себя такою уловкою»... Далее Катков цитирует «Современник», вновь пересказывает полемику с Тургеневым и продолжает: «Я согласен с г. Тургеневым, что в деле сочинительства мало одной доброй воли. Разные препятствия, и внутренние и внешние, могут помешать окончанию труда. Мало ли что может задумывать писатель и мало ли чего может он никогда не исполнить? Никакое обязательство не должно стеснять свободу литературного труда, и никто не может требовать, чтобы писатель исполнил именно тот или другой из своих проектов, составляющих его авторскую тайну. Но если г. Тургенев не успел окончить одну повесть, то в прошедшем же году успел окончить другую, которая никаким журналом не была обещана публике. Помещением «Фауста» в «Русском Вестнике» г. Тургенев исполнил бы свое обещание, снял бы с меня ответственность перед публикой и предотвратил бы все эти объяснения, неприятные для него и для меня, — предотвратил бы также неудачную стратегему «Современника», которая вызвала меня теперь на новое объяснение». И дальше: «Напрасно г. Тургенев или редактор «Современника» сами не известили меня о том, что в их контракте касалось моего журнала. От г. Панаева я получил первое положительное известие об этом уже после моего замечания и почти в одно время с появлением первого письма г. Тургенева в «Московских Ведомостях». Отчего же не сделать было этого прежде? Но, признаюсь, я не имел и надобности в этих справках. Повесть г. Тургенева была обещана редакциею «Русского Вестника» при открытии подписки на 1856 год, а перед подписчиками 1857 года редакция уже не связана этим обещанием.

Письмом Каткова полемика, которую он сам назвал «длинными и скучными объяснениями», наконец кончилась. Результатом ее было то, что Тургенев счел себя свободным от обязательства напечатать «Призраки» в «Русском Вестнике» и когда их наконец закончил, напечатал у Достоевского в «Эпохе». Впрочем, несмотря на всю агрессивность, едкость полемики Каткова, отношения между ним и Тургеневым не порвались, и таково уже было добродушие Тургенева, что в 1860 г. он уже печатает в «Русском Вестнике» свой роман «Накануне», а в 1862 г. — «Отцы и дети», а еще позже — «Дым», «Историю капитана Ергунова» и «Несчастную» (переписку Тургенева с Катковым за 1859—1867 гг. см. в «Тургеневском Сборнике» под ред. А. Ф. Кони. П., 1921).

Для истории самих «Призраков» из полемики 1856—1857 гг. мы можем извлечь следующие данные. Замысел возник не позже второй половины 1855 года. Переговоры с Катковым о печатании в «Русском Вестнике»

велись не позже осени того же года. 28 ноября Тургенев надеялся кончить рассказ к 15-му или 20-му декабря. Это обещание не было выполнено, и затем, в течение всего следующего 1856 года Тургенев всё не мог кончить рассказа. За это время Тургенев неоднократно писал Каткову о «Призраках», напр, в письме своем к редактору предлагал объявить заблаговременно, что в одной из первых книжек «Русского Вестника» будет помещена его повесть», потом «неоднократно извещал о ходе своей работы» и «в письмах изъявлял сожаление, что работа его замедлилась разными обстоятельствами, назначал разные сроки и обещал даже не приниматься ни за какую другую работу, прежде чем не исполнит этого обязательства». К большому сожалению, эти письма до сих пор неизвестны в печати. А можно ожидать, что в них говорилось и о творческом «ходе работы». О работах своих Тургенев сообщал не только Каткову, но и другим литературным приятелям и знакомил их с планом (может быть, письменным) «Призраков». Спор вызвал письмо И. И. Панаева к Каткову (пока неизвестно), полемическую тираду в «Современнике» и вообще придал ненаписанному еще произведению необычайную огласку.

Легко представить, как было неприятно Тургеневу стать предметом и участником такого шумного спора. Неприятен был и резкий, высокомерный, неуважительный тон Каткова, но и сам Тургенев не мог не сознавать доли ответственности за свою медлительность, запаздывание, невыполнение обещаний.

Можно догадываться, что в результате и сам рассказ ему временно опротивел. Обязательство перед Катковым отпало, и Тургенев мог не торопиться.

III.

Действительно, известия о «Призраках» в переписке Тургенева с друзьями прекращаются — и надолго, года на три.

Они появляются вновь в 1861 году, и теперь судьба «Призраков» соединяется с новым журналом — «Временем» и новым редактором — Ф. М. Достоевским. Достоевский тогда усиленно хлопотал о своем первом журнале и привлекал к нему крупных сотрудников, — в том числе и Тургенева. И вот Тургенев обещает «Времени» ту же вещь, какую не собрался напечатать в «Русском Вестнике», — «Призраки». Об этом узнаем из письма Ивана Сергеевича к Достоевскому из Парижа от 16 (28) октября 1861 г.: «На днях я принялся за повесть, которая должна быть помещена у вас. Если ничего не помешает, я надеюсь ее кончить к новому году. — Но могут встретиться затруднения внутренние и внешние — будем надеяться, что всё пойдет хорошо». (Центрархив. Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М., 1923 г., стр. 114. Дальнейшие цитаты из писем Тургенева взяты из этого же издания). В письме, как видим, сделаны оговорки, и это было предусмотрительно. Уже в следующем письме, от 30 октября (11 ноября),

т.-е. через две недели, Тургенев сообщает: «Повесть, назначенная для «Времени», не подвинулась в эти последние дни, много других мыслей — (не литературных) вертелось у меня в голове... Но я либо ничего не буду писать, или напишу эту вещь для вас. — А писать ее хочется». Итак, повторялось буквально то же, что в 1856 году с Катковым. Из глухих упоминаний в обоих письмах мы вправе сделать вывод, что в бумагах Тургенева попрежнему было немного. О «повести» он говорит, словно недавно ее начал. Приблизительно через месяц, 26 декабря 1861 (7-го января 1862), Иван Сергеевич вновь извещает Достоевского: «Повесть, назначенная для «В р е м е н и», — подвинулась в последнее время — и я имею твердую надежду, что она будет готова ко 2-му номеру, но ведь вы сами знаете — дело это прихотливое». Увы, твердая надежда обманула, и в письме от 2 (14) марта 1862 уже читаем: «повесть моя едва-едва подвигается, — так что раньше моего возвращения в Россию (в апреле) навряд ли будет готова». Потом настроение поднимается, и Тургенев спешит сообщить Федору Михайловичу 18 (30) марта, из Парижа: «Я выезжаю отсюда в конце здешнего апреля, т.-е. через месяц. — Теперь я могу н а в е р н о е вам сказать, что я привезу вам мою работу готовую — она не только сильно подвинулась, она приближается к концу. — В ней будет около 3 печатных листов. — Странная выходит штука. Это именно те «Призраки», из-за которых, несколько лет тому назад, поднялась у нас распря с Катковым, — не знаю, помните ли вы это.— Я было начал другую вещь — и вдруг схватился за эту и работал несколько дней с увлечением. — Теперь осталось дописать несколько страниц». Указания Тургенева очень конкретны: «около трех печатных листов», «осталось дописать несколько страниц». И если их принять на веру, то следовало бы сделать вывод, что в 1862 году рукописный текст «Призраков» был в полтора раза обширнее, чем позднейший печатный: в печати «повесть» занимает около двух листов. Но Тургенев так часто на деле расходился со своими известиями, что и редакторы, и биографы всегда к нему в таких показаниях недоверчивы. Осталось дописать всего несколько страниц; но потянулись дни, недели, месяцы, а страницы всё оставались недописанными. Чуть не через год, а именно 19-го (31) января 1863, из Парижа, Тургенев сообщает — теперь Анненкову: «Лекции о Пушкине я все-таки не могу выслать, или, лучше сказать, я могу их выслать, но с тем условием, чтобы они были напечатаны после вещи, которую я оканчиваю для «В р е м е н и» и которая также пойдет через ваши руки — для замечаний, критик и пр., как я это постоянно делал до сих пор» (П. В. А н н е н к о в. Литературные воспоминания. С.-Пб., 1909, стр. 561). Опять проходит несколько месяцев, и потом в письме к самому редактору, Достоевскому, Иван Сергеевич пишет из Баден-Бадена, от 13 (25) мая 1863: «Любезный Федор Михайлович, я потому так долго не писал вам, что мне хотелось сказать вам что-нибудь положительное. Теперь могу вас уведомить, что я начал переписывать вещь — право не знаю как назвать ее — во всяком случае не повесть — скорее фантазию, под заглавием: «Призраки» — она давно у меня задумана, но я долго за нее — да

и ни за что — не принимался. Боюсь, как бы она не показалась слишком не современной, чуть не детской — особенно в теперешнее тяжелое и важное время. — Впрочем вы увидите сами — и если нужно, я напишу маленькое извинительное предисловие или вступление. Получите вы ее недели через две или три. — В ней слишком два листа печатных, по моему расчету». «Извинительное предисловие» Тургенев действительно прислал Достоевскому, и оно сохранилось в архиве последнего в автографе (в печати воспроизведено точно).

Пока Тургенев так медлил, с журналом Достоевского случилась беда: его запретили. Об этом известил Тургенева сам редактор. Отсюда в приводимую мною переписку о «Призраках» вступает новый корреспондент: Достоевский. Его письма к Тургеневу, доселе совершенно недоступные, недавно были напечатаны, в количестве восьми, известным исследователем Гончарова, А. Мазоном (в парижском журнале «Revue des études slaves», 1921, I) и являются важной новостью в нашей литературной историографии. В этих письмах мы почерпнем ценные данные о «Призраках». Отвечая на только что цитированное письмо Тургенева, Достоевский в пространном письме от 17 июня 1863 года, из Петербурга, сообщает о закрытии «Времени» и о своих тяжелых обстоятельствах; о «Призраках» он еще ничего не говорит. Зато следующее письмо, от 19-го июня, т.-е. написанное через два дня, посвящено почти целиком «Призракам». Вот оно: «Чрезвычайно рад, что замедлил на день отсылкою вам письма. Вчера мне сообщили письмо ваше к В. Ф. Коршу. Боже мой, какое ж мы имеем теперь (да хоть и прежде бы например) право на ваше слово ничего не печатать прежде нашего журнала. Тем более, что вашу статью о Пушкине, конечно, вы могли бы напечатать и прежде и при существовании «В р е м е н и», — так как вы нам обещали п о в е с т ь, что для нас, к а к д л я и з д а т е л е й ж у р н а л а, было особенно дорого, ибо наибольшая конкурренция у журналистов почти всегда и особенно теперь — романы и повести. Вы пишете тоже В. Ф—чу: «разрешают ли мне Д—е [Достоевские] печатанье моих статей в других журналах?» Опять-таки: какое ж мы имеем право теперь вас задерживать, тем более что брат даже вашу просьбу о деньгах покамест не исполнил? Но вот что я вам скажу, добрейший Иван Сергеевич. Если вам только можно, т.-е. если вы найдете хоть самомалейшую возможность повременить печатанием «П р и з р а к о в» хоть до осени, то ради Христа повремените. Я вам не хотел только писать, по некоторым причинам, третьего дня, но теперь скажу, что мы имеем н е к о т о р у ю надежду о том, что журнал наш приостановлен только на время. Наверное не знаем, но есть значительные поводы думать, объяснится все это п о л о ж и т е л ь н о в сентябре. Поймите, Иван Сергеевич, что это только покорнейшая просьба к вам. Права же какого-нибудь мы не можем, да и прежде не могли выставлять. Дали вы нам ваше слово свободно, от своего хотения, ничем другим с нами себя не связывая (т.-е. наприм., деньгами или какими-нибудь условиями). Что же мы можем иметь в смысле какого-нибудь права? Я сам литератор и какое-нибудь положительное тре-

бование с нашей стороны считал бы нахальством. И потому это только убедительнейшая просьба и ничего больше.

«Но вот в чем дело: журнал наш существовал почти два с половиною года без большой поддержки от наших известных литераторов, а вы не дали нам ничего. Между тем наш журнал был честный журнал, а во-вторых понимал литературу и ее смысл и значение право получше «Современника» и «Русского Вестника». Ваша поддержка придала бы еще больше силы «Времени». Да вот как: если б мы в генваре могли явиться с вашей повестью, то у нас было бы не 4,500, а 5,500 подписчиков. Это верно. Я эти слова теперь только повторяю: я их говорил в январе. Поймите теперь, Иван Сергеевич: если журнал явится вновь и даже, может быть, с осени — каково будет значение вашей поддержки? Если б вы пригодились «Времени» в это самое критическое для него время, то, может быть, все было бы выиграно. И потому если только есть какая возможность — повремените отдавать «Призраки» до осени в другой журнал. Разумеется, если только есть возможность. Права стеснять вас хоть чем-нибудь мы не имеем ни малейшего. Да и этой просьбой моей, если она хоть чуть-чуть претит вам, не стесняйтесь ни мало. Одно только выставляю вам на вид: что вы можете чрезвычайно участвовать в поднятии журнала, а я думаю, для вас — это все, что я могу сказать самого убедительного. Прощайте, до свидания».

Начало этого письма Достоевского — ссылкой на письмо Коршу (неизвестно в печати) — живо напоминает тему письма Тургенева к Анненкову, цитированного выше, — о невозможности печатать лекции о Пушкине раньше, чем будет выполнено обязательство перед «Временем». Тургенев, ведь, дал обещание Достоевскому не писать других вещей, пока не напишет и не пришлет «Призраки». Обещания своего он, конечно, не сдержал и теперь каждую минуту мог опасаться, что Достоевский начнет громко протестовать. Достоевский оказался мягче Каткова. Однако, дело ставилось так, что моральная обязательность завершения «Призраков» необычайно повышалась. Да и рассказ сам как-то близился к завершению. 2 (13) июня, из Баден-Бадена, Тургенев пишет Н. В. Щербаню: «Сообщу вам, что я вчера кончил небольшой рассказ не рассказ — бог знает что — под названием «Призраки»; для «Времени». Это те самые Призраки, из-за которых, если вы помните, мы с Катковым чуть было не рассорились при начале Русского Вестника. («Рус. Вестник» 1890, VIII, 6—7). Позднее, в письме к гр. Е. Е. Ламберт от 6 (18) июля 1863, Тургенев сообщает: «Я кончил недавно небольшую вещь, и представьте — фантастическую! — скорее описательную. Она была назначена для журнала «Время», но этот журнал запретили за статью (правда, очень легкомысленную) о Польше, — и я остался с своим детищем на руках». И с того времени Тургенев уже твердо всем заявляет, что «фантазия» «готова и переписана» (напр., в письме к Карташевской от 8—20 сентября 1863 — «Голос Минувшего» 1919, I—IV, 218).

Итак, будем считать, что к началу июня 1863 г. «Призраки» были закончены.

IV.

Отсюда начинается новый период их истории — такой же трудный, как и два предыдущих.

Закончив «Призраки», Тургенев начал волноваться, хороши ли они вышли и хорошо ли их примут в критике и обществе. Его беспокоило, что в эпоху боевого реализма, социального романа — он неожиданно выступил с произведением фантастическим. Да и вообще, поэт не был уверен в достоинствах своего произведения. И вот начинается новая переписка с приятелями, расспросы об их впечатлениях и мнениях, колебания: печатать ли?

Колебания заметны и в приведенных уже письмах. Чем дальше, тем они заметнее. И чтобы смягчить горечь предполагаемых порицаний, Тургенев сам торопится опорочить свое произведение. Анненкову он пишет 15 (27) сентября 1863 г. из Бадена: «Теперь скажу несколько слов о прилагаемой фантазии, которая вот уже второй месяц лежит у меня переписанная. Прошу вас прочесть э т о т в з д о р со вниманием и решить: стоит ли в теперешнее время печатать эту штуку, или лучше отложить до более спокойных дней? Если вы решите, что печатать можно, то подумайте, как это сделать. Я обещал эти «П р и з р а к и» редакции «Времени», но с тех пор само «Время» стало призраком. Достоевский (который на днях посетил меня в Бадене) просил меня подождать до октября, в надежде, что, быть может, его журнал опять разрешат; в таком случае, разумеется, моя вещь должна появиться у него. Если же этого разрешения не последует, то куда ее сунуть? Я «Русскому Вестнику» должен 300 руб., и он бы принял «Призраки» охотно, но мне как-то не хочется печататься у Каткова. Впрочем, вы на месте лучше всё сообразите и решите, и я даю вам carte blanche. Только вот что: уже если печатать, то нельзя ли получить побольше денег, в коих я весьма нуждаюсь. В «Призраках», вероятно, немного более двух печатных листов — и 1000 рублей... (я краснею от стыда и прячу нос под мышку) — было бы не худо. Словом, распорядитесь, как знаете, только известите меня п о с к о р е е: 1) о прибытии этого грузного письма; 2) о вашем впечатлении и решении... Чуть было не забыл главного. По милости банкрутства «Времени» и недошедшего письма к дяде, мой долг всё еще вам не уплачен. Запродавши «Призраки» (которых печатание, вероятно, отложится до моего прибытия), вы немедленно должны удержать следуемые вам деньги. На-днях вышлю вам несчастные лекции о Пушкине». И в следующем письме, от 28 сентября (10 октября): «Спасибо, старый и добрый друг мой П. В., за скорую отписку. Что касается до приезда в Питер, то vous prêchez un converti: в ноябре там — если только жив буду. Что касается до фантазии, то я даже дрогнул, прочтя слово: «автобиография», и невольно подумал, что когда у доброго лягавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы

он ни забился чащу. Тетерев, разумеется, я. Мне приятно, что вам эта вещь понравилась, а до остальных, т.-е. до массы — мне, право, дела мало. Я ее не обвиняю, она совершенно права, ей нужны другие кушания, но я — повар старого покроя, и не умею на нее готовить. Довольно — однако же — то был тетерев, теперь — повар! Результат всего этого — что «фантазию» мы прибережем до личного свидания. Я сам полагаю, что нет никакой нужды пускать ее по литературной братии. Приятелям — другое дело. Я бы желал знать мнение о ней Александры Петровны (кстати, поклонитесь от меня Тютчевым)». А Фету около того же времени (1 октября 1863 г.): «Считаю долгом уведомить вас, что я, несмотря на свое бездействие, угобзился однако сочинить и отправить к Анненкову вещь, которая вам, вероятно, понравится, и б о н е и м е е т н и к а к о г о ч е л о в е ч е с к о г о с м ы с л а, даже эпиграф взят у вас. Вы увидите, если не в печати, то в рукописи, это замечательное произведение очепушившейся фантазии». (А. Ф е т. Мои воспоминания. Ч. I. М., 1890, стр. 439). В. Я. Карташевской в упомянутом письме Тургенев пишет: «У меня готова и переписана та фантазия, о которой я, конечно, вам говорил, и я хотел бы переслать ее ему (Анненкову) с маленькой инструкцией на счет ее печатания. Разумеется, вы прочтете эту штуку вместе с ним и скажете свое впечатление».

Писал Тургенев тогда и другим знакомым, извещая об окончании «Призраков» и прося высказать свое мнение, пока рассказ в рукописи.

Рукопись была переправлена к Анненкову и читалась приятелями автора. К редактору, т.-е. Достоевскому, она, однако, всё не попадала, и это начинало волновать Федора Михайловича. К концу 1863 года у него возродилась надежда на возобновление «Времени», и напечатать в новом выпуске повесть Тургенева, о которой так много говорилось и писалось, было бы очень кстати. Поэтому Достоевский пишет Ивану Сергеевичу из Турина 18 октября 1863 г.: «Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, я всё рыскал, был в Неаполе и завтра еду из Турина прямо в Россию. Несмотря на мои расчеты я никаким образом не мог решить: как мне послать к вам за П р и з р а к а м и? Во всех местах останавливался я на короткое время, и так случилось, что выезжая из одного места я почти еще накануне обыкновенно не знал, куда именно поеду завтра. Все эти разъезды, по одному обстоятельству, отчасти не зависели от моей воли, а я зависел от обстоятельств. Вот почему и никак не мог рассчитать, куда вам дать адресс, чтоб вы могли мне прислать П р и з р а к и. Я от брата еще в Неаполе получил письмо, в котором он писал мне, что надежды на разрешение издавать «Время» у него большие и что на днях это дело решится. Теперь может быть решено, и я сам думаю, по некоторым данным и отзывам, что «Время» будет существовать. Так как решение последует в октябре, то в ноябре брат непременно хочет выдать ноябрьскую книгу. Не получившим же шесть месяцев ничего мы выдадим на будущий год шесть книг даром. Пишу вам откровенно: ваша повесть и именно в ноябрьском номере для нас колоссально много значит. И потому если желаете нам сделать огромное

одолжение, то вышлите по возможности немедленно Призраки в Петербург. К тому времени уже буду в Петербурге. Но так как квартиры я теперь в Петербурге не имею, то адресуйте на имя брата, а именно: «на углу Малой Мещанской и Столярного переулка, дом Евреинова, Михаил Михайлович Достоевский». Сделайте одолжение при этом напишите мне хоть две строчки. Мне страшно досадно. Я еще в Петербурге решил быть в Бадене (но не за тем, за чем я приезжал), а чтобы видеть (ся) и говорить с вами. И знаете что: мне многое надо было сказать вам и выслушать от вас. Да у нас как-то это не вышло. А сверх того вышел проклятый «мятеж страстей». Если б я не надеялся сделать что-нибудь поумнее в будущем, то право теперь было бы очень стыдно. А впрочем что же? Неужели у себя прощения просить? В Петербурге ждет меня тяжелая работа. Я хоть и поправился здоровьем чрезвычайно, но за то наверно что через 2—3 месяца всё это здоровье разрушится. Но нечего делать. Я еще ничего не знаю, как всё это будет. Журнал надо будет создавать почти вновь. Надо сделать его современнее, интереснее и в то же время уважать литературу — задачи, которые несовместимы по убеждениям многих петербургских мыслителей. Но с начинающимся презрением к литературе мы намерены горячо бороться. Авось не отстанем. Поддержите же нас пожалуста (sic), будьте с нами. Я мое здоровье несу в журнал. Денег я получу мало, я знаю, едва литературный труд окупится (журнал в долгу), а я все-таки остаюсь в Петербурге, где мне докторами запрещено теперь жить, и где я сам вижу, что нельзя мне теперь жить. Да вот что еще: пожалуста (sic) будем от времени до времени переписываться. От всего сердца говорю вам это. До свидания, крепко жму вашу руку. Ваш Ф. Достоевский.

«О путешествии ничего вам не пишу. Рим и Неаполь сильно меня поразили. Я первый раз там был. Но, знаете, невозможно оставаться дольше одному, а мне ужасно хочется в Петербург. Напишите, очень прошу вас, сколько вам выслать за Призраки? Я сообщу это брату. Разумеется, всё что вы назначите будет выполнено».

Но пока писалось и шло к адресату письмо Достоевского, Тургенев стал получать от приятелей неодобрительные отзывы. Об этом узнаем из тревожных писем, какими Тургенев засыпает Анненкова. 19 ноября (1 декабря) 1863 г.: «И Тютчев [Николай Николаевич] и многие другие приятели не советуют мне печатать «Призраки» — попросите Достоевского (если он этого еще не сделал) не выставлять их в своей программе и не говорить, что, мол, явится такая-то штука, такого-то. Приехавши в Петербург, я посоветуюсь — и там увидим». 9 (21) декабря: «попросите, кстати, Достоевского не печатать «Призраков» до моего приезда. Я, может быть, многое переделаю, а по всему видно — лучше подождать». 13 (25) декабря: «Что касается «Призраков», то я получаю отовсюду столько увещаний их не печатать, что я сам начинаю думать, что появление сего продукта моей музы было бы крайне неуместно, а потому, если возможно, уговорите Достоевского повременить и во всяком случае не печатать до моего приезда, потому что я

намерен (и уже сделал) делать некоторые поправки. Пожалуйста, добрый П. В., не поленитесь исполнить эту — для меня важную — просьбу. Полениться — это я дурное слово употребил и к вам неподходящее — я должен был бы сказать: не побрезгайте». Анненков, очевидно, протестовал против такого алармизма, успокаивал растерявшегося автора и предлагал всё уладить. В письме к нему от 20 декабря 1863 (1 января 1864) Тургенев пишет: «Вы решительно как скала среди треволнений» и продолжает: «Что касается «Призраков» — я сознаюсь в своей глупости, которая состоит в том, что, поручивши однажды вам участь этой вещи, мне нечего было заботиться о ней. И потому снова повторяю вам: поступайте, как знаете, заранее подписываюсь обеими руками и одобряю всё, что вы ни сделаете. Завтра я вам вышлю небольшой списочек поправок (в случае, если вы скажете, — печатать), и прошу вас с низким поклоном продержать корректуру. Всё это, разумеется, в том случае, если печатанье начнется без меня. Передайте, кстати, мой поклон Достоевскому, и прошу его не сердиться на меня».

Но Достоевский тоже волновался. До него доходили слухи, будто Тургенев не хочет печатать «Призраков», столь долго жданных. Теперь Достоевский получил наконец рукопись, прочел и вот пишет из Петербурга, 23 декабря 1863 г :

«Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, П. А. Анненков говорил брату, что вы будто не хотите печатать П р и з р а к и, потому что в этом рассказе много фантастического Это нас ужасно смущает. Прежде всего скажу откровенно, мы, т.-е. я и брат, на вашу повесть расчитываем. Нам она очень поможет в первой книге в н о в ь н а ч и н а ю щ е г о с я нашего журнала, след., обязанного вновь пробивать себе дорогу. Предупреждаю вас об этом нарочно для того, чтоб в дальнейших резонах этого письма вы не подозревали, что я говорю из одних собственных выгод. Прибавлю еще одно обстоятельство, в верности которого даю вам честное слово: нам гораздо нужнее ваше повесть, чем щегольство вашим именем на обертке журнала.

«Теперь скажу вам два слова о вашей повести, по моему впечатлению. Почему вы думаете, Иван Сергеевич (если только вы так думаете), что ваши П р и з р а к и теперь не ко времени и что их не поймут? Напротив; бездарность, 6 лет сряду подражавшая мастерам, до такой пошлости довела положительное, что произведению чисто поэтическому (наиболее поэтическому) даже были бы рады. Встретят многие с некоторым недоумением, но с недоумением приятным. Так будет со всеми понимающими кое-что, и из старого и из нового поколения. Что же касается из ничегонепонимающих, то ведь неужели-ж смотреть на них? Вы не поверите, как они сами-то смотрят на литературу. Ограниченная утилитарность — вот все, чего они требуют. Напишите им самое поэтическое произведение; они его отложут (sic) и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут. П о э т и ч е с к а я п р а в д а считается дичью. Надо только одно копированное с действительного факта. Проза у нас страшная. К в а к е р с т в о! После этого и на

них смотреть нечего. Здоровая часть общества, которая просыпается, жаждет смелой выходки от искусства. А ваши Призраки довольно смелая выходка, и превосходный будет пример (для всех нас), если вы, первый, осмелитесь на такую выходку. Форма Призраков всех изумит. А реальная их сторона даст выход всякому изумленью (кроме изумления дураков и тех, которые кроме своего квакерства не желают ничего понимать). Я впрочем знаю пример одной утилитарности (нигилизма), которая хоть и осталась вашей повестью недовольна, но сказала, что оторваться нельзя, что впечатление сильное производит. Ведь у нас чрезвычайно много напускных нигилистов. Но тут главное понять эту реальную сторону. По-моему, в Призраках слишком много реального. Это реальное — есть тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все Призраки. Это «струна звенит в тумане» и хорошо делает, что звенит. Призраки похожи на музыку. А кстати: как смотрите вы на музыку? Как на наслаждение или как на необходимость положительную? По моему это тот же язык, но высказывающий то, что сознание еще не одолело (не рассудочность, а всё сознание), а след., приносящий положительную пользу. Наши утилитаристы этого не поймут; но те из них, которые любят музыку, ее не бросили, а занимаются у нас ею по-прежнему.

«Форма ваших Призраков — превосходна. Ведь если в чем-нибудь тут сомневаться, так это конечно в форме. Итак, все дело будет состоять в вопросе: имеет ли право фантастическое существовать в искусстве? Ну кто же отвечает на подобные вопросы! Если что в Призраках и можно бы покритиковать, так это то, что они не совсем вполне фантастичны. Еще бы больше надо. Тогда бы смелости больше было. У вас являющееся существо объяснено как упырь. По моему бы не надо этого объяснения. Анненков не согласился со мной и представил доводы, что здесь намекается на потерю крови, т.-е. положительных сил и т. д. А я тоже с ним не согласен. Мне довольно, что я уж слишком основательно понял тоску и прекрасную форму, в которую она вылилась, т.-е. брожением по всей действительности без всякого облегчения. И тон хорош, тон какой-то нежной грусти, без особой злости. Картины же, как утес и проч., — намеки на стихийную, еще не разрешенную мысль (ту самую мысль, которая есть во всей природе), которая неизвестно разрешит ли когда людские вопросы, но теперь от нее только сердце тоскует и пугается еще более, хоть и оторваться от нее не хочется. Нет-с, такая мысль именно ко времени и этакие фантастические вещи весьма положительны»...

Письмо Достоевского, к величайшему сожалению, сохранилось не всё: недостает последнего листка. Но и в том объеме, как сохранилось, оно остается самым глубоким и смелым, что было высказано о «Призраках» в шестидесятых годах. В то время, как Тургенев колебался и готов был

малодушно отступить перед популярными вкусами утилитарного реализма, Достоевский твердо отстаивает права фантастики. Он только одним недоволен — и тут он тоже прав, — что «фантазия» Тургенева недостаточно фантастична и смела.

Достоевский сказал в письме далеко не всё, что думал. Недостатки «Призраков» восприняты были им остро и запомнились навсегда. Впоследствии, в «Бесах» он даст волю злой иронии. Но теперь, дорожа сотрудничеством Тургенева, он сдерживался и старался говорить только о достоинствах пьесы.

После его письма отступление было отрезано. Надо было печатать рукопись, попавшую в руки редактора, — и «Призраки» появились в первом номере «Эпохи» за 1864 год (цензурное разрешение — 20 марта 1864 г.).

V.

Мы видели, как колебался Тургенев в оценке своего произведения. Любопытной приметой таких колебаний — даже в чисто формальном вопросе — является определение литературного жанра, к какому поэт хотел бы отнести свои «Призраки». Долгое время «Призраки» именовались «повестью»; этот термин охотно употреблял сам Тургенев в бесконечных письмах к приятелям. Но когда пьеса оформилась, стало ясно, что повестью ее называть никак нельзя. Тогда Тургенев сам предложил называть «Призраки» «фантазией». Но и это определение не удовлетворяло поэта. В письме к В. Я. Карташевской от 14 (26) мая 1863 года он говорит, что свою «небольшую вещь» «наименовал фантазией за недостатком другого прозвища». И решившись наконец печатать «Призраки», Тургенев снабдил текст в журнале чрезвычайно характерным «извинительным предисловием». Вот его текст: «Вместо предисловия. Всякое настоящее произведение искусства должно говорить само за себя, стоять на своих ногах — а потому не нуждается в предварительных объяснениях и толкованиях. Не имея убеждения, что «Призраки» принадлежат к подобного рода произведениям, я решаюсь просить читателя, который, быть может, в праве ожидать от меня что-нибудь посерьезнее, не искать в предлагаемой «фантазии» никакой аллегории или скрытого значения, а просто видеть в ней ряд картин, связанных между собой довольно поверхностно.»

Итак, — «никакой аллегории», никакого «скрытого значения», «просто ряд картин», связанных «довольно поверхностно». Если сюда еще присоединить заявление в письме к Фету, что «вещь» «не имеет никакого человеческого смысла», что она «произведение очепушившейся фантазии», и в письме к Анненкову: «этот вздор», то как же должны понимать «Призраки» друзья Тургенева, читатели, литературные критики и мы, историки литературы?

Конечно, все мы были бы в безвыходном положении, если бы поверили этим заявлениям. Но у нас имеются и другие средства установить истину:

имманентный анализ произведения, сопоставление с другими аналогичными, биографические материалы и — иные показания самого поэта.

Что внешняя фабула надумана и искусственна, что в подборе картин есть известная случайность, что связь между ними не всегда ясна и логизована, — это чутко угадывалось и самим автором, еще не отдалившимся от создания в должную перспективу, и читателями-критиками. Так напр., неясно, какое значение имеет в общей концепции произведения полет по Германии, это описание Шветцингенского сада, потом Шварцвальда. Зрелище Isola Bella так же трудно вмещается в тему — явно пессимистическую; к тому же, описание комнаты во дворце чрезмерно перегружено бутафорией: здесь и «помпейяновский вкус», и греческие изваяния, и этрусские вазы, и дорогие ткани, и хрустальные шары, и праксителев Фавн, и ветви олеандра, и бронзовая курильница на древнем треножнике, и фортепианы... В применении к таким эпизодам особенно чувствуешь правдивость слов Тургенева о накопившихся случайных картинах, эскизах, пейзажах.

И вместе с тем, столь же очевидно, что основное содержание «Призраков» не случайно, что сюда поэт поместил итоги ума холодных наблюдений и сердца горестных замет.

Когда Анненков прочел рукопись «Призраков», он написал Тургеневу, что находит в них автобиографические элементы. Тургенев ему отвечал: «я даже дрогнул, прочтя слово «автобиография», и невольно подумал, что когда у доброго лягавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился чащу. Тетерев, разумеется, я». Так сам автор подтвердил наличие в «Призраках» автобиографических признаний. Да и без его сознания они очевидны. А. А. Андреева точными цитатами из писем Тургенева установила, что изображение Парижа и буржуазной империи при Наполеоне III, данное в главе XIX «Призраков», совершенно совпадает со всем тем, что думал и испытывал сам Тургенев и о чем он много писал своим друзьям (к цитатам А. А. Андреевой можно было бы прибавить еще столько же). Описание Isola Bella (гл. XIV) воспроизводит впечатления Тургенева от поездки на Лаго Маджиоре в 1840 году; то же следует сказать и о картине Понтийских болот (как и об описании острова Уайта в главе IX). Эпизод главы XII с восклицанием: «Divus Cajus Julius Caesar!» воссоздает подлинный случай с самим Тургеневым в том же 1840 году, — о чем он рассказывает в воспоминаниях о Станкевиче. Глава XVI, посвященная восстанию Стеньки Разина, является переработкой семейных преданий Тургеневых. В 1670 г. в Царицыне сидел воеводою Тимофей Васильевич Тургенев. В город явился Васька Ус с казаками, а потом и сам Разин. После долгого боя Тургенев был схвачен, на другой день его на веревке привели к Волге, прокололи копьем и утопили (Соловьев. История России, III; ср. Н. М. Гутьяр. Тургенев, стр. 7—8). Наконец, второй вариант внешней фабулы, т.-е. полеты с Эллис, сближается с одним переживанием самого Тургенева, испытанным во сне, о чем он рассказал в письме к Полине Виардо от 13 августа 1849 г. (нов. ст.).

Вот отрывки из этого письма: «Этой ночью мне приснился очень странный сон... Вдруг я вижу, что на меня идет какая-то высокая белая фигура и делает мне знак следовать за нею; я думаю про себя: постой — ведь это мой брат Анатолий (а у меня никогда не было брата, носившего это имя)... «Но куда же мы идем?» спрашиваю я у своего путеводителя. — «Мы птицы», отвечает он, «летим»... Не могу передать вам тот трепет счастья, который я почувствовал, когда, развернув широкие крылья, я взмахнул ими кверху против ветра... Было море огромное, бурное, темное, со светлыми точками... Рев становился сильнее и пугал меня... Я ощущал таинственный ужас... Вдруг я вижу, что море белеет, колышась как вода, которая кипит, вокруг меня распространяется розоватый отблеск... «Это встает солнце», — говорю я себе, — «скорее бежим, оно всё сожжет». Но как я ни бросался то в ту, то в другую сторону, — всё становилось ярким, сверкающим, невыносимым для глаз... Меня охватывает невыносимая тревога и — я просыпаюсь».

Впрочем, все эти (и другие, о которых здесь не говорю) реминисценции личных переживаний и воспоминаний, занесенные на страницы «Призраков», имеют, всё же, второстепенное значение. Самое же главное то, что Тургенев вложил в свою фантазию дорогие ему мысли о природе, истории, счастьи, жизни и смерти, ту тоску, «уловленную тоску», по оригинальному выражению Достоевского, какою «наполнены все Призраки». Достаточно вспомнить превосходную XXIII главу — о «земном шаре с его населением, мгновенным, немощным, подавленным нуждою, горем, болезнями, прикованным к глыбе презренного праха», — чтобы убедиться, как уклончив был Тургенев, когда писал Фету об «очепушившейся фантазии» и об отсутствии в «Призраках» «человеческого смысла». И, конечно, многие, «картины» в «Призраках» аллегоричны, вернее — символичны. Таковы и видение Стеньки Разина, и Цезарь с его легионами, и парижские бульвары, и Понтийские болота, и буря у берегов Уайта. Достоевский превосходно воспринял символику двух последних картин, от которой «только сердце тоскует и пугается еще более, хоть и оторваться от нее не хочется». От «Поездки в Полесье» к «Призракам», от «Призраков» к «Довольно» и отсюда к старческим «Стихотворениям в прозе» вытягивается линия образов, идей, переживаний, которые в совокупности создают целую поэтическую философему «мировой скорби». Тургенев не поднялся до таких поэтических обобщений, как «Фауст» Гете, «Каин» Байрона, «Легенда о Великом Инквизиторе» Достоевского. Но и то лучшее, что заключено в названном поэтическом цикле, веско, ценно, искренно и глубоко.

И сам Тургенев, когда он поборал свою мнительность и хотел быть откровенным, высказывался о «Призраках» иначе, чем это мы читали выше. Когда пьеса была напечатана, и до Тургенева дошли слухи, что появилась критика Антоновича (упомянутая выше), он написал Анненкову из Бадена (2 июня 1864 г.): «Почитал бы я статью Антоновича: то-то, я думаю, потешается! По всем известиям, «Призраки» потерпели общее фиаско. — А все-таки, мне сдается, недурной человек был покойник».

Эта внутренняя удовлетворенность поэта подтверждается еще одним наблюдением.

Не располагая рукописями «Призраков», мы не в состоянии изложить их текстуальную историю. До нас дошли только косвенные данные об этой истории текста. В письме к П. В. Анненкову от 6 (18) января 1857 года Тургенев пишет: «Инфузория — повесть прескверная. Я было думал преблагополучно сжечь ее». Это одно из раннейших известий о тексте «Призраков», — о рукописи уже существующей, которую можно сжечь. Мы не знаем ее содержания. Может быть, это была та первая редакция (с художником, осматривающим картинную галлерею), о которой Тургенев сообщал А. В. Половцеву. И позднее Иван Сергеевич, конечно, многократно перерабатывал текст. Даже в конце работ он пишет Щербаню — 1 (13) июля 1863 г.: «ваше предложение переписать «Призраки» очень любезно, но, переписывая, я *исправляю*, что несколько облегчает эту противную работу или по крайней мере дает ей смысл», и опять мы не имеем этих исправлений. Но после того, как поэт впервые напечатал «Призраки» в «Эпохе» 1864 года, он потом целых пять раз перепечатывал пьесу в своих сочинениях: 1) издание бр. Салаевых, Карлсруэ, 1865, т. V; 2) издание Салаевых, М. 1869, т. V; 3) издание 1874, т. V; 4) издание 1880, т. VIII; 5) издание Глазунова, П., 1883, т. VIII. Перерабатывал ли Тургенев печатный текст? Ведь, ему пришлось выслушать и от друзей, и от журнальных критиков, и наконец от Достоевского (в «Бесах») много возражений, упреков и насмешек. Было бы так естественно автору, столь неуверенному в своем произведении, внять критике и переработать пьесу.

Но вот замечательно: сличая из строки в строку первопечатный текст с перепечатками, находим, что разница между ними ничтожная: в отдельных словах, даже не в фразах, — не говорю уже об образах и композиции. Всего таких разночтений я насчитал не больше семнадцати. Некоторые из них представляют собою явные опечатки; так, в первопечатном тексте «Эпохи» (обозначим его 1864 г.) было: Церкви высились, в перепечатке 1870 г.: церкви вились (в других изданиях исправно); 1864 г.: зарей-травой, перепечатки: зорей-травой. Некоторые разночтения легко отнести к корректорским «исправлениям», в 1864 г.: Шарля Альбера, в перепечатках: Шарля Альберта. В некоторых разночтениях явственна рука автора — с тенденцией улучшить стиль. Например, в изд. 1864 г.: в угол леса, в перепечатках: на угол леса; 1864 г.: на красных каблучках кавалер, в перепечатках: каблуках; 1864 г.: елками вроде зонтиков, в перепечатках: в виде зонтиков; 1864 г.: В следующее утро, в перепечатке: Все следующее утро. Из приведенных примеров видно, что исправления незначительны; более ярких примеров нет. Только в одном случае разночтение имеет не стилистический, а идеологический характер. В главе XXII, при описании ночного Петербурга, изображена «девица в измятом шелковом платье без рукавчиков, с жемчужной сеткой на волосах и с папироской во рту». «Она благоговейно читала книгу: это был том сочинений одного из новейших наших

Ювеналов». Явственна здесь ирония в отношении к «эмансипированной девице с папироской во рту»; насмешливо, хотя и глухо, упоминание о «нашем Ювенале», — очевидно, из радикального лагеря. Стрела попала в цель, и М. А. Антонович в «Современнике», поиронизировав над тенденциозным изображением девицы, писал: «Наконец — и это особенно любопытно — кто этот Ювенал, кто-нибудь из современных романистов, принадлежащих к типу г. Писемского и самого г. Тургенева или это какой-нибудь враг их, данный в руки измятой девице собственно для его избиения?» И вот Тургенев, желая смягчить текст, выбрасывает в перепечатках словечко «наш», и фраза получает более уклончивый смысл: «одного из новейших Ювеналов» (разуметь, стало быть, можно и иностранных).

В остальном текст прижизненных пяти изданий остался неизменным — и в стиле, и в образах, и в композиции, и в идейности, и в лиризме.

Впрочем, есть одна крупная разница. Но и она, как раз, подтверждает, что внутренно Тургенев ценил «Призраки» гораздо выше, чем говорил. Именно, приведенное выше извинительное предисловие, которое так обесценивало идейное и символическое значение «фантазии», было снято автором и с 1865 года в перепечатках уже не появлялось.

VI.

Изданием 1865 года замыкается текстуальная и творческая история «Призраков».

Но они имели свою Nachgeschichte, — тоже трудную и странную.

Вскоре по выходе книжки «Эпохи» с «Призраками», в «Библиотеке для Чтения» (1864, IV) появилась критическая статья Е. Н. Эдельсона. Критик-почвенник, враждебный нигилистам из «Современника», Эдельсон в споре вокруг «Отцов и Детей» принимал сторону Тургенева и в этой статье изъявляет ему полное идейное сочувствие. И «Призраки» ему очень понравились, и он тепло говорит об «обаянии мастерской кисти Тургенева». Этот отзыв был самым благоприятным, какой только Тургенев мог прочесть. Но и Эдельсон не всем доволен. Он отмечает «какую-то больную фантазию» в пьесе и журит поэта за безотрадный, тяжелый пессимизм. Отзыв Антоновича («Современник» 1864, IV) я уже упоминал; он не очень резок (опасения Тургенева не оправдались), но сух и ироничен; доставить удовлетворение поэту он, конечно, не мог. В том же ироническом тоне излагает содержание «Призраков» анонимный рецензент «Книжного Вестника» (1864, № 8, стр. 161—162). Любопытны первые строки этой (доселе безвестной) рецензии: «О новой повести г. Тургенева ходили слухи задолго до ее появления; наконец, слухи эти подтвердились и об ней было заявлено публично в объявлении о новом журнале «Эпоха», который заменил собой прекратившееся «Время». «Призраки» действительно появились в первом нумере этого нового журнала. Публика с жадностью бросилась на любимое имя, и в кабинетах для чтения 1-й нумер «Эпохи» требовался с неотступною яростью. Но судя по общему

впечатлению, публика осталась далеко не удовлетворена новой повестью г. Тургенева; привыкши находить в произведениях этого писателя более или менее верный отзыв на самые выдающиеся стороны общественной жизни, читатели и в новом его произведении искали того же общественного значения, но их ожидания на этот раз не сбылись». Иронически (близко к Антоновичу и с таким же допросом о «нашем Ювенале») изложив содержание пьесы, рецензент заключает: «будем ждать от г. Тургенева что-нибудь позначительнее и богаче содержанием». Сатирические журналы тоже отозвались на «Призраки». В «Будильнике» (1865, № 58) Д. Д. Минаев задел Тургенева в драматической шутке «Фауст на Неве». Мефистофель спрашивает Фауста: читал ли он «Призраки»? Тот отвечает: «Может быть. Читал я много чепухи». Потом оба совершают полет над загородными гуляньями на манер «Призраков»; Фауст засыпает от скуки... Злее пародия Владимира Монументова (В. П. Буренина) в «Искре» (1864, № 13, 17 апреля). Описывается полет автора с девицею из Пассажа на Невском — над Петербургом и Москвой. Девица, оказавшаяся Ерундою, сообщает спутнику:

Еще не так давно мы сряду, ночи три
С Тургеневым носились до зари
По разным сторонам...
...Те ночи он провел, мой друг, со мной самой...

(Ср. М. М. Клевенский. Тургенев в каррикатурах и пародиях. «Голос Минувшего» 1918, 1—II; ст. Ч. Ветринского в сборн. «Творчество Тургенева», стр. 154—155).

Такие отзывы, разумеется, не могли доставить удовольствия Тургеневу; но в ту эпоху «полемических бурь» культивировался чрезвычайно резкий, грубый, хлестский стиль в литературных спорах, и в сравнении с тем, что писал, напр., Достоевский о Салтыкове и Салтыков о Достоевском, что писали о Тургеневе Герцен и Огарев в «Колоколе», — отзывы Антоновича, Минаева, Буренина, «Книжного Вестника» кажутся очень кроткими. И хотя Тургенев сам видел, что в 1864 году «Призраки» успеха не имели, он все же мог спокойно включить их в следующем году в Собрание своих сочинений.

Но поэта ждал жестокий удар.

Мы помним отзыв о «Призраках» в письме Достоевского, недавно ставшем достоянием печати. Это был самый содержательный, самый проницательный и глубокий из всех отзывов 1864 года. Достоевский приветствовал решение взять фантастический сюжет. Он пренебрежительно отбрасывал ожидаемые упреки узких утилитаристов. Он защищал права свободы художественной фантазии. Наконец, он чутко воспринял и сильно формулировал основной пафос и символику «Призраков» — «тоску современного человека».

Во всех этих высказываниях Достоевский был искренним. Но было в его письме и нечто недосказанное, затаенное. Как редактор нового журнала, он дорожил напечатанием в дебютном номере произведения уже нашумевшего

до печати и принадлежавшего автору «Отцов и Детей». Одобрить и склонить Тургенева к публикации «Призраков» было прямой необходимостью в таких условиях, так как Тургенев, как мы знаем, очень колебался, не взять ли рукопись обратно. Затем, при установившихся личных дружеских отношениях, самому автору в лицо, было трудно сказать всё, что думалось. В письме много комплиментов: сообщение о каком-то утилитаристе-нигилисте, который сказал, что от повести «оторваться нельзя», утверждения, что «Призраки похожи на музыку», что «форма Призраков превосходна», что «тон хорош, тон какой то нежной грусти»...

Но в этой напряженности похвал чуткое ухо могло бы уловить уклончивость, подозрительную округленность. И наряду с похвалами Достоевский осторожно, как бы вскользь, отмечает недостатки — весьма существенные. Замысел навязать в спутницы героя, Эллис, черты сказочного упыря, пьющего человеческую кровь, и этим объяснить ее появление, — кажется Достоевскому неудачным: «не надо такого объяснения», «слишком много реального». Тургеневу, боявшемуся, что он слишком смело отрывается от утилитарного реализма, Достоевский решается сказать: «Призраки не совсем вполне фантастичны. Еще бы больше надо. Тогда бы смелости больше было». Один из самых дерзновенных писателей мира, фантаст по всему душевному и художественному складу, Достоевский знал, что такое фантастика и смелость мысли и воображения. И замечательное совпадение: в той же самой книжке «Эпохи», где напечатаны «Призраки», напечатаны и «Записки из подполья», и здесь затронуты те же вопросы, что и в «Призраках», — о цивилизации, истории, судьбах человечества. Упоминаются и Наполеон — «и великий, и теперешний», и Стенька Разин. И многое здесь сказано острее и глубже, чем в «Призраках».

Все это было ясно Достоевскому в 1864 году не меньше, чем историку литературы в 1923,—но должно было остаться затаенным и невысказанным.

Не навсегда, однако. В 1867 году произошла ссора Достоевского с Тургеневым, — не ссора, а стихийное столкновение двух мощных личностей, совершенно разнородных натур, двух враждебных и непримиримых мировоззрений, — вспышка горючих материалов, копившихся годами, десятилетиями. В зареве злой, мстительной страсти, охватившей Достоевского, многое для него в Тургеневе осветилось ярче, многое напряженно передумалось вновь. Вражда не остывала, и через три с половиной года итоги злых размышлений сказались в романе «Бесы» («Русский Вестник» 1871 г., с первой книжки), в образе писателя Кармазинова. Здесь откровенно воспроизведены и внешность Тургенева — костюм, наружность, жесты, голос и т. д., — и многие черты характера, и положение в русском обществе. Больше того: в пересказах произведений Кармазинова (особенно — «Merci») Достоевский явно пародировал произведения Тургенева и читатели сразу могли указать— какие: «Призраки», «Довольно», «Казнь Тропмана», «Пожар на море». Отдавшись злому увлечению, Достоевский развернул в своем памфлете всю остроту наблюдательности и психологического проникновения, всю едкость

сарказма, замечательное мастерство пародии. Впервые и единственный раз в русской литературе известный, любимый писатель, часто выступавший публично, знакомый лично сотням читателей, изученный в его произведениях, при жизни становился предметом изображения и изобличения под пером другого, гениального писателя - современника. И всё, что только осведомленность, проницательность и озлобленность Достоевского могли собрать смешного, фальшивого, жалкого в Тургеневе, было выставлено на всенародные очи в романе, привлекшем всеобщее внимание политической темой, напечатанном в распространенном журнале и вслед затем повторенном в отдельном издании (1873).

Узнать Тургенева в Кармазинове было нетрудно, и к Ивану Сергеевичу в Лондон, потом в Париж, вскоре посылались сочувственные письма ближайших приятелей. Легко себе представить, как тяжело должен был пережить Тургенев удар, нанесенный Достоевским. И наверно всего больнее было уязвлено его литературное самолюбие. С замечательным мастерством Достоевский схватил многие слабости писательской манеры Тургенева: изысканность тем, сентиментальность тона и любовных эпизодов, смакование пейзажа, щегольство начитанностью и т. д. Не буду останавливаться на подробностях пародии; они отлично изучены и изложены в книжке Ю. А. Никольского: Тургенев и Достоевский. История одной вражды. (София, 1921). Но замечательно, что отправным пунктом для такого персифляжа Достоевскому послужили «Призраки». Чувствуется, что эта «фантазия» чем-то сразу неприятно поразила Достоевского; впечатление потом удвоилось от однородного с «Призраками» и смежного по времени произведения: «Довольно», и отсюда пошел подбор материалов для пародии.

Так понял дело и сам Тургенев. В ответах на письма о памфлете Достоевского он был сдержан: не хотел выдавать своих настроений. Но в письме к М. А. Милютиной-Стиль от 3 декабря 1872 года, из Парижа, Иван Сергеевич высказался откровеннее, чем обычно: «Любезнейшая Мария Аггеевна, искренно благодарю вас за дружелюбное чувство, внушившее вам ваше письмо. Поступок Ф. Достоевского не удивил меня нисколько; он возненавидел меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничем не заслужил этой ненависти. Но беспричинные страсти, говорят, самые сильные и продолжительные... Д—ский позволил себе нечто худшее, чем пародию, он представил меня под именем К. [Кармазинова], тайно сочувствующим Нечаевской партии. Странно только то, что он выбрал для пародии единственную повесть, помещенную мною в издаваемом некогда им журнале, повесть, за которую он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами. Эти письма сохраняются у меня. Вот было бы забавно напечатать их! Но он знает, что я этого не сделаю. Мне остается сожалеть, что он употребляет свой несомненный талант на удовлетворение таких нехороших чувств; видно он мало ценит его, коли унижает до памфлета».

Позднее Тургенев начал примиряться с Достоевским, вступал с ним в литературные сношения (см., напр., его письмо к Достоевскому от 28 марта - 9 апреля 1877 г., с рекомендацией Э. Дюрана). Пушкинское торжество 1880 года как будто совсем сблизило их. Рана начала затягиваться. Но, конечно, время от времени больно давала себя чувствовать.

VII.

Я изложил историю «Призраков», насколько она сберегласъ в документах. Кое-какие подробности и мелочи не включены мною в рассказ, — некоторые беглые упоминания в письмах Тургенева (напр., к Щербаню), дублировавшие сообщения, уже известные нам из других писем, упоминания в письмах Достоевского к брату Михаилу или еще — сведения о переводах «Призраков» на французский язык (Л. Виардо, с помощью Тургенева) и немецкий (Боденштедта, тоже при содействии поэта), начатых немедленно по выходе «Призраков» в свет на русском. Некоторых данных — и прежде всего автографов — не имеется в нашем распоряжении. Впрочем, и за всем тем материалов собралось довольно.

Следует подвести им итоги.

Созидание «Призраков» затянулось на девять почти лет. Для такой маленькой пьесы и для Тургенева это необычайно долго. Основной корпус «Рудина» был создан в семь недель, «Накануне» сложилось в четыре месяца, «Первая любовь» — в два месяца. Работы над «Призраками» протекали неровно, с натугой. Вначале поэту казалось, что возникший замысел быстро осуществится, и он готов был обещать Каткову рукопись в самый краткий срок. Но потом с творческой фантазией что-то случилось, и работа над «Призраками» пресеклась. Ни собственные напряжения, ни настояния редакторов, ни даже крупные столкновения не смогли сдвинуть работу с мертвой точки. В 1856 году, когда определилась мысль о «Призраках», напечатан был «Фауст», в 1857 г. — «Чужой хлеб» и «Поездка в Полесье», в 1858 г. — «Ася», в 1859 г. — «Дворянское гнездо», в 1860 г. — «Накануне» и «Первая любовь», в 1862 г. — «Отцы и Дети». А «Призраки» все не могли родиться. После глубокой паузы в четыре года Тургенев в начале 1862 г. «начал было другую вещь — и вдруг схватился за эту и работал несколько дней с увлечением». «Осталось дописать всего несколько страниц», — но опять что-то случилось, и работа снова замерла. Только через год, уже в 1863 г., она возобновилась, и в течение первого полугодия «Призраки» наконец были окончены вчерне и переписаны набело. Медлительность и перерывы в работе создали крайне неприятный для Тургенева эпизод газетной полемики с Катковым в 1857 году. Изжив эту неприятность, Тургенев испытал другую — мучительные колебания: печатать или не печатать пьесу. Подобные колебания сопровождали, кажется, каждую из пьес Тургенева. Ведь, даже свое лучшее произведение, роман «Отцы и Дети», Тургенев готов был «бросить в огонь»; так, по крайней мере, он писал гр. Е. Е. Лам-

берт (письмо от 3—14 марта 1862 г.). Но в отношении «Призраков» мнительность и колебания проявились в чрезвычайной мере. Тургенев остался навсегда чем-то глубоко недоволен в «Призраках», и это сказалось и на извещениях в письмах к приятелям, и в «извинительном предисловии». Сказалась здесь ярко и особая черта психологии Тургенева: неуверенность в себе и зависимость от чужого мнения. Иван Сергеевич постоянно прислушивался к толкам вокруг него, выспрашивал мнения у приятелей — близких и случайных, следовал указаниям и выдающихся писателей, и еле знакомых дам. И вопрошаемые бесцеремонно пользовались приглашением и давали иной раз советы прямо невероятные, напр., — сжечь рукопись «Отцов и Детей». Не было недостатка в подобных советах и относительно «Призраков». В колебаниях Тургенева сказалась и боязнь разойтись с журналистами, с обществом, с молодежью. В результате возникло «извинительное предисловие», которое только запутывало читателя, скрадывая основные задания пьесы. Впрочем, долю внутренней устойчивости Тургенев сохранил и здесь, и раз напечатав пьесу, он не захотел ее вновь переделывать, несмотря на возражения в печати.

Душой пьесы были пессимистические мысли о жизни и смерти, любимые мысли Тургенева, лейтмотивом проходящие через всё его творчество. Тургенев не создал целостной поэтической монографии «мировой скорби», но «Призраки» являются одним из крупных проявлений образно-философского мышления Тургенева. Едва ли в выяснении самих мыслей у поэта были большие колебания: так он мыслил смолоду и до конца дней. Но поэтическое оформление идеологического материала было трудным. Внешняя фабула оказалась искусственной и не удовлетворила и самого автора. Композиционная нестройность, асиметричность сказалась и в «Довольно», и только в «Стихотворениях в прозе» была наконец найдена форма, адэкватная содержанию.

Литературная судьба «Призраков», начавшись острым столкновением Тургенева с Катковым, затем провела поэта через тягостные оскорбления Достоевского. Памфлетом в «Бесах» так необычайно завершилась история «Призраков» — длинная, трудная и странная.

Н. Пиксанов.

22. VI. 1923.

ПРОЗА «ЗАПИСОК ОХОТНИКА».

(Несколько наблюдений над языком Тургенева).

Уже современники Тургенева, зачитываясь «Записками Охотника», чувствовали своеобразную прелесть их языка, восхищались строением речи рассказчика-охотника и в один голос называли этот язык музыкальным, пленялись мелодичностью речи «Записок». Для Гончарова Тургенев в этой книге прежде всего певец, творец «з в у к о в в их блистательном совершенстве»; «Л и р а и м у з а — в о т в а ш и н с т р у м е н т» — писал он Тургеневу в 1859 году, имея в виду особенно Илиаду Тургенева, его «Записки» [1]). «Тургенев в о с п е л... в «Записках Охотника» русскую природу и деревенский быт, как никто» — читаем мы в другом письме Гончарова [2]). «Да, Т у р г. — т р у б а д у р (пожалуй, первый) странствующий с ружьем, и л и р о й по селам, полям, п о ю щ и й природу сельскую, любовь — в п е с н я х» — восхищенно писал в 1870 году тот же Гончаров гр. С. А. Толстой по поводу «Степного Короля Лира», ценя этот рассказ за то, что он по манере письма принадлежит «Запискам Охотника», в которых Тургенев, по признанию автора «Обломова», «настоящий художник, творец» [3]).Елизавета Шахова, в которой видели прототип Лизы Калитиной, будучи монахиней читала с воспитанницами Виленского Мариинского училища «Записки Охотника». Вот что́ запомнилось ей в этих чтениях, что́ бросилось в глаза в восприятии тургеневского текста ее слушательницами: «п е в у ч а я п р о з а автора «Записок Охотника» воспринималась ими живо, как музыка, воодушевляющая, и заучивающаяся по страницам: особенно «Бежин Луг» повторялся наперерыв восхищенными воспитанницами» [4]). Эта музыкальная стихия звучала для многих читателей Тургенева в его писаниях по преимуществу. Аполлон Григорьев сохранил меткую характеристику Л. Толстого, контрастно обрисовывающую характерную особенность писательской личности Тургенева: 4 янв. 1858 г. он писал Фету — «Толстой, вглядываясь в натуру Тургенева сквозь его произведения, поставил себе задачей даже с некоторым насилием г н а т ь музыкально-неуловимое в жизни, нравственном мире, художестве» [5]).

---

[1]) И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизд. материалам Пушкинского Дома. С предислов. и примечаниями Б. М. Энгельгардта. Петербург. 1923 г., стр. 31, 32.

[2]) «Наша Старина» 1916 г., сент.-октябрь, стр. 689.

[3]) И. А. Гончаров и И. С. Тургенев, стр. 89.

[4]) «Русск. Старина» 1913 г., январь, стр. 166.

[5]) А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Влад. Княжнина. Издание Пушкинского Дома при Академии Наук. Петроград. 1917 г., стр. 205.

«Проза Тургенева звучала, как музыка, как глубокая музыка Бетховена», — читаем мы в записках князя-москвича, передающего впечатления свои и людей своего поколения [1]). «Любовь к музыке речи дал людям нашего поколения Тургенев», — пишет в своих воспоминаниях о нем Л. Ф. Нелидова, начавшая свою литературную деятельность еще при его жизни [2]). Для Н. К. Михайловского Тургенев был «музыкальным талантом»; в понимании М. Г. Савиной, «прежде всего, Тургенев — музыка в литературе» [3])...

Все эти голоса определяют творчество Тургенева как нечто звучащее, действующее на слух, близкое к музыке. «Записки Охотника» не только не были исключением из звучавшей современникам тургеневской прозы, но многими выделялись из его произведений как сборник песен, как творение трубадура. Быть может, с наступлением тех общественных отношений, когда социальное значение «Записок Охотника» перестанет быть суггестивным, когда тема — барин и мужик — станет далеким и малопонятным воспоминанием о прошлом, только и останется в этой книге яркая изобразительная сила характеристик природы и душевных настроений персонажей, да музыка тургеневского слова, мелодичное ласкание слуха. Не касаясь здесь изобразительных средств языка «Записок Охотника» [4]) и не имея в виду обследовать тургеневскую речь этой книги в детальном анализе, я намерен предложить несколько наблюдений над языком Тургенева, автора «Записок», с той стороны, которая поражала читателей, чувствовавших особую гармонию этого языка, его музыкальную мелодичность.

Проза «Записок Охотника» временами прорывается ритмическим строением, почти стихотворным, а иногда течет свободным стихом то отдельной строчкой, то целыми кусками-строфами. Эта ритмика, близкая к стихотворной речи, действовала на слух, как музыка; она привносила особый лад, упорядочивала прозаизмы, заставляла невольно скандировать. Эта особенность гармонизации языка «Записок» встречается в описаниях природы и в характеристиках персонажей. Можно найти все канонические размеры стихотворной метрики, которыми автор свободно пользуется, вплетая их в свою «прозу». Изображая Хоря, Тургенев говорит: «склад его лица напоминал Сократа» Эта строка — чистый хорей (⊥∪⊥∪⊥∪⊥∪⊥∪) или два первых пеана + два хорея (⊥∪∪∪⊥∪∪∪⊥∪⊥∪). Почти дактилическая строка в следующей характеристике Хоря: лысый, низкого роста, плечистый и плотный сам Хорь (⊥∪⊥∪∪⊥∪∪⊥∪∪⊥). Амфибрахием звучит строка: сочилась вода сквозь засовы плотины (∪⊥∪∪⊥∪∪⊥∪∪⊥∪). Ямб и анапест отчетливо слышны в рядом стоящих фразах:

Вдали стеной стоит дубовый лес ∪⊥∪⊥∪⊥∪⊥∪⊥
И блестит и алеет на солнце. ∪∪⊥∪∪⊥∪∪⊥∪

[1]) «Русск. Архив», 1903 г. III, стр. 639.
[2]) «Вестник Европы» 1909 г., сент., стр. 208.
[3]) Тургенев и Савина. Издание Госуд. театров. 1918 г. Петроград, стр. 25.
[4]) Об этом я говорю в этюде «Рассказчик «Записок Охотника».

Голос Маши — «ее голос звенел и дрожал»; голос Лукерьи «сиплый, как шелест болотной осоки» разнствуют в своем звучании — читатель невольно поддается особому метрическому ладу при чтении подобных строк. Этот ритмический узор бывает и более сложен: то два предложения звучат стихотворно

Взор ее так и мелькал ⏑–⏑–⏑–
Словно змеиное жало ⏑–⏑–⏑–⏑

то целый ряд предложений выстраивается в мерно звучащие строки (особенно в очерке «Лес и степь»):

Светлеет воздух, ⏑–⏑–⏑
Видней дорога, ⏑–⏑–⏑
Яснеет небо, ⏑–⏑–⏑
Белеют тучки, ⏑–⏑–⏑
Зеленеют поля. ⏑⏑–⏑⏑–
В избах красным огнем ⏑⏑–⏑⏑–
Горят лучины. ⏑–⏑–⏑

то прозаический ритм вдруг прерывается подлинным четверостишием:

Как вольно дышит грудь, ⏑–⏑–⏑–
Как быстро движутся члены, ⏑–⏑–⏑⏑–⏑
Как крепнет весь человек, ⏑–⏑–⏑⏑–⏑
Охваченный свежим дыханьем весны!.. ⏑–⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑–

Здесь лирическое волнение охватило автора ранним утром, когда ему, как только хлынули потоки солнца, стало «свежо, весело, любо!» Но и воспоминания об улетевшей юности, ее друзьях подымают настроение — и тогда повествование прерывается также мерной речью, проникающей в характеристику героя повести. Так, в рассказе «Смерть», описывая Авенира Сорокоумова, «прекраснейшего, благороднейшего человека», автор среди обычного прозаического речеведения то и дело под влиянием лирической эмоции начинает говорить скандированной прозой:

Вижу снова... твой восторженный взгляд;
Твои длинные члены;
слышу твой слабый, ласковый голос.
Притом же ты и фигурой не брал;
робел, краснел, потел, заикался...

В очерке «Лес и степь» целые страницы полны кусками, словно выхваченными из той поэмы, преданной сожжению, из которой взят эпиграф к нему.

Когда читаешь этот эпиграф, помеченный стихотворными строками, и «прозаические» главы самого очерка, то нередко не видишь разницы в метрическом звучании (см., напр. 398—399 стр. «нивского» издания). Этот широкий ритмический разлив тургеневской прозы насильственно опрозаичивается всевозможными привесками таких речений, как «словно»,

и других дополнительных слов, своею тяжестью обрастающих музыкальный текст «Записок». В рассказе «Певцы» описание пенья Якова, высвобожденное от обязательной прозаичности, течет тонально как вольный стих. Вот отдельные строки, вкрапленные в знаменитые страницы, словно поющие вместе с певцом Яковом:

Он глубоко вздохнул и запел...
Первый звук его голоса был
слаб и неровен.
И, понемногу разгорячаясь и расширяясь,
полилась заунывная песня.
(Голос) был слегка разбит и звенел...
Но в нем была
и глубокая страсть,
и сила, и сладость,
и грустная скорбь.
Песнь росла, разливалась...
Он пел, и от каждого звука
веяло чем-то родным,
необозримо широким,
словно знакомая степь раскрывалась пред вами,
уходя в бесконечную даль...
Он раскрыл глаза, удивленный нашим молчаньем,
вопрошающим взором обвел всех кругом,
увидал, что победа его...

Тем же ритмическим ладом звучит рассказ Лукерьи о своей беде; он должен быть отмечен как отрывок, типичный для прозы «Записок».

Лукерья — дело было весною — вышла на крыльцо послушать соловья.

И вдруг мне почудилось:
зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: Луша!..
Оступилась, да о землю хлоп...
Стала я сохнуть, чахнуть;
трудно мне стало ходить;
ни стоять, ни сидеть не могу;
все бы лежала...
Все хуже да хуже.
Что́ за болезнь у меня за такая.

Ритмическое речеведение иногда поддерживается в прозе Тургенева рифмованным построением, одной из особенностей стихотворного языка. Среди «нормально» текущей прозы, т.-е. неупорядоченного какой-либо мерой словесного распорядка, эти рифмы своим правильным, волнообразным ударением заставляют задерживать голос, сообщая однообразным

чередованиям промежутков времени, требуемых на произнесение подобных словосочетаний, певучее звучание, близкое к музыкальным тактам. «Я си*дел* и гля*дел*»; «Степушка *обитал*, *витал* на огороде»; «нигде не тем*неет*, не гус*теет* гроза»; «все запе*ло*, зашуме*ло*»; «небо свет*лело*, холо*дело*, си*нело*»; Недопюскин «не дое*дал*, не досы*пал*... хлопо*тал*, уны*вал*, дро*жал*»; Чертопханов «заки*пел*, зашу*мел*»; звук «зве*нящий*, почти сте*нящий*»; овраг «раз*рытый* и раз*мытый*»; Лукерья «хохо*тунья*, пля*сунья*, пе*вунья*», — все эти примеры обнаруживают несомненное присутствие в прозаическом языке «Записок» рифменного звукоряда. Иногда рифма бывает так глубоко скрыта и поставлена в таком сложном сочетании, что зрительно не скоро обнаруживается, но для слуха это явление и в скрытом виде являлось мелодичным, напевным. Николай Иванович, целовальник, «уже поседевший *мужчина* с заплывшим *лицом*, хитро-добродушными глазками и жирным *лбом*, перетянутым *морщинами*» — в этом примере даны внутренняя рифма *лицом—лбом* и рифменное сочетание *мужчина—морщинами*. Помимо внутренней рифмы такое предложение, как — Чертопханов гарцует «*удивляя* всех *красотой* и *быстротой* своего коня и близко никого к себе не *подпуская*», это предложено любопытно по своему построению тем, что начало и конец его связаны рифменным звучанием.

Музыкально инструментованы в прозе «Записок» сочетания звуков — согласных и гласных. Страницы книги Тургенева полны простейших и сложных видов евфонического типа, дают благодарный материал для изучения аллитераций и ассонансов, вообще того явления, которое называется звукописью речи. Тургенев любил звуковые повторы и словно радовался возможности строить язык «Записок» из обилия музыкальных элементов, содержащихся в русском говоре. Излишне говорить, что временами эта звукопись носила чисто эстетическое значение, иногда служебное, т.-е. преследовала задачу оформить звуками соответственное смысловое содержание. Так, если в словосочетании — «золотисто-желтый луч ворвется вдруг, застроится длинным потоком, ударит по полям, упрется в рощу, и вот опять все заволоклось» — если в этом примере можно установить только музыкально приятное сочетание плавных *л* и *р* с *л* замыкающим все сложное предложение (в начале и в конце), то в других случаях подбор звуков усиливал слуховое внимание в соответствии с смыслом текста. Для передачи впечатления от тех странных звуков, что иногда возникают ночью, Тургенев мастерски использовал открытое *а*, проведя его в ударных слогах по всему тексту: «Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся как бы замирая». Сгрудив в большую массу шипящие и свистящие и отбросив их в конце фразы, автор удачно заставил звучать речь в полном согласии с содержанием нарисованной им картины: «Вы едете по зеленой, испещренной тенями дорожке; большие желтые мухи неподвижно висят в золотистом воздухе и вдруг отлетают». Тот же

прием в характеристике жены помещика Зверкова — «слезливая и злая — дюжинное и тяжелое созданье». Звукоподражательная система речеведения отчетливо видна в построении след. предложений: 1) «лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы» (ззнснннссн); 2) «слышится... шопот ночи, деревья слабо шумят» (шшчш); 3) «ветер промчался, воздух дрогнул кругом; уже не гром ли?» (ррггкргр); 4) «кругом кричат коростели» (кркркр); 5) «переливчатый крик иволги» (ливривл); 6) «добродушный дупель» (дуду); 7) «сороки перелетают с ракиты на ракиту»; 8) «маленькие кулички песочники со свистом перелетывают вдоль каменистых берегов, испещренных холодными и светлыми ключами» (аллитерация на ис, ист); 9) слабый шипящий свист промчался по реке» (сшщ ссчс); 10) «пестрые дятлы крепко стучали по толстой коре» (скопление глухих п, т, к с дактилическим ходом ритма фразы); 11) «трескучий и короткий удар грома разразился». Звуковые повторы иногда резко звучат, невольно подчеркивая нужный автору эффект: «березы стояли все белые, без блеску, белые» — в этой фразе сочетание бел проходит лейтмотивом. Гармонично звучат ударные гласные ееоеееу в предложении: «ветра нет и нет ни солнца, ни света ни тени ни движенья ни шума». На том же принципе построены такие сочетания: «прозвенел звонкий голос пеночки»; «роща сверкала мелким сверканьем»; «трава блестит веселым блеском»; «жидким блеском блестевшие глаза»; «все кругом блестело сильным двойным блеском, блеском молодых утренних лучей и вечернего ливня».

Автор «Записок Охотника», охваченный звуковой стихией, выбирал из нее те интонационные единицы, в которых слышал необходимый ему текст. Что может быть удачнее в музыкальном отношении этого нагромождения глаголов с ударениями на последнем слоге, сообщающего речи динамические толчки, при описании внезапного появления Чертопханова, его порывистых, резких, быстрых движений и такого же внезапного его исчезновения?

Чертопханов *закипел, зашипел, соскочил, осмотрел, поплевал, пихнул, вдел, попал, завертел, затрубил, поскакал.*

Совсем иной темп — замедленный — придан описанию друга Чертопханова: слова с неударяемыми окончаниями преимущественно наполняют описание Недопюскина — (существо) *чувствительное, ленивое, мягкое, восприимчивое.*

Так играл темпами родной речи великий трубадур, зарисовывая пейзажи и персонажи близкого ему мира. Вводя в свою прозу рифмы, стихотворные строки и строфы, педалируя на звуковых повторах, Тургенев привносил мелодическую напевность в страницы «Записок», придавая им своеобразную ритмичность, музыкально звучавшую для слуха читателей-современников и их потомков. У каждого из наших классиков печатный текст не только видим, но и слышим особыми метрическими тактами; их речь полна звучания, которое рано или поздно будет изучено в чертах, отличающих Толстого от Достоевского, Гончарова от Тургенева. Но среди прозаиков-

мастеров нашего художественного слова — нет писателя, более насыщенного лирикой музыки, чем Тургенев, нет такого исключительного звучания речи, как у творца «Senilia». Страстный музыкант, сам немного игравший и сочинявший музыкальные пьесы, по наследству от матери воспринявший чутье музыкальной речи, воспитавший свой слух на музыкальном тексте европейской романтической словесности, участник русской романтической школы, культивировавшей напевность речи (вспомним Марлинского, Гоголя), начавший свою деятельность с писания стихов, любивший скандировать Пушкина и Гете, поклонник и знаток античных поэтов, «музыкальный» критик современных русских лириков (Фета и Полонского), — Тургенев перенес в раннюю свою прозу особенности стихосложения, музыкальной гармонизации, выделяющие его язык среди произведений нашей литературы 40—60-х годов. Автору «Записок Охотника» не приходилось ломать себя, подражая кому-либо из своих учителей: он слышал в слове звучность и мелодичность, как естественную форму речи, будучи сам музыкальной натурой, в недрах своего *я* находя родник мелодии.

Н. Л. Бродский.

ОТДЕЛ III.

ОТДЕЛ III.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К ДЕКАБРИСТУ Н. И. ТУРГЕНЕВУ И ЕГО СЕМЬЕ С 1858 ПО 1883 Г.

I.

ИСТОРИЯ НАХОДКИ ПИСЕМ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА.

Во время моих розысков, начиная с 1904 по 1913 год включительно, в Париже в доме Петра Николаевича Тургенева и на его вилле «Vert Bois» [1]) документов «Архива братьев Тургеневых» [2]) мне попадались сначала изредка, а потом все чаще и чаще письма и записки Ивана Сергеевича Тургенева, обращенные как к Николаю Ивановичу Тургеневу, так и ко всем членам его семьи: жене — Кларе, дочери — Фанни-Александре и двум сыновьям — Альберту и Петру [3]).

На мои неоднократные вопросы владельцу архива — младшему сыну декабриста Николая Ивановича — Петру Николаевичу, — нет ли более или менее значительного собрания писем Ивана Сергеевича в его громадном архиве — я получал постоянно один и тот же ответ: «есть несколько мало-интересных писем и записок ничего серьезного и важного; наши отношения с Иваном Сергеевичем были, главным образом, личные и переписка не играла в них большой роли».

Поэтому мне пришлось самому при собирании «Архива братьев Тургеневых» сосредоточить все свое внимание на специальном подборе документов, относящихся к Ивану Сергеевичу.

До 1913 года этих документов оказалось, по сравнению с массой материалов, касающихся других исторических лиц, действительно, не очень много — а именно: 1) 99 документов (писем, записок и др.), написанных собственноручно Иваном Сергеевичем, и 2) пока еще не определенное количество материалов, имеющих то или иное отношение к Ивану Сергеевичу: заметок и отзывов о нем в дневниках Николая Ивановича, Фанни-Александры, в письмах различных лиц и в других материалах.

---

[1]) См. об этом подробнее в моем очерке: «Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке», Спб., 1913 г. в приложении к отчету Академии Наук и отдельным выпуском.

[2]) Архив Петра Николаевича Тургенева заключает в себе свыше 50.000 листов рукописей: во-первых, семьи Тургеневых Симбирских и, главным образом, бумаг директора Московского Университета масона Ивана Петровича Тургенева и его четырех сыновей: Андрея, Александра (историка), Николая (декабриста) и Сергея и некоторых их родственников; во-вторых, друзей двух поколений этой семьи: Жуковского, Пушкина, Карамзина и многих других и в-третьих, лиц, с которыми эта семья Тургеневых, так или иначе, соприкасалась.

Издание этого архива Академией Наук носит название «Архив братьев Тургеневых».

[3]) См. ниже краткие сведения обо всех членах семьи Николая Ивановича.

Первую из этих групп материалов я получил от Петра Николаевича в личное мое распоряжение.

Издаваемые теперь письма Ивана Сергеевича были найдены мной на протяжении почти десяти лет моих работ в Париже и в «Vert-Bois» — и притом в различных местах хранения: в меньшем количестве вместе с другими документами «Архива братьев Тургеневых», а большею частью в самых разнообразных и часто совершенно неожиданных местах.

Приходилось находить их и в различных бюро, письменных столах и шифоньерах Николая Ивановича и его жены, находились они в ящиках и картонах, в которых хранились визитные карточки и различные мелкие записки, приходилось наталкиваться на письма Ивана Сергеевича и на чердаке, в чуланах под крышей в парижском доме Петра Николаевича и в ванной комнате и в скульптурной мастерской его в «Vert-Bois».

Упоминаю об этих подробностях, потому, что часто, благодаря месту хранения или нахождения того или другого документа вместе с другими — датированными материалами, например, в одной связке или картоне с визитными карточками за известный год, благодаря этому, удавалось определить время написания письма Иваном Сергеевичем или его получения семьей Тургеневых.

Таким образом, это собрание писем Ивана Сергеевича, несмотря на далеко неблагоприятные условия их нахождения, заключает в себе недатированных документов сравнительно мало — явление весьма редкое в подобных случаях.

II.

СОСТАВ ЭТОГО СОБРАНИЯ.

Предлагаемое вниманию, главным образом, исследователей, а затем читателей — поклонников Ивана Сергеевича, собрание его писем распределяется по годам следующим образом.

К	1858	году	относятся	1	письмо,	из	них	Николаю	Ивановичу 1
»	1859	»	»	3	»	»	»	»	» 1
»	1860	»	»	2	»	»	»	»	» 1
»	1861	»	»	8	»	»	»	»	» 5
»	1862	»	»	4	»	»	»	»	» —
»	1863	»	»	1	»	»	»	»	» —
»	1864	»	»	1	»	»	»	»	» —
»	1865	»	»	1	»	»	»	»	» —
»	1866	»	»	1	»	»	»	»	» —
»	1867	»	»	1	»	»	»	»	» 1
»	1869	»	»	1	»	»	»	»	» 2
»	1870	»	и после»	2	»	»	»	»	» —
»	1871	»	»	1	»	»	»	»	» —

К 1872	году	относятся	6	писем.
» 1873	» до и по	»	19	»
» 1875	» и после	»	9	»
» 1876	»	»	4	»
» 1877	»	»	3	»
» 1878	»	»	3	»
» 1879	»	»	15	»
» 1880	» до и по	»	6	»
» 1882	»	»	7	»

и всего . . . 99 писем.

Писем за годы 1868, 1874 и 1881 не нашлось; думаю, что это только несчастная случайность, и будем надеяться, что время востановит этот обидный пробел.

По корреспондентам письма распределяются в следующих количествах:

Николаю Ивановичу	11	писем с	1858 по 1867 г.
Жене его Кларе	39	»	» 1859 » 1882 »
Дочери Фанни-Александре . . .	17	»	» 1862 » 1882 »
Альберту Николаевичу	28	»	» 1869 » 1882 »
Петру Николаевичу	2	»	» 1870 и 1882 »
Госпоже Моль	1	»	в 1873 г.

Все письма и записки написаны на почтовой бумаге различных форматов и цвета и притом, большею частью, с французскими инициалами или монограммами Ивана Сергеевича: «I. T.», выдавленными или напечатанными, иногда вместе с его адресом, в левом углу или посредине листа.

III.

ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО СОБРАНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ.

Распространяться о значении и ценности писем Ивана Сергеевича, как и каждого выдающегося исторического деятеля вообще, не приходится, так как и общий интерес читателя и специально научные интересы исследователей ко всем подобным фактическим документам теперь для всех вполне понятны.

Но каждое новое (вновь открытое или впервые издаваемое) собрание материалов представляет свою специальную ценность в отношении других аналогичных материалов, раньше опубликованных и ценность тем бо́льшую, чем, во-первых, меньше количественно было издано подобных документов и, во-вторых, чем больше историко-литературных данных и вообще различных

точек соприкосновения имеется налицо в новом собрании по сравнению с прежде изданными.

Прежде всего необходимо указать, что по какой-то странной, во всяком случае на первый взгляд, случайности во всем ранее изданном эпистолярном материале, так же, как и во всей биографической литературе, нет почти никаких сведений о переписке Ивана Сергеевича с Николаем Ивановичем Тургеневым и его семьей и самые ничтожные сведения вообще о взаимоотношениях этих двух Тургеневых, из которых каждый сыграл в истории России такую крупную роль.

И это забвение тем более странно, что взаимоотношения Тургеневых тянулись без перерыва на протяжении, судя только по данным этого собрания писем, во всяком случае, не менее четверти века — с 1858 по 1883 годы, т.-е. захватили вторую и большую половину сознательной и творческой жизни Ивана Сергеевича.

Уже одно последнее обстоятельство, независимо от индивидуальной ценности самих корреспондентов, указывает на значение данного собрания писем как ценного исторического материала, так или иначе способствующего освещению существенных пробелов в их биографиях.

Если принять во внимание целый ряд специальных фактов, как-то — отношение обоих Тургеневых к основному вопросу русской истории о раскрепощении русского народа, к вопросам, вытекающим из него и связанным с практической работой государственных и общественных деятелей, а также с исторической ролью русских писателей, — если отметить значение таких материалов для освещения некоторых, не вполне ясных биографических вопросов, каковым является вопрос об отношениях Ивана Сергеевича к певице Виардо, в связи с его личным «одиночеством» и преждевременной смертью — тогда, если учесть все это — ценность нового собрания писем увеличивается до значения исторического материала.

IV.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТУРГЕНЕВ.

(1789—1871 г.)

Питомец Геттингенского университета, член тайного общества, случайно избежавший суровой кары, эмигрант, оторванный от родины в пору зрелых размышлений о ее благе, Н. И. Тургенев настолько крупная и исключительная личность, что в серии книг, посвященных «жизни замечательных людей», одна из самых увлекательных и обшир-

ных по размеру книг бесспорно принадлежала бы ему. Здесь мы можем только указать, что центральным вопросом, темой всей его жизни была дума о народе, о его свободе и благоденствии. В ранних работах еще до 14 декабря и позже в классическом труде «La Russie et les Russes» (1847), в брошюре «Пора!» (1858) и др. сочинениях эта тема прежде всего и острее всего занимала Н. И. Тургенева. На чужбине только родина, только судьбы народа окрашивались у него подлинно живым, действенным тоном.

Абсолютно игнорируя свои личные интересы в отношении к родине, примирившись с положением гражданского мертвеца для своего бесконечно и страстно любимого отечества, Николай Иванович нравственно и умственно жил одной мыслью — завоеванием свободы для родного народа. Об этом говорят все его работы, научно обосновывающие этот вопрос или разъясняющие его обществу русскому или западно-европейскому, к этому сводятся все его общественные и политические интересы, поскольку они отражены в его письмах, беседах, чтении и его взаимоотношениях с другими учеными, литераторами и общественными деятелями.

Сидит ли он в Париже с его бесконечно сложной городской и политической жизнью, проводит ли время вблизи Парижа в деревенской тиши — в своей излюбленной «Зеленой Роще» («Vert Bois») — думы его одни и те же — пока пятидесятые годы, предвозвестники освобождения, не приносят иногда обманчивой надежды на близкое разрешение наболевшего вопроса.

В 1856 году, когда до Николая Ивановича дошли слухи о проектах, которые должны облегчить участь русских крестьян, он записывает в памятной книжке:

«Сегодня кн. Гагарин уведомил меня, что в день коронации будет объявлено, что все новорожденные крепостного состояния будут с сего дня свободны. Я не мог поверить такой святой новости. Она меня смутила. Я не мог собрать мыслей. После обеда я остался один в комнате, слезы потекли из глаз, я громко рыдал. Воображению моему представились новорожденные малютки, являющиеся на свет не рабами, а свободными! Дети и жена перепугались. Я изъяснил им дело...»

Можно представить себе, какое впечатление на Николая Ивановича, тогда уже 70-тилетнего старика, произвел манифест 19 февраля 1861 года.

Один из свидетелей этих впечатлений — Иван Сергеевич Тургенев сообщает:

«Нам редко случалось видеть нечто более умилительное, как Н. Тургенева, предстоящего, с бегущими по щекам слезами, в церкви парижского посольства, во время молебна за государя, в день, когда пришло известие о появлении манифеста 19 февраля».

Сам Николай Иванович, посетивший Россию через два года после освобождения крестьян, пишет своему другу:

«Поездка в Россию была для меня благополезна: я впервые увидел наших крестьян свободными и поэтому никогда не был так счастлив в России, как в этот раз» [1]).

Приведенные краткие и отрывочные данные, намечающие общий облик фигуры Николая Ивановича Тургенева, конечно, далеко не исчерпывают даже того, что можно было бы и сейчас сказать о нем, но полагаю, что их все же достаточно, чтобы определить, в какую сторону были направлены его интересы в связи с главной жизненной целью и наметились те черты его характера, ума и настроений, которые выявили его отношение к России, к народу, к работе русского ученого и русского общественного деятеля.

Большее пока не входило в нашу задачу[2]).

КЛАРА ТУРГЕНЕВА.

(1814—1891 г.)

В молодости выдающаяся красавица, Клара Виарис, дочь генерала наполеоновской армии маркиза Гаэтана Виарис, она еще во время пребывания с эмигрантом—отцом [3]) в Англии познакомилась с невольным русским эмигрантом Николаем Ивановичем Тургеневым и сразу покорила сердце последнего на всю жизнь. Но долго она не соглашалась связать свою судьбу с судьбой приговоренного к смертной казни гражданина, так легко отверженного этой мачехой-родиной, тем более, что в глубоких снегах России еще так недавно чуть не погиб отец Клары Виарис, участвовавший в наполеоновском походе в 1812 году.

После возвращения маркиза Виарис на родину, когда Николай Иванович после неустанных и энергичнейших хлопот брата Александра и Василия Андреевича Жуковского добился, наконец, более или менее гарантированного права на безопасное пребывание его во Франции [4]) — тогда Клара Виарис дала, наконец, свое согласие Николаю Ивановичу и прожила с ним, судя по всем данным, вполне счастливо их долгую совместную жизнь и пережила его на целых 20 лет. Последние годы ее жизни были омрачены слепотой, недугом особенно тяжелым для нее — как для человека высоко интеллигентного, пользовавшегося на протяжении многих десятков лет

---

[1]) Письмо Н. И. Тургенева — Ос. Ф. Рустейко 30-го декабря 1864 г.

[2]) Много драгоценного материала, освещающего личность Н. И. Тургенева, опубликовано в 1 выпуске «Архива братьев Тургеневых»: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 годы (I том). Под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. Издание Отд. русск. яз. и слов. Академии Наук. Спб. 1911. См. также работы М. Л. Вишницер в «Минувших Годах», 1908 (апрель и др.) — «Геттингенские годы Николая Ивановича Тургенева»; Е. И. Тарасова: «Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху». Самара 1923 г.

[3]) В 1829 году.

[4]) Во Франции политические эмигранты тогда еще не пользовались, как это было в Англии, правом свободного пребывания, которое гарантировало бы им жизнь, и Николай Иванович Тургенев получил, по хлопотам своим друзей, на это только личное право в виде исключения.

Красная сафьяновая с тиснением дорожная складная рамочка, принадлежавшая по очереди Н. И. Тургеневу, затем его вдове, наконец, его сыну Петру Николаевичу.

Портреты: слева—дочь Фанни-Александра Николаевна, средний—Николай Иванович и справа—сын Альберт Николаевич.
Из собрания Ал. Фомина.

глубоким уважением и симпатиями передовых людей всей Западной Европы, с которыми вел знакомство Николай Иванович, а также, как для талантливой художницы-любительницы, которая и сама работала в области изобразительных искусств и сумела развить эти способности в своих сыновьях. Из них старший — Альберт был страстным любителем и коллекционером гравюр, да и сам занимался, правда, кажется, немного, этим искусством, — другой, младший, Петр — посвятил себя скульптуре и в одной из ее отраслей — в военном жанре и особенно в лепке лошадей (как, впрочем, и других животных) — занял одно из видных мест среди скульпторов современной ему Франции [1]).

ФАННИ ТУРГЕНЕВА.
(1835—1890 г.)

17 писем Ивана Сергеевича относятся к дочери Николая Ивановича — Фанни-Александре. Второе имя она получила в честь своего дяди историка Александра Ивановича, который нежно любил ее, баловал и всегда называл «Сашкой».

Старшая из детей Николая Ивановича, она вместе с тем была предметом особенных забот Николая Ивановича в отношении ее образования и воспитания. Судя по тому, что она переводила некоторые труды своего отца на французский язык, а также по тому, что Николай Иванович взял ее с собой в Россию [2]) — Фанни хорошо владела русским языком. Кроме того, она прекрасно знала английский язык и литературу.

Во время розысков «Архива братьев Тургеневых» в Париже, в числе значительного количества ее писем, мне, между прочим, удалось найти несколько десятков ее дневников (на французском языке), представляющих, вообще, очень ценный материал для будущей биографии Николая Ивановича. Но я хотел бы здесь отметить, в связи с именем Ивана Сергеевича, другую характерную черту их: многочисленные страницы их представляют интимную, порой тяжелую исповедь этой полу-русской, полу-француженки, со всеми муками сомнений и терзаний совести, исканий разрешения самых разнообразных вопросов, связанных с ее миросозерцанием, колебаний, отрицаний и т. д.

И в этих дневниках читатель чувствует, что пред ним совершенно стушевывается облик француженки, и, напротив, ярко выступает образ одной из героинь русских романов, которых с такой психологической глубиной обрисовал Иван Сергеевич.

Может быть, она это инстинктивно чувствовала или даже сознавала.

[1]) См. о нем и его скульптурах более или менее подробный очерк в моей работе: «П. Н. Тургенев и его дар русской науке». Спб. 1913 г.

[2]) Николай Иванович после помилования декабристов Александром II был два раза в России — в 1857 и 1864 г.г.

Во всяком случае, она пользовалась большой симпатией Ивана Сергеевича, что видно из его же писем и о чем мне неоднократно говорил брат ее Петр Николаевич.

АЛЬБЕРТ ТУРГЕНЕВ.

(1843—1892 г.)

Старшему сыну Николая Ивановича — Альберту Николаевичу адресовано Иваном Сергеевичем 28 писем.

О нем в нашем распоряжении пока еще мало сведений. Интересы отца, направленные, главным образом, в область правоведения в самом широком смысле этого слова, повлияли на старшего сына. Он посвятил себя юридическим наукам и избрал своей специальностью гражданское право.

Его диссертация посвящена вопросу о брачном праве и напечатана в 1867 году.

Выше было указано, что, вероятно, главным образом, под влиянием матери он интересовался искусством вообще, гравюрой в частности. А на чердаке парижского дома Тургеневых я нашел в одном из закоулков под крышей десятка два-три цинковых клише — надо думать, его работы.

После 1871 года (смерти Николая Ивановича) он делается главой семьи и на него, между прочим, ложатся все заботы о матери, сестре и младшем брате, которому надо было еще кончать свое общее и специально художественное образование.

Как отец, да и вообще, как вся эта семья, он был страстным любителем лошадей, число которых у этой семьи Тургеневых иногда доходило до сорока голов.

На этих скромных интересах сосредоточивается вся его жизнь.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ТУРГЕНЕВ.

(1853—1912 г.)

Младшего сына Николая Ивановича — Петра Николаевича я застал в живых еще совершенно бодрым и полным физических и творческих художественных сил. Восемь лет знакомства с ним доставили мне большое личное удовольствие и громадный интерес в связи с моей работой по архиву.

Внешне это была интересная, крупная, немного громоздкая, фигура русского барина; по характеру — это добродушный веселый человек, художественные интересы которого преобладали над всем и разве только со времени моего появления на его горизонте в нем ярко разгорелись и ожили, покрывшиеся уже пеплом, интересы к горячо-любимой России, к его роду —

интересы, которыми он очень дорожил и которым в эти последние 8 лет своей жизни он стал уделять все больше и больше внимания. Можно только пожалеть, что смерть отняла его у нас слишком рано и ему не удалось закончить те начинания и планы, о которых мы с ним мечтали в связи с нашим общим делом по возвращенному им России драгоценному архиву его предков.

Иван Сергеевич Тургенев знал его еще маленьким мальчуганом, на его глазах он вырос в художника-скульптора, творчеством которого Иван Сергеевич всегда горячо интересовался.

Александр Фомин.

Письма Ив. С. Тургенева *).

№ 1.

1858 г.

(Париж).

25-го мая (1858 г.)
Вторник.

Искренно благодарю Вас, почтеннейший Николай Иванович, и Вашу супругу за Ваше ласковое предложение и явлюсь к обеду в Четверг вместе с моей дочкой.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

№ 2.

1859 г.

Courtavenel.
le 12 août 1859.

Madame,

Paulinette m'a dit que vous aviez témoigné le desir de me voir; je regrette infinement que la briéveté du séjour que j'ai fait à Paris m'ait empêché de me rendre à Vert bois. — Je suis ici depuis hier et j'y reste jusqu'à la fin de ce mois; ayez la complaisance de m'indiquer le jour que vous conviendrait entre le 27 et le 31. — Voici mon adresse: au chateau de Courtavenel, près de Rozay — en Brie — (Seine et Marne). Je serais fort heureux de vous voir et de causer un peu avec vous à propos de Paulinette, puisque vous avez la bonté de lui témoigner de l'intérêt. — Avez-vous de bonnes nouvelles de M-r votre mari et d'Albert? Tout le monde va-t-il bien chez vous?

Daignez accepter, Madame, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

*) В скобках помещены даты и определения места, не отмеченные Ив. С. Тургеневым. Примечания к письмам помещены в конце к каждому письму отдельно, без указания ссылок на них в тексте писем.

Перевод № 2.

Куртавнель.
12 августа 1859.

Сударыня,

Полиночка сказала мне о Вашем желании видеть меня; я сожалею бесконечно о том, что непродолжительность моего пребывания в Париже не дала мне возможности побывать в Vert-Bois. — Я здесь со вчерашнего дня и пробуду здесь до конца этого месяца; будьте любезны указать мне день, наиболее подходящий для Вас между 27 и 31.—Мой адрес: замок Courtavenel, близ Rozay —в Brie (Seine и Marne). Я был бы очень счастлив повидать Вас и поговорить с Вами о Полиночке, раз Вы так добры, что интересуетесь ею. Добрые ли вести у Вас о Вашем муже и об Альберте? Хорошо ли себя чувствуют все Ваши?

Примите, сударыня, уверение в моих самых искренних чувствах.

Совершенно Вам преданный
И. Тургенев.

№ 3.

Paris.
le 25 août 1859.
Jeudi.

Madame,

Je viens vous prier de vouloir bien nous permettre, à Paulinette et à moi — de profiter de votre aimable invitation dans les environs du 15 Septembre, mon voyage en Russie étant remis à cette époque. — Elle doit m'accompagner jusqu'à Paris et nous y restons 2 à 3 jours — dont l'un sera consacré à Vert-Bois.—

Je vous prie de me rappeller au souvenir de vos chers voyageurs; j'espère qu'à l'heure qu'il est le petit Pierre est plus remuant que jamais — et je vous prie, ainsi que M-le Fanny, d'accepter l'expression de mes sentiments les plus respectueusement affectueux.

Votre
J Tourguéneff

Перевод № 3.

Париж.
25 августа 1859.
Четверг.

Сударыня,

Прошу вас разрешить нам, Полиночке и мне, воспользоваться вашим любезным приглашением около 15 сентября, так как мое путешествие в Россию отложено до этого времени. — Она должна сопровождать меня до Парижа, где мы пробудем 2, 3 дня — один из них будет посвящен Vert-Bois.

Прошу вас напомнить обо мне вашим дорогим путешественникам; надеюсь, что в настоящее время маленький Pierre более подвижен, чем раньше, — и прошу вас и M-lle Fanny принять изъявление моих самых почтительных чувств.

Ваш
И. Тургенев.

№ 4.

St. Petersbourg.
le 5/17 décembre 59.

Cher Monsieur Tourguéneff,

Je viens à vous pour vous prier de réparer une bêrne, que j'ai faite. — Voici de quoi il s'agit. — J'ai proposé à M-r Wassilieff de donner des leçons de religion à ma fille — et il s'y est prété de fort bonne grâce; pourtant, après 4 ou 5 leçons — il n'est plus retourné. — J'avais eu conscience de lui parler d'argent — et j'avais l'intention de lui témoigner ma reconnaissance par quelque cadeau à la fin de l'année; je viens d'être informé d'une façon certaine que c'est précisément ce silence de ma part qui a fait que M-r Wassilieff n'a pas continué ces leçons. — Oserais-je vous prier d'avoir la bonté de servir d'intermédiaire entre lui et moi? — Je m'empresse de vous donner carte blanche entière pour reprier que M-r W. voudra mettre à ses leçons. — Dès que la chose sera arrangé vous n'aurez qu'à informer ma fille, qui de son coté est prévenue et en avertira M-r Viardot, chez lequel est déposé l'argent qu'elle possède.

Je ne saurais vous dire combien je vous serai reconnaissant de ce service et je compte bien sur la bonne amitié que M-me Tourguéneff et vous m'avez toujours témoignée.

Excusez moi de ne pas vous porter d'autre chose pour cette fois. — Il n'y a pas longtemps que je suis rentré à Petersbourg — et je n'ai commencé à sortir qu'il y a deux jours, grâce à une bronchite assez obstinée. Tout ce que je puis vous dire c'est que la grande affaire de l'émancipation marche bien, que le général Rostovsseff jouit toujours de la pleine confiance de l'Empereur — et qu'il y a tout lieu de croire — que la publication de l'Uckase, aura lieu au printemps. — Les réformes judiciaires ne se feront pas non plus longtemps attendre, d'après des renseignements certains.

Je vous prie de présenter mes hommages respectueux à M-me Tourguéneff et de recevoir l'assurance des sentiments de la plus haute considération

de votre
J. Tourguéneff.

С.-Петербург.
5/17 декабря 59.

Перевод № 4.

Дорогой Тургенев,

Обращаюсь к вам с просьбой исправить мою оплошность. — Вот в чем дело. — Я предложил г-ну Васильеву давать уроки закона божьего моей дочери — и он охотно согласился; между тем, после 4 или 5 уроков — он больше не являлся. — Мне было совестно говорить с ним о деньгах — и я намеревался отблагодарить его в конце года каким-нибудь подарком; теперь же мне достоверно известно, что именно это мое молчание и заставило г-на Васильева прекратить уроки. — Смею ли я просить вас быть нашим посредником? — Я даю вам полную свободу действий для того, чтобы уговорить г-на В. возобновить уроки. — Как только все будет улажено, вы сообщите моей дочери, которая уже предупреждена, а она сообщит об этом г-ну Виардо, у которого находятся ее деньги.

Не могу вам сказать, как я вам буду благодарен за эту услугу. Рассчитываю вполне на вашу дружбу и на дружбу г-жи Тургеневой. Простите, что на этот раз не могу вам сообщить ничего другого. — Только недавно я вернулся в Петербург — и лишь два дня, как я, благодаря довольно упорному бронхиту, начал выходить. Все, что я могу вам сказать, это то, что великое дело освобождения идет хорошо, что генерал Ростовцев, по-прежнему, пользуется полным доверием императора — и что все за то, что весной будет опубликование Указа. — Судебные реформы, по достоверным сведениям, также не заставят себя долго ждать.

Прошу передать мое почтение г-же Тургеневой и принять уверение глубочайшего уважения от вашего

И. Тургенева.

№ 5.

1860 г.

С.-Петербург.
10/22-го февраля 1860.

Любезнейший и почтеннейший Николай Иванович — я только вчера вернулся из Москвы, куда я ездил на 2 недели и где пробыл около месяца, по милости болезни горла. — Я не распорядился пересылкой писем — и потому получил Ваше обязательное письмо только вчера. — Спешу душевно и искренно благодарить Вас за участие, которое Вы принимаете в моей дочери, и за все Ваши хлопоты с отцом Васильевым. Дочь моя может почесть себя счастливою, что нашла в Вас и в Вашем семействе таких добрых и снисходительных покровителей.—

Вы уже, вероятно, узнали из газет о смерти Ростовцева. — Его вчера хоронили. Смерть эта, в настоящих обстоятельствах, бедственна. — Причины нет предполагать, чтобы от этого изменились воззрения Правительства на вопрос освобождения — но вы сами знаете, как много зависит от личности. — Я еще никого не успел здесь видеть; но уже слышал, и, ка-

жется, это достоверно — что на его место никто не будет назначен — и что редакционная комиссия окончит свои работы коллегиально, без председателя — тем более, что работа эта уже весьма подвинута. — Трудно предвидеть — к какому благоприятному результату придет все дело: кажется, умеренный надел восторжествует — хотя многие не желают этого. Я у себя в деревнях покончил дело: отрезал крестьянам к одному место(!) землю по прежнему их владению, и назначил им оброка по 3 р. сер. с десятины, безо всяких других повинностей. Переселяться я никого не заставлял — но желающим выдавал сруб и все нужное для постройки безденежно, оставляя им владение старыми конопляниками на три года. — Эта мера увенчалась успехом даже слишком полным: я рассчитывал, что они будут переселяться исподволь, в два, три года: а они пожелали переселяться почти все вдруг, что мне стоило немало денег. — Но я уже не хотел отступиться от своего слова.—Остальную (господскую) землю я в двух имениях буду обрабатывать вольным трудом — а в прочих имениях буду отдавать в наймы. — В первый год я потеряю немного более четвертой части всего моего дохода — но должно надеяться, что, со временем, результаты вольного труда и употребленного капитала пополнют этот недостаток. Работники оказались не дороги — и их вообще находить не трудно. — Неизвестно, как мне будут платить оброк; на круговую поруку крестьяне соглашаются неохотно. — Во всяком случае, какое бы ни было распоряжение Правительства, оно не только не может быть в разладе с тем, что уже мною подготовлено — но даже я уверен, что этим я облегчил себе переход в новый быт. — Впрочем к этим мерам приступил не я один: в одной нашей губернии довольно много помещиков пересадили крестьян на оброк. — Еслиб Правительство разочло наш оброк на 5% — дало бы нам облигации по 60 руб. сер. за десятину — мы бы все (в Орловской губернии) были очень довольны.

Очень хотелось бы мне прочесть Ваши две брошюры: но не могу придумать, каким бы средством их получить в руки. — Придется мне отложить это удовольствие до весны, т.-е. до конца Апреля, когда я надеюсь быть в Париже. — На днях напечатана в Русском Вестнике большая моя повесть «Накануне»; желал бы я очень, чтобы Вы ее прочли и сказали бы мне свое мнение о ней.

Я не знаю № Вашего дома в Rue de Lille, и потому посылаю это письмо через мою дочь. Надеюсь, что Вы и все Ваши здоровы; прошу передать Вашей супруге мой искренний и дружеский привет — и крепко жму Вашу руку.

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

№ 6.

Chère Madame,

Je vous demande pardon de ne pas vous avoir répondu jusqu'à présent: c'est que je voulais pouvoir vous annoncer le jour, où il nous serait possible, à

Paulinette et à moi, de profiter de votre aimable invitation. — Nous viendrons chez vous, après-demain, Mardi, pour l'heure du déjeuner.

Vous pouvez dire à M-r Tourguéneff que d'après les dernières nouvelles la santé du pr-ce Orloff s'améliorait. — Je suis fort heureux d'apprendre que M-r Tourguéneff va mieux.

Mille compliments affectueux à vous et à tous les vôtres.

Votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Dimanche. 28 Oct. 60.
Rue de Rivoli, 210.

Перевод № 6.

Сударыня,

Прошу извинить меня за то, что до сих пор я не ответил вам: мне хотелось сообщить вам день, когда Полиночке и мне возможно будет воспользоваться вашим любезным приглашением. — Мы будем у вас послезавтра, во вторник, к завтраку. — Вы можете передать г-ну Тургеневу, что по последним сведениям князь Орлов поправляется. — Я очень счастлив, что г-ну Тургеневу лучше.

Тысячу приветствий вам и всем вашим.

Совершенно преданный вам

И. Тургенев.

Воскресение. 28 октября. 60.
Rue de Rivoli, 210.

№ 7.

1861 г.

(28 Janvier 1861).

M-r J. Tourguéneff s'empresse d'informer M-r et M-me Tourguéneff qu'il accepte avec le plus grand plaisir leur invitation pour Samedi.
Rue de Rivoli, 210.
Lundi.

Перевод № 7.

(28 января 1861).

И. Тургенев спешит уведомить г-на и г-жу Тургеневых о том, что он с большим удовольствием принимает их приглашение на субботу.
Rue de Rivoli, 210.
Понедельник.

№ 8.

(12 Mars 1861).
(Paris).

Chère Madame,

C'est avec un véritable plaisir que M-me Junis ma fille et moi—nous acceptons votre invitation pour Samedi.

J'ai placé vos c h i e n s; le p-ce Troubetzkoï est enchanté d'avoir deux spécimens d'une aussi belle race. — J'aurai bientôt l'occasion de vous dire quand il faudra les amener à Paris.

Il y a à la poste une lettre d'Angleterre (pressée) pour M-l e O l i v e c h e z M a d a m e T o u r g u é n e f f, — cette lettre se trouve à la poste restante, à la lettre T. — Je suppose qu'elle doit être adressée à la bonne de Pierre.

Agréez l'expression de mes sentiments les plus devoués.

J. Tourguéneff.

Mardi matin.

Перевод № 8.

(12 марта 1861 г.)
(Париж).

Сударыня,

С истинным удовольствием г-жа Junis, моя дочь и я — принимаем ваше приглашение на субботу.

Я поместил ваших собак; князь Трубецкой в восторге, что у него два представителя такой чудной породы. — Скоро у меня будет случай сообщить вам, когда их надо доставить в Париж.

На почте есть письмо из Англии (спешное) для M-le Olive у г-жи Тургеневой, — это письмо на почте до востребования на букву Т. — Я думаю, что оно адресовано няне Пьера.

Примите уверение в моей совершенной преданности.

И. Тургенев.

Вторник утром.

№ 9.

Пятница.
3-го мая 61.
(Париж).

Любезнейший Николай Иванович, к крайнему сожалению моему я никак не успел побывать у Вас перед отъездом в Россию — и прошу Вас извинить меня. Я думаю вернуться через три месяца и зиму проведу [написано: в Петербурге—и зачеркнуто] в Париже. Надеюсь тогда чаще прежнего видеть Вас. — Передайте мой усердный поклон всем Вашим и примите уверение в совершенной моей преданности и уважении.

Ив. Тургенев.

Казань
VIII мая 61.

Любезнейшая Наталья Александровна,
Я крайне сожалею, что
я никак не успел повидаться
с Вами перед отъездом в Васильево —
а потому Вам приношу мою
и душевную благодарность за гостеприимство и ваши
~~неудобства~~ в Вашем доме
Вам также приношу мои
извинения за мои неудобства
и за мое
Вам также приношу мои
извинения за мои неудобства
и за мое
Вам также приношу мои
извинения за мои неудобства
и за мое

P. S. Если Вы еще не расположили Вашими щенками, то княгиня Трубецкая охотно возьмет себе одного и что в таковом случае Вам стоит его прислать из Vert-Bois' — в дом № 49 rue Clichy — привратнику M r Tom, который уже получил нужные приказания.

№ 10.

Любезнейший Николай Иванович, *(1861 г.).*

Я получил неожиданное приглашение от кн. Трубецкого охотиться у него завтра и потому Вы извините меня, как страстного охотника, если я не сдержал данного слова. Вместо Вторника, позвольте быть у Вас в Четверг.

Еще раз прошу у Вас извинения и от души кланяюсь Вам и всем Вашим.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

Понедельник вечером.
Париж.

№ 11.

Воскресение.
(Париж 1861 г.).

Любезнейший Николай Иванович,

Посылаю Вам Вашу статью, о которой не успел вчера поговорить и которую считаю совершенно справедливою и дельною. На днях я к Вам зайду — и мы потолкуем еще об этом вопросе. Кстати, посылаю Вам письмо, полученное мною вчера и содержание которого для меня загадка — потому что я никакого Шакеева не знаю, на Волге не был и ни о какой Русской девушке не говорил. На адресе стояло M-r Tourg. rue Rivoli, 210; но может быть, это письмо следует Вам. — В противном случае будьте так добры и пришлите его обратно.

Кланяюсь всем Вашим и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

№ 12.

(Париж 1861 г.).

Почтеннейший Николай Иванович, я сейчас получил письмо от Мериме, в котором он просит меня отложить обед до Понедельника; я этому очень

обрадовался, потому что это мне дает возможность обедать с Вами в Воскресение.

Прошу принять уверение в совершенной моей преданности.

Ив. Тургенев.

Среда утром.

P. S. Если Жанреп возвратил мою шляпу, будьте так добры и велите отдать ее сему посланному.

№ 13. *(1861 г.).*

Почтеннейший Николай Иванович, вы не можете себе представить, как мне досадно, что глупая моя простуда лишает меня удовольствия обедать у Вас сегодня. Мне так хотелось повидаться с Вами перед поездкой в Россию — а главное, поблагодарить Вас и все Ваше любезное семейство за Ваше доброе расположение к моей дочери. — Но делать нечего — и я покоряюсь необходимости: однако не уеду из Парижа, не побывавши у Вас. А потому говорю Вам до свидания, дружески жму Вашу руку и прошу передать Вашей супруге и всему Вашему семейству изъявление моего искреннего уважения.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

Воскресение.
Rue de Rivoli, 210.

№ 14.

(С. Петербург 1861 г.).

Любезнейший Николай Иванович, извините меня пожалуйста, если я не успел проститься с Вами и Вашим семейством и принести сердечное уверение в моей искренней преданности.

Зимой, Бог даст, увидимся, а до тех пор будьте здоровы. Дружески жму Вам руку и кланяюсь всем Вашим.

Преданный Вам

Четверг. *Ив. Тургенев.*

P. S. Сегодня вечером я уезжаю к Карлсруэ; во вторник я в Веймаре, а в пятницу я напишу Вам о результатах представления.

(1862 г.)

№ 15. *(1862).*

(8 Févr. Paris).

J'accepte avec un véritable plaisir, Mademoiselle, l'invitation, que vous avez la bonté de me transmettre et je serai exact.

Agréez l'expression de mes sentiments dévoués.

J. Tourguéneff.

Samedi matin.

Перевод № 15.

(8 февраля 1862 г.).
(Париж).

С искренним удовольствием принимаю, Mademoiselle, приглашение, которое Вы были так добры передать мне, и буду точным.

Примите уверение в моей преданности.

И. Тургенев.

Суббота утро.

№ 16.

(27 Février 1862).
(Paris).

Madame,

M-lle Julienne Orwil m'a écrit que c'est L u n d i soir qu'elle aura le plaisir de se rendre chez vous. — Ma fille et moi, nous l'accompagnerons.

Agréez l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués.

J. Tourguéneff.

Jeudi matin.

Перевод № 16.

(27 февраля 1862 г.).
(Париж)

Сударыня,

M-lle Julienne Orwil писала мне, что она будет у Вас в понедельник вечером. — Моя дочь и я будем ее сопровождать.

Примите уверение в моем расположении и преданности.

И. Тургенев.

Четверг утро.

№ 17.

48, rue de Douai.
Samedi, 1 Mars. (1862).

Chère Madame,

J'ai décidément un trop grand guignon! — Ne veut-il pas que j'ai attrapé une bronchite — (assez forte, puisqu'il a un léger crachement de sang)— et le docteur qui vient de me quitter, me défend absolument de sortir! — Je n'ai pas besoin d'ajouter combien je suis vexé et irrité même contre ma vilaine santé!

Acceptez, je vous prie, l'expression de mes excuses ainsi que celle de mes meilleurs sentiments.

J. Tourguéneff.

Перевод № 17.

48, улица Douai.
Суббота, 1 марта. (1862).

Дорогая Г-жа Тургенева,

Меня постигла большая неудача! — Судьбе было угодно, чтобы я схватил бронхит (довольно сильный, так как у меня легкое кровохаркание), и доктор, который только что был у меня, положительно запрещает мне выходить! — Мне не нужно прибавлять, как я раздражен и сердит на мое скверное здоровье!

Примите, пожалуйста, изъявление моих извинений, так же как и моих лучших чувств.

Ив. Тургенев.

№ 18.

(1862).
(Paris).

Chère Madame,

Je suis véritablement désolé de devoir répondre par un refus à votre invitation si gracieuse et si obligeante, mais des nouvelles reçues de Bade me forcent de partir ce soir même, deux jours plutôt que je ne le croyais. Veuillez agréer mes excuses ainsi que mes remerciements; dès mon retour ici, qui aura lieu vers le commencement de Janvier, j'irai vous les porter moi-même, ainsi que l'expression de ma profonde reconnaissance pour toutes les bontés, que vous voulez bien témoigner à Pauline.

Recevez, Madame, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

J. Tourguéneff.

Mardi matin.

Перевод № 18.

(1862 г.).
(Париж).

Дорогая Г-жа Тургенева,

Я искренно огорчен тем, что должен отвечать отказом на ваше приглашение, такое милое и любезное, но новые известия из Бадена заставляют меня выехать сегодня же вечером, на два дня раньше, чем я думал. Примите мои извинения, так же как и мою благодарность; как только я вернусь, а это будет в начале января, я явлюсь лично засвидетельствовать их вам, так же, как и мою глубокую благодарность за все ваши заботы о Полине.

Примите, сударыня, уверение в моем глубочайшем почтении.

И. Тургенев.

Вторник утро.

№ 19.

1863 г.

Samedi.
(28 Février 1863).
(Paris).

Chère Madame,

Vous nous feriez un très grand plaisir, si vous vouliez bien venir passer chez nous la soirée de Lundi, 2 Mars. Nous aurons quelques amis et nous serions heureux de pouvoir compter sur vous, M-r Tourguéneff, M-lle Fanny, et M-r Albert.

Agréez l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués.

J. Tourguéneff.

Перевод № 19.

Суббота.
(28 февраля 1863 г.).
(Париж).

Дорогая Г-жа Тургенева,

Вы нам доставите очень большое удовольствие, если проведете у нас вечер понедельника, 2 марта. У нас будет кое-кто из друзей и мы будем счастливы, если сможем рассчитывать на вас, на г-на Тургенева, на М-lle Фанни и на Альберта.

Примите уверение в моем расположении и преданности.

И. Тургенев.

№ 20.

1864 г.

Saint Pétersbourg.
Hôtel de France.
Samedi ce 6 Février 1864.
25 Janvier.

Chère et bonne Madame Tourguéneff, je suis enchanté que la lettre du libraire que vous m'envoyez ne m'ait pas trouvé à Paris car cela m'a procuré le plaisir d'en recevoir une de vous. — Je vous en remercie beaucoup et je vous prie de croire que les sentiments d'amitié et de reconnaissance, que je vous ai voués, sont sincères et durables. — Les nouvelles que vous me donnez de vous et de vôtres m'ont vivement intéressé; je suis heureux d'apprendre que la santé de M-r Tourguéneff est bonne cette année. — Il ne doit pas non plus trop se préoccuper de l'état actuel des affaires: à tout prendre, la position de la Russie s'est beaucoup améliorée et c'est ce qui est le plus important pour le patriotisme éprouvé de votre mari. — Ma fille vous aura probablement dit l'issue heureuse de mon affaire avec le Sénat; mes juges ont été d'une courtoisie

parfaite; à vrai dire, il n'y a eu ni interrogatoire ni confrontation; l'accusation était par trop insignifiante et il n'y a eu qu'une formalité à remplir, formalité indispensable, j'en conviens volontiers. — Je vais régler quelques affaires urgentes et je pars pour Paris, où ma présence est bien nécéssaire. — Je compte y être au commencement de Mars, nouveau style.—

L'intérêt que vous avez la bonté de témoigner à ma fille fait que je n'hésite pas à vous dire deux mots d'une affaire qui ne vous est pas restée inconnue. — Je le fais d'autant plus volontiers que j'attends de vous un bon conseil. — Il s'agit de M-r Pinet. Il parait que si la personne en elle même est parfaitement honorable, sa position (de syndic des faillites) ne l'est pas autant qu'on pourrait le désirer. — Qu'y a-t-il de vrai dans tout cela? — Je serais désolé que le mariage de ma fille la plaçat dans une position difficile ou délicate. — Ayez la bonté de me dire franchement votre avis là dessus, qui serait naturelement d'un très grand poids dans mes décisions.

Présentez, s'il vous plait, mes meilleurs souvenirs à M-r Tourguéneff et à tous les vôtres — et acceptez pour vous même l'expression de mes sentiments les plus sincèrement dévoués.

J. Tourguéneff.

Перевод № 20.

С. Петербург.
Гостиница «Франция».
Суббота (6 февраля 1864).
25 января

Дорогая и добрая г-жа Тургенева, я в восторге от того, что письмо книгопродавца, которое вы мне посылаете, не застало меня в Париже и этим доставило мне удовольствие получить письмо от вас. — Благодарю вас за него и прошу верить в искренность и прочность моей дружбы и благодарности к вам. — Сведения о вас и о ваших живо интересуют меня; я счастлив, что г-н Тургенев чувствует себя хорошо этот год.—Он не должен слишком много волноваться из-за настоящего положения дел: по всему видно, что положение России значительно улучшилось, а это самое главное для испытанного патриотизма вашего мужа. Моя дочь, вероятно, расскажет вам о благополучном исходе моего дела в Сенате; мои судьи были вполне вежливы; по правде говоря, не было ни допроса, ни очной ставки; обвинение было слишком ничтожно, и нужно было лишь выполнить формальность, формальность необходимую, с чем я вполне согласен. Как только устрою крайне спешные дела, я еду в Париж, где мое присутствие необходимо. — Рассчитываю быть там в начале марта по новому стилю.

Благодаря участию, которое вы проявляете по отношению к моей дочери, я нисколько не задумываюсь сказать вам несколько слов об одном деле, которое вам небезъизвестно. — Я делаю это тем более охотно, что жду от вас доброго совета. — Дело идет о г-не Pinet. Очевидно, что, если его личность сама по себе вполне почтенна, то его положение (как старшины

кредиторов) не настолько, как этого можно было бы желать. — Где правда во всем этом? — Я был бы огорчен, если бы замужество моей дочери поставило ее в тяжелое и неловкое положение. — Будьте добры сказать откровенно ваше мнение об этом, мнение, которое, конечно, будет иметь большое значение в моем решении.

Передайте, пожалуйста, привет г-ну Тургеневу и всем Вашим и примите уверение в моей искренней преданности.

И. Тургенев.

№ 21.

1865 г.

Bade.
Schillersrtasse, 277.
Samedi, ce 18 Mars 1865.

Chère Madame,

Vous avez été bien aimable et bien bonne de penser à m'écrire, — et je vous en remercie de tout mon coeur. — Il est évident que je ne puis qu'attacher une très grande importance à l'impression qu'a pu vous faire mon gendre, à vous et à Nicolai Ivanitch; je suis très heureux d'apprendre qu'elle a été favorable: c'est, à mes yeux, une des garanties les plus sûres du futur bonheur de ma fille. Permettez moi en même temps et à cette occasion, de vous réitérer l'expression de ma reconnaissance pour toutes les bontés, dont vous l'avez comblée — et croyez que j'en garderai le souvenir toute ma vie.

Décidément ma fille n'a rien perdu pour attendre — et je suis sûr qu'elle a trouvé le mari qu'il lui fallait — c'est à son tour maintenant de faire naître une idée analogue dans M-r Bruère — et j'espère bien qu'elle y mettra tous ses soins. —

Vous ne me parlez pas de la santé de M-r Tourguéneff — pas de nouvelles — disent les diplomates — bonne nouvelle. Présentez lui aussi qu'à M-lle Fanny et à Albert — mes amitiés, les plus sincères. — (Il ne faut pas oublier Pierre non plus). Et à propos d'Albert — a-t-il fait la connaissance de mon jeune ami, M-r Pomey? A-t-il vu son tableau? — Quant à M-me Delessert elle m'a déjà remercié dans une de ses lettres de la bonne idée que j'ai eue de lui faire faire votre connaissance. Je ne doute pas que vous n'ayez les mêmes sentiments à son égard. C'est certainement, une des plus touchantes natures, que j'ai rencontrées dans ma vie. Ces derniers mots me font penser à M-me Junis — et à toute la peine que vous vous donnez pour lui trouver une place. Mille fois merci, encore.

Je vais très bien ici, mais je songe déjà à mon voyage de Russie, qui commencera par me ramener à Paris. En attendant le plaisir de vous y voir, je vous prie d'agréer l'expression de mes sentiments les plus dévoués,

J. Tourguéneff.

Перевод № 21.

Баден.
Улица Шиллера, 277.
Суббота, 18 марта 1865.

Сударыня,

Вы были очень любезны и очень добры, написав мне, — и я благодарю вас за это от всего сердца. — Конечно, я придаю слишком большое значение впечатлению, которое произвел на вас и на Николая Ивановича мой зять; я очень счастлив, что оно было благоприятное: в моих глазах, это одна из самых верных гарантий будущего счастья моей дочери. Позвольте мне, по этому случаю, выразить мою благодарность за все ваши попечения о ней; верьте, что буду помнить о них всю свою жизнь. Очевидно, моя дочь ничего не потеряла от того, что ждала — и я уверен, что она нашла мужа, подходящего себе — теперь ей, в свою очередь, надо все сделать для того, чтобы подобная мысль явилась и у г-на Брюэра — и я надеюсь, что она приложит к этому все свои старания.

Вы ничего не говорите мне о здоровье г-на Тургенева — отсутствие известий — хорошие известия, так говорят дипломаты. Передайте ему, а также М-lle Фанни и Альберту мой искренний привет. — (Не забудьте Пьера). Познакомился ли Альберт с моим юным другом, г-м Pomey? Видел ли он его картину? — Что касается до г-жи Delessert, она уже благодарила меня, в одном из своих писем, за знакомство с вами. Надеюсь, что и у вас те же чувства по отношению к ней. Это, конечно, одна из самых трогательных натур, какие я встречал в своей жизни. Последние слова наводят мою мысль на г-жу Junis и на все ваши хлопоты доставить ей место. Еще раз тысячу спасибо.

Я чувствую себя здесь хорошо, но уже мечтаю о моей поездке в Россию, которая, прежде всего, снова приведет меня в Париж. В ожидании удовольствия видеть вас, прошу принять уверение в моей преданности.

И. Тургенев.

№ 22.

1866 г.

Rayemont.
Mardi, 29 Mai 1866.

Chère Madame,

Je suis ici depuis hier et je retourne à Paris Jeudi. Comme je ne voudrais pas rentrer à Bade sans avoir eu le plaisir de vous voir, je vous demande la permission de venir déjeuner chez vous à Vert-Bois dans la matinée de Vendredi.

En attendant je vous prie de transmettre à Nicolai Ivanitch et à toute

Rougemont

Mardi, 29 Mai 1866.

Chère Madame,

Je suis ici depuis hier et je retourne à Paris jeudi comme je ne voudrais pas rentrer à Rade sans avoir eu le plaisir de vous voir, je vous demande la permission de venir déjeuner chez vous à Vert Bois dans la matinée de Vendredi

En attendant je vous prie de transmettre à Nicolaï Tourgueneff et à toute votre famille mes meilleures amitiés et de recevoir pour vous même l'expression de mes sentiments les plus dévoués

J. Tourguéneff.

votre famille mes meilleures amitiés et de recevoir pour vous même l'expression de mes sentiments les plus dévoués.

J. Tourguéneff.

P. S. Paulinette va très bien et me charge de vous dire les compliments les plus affectueux.

Перевод № 22.

Rayemont.
Вторник, 29 мая 1866.

Дорогая Г-жа Тургенева,

Я здесь со вчерашнего дня и возвращаюсь в Париж в четверг. В виду того, что мне не хотелось бы вернуться в Баден, не повидав Вас, прошу разрешить мне быть у Вас к завтраку в Vert-Bois утром в пятницу.

Пока прошу передать Николаю Ивановичу и всему Вашему семейству мой самый дружеский привет и принять уверение в моей преданности.

И. Тургенев.

P. S. Полиночка чувствует себя хорошо и просит меня передать Вам ее привет.

№ 23.

1867 г.

Баден-Баден.
Schillerstrasse 277.
Понедельник, 25-го февраля 1867.

Почтеннейший Николай Иванович,

Я много виноват перед Вами — начиная с того что не поблагодарил Вас за любезную присылку Вашей интересной брошюры — но в надежде на Вашу снисходительность, прибегаю к Вам с повинной головою, которую, по старой поговорке, меч не сечет. Сведения о Вас и о Вашем семействе доходили, однако, до меня довольно часто через г-жу Иннш и мою дочь; и я между прочим с сожалением узнал, что вы недавно были нездоровы.— Что же касается до моего маленького рассказа под заглавием «Собака», то я Вам оттого его не прислал, что сам не имел ни одного экземпляра: он появился в «С.-Петербургских Ведомостях», в фельетоне — и вообще не имеет большого значения. — Но могу Вас уверить, что как только появится в Москве написанный мною теперь роман, я почту за особенное удовольствие доставить Вам немедленно один экземпляр.

Но когда попаду в Москву? — Этого я с достоверностью сказать не могу, ибо это не от меня зависит.—Вы, вероятно, уже знаете через г-жу Иннш, что меня месяца два тому назад постиг припадок подагры — первый припадок в моей жизни; но, как говорится — первый блин вышел комом — и подагра оказалась какая-то злокачественная, хроническая; до сих пор она

не проходит к изумлению моего доктора и к истинному моему огорчению. Дела требуют моего безотлагательного прибытия в Россию, а я сижу здесь, как рак на мели, и не дальше, как три дня тому назад, не мог ходить даже с помощью палки. —Впрочем, теперь немного полегчило — и я не теряю совсем надежды выехать до весны из Бадена.

Я намерен провести в России около двух месяцев — и в начале Мая прибыть в Париж для свидания с моею дочерью, а главное, для того, чтобы посмотреть на выставку. — Долгом почту явиться тогда к Вам — а до тех пор прошу Вас и все Ваше любезное семейство принять выражение искренней преданности и глубочайшего уважения Вашего

Ив. Тургенева.

№ 24.

1869 г.

Paris.
Hôtel Byron,
rue Laffitte.
Samedi, 3 Avril 69.

Mon cher Albert,

Je viens vous demander un service, voici de quoi il s'agit. Trouvez-moi s'il vous plait, un copiste — et envoyez — le de ma part au Bureau du N o r d, rue Favart 4 — pour qu'il copie sur du papier à lettre les 3 feuilletons du 8, 9 et 10 Novembre 1866, renfermant la traduction de mon petit récit «l e c h i e n». — Les employés du Bureau sont prévenus et mettront à la disposition du copiste le volume de la collection du «Nord», renfermant les dits feuilletons. — Puis, quand cela sera fini, envoyez moi la copie à B a d e, Thiergartenstrasse, 3, dites moi ce que cela vous aura couté et recevez d'avance mes remerciements les plus sincères. J'ai besoin de cela pour une publication qui est en train de se faire.—

Faites mes meilleures amitiés à toute votre famille et recevez le plus cordial shake-hands.—

J. Tourguéneff.

P. S. Je pars ce soir pour Carlsruhe; Mardi je suis à Weimar et je vous écris Vendredi sur le résultat de la réprésentation.

Перевод № 24.

Париж.
Гостиница Byron.
Улица Laffitte.
Суббота, 3 апреля 69.

Мой дорогой Альберт,

Обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне услугу, вот в чем дело. Найдите мне, пожалуйста, переписчика — и пошлите его от моего имени в Бюро «Севера», улица Фавар 4 — для того, чтобы он переписал на почтовой

бумаге 3 фельетона, 8, 9 и 10 ноября 1866, заключающих перевод моего небольшого рассказа: «С о б а к а». — Служащие Бюро предупреждены и предоставят в распоряжение переписчика том собрания «Севера», содержащий вышеуказанные фельетоны. — Потом, когда это будет сделано, пошлите мне копию в Баден, Thiergartenstrasse, 3, скажите мне, сколько это Вам стоило, и заранее примите мою самую искреннюю благодарность. Мне это необходимо для печатания, которое предполагается начать.

Передайте мой самый дружеский привет всему Вашему семейству и примите самое дружеское рукопожатие.

И. Тургенев.

1870 г.

№ 25.

Weimar.
Hôtel de Russie.
Ce 14 Avril 1870.

Mon cher Albert,

Permettez-moi d'avoir recours à vous pour le service suivant. — J'étais abonné au T e m p s et au G a u l o i s jusqu'au 1-er Avril — et j'avais écrit à Khanykoff pour le prier de me réabonner pour trois mois. — Il ne l'a pas fait et je suppose ou que ma lettre s'est égarée ou qu'il ne se trouve pas à Paris. Voulez-vous avoir la bonté de faire ce que je lui demandais? — Les deux journaux doivent être expediés a m o n n o m i c i. — Je reste à Weimar pendant trois semaines encore; puis j'irai à Paris avant de partir pour la Russie — et je prendrai mes mesures pour qu'on m'envoie les journaux à Bade. Mes amis, les Viardot les liront pendant mon absence). —

Je vous rembourserai lors de mon passage à Paris — et je vous dirai grand merci.

Donnez-moi, s'il vous plait, des nouvelles de vous et des vôtres. J'ai appris avec regret que M-r Tuchard est bien malade. — Ici nous allons tous très bien. M-me Viardot a chanté deux fois Orphée avec un magnifique succès — et sa fille aînée fait des progrès étonnants en peinture. Elle a trouvé ici un fort bon maître, le Belze Verlat.

Dites mille choses de ma part à Николай Иванович, à M-me votre mère et à tous les vôtres; je vous serre bien cordialement la main.

J. Tourguéneff.

P. S. Vous pouvez vous abonner maintenant à partir du 15.

Перевод № 25.

Веймар.
Гостиница Россия.
14 апреля 1870.

Мой дорогой Альберт,

Позвольте обратиться к Вам с просьбой о следующей услуге. — Я был подписан на «T e m p s» и «G a u l o i s» до 1-го апреля — и я писал

Ханыкову, прося его возобновить подписку на 3 месяца. — Он этого не сделал и я предполагаю, что или мое письмо затерялось или его нет в Париже. Не будете ли Вы добры сделать то, о чем я его просил? — Оба журнала должны высылаться сюда на мое имя. — (Я останусь в Веймаре еще три недели; затем я отправлюсь в Париж прежде, чем уехать в Россию. — и я приму все меры для того, чтобы журналы высылались мне в Баден. Мои друзья, Виардо, будут читать их в мое отсутствие).

Я верну Вам деньги во время моего проезда через Париж — и скажу Вам большое спасибо.

Сообщите мне, пожалуйста, о себе и о Ваших. С большим сожалением узнал о том, что M-r Tuchard очень болен. — Здесь все здоровы. Г-жа Віардо пела два раза Орфея с громадным успехом — а ее старшая дочь делает поразительные успехи в рисовании. Она нашла прекрасного учителя, Belze Verlat.

Тысячу приветствий Николаю Ивановичу, Вашей матушке и всем вашим; дружески жму Вам руку.

И. Тургенев.

P. S. Вы можете подписаться теперь, начиная с 15-го.

После 1870 г.

№ 26.

Madame,

À mon grand regret je ne puis accepter votre aimable invitation pour Mardi, ayant déjà promis d'aller dîner en ville ce jour là; mais j'aurai le plaisir de vous voir demain soir — avant d'aller chez M-me Gucher Stour, puisque vous avez l'obligeance de me proposer de faire cette excursion ensemble.

Recevez, Madame, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Dimanche.

Перевод № 26.

Сударыня,

К моему большому сожалению я не могу принять Вашего любезного приглашения на вторник, так как я обещал уже в этот день обедать в городе; но я буду иметь удовольствие видеть Вас завтра вечером — прежде чем мы отправимся к г-же Gucher Stour, раз Вы были так любезны, что предложили совершить эту прогулку вместе.

Примите, сударыня, уверение в моем уважении.

Ваш совершенно Вам преданный

И. Тургенев.

Воскресение.

1871 г.

№ 27.

Paris.
48, rue de Douai.
Dimanche, 10 Déc. 1871.

Chère Mademoiselle Fanny!

Voici l'article de Ralston sur votre père dans l'Athenaeum. — Il est possible qu'il vous l'ait envoyé; mais dans le doute, je prefère vous l'envoyer de mon côté.

Comment va-t-on à Vert-Bois? — Vous avez dû cruellement souffrir pendant ces horribles jours. Restez-vous décidément longtemps hors de Paris?

Le № du «Вестник Европы» doit arriver dans quelques jours. Je vous l'enverrai immédiatement. —

Mille amitiés à M-me votre mère et à vos frères. Croyez à ma sincère amitié.

J. Tourguéneff.

Перевод № 27.

Париж.
48, улица Douai.
Воскресение, 10 декабяр 1871.

Дорогая M-lle Фанни!

Вот статья Ральстона о Вашем отце в «Athenaeum». — Возможно, что он Вам ее послал; но не зная этого, предпочитаю послать ее Вам сам.

Каковы дела в Vert-Bois? — Вы должны были страшно страдать в эти ужасные дни. Долго ли еще Вы пробудете вне Парижа?

№ «Вестника Европы» должен быть доставлен через несколько дней. Я пришлю его Вам немедленно.

Тысячу приветствий Вашей матушке и Вашим братьям. Верьте моей искренней дружбе.

И. Тургенев.

1872 г.

№ 28.

48, rue de Douai.
Samedi, 13 Janv. 1872.

Chère Madame,

J'ai reçu votre lettre trop tard dans la journée d'hier pour pouvoir profiter de votre aimable invitation. Je le regrette beaucoup et je me permets d'aller vous voir bien certainement Vendredi prochain. Vous me dites tant de choses aimables dans votre lettre que je suis «at a loss» d'y répondre; tout

ce que je puis vous assurer c'est que je ne suis point ingrat et que je suis très reconnaissant avec personnes qui, comme vous, veulent bien me témoigner de l'amitié.

Agréez, Madame, l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

J. Tourguéneff.

Перевод № 28.

48, улица Douai.
Суббота, 13 января, 1872.

Дорогая Г-жа Тургенева,

Я получил вчера Ваше письмо слишком поздно для того, чтобы я мог воспользоваться Вашим любезным приглашением. Сожалея об этом, я позволю себе явиться к Вам в будущую пятницу. Вы говорите мне столько любезного в Вашем письме, что я затрудняюсь что-либо отвечать; все, что я могу сказать Вам, это то, что я глубоко благодарен всем тем, которым, как Вам, угодно было чувствовать ко мне расположение.

Примите, сударыня, уверение в моем уважении.

И. Тургенев.

№ 29.

Paris.
48, rue de Douai.
Mercredi, 13 Mars 72.

Chère Madame,

Khanykoff et moi — nous avions eu l'intention d'aller faire une visite à Vert-Bois demain jeudi; — mais des empêchements se sont mis en travers — et je viens vous demander la permission de remettre cette visite au Jeudi de la semaine prochaine — très sûr par exemple.

J'espère que vous allez tous très bien et je vous dis mille amitiés.

Tout à vous

J. Tourguéneff.

Перевод № 29.

Париж.
48, улица Douai.
Среда, 13 марта 72.

Сударыня,

У Ханыкова и у меня было намерение отправиться в Vert-Bois завтра в четверг; — но явились всякого рода препятствия, а потому я прошу у Вас разрешения отложить этот визит до четверга будущей недели — и уже наверное на этот раз.

Надеюсь, что Вы все в добром здоровье, и шлю Вам тысячу приветствий.

Ваш

И. Тургенев.

№ 30.

Paris.
48, rue de Douai.
Mardi, 7 Mai 72.

Chère Mademoiselle Fanny,

Pierre ne m'a malheureusement pas trouvé à la maison — il m'a laissé cinq exemplaires — mais il ne m'a pas fait savoir à qui vous les destinez. — Il y en a un pour les Sverbeieff — je le sais; — un autre sera remis à Pétersbourg — à Pypine (ou à Stassulevitch) — un troisième à Bartenyeff à Moscou.— Mais les deux autres? — Voulez-vous que j'en envoie un à Ralston à Londres, qui en ferait, j'en suis sûr, le sujet d'un bon article dans quelque Revue? — Et à qui donner le dernier? — Peut-être à la Rédaction de la B e s s é d a à Moscou? — Donnez-moi vos instructions sans tarder — car il est probable que je pars V e n d r e d i.

Mille amitiés à M-me votre mère et à tous les vôtres.
Je vous écrirai de Moscou.
Croyez moi, chère Mademoiselle.
Votre très dévoué

J. Tourguéneff.

Перевод № 30.

Париж.
48, улица Douai.
Вторник, 7 мая 72.

Дорогая М-lle Фани,

Pierre, к сожалению, не застал меня дома — он оставил мне пять экземпляров,—но не сказал мне, кому Вы их предназначаете.—Один, я знаю, для Свербеевых; другой будет отправлен в Петербург — Пыпину (или Стасюлевичу) — третий Бартеневу в Москву. — Но кому же два остальные? — Хотите Вы, чтобы один я послал Ральстону в Лондон, который использует его, я уверен, для хорошей статьи в каком-нибудь Обозрении? — И кому дать последний? — Может быть редакции «Бесеты» в Москве? — Дайте мне Ваши указания немедленно, так как возможно, что я уеду в п я т н и ц у.

Тысячу приветствий Вашей матушке и всем Вашим.
Я напишу Вам из Москвы.
Верьте мне, дорогая М-lle.
Преданный Вам

И. Тургенев.

№ 31.

Moscou.
Ce 27/15 Juin 1872.

Chère Mademoiselle Fanny,

Mon intendant, qui arrive de la campagne, vient de m'apporter votre lettre et je m'empresse d'y répondre. — J'ai en effet beaucoup connu Mérimée dans

les dernières années de sa vie — je l'ai beaucoup aimé — et je crois avoir bien étudié son caractère. — Je ne demande pas mieux que de me mettre à la disposition de M-r de Loménie pour tous les renseignements qu'il désirera — quoique, à vrai dire, j'eusse préféré un autre panegyriste—ou plutôt un autre... non que je doute le moins du monde du talent de M-r de Loménie — mais les points de contact entre lui et Mérimée sont trop peu nombreux: ces deux natures sont trop différentes. — Le souvenir affectueux que je garde à la mémoire de Mérimée me fait désirer qu'on lui rende pleine et entière justice — et je serais heureux d'y contribuer. Je me mets à la disposition de M-r de Loménie — seulement — quand et comment aurons nous cet entretien? — Je reviens à Paris vers le 10 Juillet mais pour aller aussitôt chez ma fille, qui à cette époque-là — je l'espère bien — m'aura fait grand père; ce n'est qu'au retour et avant d'aller à S-t Valery sur Somme où je compte rester jusqu'au mois d'Octobre qu'il me sera possible de vous faire une visite à Vert-Bois — et alors nous pourrions nous rencontrer. — Je vous écrirai, dans tous les cas, le jour de mon arrivée à Paris. — Quand aux lettres de Mérimée, j'en ai en effet une centaine — il y en a de fort curieuses dans le nombre — mais toute ma correspondance se trouve à Bade — et je ne l'aurai à Paris que vers le commencement de l'hiver. — Généralement parlant, ces lettres sont d'un style un peu... rabelaisien; mais il ne s'agit pas de les citer. Si M-r de Loménie peut attendre jusqu'au mois d'Octobre ou de Novembre — les choses peuvent s'arranger.

Je suis fort heureux d'apprendre que vous allez tous bien — et j'espère que nous vous aurons tous cet hiver à Paris — ne fut-ce que pour arranger les papiers de Nicolaï Ivanitch. — Tous ceux qui ont lu le volume que j'ai apporté en sont enchantés; le Messager de l'Europe l'a annoncé en termes fort élogieux. — Je n'ai pas pu voir grand'chose de tout ce qui fait ici dans ce moment; voilà bientôt 8 jours que je suis en proie à un accès de goutte; cela se passe petit à petit — mais dès que je pourrai me traîner, il faudra partir.

Mes meilleures amitiés à M-me votre mère et à tous les vôtres; je vous serre cordialement la main et vous dis au revoir.

J. Tourgueneff.

P. S. Puisque vous voulez bien ajouter foi à mes prédictions, sachez qu'il n'y a rien à craindre même d'un régime Gambettiste; la paix de l'Europe est assurée pour 2-3 ans au moins. — Après — je ne dis pas!—

Перевод № 31.

Москва.

27/15 июня 1872.

Дорогая М-lle Фанни,

Мой управляющий, приехавший из деревни, доставил мне Ваше письмо, и я спешу ответить на него. — Я, действительно, хорошо знал Мериме в последние годы его жизни — очень любил его — и, думаю, что хорошо изучил его характер. — Я готов быть в распоряжении г-на Loménie для

всех необходимых ему сведений — хотя, по правде говоря, я предпочел бы другого панегириста или скорее другого...—не потому, чтобы я сомневался в таланте г-на Loménie — но точки сопрокосновения его и Мериме слишком немногочисленны: эти две натуры слишком различны. В память Мериме я и желаю, чтобы ему была отдана полная и совершенная справедливость — и я буду счастлив содействовать этому. Я в полном распоряжении г-на Loménie — только когда и как произойдет наше свидание? — Я вернусь в Париж к 10-му июля для того, чтобы сейчас же отправиться к моей дочери, которая к этому времени, надеюсь, сделает меня дедушкой; только по возвращении и прежде, чем отправиться в S-t Valery на реке Somme, где я думаю пробыть до октября, я смогу быть у Вас в Vert-Bois, где мы и могли бы встретиться с ним. — Во всяком случае, я сообщу Вам о дне моего приезда в Париж. — Что же касается до писем Мериме, то их у меня, действительно, около сотни — в том числе есть очень любопытные — но вся переписка находится в Бадене и лишь к началу зимы будет мне доставлена в Париж. — Главным образом, письма эти немного в стиле... Рабеле; но цитировать их не следует. Все это можно устроить, если г-н Loménie согласится подождать до октября или до ноября.

Я очень счастлив, что все Вы в добром здоровье — надеюсь, что эту зиму Вы проведете с нами в Париже, хотя бы для того, чтобы разобрать бумаги Николая Ивановича.

Все, кто читал том, принесенный мною, в восторге от него; «Вестник Европы» отозвался о нем с большой похвалой. — Я не особенно в курсе здешних дел; вот уже 8 дней, как у меня приступ подагры; понемногу это проходит, и как только я буду в состоянии двигаться, я сейчас же уеду.

Мой привет Вашей матушке и всем Вашим; дружески жму Вам руку и говорю до свидания.

И. Тургенев.

P. S. Так как Вы верите в мои предсказания, то знайте, что нечего опасаться даже правления Гамбеттистов, мир Европы обеспечен на 2-3 года. по крайней мере. — Потом — я не говорю!

№ 32.

Paris.
48, rue de Douai.
17 Oct. 1872.

Chère Mademoiselle Fanny,

Je me tiendrai aux ordres de M-r de Loménie demain dès 1 heure — et je tâcherai de lui dire tout ce que je me rappellerai de Mérimée.

Puisque vous avez la bonté de vous intéresser à ma santé, je puis vous dire que depuis deux jours il y a une amélioration sensible — et que j'espère

bien pouvoir aller rue de Lille, dès que vous y serez, ce que ne tardera pas trop, n'est-ce pas?

Mes meilleures amitiés à tous les vôtres; je vous serre bien cordialement la main.

Votre bien dévoué

J. Tourguéneff.

Перевод № 32.

Париж.
48, улица Douai.
17 октября 1872.

Дорогая М-lle Фанни,

Я буду в распоряжении г-на Loménie завтра с 1 ч. — и постараюсь сказать ему все, что только вспомню о Мериме.

Раз Вы так добры, что интересуетесь моим здоровьем, могу Вам сказать, что есть заметное улучшение, и я надеюсь отправиться на улицу Lille, как только Вы там будете; неправда ли, что это будет в недалеком будущем?

Мой искренний привет всем Вашим; дружески жму Вам руку.

Ваш преданный Вам

И. Тургенев.

№ 33.

48, rue de Douai.
Samedi matin.
(1872).

Chère Madame,

Grâce à une inadvertance de domestique — votre lettre ne m'a été remise qu'à l'instant — je me hâte de vous envoyer ma réponse par un commissionnaire. — Viardot, qui connaît déjà Albert et qui sera enchanté de faire la connaissance de Pierre, doit passer toute la matinée d'aujourd'hui à l'Exposition — et il propose aux deux jeunes gens de venir le voir demain entre m i d i et 1 h e u r e. — De mon côté, j'irai vous voir aujourd'hui entre 1 h. et 2 — je verrai vos tableaux et puis de là nous pourrions peut être aller ensemble à l'Exposition, qui est belle cette année.

Je pars décidement L u n d i soir.

Au revoir et mille amitiés.

J. Tourguéneff.

Перевод № 33.

48, улица Douai.
Суббота утро.
(1872 г.).

Сударыня,

Благодаря оплошности прислуги — Ваше письмо передано мне только сейчас — спешу отправить Вам ответ с посыльным. — Виардо, который уже

знаком с Альбертом и который будет в восторге познакомиться с Пьером, должен сегодня все утро пробыть на выставке, а потому он предлагает молодым людям притти к нему завтра м е ж д у 12-ю и 1 ч. — Буду у Вас сегодня от 1 ч. до 2 ч., посмотрю Ваши картины, а от Вас, может быть, мы сможем отправиться на выставку, прекрасную в этом году.

Я решительно уезжаю в п о н е д е л ь н и к вечером.

До свидания и тысячу приветствий.

И. Тургенев.

До 1873 г.

№ 34.

48, rue de Douai.
Lundi soir.

Chère Madame Tourguéneff,

J'accepte avec le plus grund plaisir votre aimable invitation pour jeudi.

Agréez l'assurance de mes sentiments les plus affectueux.

Votre tout devoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 34.

48, улица Douai.
Понедельник вечер.

Дорогая г-жа Тургенева,

С большим удовольствием принимаю Ваше любезное приглашение на четверг.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении.

Ваш совершенно Вам преданный

Ив. Тургенев.

1875 г.

№ 35.

Paris.
48, rue de Douai.
Mardi, 18 Fev. 73.

Chère Mademoiselle Fanny,

J'accepte avec plaisir votre invitation pour demain, tout en vous faisant observer — que pour bien faire — c'est le 3 M a r s que devrait se donner le diner commémoratif, puisque c'est ce jour là qui correspond au 19 Février vieux style.

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 35.

Париж.
48, улица Douai.
Вторник, 18 февраля 73.

Дорогая М-lle Фанни,

С удовольствием принимаю Ваше приглашение на завтра, но все же должен Вам заметить, что, по настоящему, обед в память 19 февраля нужно было бы устроить 3 М а р т а потому, что этот день, как раз, соответствует 19 февраля по старому стилю.

Тысячу приветствий и до свидания.

Ив. Тургенев.

№ 36.

Paris.
48, rue de Douai.
Mardi, 1-er Av. 73.

Chère Mademoiselle Fanny — j'accepte avec plaisir votre invitation — et je viendrai demain boire un verre de champagne à la santé de Pierre.

Mille amitiés de votre tout dévoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 36.

Париж.
48, улица Douai.
Вторник, 1 апреля 73.

Дорогая М-lle Фанни, принимая с удовольствием Ваше приглашение, приду завтра выпить бокал шампанского за здоровье Пьера.

Тысячу приветствий от Вашего совершенно Вам преданного

Ив. Тургенева.

№ 37.

(10 Mai 1873).
(Paris).

Pour calmer vos terreurs.

Iv. Tourguéneff.

К этой записке приложена следующая вырезка из газеты «République Française» от 10 мая. Дата сделана рукой Ив. Сергеевича.

«Il nous est vraiment trop facile de crier victoire à propos des appréciations que nous avons faites sur le dernier bilan de la Banque de France. Celui du 8 mai vient justifier la continuation du mouvement général d'activité que nous avions pressenti. Cette fois, tous les signes de prospérité concourent à la fois, accroissement de l'encaisse, augmentation du portefeuille commercial, diminution des billets en circulation et élévation des comptes courants, tant

à Paris que dans les succursales. Il n'y a plus à discuter avec ceux qui voulaient nous montrer l'horizon en noir à cause du triomphe des candidatures radicales. Il suffit désormais de hausser les épaules et d'en rire». Rép. française du 10 Mai.

(10 мая 1873).

Перевод № 37. *(Париж).*

Чтобы успокоить Ваши опасения.

Ив. Тургенев.

К этой записке приложена следующая вырезка из газеты «République Française» от 10 мая. Дата сделана рукой Ив. Сергеевича.

«Действительно, нам легко торжествовать победу, по поводу произведенной нами оценки последнего баланса французского банка. Баланс 8 мая оправдал общее направление деятельности, которое мы предвидели. На этот раз все признаки благополучия явились одновременно, приток наличных денег в кассе, увеличение коммерческого портфеля министерства, уменьшение в обращении количества кредитных билетов и повышение текущих счетов, как в Париже, так и в его отделениях. Нечего более спорить с теми, кто хотел показать нам все будущее в мрачном свете, вследствие торжества радикальных кандидатур. Остается только пожимать плечами и смеяться надо всем этим».

№ 38.

(30 Mai).

Chère Mademoiselle Fanny,

Je regrette beaucoup ne pas pouvoir accepter votre invitation pour Samedi; Khanykoff et moi, nous avons arrangé pour ce jour un dîner avec Wyrouboff et un autre russe. — Je tâcherai de venir dans la soirée.

J'ai immédiatement pensé à vous, dès que j'ai appris la douloureuse nouvelle de la mort de M-r Martin; — c'est un coup bien cruel pour une aussi ancienne amitié que la votre!

Présentez, s'il vous plaît, à Madame votre mère, l'expression de ma sympathie la plus sincère et acceptez pour vous même l'assurance de mes sentiments les plus affectueux.

Iv. Tougruéneff.

48, rue de Douai.
Vendredi matin.

Перевод № 38. *(30 мая).*

Дорогая М-lle Фанни,

Очень сожалею, что не могу принять Вашего приглашения на субботу; Ханыков и я организовали на этот день обед с Вырубовым и еще одним русским. — Я постараюсь быть вечером.

Я тот же час вспомнил Вас, как только узнал о смерти г-на Martin;— это жестокий удар для такой старой дружбы, как Ваша!

Передайте, пожалуйста, Вашей матушке мое самое искреннее расположение и примите уверение в моем уважении.

Ив. Тургенев

48, улица Douai.
Пятница утро.

№ 39.

Boujival.
Maison Halgan.
Mercredi, 27 Août 73.

Chère Mademoiselle Fanny,

La lettre de M-r Leroy-Beaulieu est dans de très bons sentiments, comme l'était du reste celle qu'il m'avait écrite; il est évident qu'il regrette d'avoir agi un peu à la légère. La publication séparée aura certainement un autre titre; quant à celui qui se trouve dans la «Revue» — je ne crois pas qu'il soit possible de le changer — je connais trop mon Bulez pour cela. — Cependant M-me votre mère pourrait lui écrire — car enfin, on ne peut pas savoir — et pour ne pas de faire de réponses plus tard.

Je mets sous ce pli la lettre de M-r Beaulieu.

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 39.

Буживаль.
Дом Halgan.
Среда, 27 августа 73.

Дорогая M-lle Фанни,

Письмо г-на Leroy-Beaulieu благожелательно, как и то, впрочем, которое он прислал мне; очевидно, он сожалеет о том, что поступил необдуманно. Отдельный оттиск, конечно, будет с другим заглавием; что же касается того, который в «Обозрении» — не думаю, чтобы было возможно его изменить — я слишком хорошо знаю в этом отношении Bulez. — Все же Ваша матушка может написать ему, так как ничего не знаешь, что будет и, наконец, для того, чтобы не отвечать после.

Прилагаю при сем письмо г-на Beaulieu.

Тысячу приветствий и до свидания.

Ив. Тургенев.

№ 40.

Boujival.
Maison Halgan.
Vendredi, 29 Août 73.

Chère Mademoiselle Fanny,

La lettre est parfaite — et je l'ai expédiée; seulement je ne vous cache pas que je doute de la réussite. Nous sommes à l'avant-veille du 1-er Sept. —

jour de la publication de la Revue — l'article de M-r Leroy-Beaulieu, se trouvant au commencement du №, a du être mis en pages depuis une semaine au moins; et puis ces messieurs de la Revue sont si ridiculement infatués! — Enfin, Madame votre mère a fait ce qu'elle a pu et dû faire.

Mille amitiés et au revoir.

I . Tourguéneff.

Перевод № 40.

Буживаль.
Дом Halgan.
Пятница, 29 августа 73.

Дорогая M-lle Фанни,

Письмо прекрасно — и я его уже отправил; только не хочу скрывать от Вас, что я сомневаюсь в успехе. Мы накануне 1-го сентября — дня выпуска Обозрения — статья г-на Leroy-Beaulieu, будучи в начале №, должна была быть набрана, по крайней мере, неделю тому назад; и потом эти господа Обозрения так смешно придирчивы! — Впрочем, Ваша матушка сделала все, что она могла и должна была сделать.

Тысячу приветствий и до свидания.

Ив. Тургенев.

№ 41.

Bougival.
Maison Halgan.
Mercredi, 3 Sept. 73.

Mon cher Albert,

Je viens, comme on dit chez nous, с повинной головою: il nous est tombé pour demain une invitation à une bonne chasse — et je n'ai pas eu la force de résister — et je vous prie de vouloir bien m'excuser auprès de Madame votre mère ,si je ne viens pas demain. — Je viendrai certainement s'il pleut, car alors la chasse est impossible! — Vous qui, à vous seul, êtes aussi sage que les sept sages de la Gréce — vous devez pourtant comprendre les entrainements de la passion. — En tout cas je compte sur votre condescendance aux faiblesses humaines.

Mille amitiés et au revoir Lundi, si ce n'est demain.

Votre

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 41.

Буживаль.
Дом Halgan.
Среда, 3 сентября 73.

Мой дорогой Альберт,

Я приношу Вам, как говорят у нас, повинную голову: мы получили на завтра приглашение на охоту — и у меня не хватило сил отказаться —

прошу передать мои извинения Вашей матушке, если я не буду завтра. — Я приду, конечно, если будет дождь, так как тогда охота невозможна! — Вы, мудрый, как семь мудрецов Греции — Вы должны все же понять влечение страсти. — Во всяком случае, надеюсь на Вашу снисходительность к человеческим слабостям.

Тысячу приветствий и до свидания до понедельника, если не до завтра.

Ваш

Ив. Тургенев.

№ 42.

Bougival.
Maison Halgan.
Vendredi, 5 Sept. 73.

Chère Mademoiselle Fanny,

Je vous remercie bien cordialement au nom de ma fille et de ma petite fille de votre charmant cadeau: nous sommes tous bien sensibles à cette marque de bonne amitié!

J'ai été puni d'avoir cédé à l'entrainement de la passion: je n'ai rien tué, le temps a été mauvais après une belle matinée — et je me suis blessé les pieds avec mes souliers. — Décidément il faut pendre le fusil au croc.

Nous espérons tous vous voir Lundi soir — et je me mets à votre disposition pour le jour qu'il vous plaira de choisir la semaine prochaine.

En attendant je vous serre bien affectueusement la main.

Votre

J. Tourguéneff.

P. S. Mille amitiés à tous les vôtres.

Перевод № 42.

Буживаль.
Дом Halgan.
Пятница, 5 сентября 73.

Дорогая М-lle Фанни,

Сердечно благодарю Вас от имени моей дочери и внучки за Ваш чудный подарок: мы все тронуты Вашей дружбой.

Я был наказан за то, что поддался влечению страсти: я ничего не убил, погода была скверная после прекрасного утра — и, наконец, я поранил себе ноги ботинками. — Очевидно, надо повесить ружье на крюк.

Все мы надеемся видеть Вас всех в понедельник вечером — и я в полном Вашем распоряжении в какой угодно день на будущей неделе.

Пока, дружески жму Вам руку.

Ваш

И. Тургенев.

P. S. Тысячу приветствий всем Вашим.

№ 43.

Bougival.
Maison Halgan.
Jeudi, 16 Oct. 73.

Chère Madame,

J'ai mille excuses à vous faire de n'être pas venu hier. — Mais j'ai été retenu à Paris bien plus longtemps que je ne l'avais cru. — Je remercie beaucoup Pierre de s'être donné la peine d'aller chez le garde; les conditions paraissent bonnes — mais le jardinier d'ici s'offre à garder le chien — ce qui est un avantage en ce sens, que le chien le connaît et est habitué à la maison. — Du reste, j'irai vous voir Samedi — la veille de notre départ définitif; il commence à faire un peu trop froid dans nos chambres.

Au revoir — mille amitiés à tout le monde; je vous serre bien cordialement la main.

Ivan Tourguéneff.

P. S. Eh bien? et les élections ? Qu'en dites vous? — Vous voyez qu'une partie de mes prédictions commence à se réaliser.

Перевод № 43.

Буживаль.
Дом Halgan.
Четверг, 16 Октября 73.

Сударыня,

Тысячу раз извиняюсь за то, что не был вчера. — Но я задержался в Париже дольше, чем я думал. — Благодарю Пьера за хлопоты со сторожем; условия хорошие, — но здешний садовник предлагает ходить за собакой — что является преимуществом в том отношении, что собака знает его и привыкла к дому. — Во всяком случае, я буду у Вас в субботу — накануне нашего окончательного отъезда; уже становится холодно в комнатах.

До свидания — тысячу приветствий всем; дружески жму Вам руку.

Иван Тургенев.

P. S. А выборы? Что Вы скажете? — Как видите, часть моих предсказаний начинает сбываться.

№ 44.

Paris.
48, rue de Douai.
Samedi, 1-er Nov-bre 73.

Chère Madame,

J'ai une demande à vous faire, que je me permets de vous communiquer immédiatement. — J'ai besoin d'un domestique mâle, jeune encore, propre et honnête pour me servir de valet de chambre. — Il n'aurait pas grand'chose à faire, et il serait bien payé. — Comme vous avez des domestiques modèles — vous savez probablement le bon endroit, où il faut les prendre, et je me permets

de m'adresser à vous. Auriez vous peut-être quelque bon sujet en vue?—Ou bien pouviez vous m'indiquer, comment il faut chercher? — Je vous serais bien reconnaissant, si vous vouliez me faire un mot de réponse.

Comptez-vous rester longtemps encore à Vert-Bois? — Et, dites, que pensez-vous de mes prophéties? — M-r de Chamlerd aurait juré de les faire réunis, qu'il ne l'y serait pas pris autrement. Vous voyez que je n'ai pas encore à craindre d'avoir la tête tranchée sur le chemin de votre parc.

Mille amitiés à tout le monde — et au revoir — soit ici, soit à Vert-Bois. — Je vous serre bien cordialement la main.

Votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Перевод № 44.

Париж.
48, улица Douai.
Суббота, 1 ноября 73.

Сударыня,

У меня к Вам просьба, которую я и хочу сообщить Вам немедленно. — Мне нужен слуга, молодой, чистоплотный и честный, чтобы быть у меня лакеем. — У него будет не особенно много работы, но оплачиваться он будет хорошо. — Так как у Вас образцовая прислуга, то Вы, вероятно, знаете, где ее можно найти, а потому я и позволяю себе обратиться к Вам. Может быть, у Вас есть кто-нибудь в виду? — Или, может быть, Вы мне укажете, где найти?— Я буду Вам очень благодарен, если Вы мне ответите.

Долго Вы думаете пробыть в Vert-Bois? — А что Вы думаете о моих предсказаниях? — Даже, если бы г-н Chamlerd пообещал собрать их, он не мог бы взяться за это иначе. Как видите, мне нечего еще бояться за мою голову по дороге из Вашего парка.

Тысячу приветствий всем — и до свидания или здесь, или в Vert-Bois. — Дружески жму Вам руку.

Совершенно Вам преданный

И. Тургенев.

№ 45.

Vendredi soir.
48, rue de Douai.
(5 Déc. 1873).

Chère Madame Tourguéneff, je reviens de chez ma fille, où j'ai passé deux jours — et je trouve votre lettre. — A mon grand regret je ne puis accepter votre invitation pour Dimanche, ayant déjà un engagement pour ce jour là. Ce sera pour une autre fois, si vous le voulez bien. — Je compte aller vous voir dans la matinée de Lundi et en attendant je vous prie d'accepter l'expression de mes sentiments bien affectueux.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 45.

Пятница вечер.
48, улица Douai.
(5 декабря 1873).

Дорогая г-жа Тургенева, вернувшись от моей дочери, где я провел два дня, я нашел Ваше письмо. — К большому сожалению, я не могу принять Вашего приглашения на воскресенье, так как я в этот день уже занят. Если Вам будет угодно, то до другого раза. — Я рассчитываю быть у Вас в понедельник утром, пока же прошу Вас принять уверение в моем уважении.

Ив. Тургенев

№ 46.

(Paris)

Chère Madame Tourguéneff,

Voici ce qui m'arrive: hier à l'hôtel Drenol j'ai emprunté 150 f. à Albert; aujourd'hui je vais de nouveau à l'hôtel Drenol — et je me laisse entraîner à acheter pour 1.000 f. de b i b e l o t s ; and to my dismay — je m'aperçois que demain c'est D i m a n c h e — et je ne puis échanger chez Rothschild une lettre de change de 10,000 f., que je possède — et les bibelots seront apportés demain. — Il faut donc que je me jette à vos pieds en vous demandant d'avoir la bonté de m'envoyer 1.000 f. par cet envoyé — et Lundi je m'empresserai de vous restituer toute la somme avec mille et mille remerciements.

Excusez mon indiscrétion et — croyez à la sincérité de mes sentiments bien affectueux.

Iv. Tourguéneff.

Samedi, 20 Dec. 73.
8 h. du soir.

Перевод № 46.

(Париж)

Дорогая г-жа Тургенева,

Вот, что со мной случилось: вчера в гостиннице Drenol я занял у Альберта 150 франков; сегодня я снова отправился в гостинницу Drenol — и увлекся покупкой безделушек на 1.000 франков; вдруг я с ужасом вспоминаю, что завтра в о с к р е с е н и е — и я не смогу обменять у Ротшильда чек на 10.000 франков, — а безделушки будут доставлены завтра. — Итак, коленопреклоненно прошу Вас прислать мне 1.000 франков с посланным, — а в понедельник я возвращу Вам всю сумму с тысячью благодарностей.

Простите за мою нескромность и верьте в искренность моих чувств.

Ив. Тургенев.

Суббота 20 декабря 73.
8 часов вечера.

№ 47.

(после 20 дек. 1873).
(Paris).

Chère Madame Tourguéneff, voici les 1.500 f. que vous avez eu la bonté de me prêter, et que je vous aurais portés moi-même, si je n'étais retenu à la maison depuis cinq jours par un accès de goutte au genou. — J'y ajoute aussi les 8 fr. que vous avez payés pour moi (une assurance contre l'incendie)— comme vous pouvez le juger par le billet ci-joint.

Recevez mes remerciements les plus sincères ainsi que mes meilleurs souhaits de nouvelle année.

Votre bien dévoué *Iv. Tourguéneff.*

P. S. Il y a deux francs de trop, que vous aurez l'obligeance de faire remettre au commissionnaire.

Перевод № 47. *(после 20 дек. 1873 г.).*
(Париж).

Дорогая г-жа Тургенева, вот 1.500 франков, которые Вы были так добры одолжить мне и которые, конечно, я вернул бы Вам лично, если бы я не должен был оставаться дома уже 5-й день из-за приступа подагры в колене.—К ним я прибавил также 8 франков, которые Вы заплатили за меня (страхование от огня) — что видно из прилагаемой квитанции.

Примите мою самую искреннюю благодарность, а также мои лучшие пожелания к новому году.

Ваш Вам преданный

Ив. Тургенев.

P. S. Два лишние франка будьте любезны отдать посланному.

№ 48.

48, rue de Douai.
Dimanche, 28 Dec. 73.

Chère Madame Mohl,

Je n'ai pas reçu d'autre lettre que celle qui vient de m'arriver — et je me hâte de vous faire savoir que j'accepte avec plaisir votre invitation pour Vendredi.

Agréez l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 48. *48, улица Douai.*
Воскресение, 28 декабря 73.

Дорогая г-жа Моль,

Я получил только одно письмо — и спешу сообщить Вам о том, что с удовольствием принимаю Ваше приглашение на пятницу.

Примите уверение в моем уважении.

Ив. Тургенев.

№ 49.

48, rue de Douai.
Lundi.
(1873 г.).

Mon cher Albert,

Vous serait-il égal de venir M e r c r e d i (à 9 h.) au lieu de demain? Demain j'ai certains empêchements. Je vous demande bien pardon disposer ainsi de votre temps — mais vous savez qu'il est naturel à l'homme d'abuser de la complaisance d'autrui — et surtout quand elle est aussi grande que la vôtre.

En vous remerciant d'avance je suis
Votre tout dévoué *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 49.

48, улица Douai.
Понедельник.
(1873 г.).

Мой дорогой Альберт,

Может быть, Вам все равно притти в с р е д у (в 9 часов) вместо сегодняшнего дня? Завтра у меня дела. Я очень извиняюсь за то, что распоряжаюсь так Вашим временем — но Вы знаете, что человеку свойственно пользоваться любезностью другого — особенно, когда она так безгранична, как Ваша.

Заранее благодарю Вас и остаюсь Ваш совершенно Вам преданный
Ив. Тургенев.

(1873 г).

№ 50.

Voici le S a l o n, chère Mademoiselle Fanny — mais la fin n'y est pas en entier—je vous porterai demain la continuation. — Quant à Pierre, je ne vois pas autre chose que la naturalisation française.

Mais nous en reparlerons.

Tout à vous *J. Tourguéneff.*

Lundi.
(1873 г.).

Перевод № 50.

Вот и С а л о н, дорогая М-lle Фанни — но конца нет — завтра принесу Вам продолжение. — Что же касается Pierre'a, я не вижу ничего другого, как натурализацию во Франции.

Но мы еще поговорим об этом.

Совсем Ваш *И. Тургенев.*

Понедельник.

№ 51.

48, rue de Douai.
Dimanche matin.
(1873 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

Il m'est impossible d'aller vous voir aujourd'hui — il m'est venu un petit abcés dans l e n e z (j'en souffrais déjà hier à l'église) — et maintenant il faut que j'attende la fin de cette petite misère. J'espère pouvoir aller demain ou Mardi au plus tard pour causer de votre résolution qui, je l'avoue, me remplit d'étonnement encore plus que d'admiration. En attendant je vous serre bien cordialement la main.

Votre tout devoué

J. Tourguéneff.

Перевод № 51.

48, улица Douai.
Воскресение утро.
(1873 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

Я не могу быть у Вас сегодня — у меня небольшой нарыв в н о с у — (я уже вчера мучился от этого в церкви) — и необходимо подождать конца этого несчастия. Надеюсь, что завтра, самое позднее во вторник, я смогу быть у Вас, чтобы поговорить о Вашем решении, вызывающем мое удивление еще более, чем восторг. Пока дружески жму Вам руку.

Ваш совершенно Вам преданный

И. Тургенев.

№ 52.

(После 1873 г.).

Chère Madame,

Nous acceptons avec un véritable plaisir votre aimable invitation pour le dîner d'après-demain. Elle nous fait d'autant plus de plaisir, que nous y voyons une preuve de l'amélioration de votre santé.

Agréez l'expression de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

Dimanche matin.

Перевод № 52. *(После 1873 г.).*

Дорогая Г-жа Тургенева,

С искренним удовольствием принимаем Ваше любезное приглашение на обед на послезавтра. Оно тем более нам приятно, что мы видим в этом признак улучшения Вашего здоровья.

Примите уверение в моем искреннем уважении.

И. Тургенев.

Воскресение утро.

1875 г.

№ 53.

50, Rue de Douai.
Lundi, 25 Janv. 75.

Mon cher Albert,

Je crois qu'il y a un bon coup à faire — voici de quoi il s'agit. — Il y a chez un marchand de bric à brac rue de L è o r e s № 15 — un véritable S a l o m o n R u y s d a e l. (Viardot l'a vu et le certifie) — il en demande 1.200 fr.— il le céderait probablement à moins. — Je l'aurais acheté s'il ne ressemblait d'un façon frappant à celui que j'ai et que vous connaissez — la disposition est la même — seulement les vaches sont autrement placées. — Il est moins fin que le mien — mais aussi le mien a coûté 3.500 fr. Voyez si le coeur vous en dit.

Il a un vieux cadre affreux — mais c'est une misère à réparer.

Mille amitiés.

T. à v. *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 53.

50, улица Douai.
Понедельник, 25 января 75.

Мой дорогой Альберт,

Я думаю, что представляется хороший случай — вот в чем дело. — У антиквара на улице L è o r e s № 15 — есть подлинный С о л о м о н Р ю и с д а л ь. (Виардо видел его и подтверждает) — он просит за него 1.200 франков, — вероятно, он его уступит. — Я купил бы его, если бы он поразительно не походил на моего, которого Вы знаете — содержание то же самое, только размещение коров иное. — Он не так тонко исполнен, как мой, но ведь мой стоил 3.500 франков. Посмотрите, что Вам подскажет сердце.

У него ужасная старая рама — но это поправимо.

Тысячу приветствий.

Совершенно Ваш *Ив. Тургенев.*

После 1875 г.

№ 54.

Paris
50, Rue de Douai.
Lundi.
(После 1875 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

Je pars d'ici Samedi et certainement je ne quitterai pas Paris sans aller vous voir. — En attendant je puis vous dire que tous les papiers en question sont conservés sous scellé chez Stassulevitch, qui me les remettra dès mon arrivée à P-bourg.

Mille amitiés et à bientôt.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 54.

Париж.
50, улица Douai.
Понедельник.
(После 1875 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

Я уезжаю отсюда в субботу, и, конечно, я не уеду из Парижа, не повидав Вас. — Пока же я могу сказать Вам, что все бумаги по данному вопросу хранятся запечатанными у Стасюлевича и будут переданы мне им по моем приезде в Петербург.

Тысячу приветствий и до скорого свидания.

Ив. Тургенев.

№ 55.

50, Rue de Douai.
Mardi, 4 h.
(После 1875 г.).

Mon cher Albert,

Depuis que je vous ai vu voici ce qui est arrivé. — Mon ami, M-r Sunjlueg a une anesse de 5 ans, qui est une merveille de beauté! Seulement comme il l'avait achetée pour avoir du lait — il y a un an qu'on ne l'a attelée. — Elle a l'air fier comme un Empereur! —

Je crains qu'elle ne soit trop vive. — Aussi voici ce que j'ai fait. Je suis allé chez Blondé, j'ai payé la voiture — il l'enverra demain chez Sunjlueg avec un harnai provisoire. Le cocher de S. — essayera l'anesse — et si elle est douce (comme il le prétend) — je la prendrai — et je commanderai un harnai définitif. — Je crois devoir vous dire tout cela, pour que vous ne fussiez plu de démarches — jusqu'à nouvel avertissement — Cette anesse tient ses oreilles comme un cerf — comme cela[1]).

Elle est d'un beau gris de perle. Enfin la mariée est trop belle!

Mille amitiés et remerciements

T. à v.

J. Tourguéneff

Перевод № 55

50, улица Douai.
Вторник, 4 часа.
(После 1875 г.).

Мой дорогой Альберт,

С тех пор, как я Вас видел, вот что произошло. — У моего друга, г-на Sunjlueg, ослица 5 лет, чудо красоты! Но так как он купил ее для того, чтобы пользоваться молоком, то вот уже год, как ее не запрягали. — Она горда, как император!

[1]) См. выноску на стр. 215.

Я боюсь ее живости. — И вот что я сделал. Я отправился к Blondé и купил у него повозку — завтра он доставит ее к Sunjlueg вместе с временной упряжью. Кучер S. испытает ее — и, если она тихая (как он уверяет) — я ее возьму и закажу упряжь уже окончательную. — Считаю долгом сказать Вам все это для того, чтобы Вы больше не хлопотали — пока я не сообщу Вам чего-нибудь. — У этой ослицы уши, как у оленя — вот так[1]). Она светло-серая. Одним словом, невеста прекрасна!

Тысячу приветствий и благодарностей.
Совершенно Ваш *И. Тургенев.*

№ 56.

50, Rue de Douai.
Dimanche, 1 h.
(После 1875 г.).

Mon cher Albert,

À peine votre envoyé était-il parti, que je me suis rappelé que j'étais engagé pour 3 h. aujourd'hui. — Je ne pourrai donc venir chez vous qu'après demain vers 11 h. $^1/_2$. — Excusez cet embrouillamini et recevez un cordial shake hand.

De Votre *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 56.

50, улица Douai.
Воскресение, 1 ч.
(После 1875 г.).

Мой дорогой Альберт,

Едва Ваш посланный ушел, как я вспомнил, что я уже приглашен сегодня в 3 часа. — Я могу быть у Вас только послезавтра к 11-ти часам с половиной. — Простите эту путаницу и примите дружеское рукопожатие от Вашего

Ив. Тургенев.

№ 57.

(Paris).
(После 1875 г.).

Mon cher Albert,

Vous êtes gentil comme toujours! — Si vous le voulez bien, j'irai chez vous aujourd'hui vers t r o i s heures (je serai dans votre voisinage), — ou bien alors j'irai Mardi vers 11 h. — Si vous devez sortir, ne vous gênez pas

[1]) Дальше следует рисунок Ивана Сергеевича, изображающий голову этой ослицы с длинными ушами.

pour aujourd'hui — je vous repète que je serai dans tous les cas dans votre voisinage.

Tout à vous *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 57.

(Париж).
(После 1875 г.).

Мой дорогой Альберт,

Вы милы, как всегда — если хотите, я буду у Вас сегодня к 3-м часам (я буду по соседству с Вами) — или я буду у Вас во вторник к 11-ти часам. Если Вам нужно уйти сегодня — не стесняйтесь — повторяю, я буду по соседству с Вами.

Совершенно Ваш *Ив. Тургенев.*

№ 58.

50, Rue de Douai.
Samedi soir.
(После 1875 г.).

Mon cher Albert,

Je viens vous demander un petit renseignement. — Qu'est ce que c'est que ce M-r Corard, agent de change, dont la maison est contigüe à la vôtre (à Bougival)? — Un ami à moi veut l'acheter. — Avez vous quelques renseignements à donner sur le personnage et sur l'immeuble? — Peut-être, si vous connaissez bien le monsieur, seriez vous assez aimable pour m'envoyer un petit mot à son adresse pour le rendre coulant. — La personne qui veut acheter la maison — (on en demande 40,000 fr. sans meubles) est M-r Chamerot, père du gendre de M-r Viardot.

Vous seriez bien gentil de me donner un mot de réponse.

T. à v. *Iv. Tourguéneff.*

P. S. J'ai trouvé l'argent, qu'il fallait à ma fille. — Vous m'avez rendu tant de services, que je ne doute pas de l'impossibilité où vous avez été de faire ce que je vous demandais. — Mais tout c'est très bien arrangé. — Mille amitiés à tous les vôtres.

Перевод № 58.

50, улица Douai.
Суббота вечер.
(После 1875 г.).

Мой дорогой Альберт,

Я хочу навести у Вас маленькую справку. — Что такое представляет из себя г-н Corard, биржевой маклер, дом которого смежный с Вашим (в Буживале)? — Мой друг хочет его купить. — Можете ли Вы дать кой-какие сведения и о самой личности и о недвижимом имуществе? — Может

быть, если Вы знаете его довольно хорошо, вы дадите мне записку на его имя, чтобы сделать его более сговорчивым. — Дом хочет купить (просят за него 40,000 франков) г-н Chamerot, отец зятя г-на Виардо.

Вы будете очень любезны, если ответите мне.

Совершенно Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Я нашел деньги для моей дочери. — Вы мне оказали столько услуг, что, я уверен, Вы были не в состоянии исполнить то, о чем я Вас просил. Но все очень хорошо устроилось. — Тысячу приветствий всем Вашим.

№ 59.

Paris
50, Rue de Douai.
Dimanche soir.
(После 1875 г.).

Mon cher Albert,

Je souscris des deux mains à ce que vous proposez — et j'espère que l'épreuve tournera «ad majorem equi gloriam».

Voulez-vous avoir la bonté de prier votre mère de remettre le diner de demain à M a r d i ? Cela m'arrangerait fort — et puisque c'est un diner «sans cérémonie», j'espère que cela ne dérangera rien.

Mille amitiés.

T. à v. *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 59.

Париж.
50, улица Douai.
Воскресенье вечер.
(После 1875 г.).

Мой дорогой Альберт,

Я подписываюсь обеими руками под тем, что Вы предлагаете — и надеюсь, что испытание кончится «ad majorem equi gloriam».

Не попросите ли Вы Вашу матушку отложить завтрашний обед до вторника? Это очень устроило бы меня, а так как обед запросто, то я думаю, что это ничему не помешает.

Тысячу приветствий.

Совершенно Ваш *Ив. Тургенев.*

№ 60.

50, Rue de Douai.
Mercredi.
5 Heures. (После 1875 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

Je reçois à l'instant votre lettre — et je me serais rendu immédiatement chez vous, si je n'étais depuis cinq jours cloué à ma chambre par une angine

de poitrine, qui ne me permet pas seulement de marcher. — Donnez moi un mot de nouvelles sur votre cher malade — dont la constitution triomphera certainement de cette maladie, dont on sait si bien venir à bout maintenant.

Je vous serre la main avec la plus entière sympathie.

Votre tout dévoué *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 60.

50, улица Douai.
Среда.
5 часов. (После 1875 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

Я только что получил Ваше письмо — и, конечно, немедленно отправился бы к Вам, если бы не сидел пятый день дома из-за грудной жабы, не позволяющей мне ходить. — Сообщите мне о здоровье Вашего дорогого больного, организм которого, конечно, победит болезнь, с которой, к тому же, умеют теперь так хорошо справляться.

Дружески жму Вам руку.

Совершенно преданный Вам Ваш *Ив. Тургенев.*

№ 61.

Paris.
50, Rue de Douai.
Dimanche matin.
(После 1875 г.).

Mon cher Albert,

Je suppose que vous étiez venu avant hier avec vos nouveaux chevaux... — mais, contrairement à mon habitude, j'ai dû sortir de très bonne heure pour assister à l'enterrement du père de mon gendre, M-r Bruère. J'espère vous voir demain à l'Exposition — mais si vous vouliez me fixer un jour où je pourrais aller avec vous et Pierre — chez le marchand de chiens — vous serez bien gentil. — Ecrivez moi deux mots — et je viendrai à l'heure indiquée. — Mille amitiés à tous les vôtres.

Votre bien dèvoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 61.

Париж.
50, улица Douai.
Воскресение утро.
(После 1875 г.).

Мой дорогой Альберт,

Наверно, третьего дня Вы были с Вашими новыми лошадьми... — но, против обыкновения, я должен был рано выйти из дому — на похороны отца моего зятя, г-на Брюэра. Надеюсь видеть Вас завтра на выставке —

но, если Вы пожелаете назначить мне день, когда я мог бы с Вами и с Пьером отправиться к торговцу собаками — Вы будете очень любезны. — Напишите мне два слова — и я буду в указанный час. — Тысячу приветствий всем.

Ваш совершенно Вам преданный

Ив. Тургенев.

1876 г.

№ 62.

50, Rue de Douai.
Vendredi matin.
(11 Février 1876).

Chère Madame Tourguéneff,

J'ai attendu jusqu'à ce matin pour répondre à votre aimable invitation — car je suis repris de nouveau d'un accès de goutte et j'espérais que cela se calmerait aujourd'hui! — Mais il n'en est pas ainsi — et me voilà sur le flanc pour quelques jours au moins. — Vous jugerez de mes regrets. — J'aurais été heureux d'offrir en personne à M-lle Fanny mes meilleurs voeux et souhaits. — Ayez l'obligeance de le faire à ma place — et acceptez avec l'expression de mes regrets celle — de mes sentiments les plus affectueux.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 62.

50, улица Douai.
Пятница утро.
(11 февраля 1876).

Дорогая г-жа Тургенева,

Я ждал до сегодняшнего утра, чтобы ответить на Ваше любезное приглашение — так как у меня снова приступ подагры и я надеялся, что сегодня мне будет легче. — Но не тут-то было — и я снова на боку на несколько дней, по крайней мере. — Вы представляете себе, как я сожалею. — Я был бы счастлив принести лично M-lle Фанни мои лучшие пожелания. — Будьте любезны сделать это за меня, а также примите уверение в моем уважении.

Ив. Тургенев.

№ 63.

Paris.
50, Rue deDouai.
Lundi.
(28 Février 1876).

Chère Mademoiselle Fanny,

J'acépte avec plaisir votre invitation pour Jeudi — seulement je serai obligé de m'en aller à 9 h. $^1/_2$ — car ce jour là a lieu l'inauguration des

soirées musicales chez M-me Viardot (vous devez avoir reçu l'invitation ainsi que vos frères) — et je ne pourrai me dispenser d'y assister.

Acceptez l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 63.

Париж.
50, улица Douai.
Понедельник.
(28 февраля 1876).

Дорогая M-lle Фанни,

Принимаю с удовольствием Ваше приглашение на четверг — только я должен буду уйти в 9 с половиной часов — так как в этот день открытие музыкальных вечеров у г-жи Виардо (Вы и Ваши братья должны были получить приглашение) — и я не могу не быть там.

Примите уверение в моем уважении.

Ив. Тургенев.

№ 64.

Paris.
50, Rue de Douai.
Lundi, 13 Nov-bre 76.

Chère Madame Tourguéneff,

Si vous tenez à avoir mon ami Viardot à votre déjeuner — il vous faudrait le remettre à S a m e d i — car Mercredi cela lui serait impossible. — De chez vous nous passerions une pointe jusqu'aux Frènes, pour voir s'il y a moyen d'accrocher un lapin, grâce aux feuilles tombées. Si vous ne me faites rien dire — je comprendrais que vous acceptez ce petit changement; si non, veuillez m'écrire un mot — et je viens, comme je l'ai dit, s a n s t é l e g r a m m e, — Mercredi.

Mille amitiés de votre tout dévoué

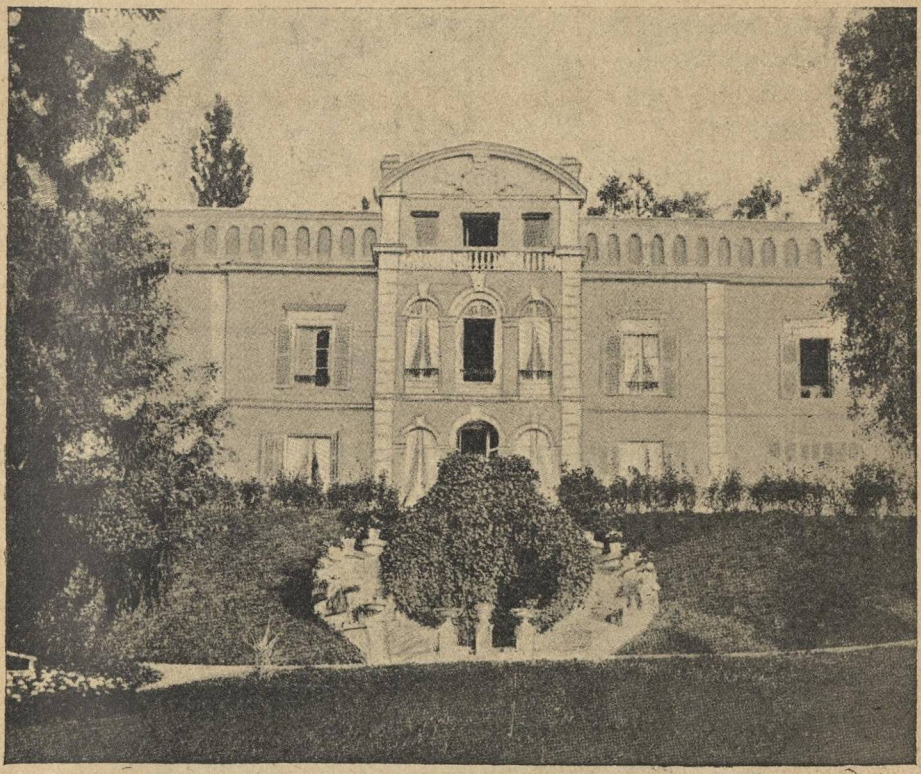
Iv. Tourguéneff.

Перевод № 64.

Париж.
50, улица Douai.
Понедельник, 13 ноября 76.

Дорогая г-жа Тургенева,

Если Вы непременно хотите, чтобы мой друг Виардо был у Вас на завтраке — отложите его до с у б б о т ы — так как в среду он не может быть. — От Вас мы могли бы пройти от вершины холма до Frènes, попытать



„Vert-Bois“ — „Зеленая Роща“.
Фасад на реку Сену.

счастья взять кролика, благодаря листопаду. Если от Вас ответа не будет — я буду считать, что перемена эта принята Вами; если нет — будьте добры ответить мне — и я явлюсь, как я уже сказал, без всякой телеграммы, в среду.

Тысяча приветствий от Вашего совершенно Вам преданного

Ив. Тургенева.

№ 65.

50, rue de Douai.
Paris.
Dimanche, 10 Déc.
(1876 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

J'accepte avec plaisir votre invitation pour après-demain et vous prie de croire à mes sentiments les plus affectueuux.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 65.

50, улица Douai.
Париж.
Воскресение, 10 декабря.
(1876 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

С удовольствием принимаю Ваше приглашение на послезавтра и прошу верить в мое самое искреннее уважение.

1877 г.

Ив. Тургенев.

№ 66.

50, rue de Douai.
Paris.
Mercredi soir. (1877).
(28 Fevr.).

Chère Madame Tourguéneff,

Je crois bien que vous pouvez compter sur moi pour Samedi. — J'aurais été désolé d'avoir manqué cette fête commémorative, pendant laquelle le souvenir de votre vénérable mari se réveille toujours avec une nouvelle force. —

A Samedi, chère Madame, et croyez à mes sentiments dévoués.

Ivan Tourguéneff.

Перевод № 66.

50, улица Douai.
Париж.
Среда вечер. (1877).
(28 февр.).

Дорогая г-жа Тургенева,

Думаю, что Вы можете рассчитывать на меня в субботу. — Я был бы очень огорчен, если бы мне не удалось быть на этом празднике (в память 19 февраля), во время которого воспоминание о Вашем уважаемом супруге воскресает с новой силой.

До субботы, сударыня, и верьте моей преданности.

Иван Тургенев.

№ 67.

50, rue de Douai.
Paris.
Vendredi, 18 Mai, 2 h. (1877 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

A mon grand regret, il m'est impossible de dîner aujourd'hui chez vous. — Mais je ne quitterai certainement pas Paris sans aller vous rendre visite. — Mes jambes vont mieux — et je commence à espérer qu'il me sera possible de partir vers la fin de la semaine prochaine.

Je ne vois pas trop ce qui peut réjouir Pierre: ce ne sont pas les bonapartistes, ce sont les cléricaux, les prêtres catholiques, qui triomphent; et si vous voulez bien vous souvenir — j'ai toujours prédit que c'est là qu'est le danger. Tout pays qui tombe dans leurs mains est un pays immanquablement destinée à périr — (comme la Pologne p. e.). — Quant au retour de Napoléon — j'offre à Pierre un pari de mille francs — et j'allonge l'époque fixée jusqu'au nouvel an. — Ce n'est pas le premier pari de ce genre que j'aurai gagné.

Au revoir; — ce qui se passe en Russie me rend triste — et m'ôte à peu près la possibilité de m'occuper des chers Romains.

Tout à vous

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 67.

50, улица Douai.
Париж.
Пятница, 18 мая, 2 часа. (1877 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

К моему большому сожалению, я не могу обедать у Вас сегодня. — Но я, конечно, не уеду из Парижа, не побывав у Вас. — Ногам моим лучше,

и я начинаю надеяться на возможность уехать в конце будущей недели. Мне непонятна радость Пьера: ведь не бонапартисты, а клерикалы, католические священники одержали победу; вспомните, я всегда говорил, что тут-то и есть опасность. Всякая страна, попадающая в их руки, неизбежно обречена на гибель (как, например, Польша). — Что же касается до возвращения Наполеона, я предлагаю Пьеру пари на тысячу франков—увеличив назначенный срок до нового года. — Не первое пари подобного рода я выигрываю.

До свидания — то что творится в России, глубоко огорчает меня и лишает меня почти возможности заняться дорогими мне римлянами.

Совсем Ваш

Ив. Тургенев.

№ 68.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Vendredi, 28 sep. (1877 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

Ce matin je n'ai pas eu le temps de vous écrire et je vous ai envoyé mon domestique; je viens vous faire mes excuses de ce sans façon et vous répéter mes regrets de ne pas pouvoir profiter de votre aimable invitation.

Voulez vous avoir la bonté de faire savoir à Joukofsky que je ne puis pas non plus dîner avec lui demain, comme j'en avais l'intention et que je le prie de remettre ce diner à M a r d i ? — J'en parlerai demain à M-r Arapetoff.

Agréez l'expression de mes sentiments les plus dévoués.

Ivan Tourguéneff.

Перевод № 68.

Буживаль.
Les Frènes.
Châlet.
Пятница, 28 сентября. (1877 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

Сегодня утром у меня не было времени написать Вам, и я послал к Вам слугу; я извиняюсь перед Вами за такую бесцеремонность и еще раз сожалею о невозможности принять Ваше любезное приглашение.

Не будете ли добры дать знать Жуковскому, что я тем более не могу обедать с ним завтра, как я хотел, и прошу его отложить обед до в т о р н и к а ? Я сообщу об этом завтра Арапетову.

Примите уверение в моей преданности.

Иван Тургенев.

№ 69.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Jeudi matin.

Chère Madame Tourguéneff,

Je me ferai un vrai plaisir de venir chez vous demain vers $11^1/_2$.

Je suis coupable, je l'avoue, de n'être pas allé vous voir pendant tout ce temps si cruel pour tout Russe: je ne puis vous cacher que j'avais presque peur de voir un visage humain. — Mais comme nous sommes très loin d'être..... on ne peut cependant par se condamner à un isolement copmlet!

À demain, dans tous les cas.

Votre très dévoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 69.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Четверг утро.

Дорогая г-жа Тургенева,

Для меня будет большое удовольствие быть у вас завтра в $11^1/_2$. — Сознаюсь, что я виноват, что не был у вас все это время, столь ужасное для всех русских: не скрою от вас, что у меня был положительно страх человеческого лица. — Но так как мы далеко не ....., то и нельзя обрекать себя на полное одиночество.

Во всяком случае, до завтра.

Ваш совершенно вам преданный

Ив. Тургенев.

1878 г.

№ 70.

Bougival.
Les Frènes.
Ce 5 Nov. 78.
Mardi.

Chère Madame Tourguéneff,

Ayez l'obligeance de me faire savoir par ce messager l'adresse exacte de Khanykoff à Rambouillet — ainsi que l'heure du départ du train de Versailles à Rambouillet que je dois prendre. — J'irai demain rendre visite à notre pauvre ami malade.

Mille amitiés. — Votre tout dévoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 70.

Буживаль.
Les Frênes.
5 ноября 78.
Вторник.

Дорогая г-жа Тургенева,

Будьте любезны сообщить мне с посланным точный адрес Ханыкова в Рамбулье, а также час отхода Версальского поезда в Рамбулье, с которым я должен выехать. — Я завтра же навещу нашего бедного больного друга.

Ваш совершенно Вам преданный

Ив. Тургенев.

№ 71.

(Bougival).
Mercredi. 10$^1/_2$ h.
(6 Nov. 1878).

Chère Mademoiselle Fanny,

Mon imbécile de jardinier au lieu de commander une voiture à Bougival pour m o i l'a envoyée chez v o u s, où elle doit être tranquillement portée depuis 10 h.! — Je ne vois pas la possibilité d'aller à Rambouillet aujourd'hui — à moins qu'il n'y ait un autre train de Versailles. Faites le moi savoir s'il vous plait — mais je crains bien que je devrai remettre ma visite à Khanykoff jusqu'à Vendredi, étant obligé de passer la journée de demain à Paris.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 71.

(Буживаль).
Среда. 10$^1/_2$ часов.
(6 ноября 1878).

Дорогая M-lle Фанни

Мой глупый садовник вместо того, чтобы заказать карету в Буживаль для м е н я, послал ее к В а м, где она и должна быть с 10 часов! — Думаю, что сегодня мне уже нельзя ехать в Рамбулье, если только нет другого Версальского поезда. Сообщите мне об этом, пожалуйста, но думаю, что поездку к Ханыкову надо отложить до пятницы, так как завтра я весь день должен быть в Париже.

Тысячу приветствий.

Ив. Тургенев.

№ 72.

50, rue de Douai.
Paris.
Jeudi matin.
(7 Déc. 1878).

Mon cher Albert,

Nous venons d'avoir une souscription pour 'érection d'un monument sur le tombeau de notre ami Khanykoff. — La somme nécessaire ne dépassera pas 1.800 fr.;— et nous sommes sûrs de l'atteindre.— Nous avons déjà 800 fr. (Orloff seul en a donne 500); et j'ai écrit en Russie pour avertir ceux des amis du défunt, qui voudraient prendre part à notre entreprise. — Je ne doute pas que votre famille ne veuille aussi en être; aussi viens-je vous prier de me faire savoir pour quelle somme faut— il que je vous inscrive?

Je vous serre cordialement la main et vous prie de faire mes meilleures amitiés à tous les vôtres.

Ivan Tourguéneff.

Перевод № 72.

50, улица Douai.
Париж.
Четверг утро.
(7 декабря 1878).

Мой дорогой Альберт,

У нас подписка на постановку памятника на могиле нашего друга Ханыкова. — Необходимая сумма не превысит 1.800 франков — и мы уверены, что соберем ее.—У нас уже 800 франков (один Орлов дал 500); я написал в Россию тем из друзей покойного, которые хотели бы принять участие в этом деле. — Я не сомневаюсь в том, что и Ваша семья пожелает быть в числе их; поэтому и прошу Вас сообщить мне, на какую сумму я могу записать Вас?

Дружески жму Вам руку и прошу передать мой искренний привет всем Вашим.

Иван Тургенев.

№ 73.

50, rue de Douai.
Paris.
Dimanche matin.
(25 Mai 1879).

Mon cher Pierre,

Il me vient à l'esprit que vous auriez à faire un grand détour pour venir me chercher demain matin; il me semble plus rationnel que j'aille chez vous. — Aussi vous prie — je de m'attendre demain à 8 $^1/_2$ h. p r è c i s e s.—Nous partirons aussitôt pour Bougival.

Mille amitiés. *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 73.

50, улица Douai.
Париж.
Воскресение утро.
(25 мая 1879).

Мой дорогой Пьер,

Мне пришло в голову, что Вам нужно будет сделать большой крюк для того, чтобы зайти за мною завтра утром; будет больше смысла в том, если я зайду за Вами. — Поэтому прошу Вас ждать меня завтра в 8 $^1/_2$ часов точно. — Мы сейчас же отправимся в Буживаль.

Тысячу приветствий.

Ив. Тургенев.

№ 74.

Bougival.
Les Frênes.
Châlet.
(Seine et Oise).
Dimanche, 10 Août 79.

Mon cher Albert,

La lettre ci-jointe, qui m'a été remise par la poste est évidemment adressée à vous, quoique vous ne soyez pas pour Alexandre Nikolaïtch que moi. — Aussi m'empresse-je de vous l'envoyer.

Mille amitiés à tout le monde.

Votre

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 74.

Буживаль.
Les Frênes.
Châlet.
(Seine et Oise).
Воскресение, 10 августа 79.

Мой дорогой Альберт,

Письмо, при сем прилагаемое, которое было доставлено мне по почте, — очевидно, адресовано Вам, хотя Вы такой — же Александр Николаевич, — как и я. Спешу переслать его Вам.

Тысячу приветствий всем.

Ваш

Ив. Тургенев.

№ 75.

Bougival.
Les Frênes.
Châlet.
Mercredi, 24 sep. 79.

Mon cher Albert,

Voici un télégramme du sécrétaire du Consulat que je viens de recevoir et que je m'empresse de vous envoyer. Il m'est impossible d'aller aujourd'hui

à Paris; peut-être voudrez—vous le faire. — Dans ce cas, ayez la complaisance d'acheter quelques objets ayant garni la table de Khanikoff; son parent M-r Jacques m'en avait prié — mais comme il ne m'a pas rendu les 300 francs que j'ai déboursés (pour le prêtre) j'avoue que je l'ai ecouté avec froideur. Dans tous les cas, si vous allez — ne dépassez pas c e n t f r a n c s. — Il me semble me rappeler que vous vouliez vous même acheter quelques objets.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 75.

Буживаль.
Les Frènes.
Châlet.
Среда, 24 сентября 79.

Мой дорогой Альберт,

Спешу послать Вам письмо секретаря Консульства, которое я получил. Я не могу отправиться сегодня в Париж; может быть, Вы это сделаете.— В таком случае, будьте любезны купить несколько вещей со стола Ханыкова; его родственник, г-н Jacques просил меня об этом — но так как он не вернул мне 300 франков, которые я заплатил за него (за священника), сознаюсь, что я выслушал его очень холодно. Во всяком случае, если Вы поедете — не тратьте более 100 ф р а н к о в. — Насколько я помню, Вы сами хотели кое-что купить.

Тысячу приветствий.

Ив. Тургенев.

№ 76.

(Bougival).
(После 24 сент. 1879 г.).

Chère Madame Tourguéneff,

Je viens vous faire les excuses les plus humbles: il m'est impossible d'aller diner chez vous! — J'en rougis jusqu'à la racine des cheveux — mais c'est comme cela!! Vous êtes bonne — et vous me pardonnerez.

J'envoie au bon Khanykoff le livre qu'il m'a demandé et que je n'ai reçu qu'hier. J'ai aussi reçu ce qu'il m'a envoyé — ayez la bonté de le lui dire.

Le plus confus des hommes

J. Tourguéneff.

Перевод № 76.

(Буживаль).
(После 24 сент. 1879 г.).

Дорогая г-жа Тургенева,

Приношу вам самые смиренные извинения; я не могу у вас обедать! — Я краснею до корня волос, но тем не менее это так!! Вы очень добры, и потому простите меня.

Посылаю милому Ханыкову книгу, которую он у меня просил и которую я получил лишь вчера. А я получил то, что он мне послал. — Будьте добры сказать ему это.

Самый сконфуженный из людей

Ив. Тургенев.

№ 77.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
(Seine et Oise).
Mercredi, 22 oct. 79.

Chère Madame Tourguéneff,

Je rentre à l'instant d'une grande promenade et je trouve votre lettre. — Je ne puis aller chez vous malheureusement — nous allons tous au Trocadéro, au grand concert où chante M-lle Patti. — Tous les autres jours je suis parfaitement libre... Peut être qu'en avertissant M-r Nenny James... Il lui serait peut être indifferent de venir ce jour là ou un autre. — Je me mets complètement à votre disposition.

Mille amitiés de votre tout dévoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 77.

Буживаль.
Les Frènes.
Châlet.
(Seine et Oise).
Среда, 22 октября 79.

Дорогая г-жа Тургенева,

Я только что вернулся с большой прогулки и нашел Ваше письмо. — К сожалению я не могу быть у Вас. — Мы отправляемся все в Трокадеро, в большой концерт, где поет М-lle Патти. — Все остальные дни я совершенно свободен... Если бы предупредить г-на Nenny James... Может быть, ему все равно притти в тот или в другой день. — Я в полном Вашем распоряжении.

Тысячу приветствий от Вашего преданного Вам

Ив. Тургенева.

№ 78.

50, rue de Douai.
Paris.
Lundi, 8 Déc. 79.

Mon cher Albert,

Voici une lettre pour vous, que vient de m'envoyer M-r Jacques Khanykoff. Il m'a envoyé en même temps les 300 fr. qu'il me devait.

Etes-vous complètement ensevelis sous la neige? Ici, nous le sommes à moitié. Si cela continue — cela deviendra une calamité.

Mille amitiés à vous et aux vôtres.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 78.

50, улица Douai.
Париж.
Понедельник, 8 декабря 79.

Мой дорогой Альберт,

Вот письмо для Вас, которое мне прислал Яков Ханыков. Он прислал мне также 300 франков, которые он был мне должен.

Не совсем ли занес Вас снег? Здесь, мы занесены на половину. Если так будет продолжаться, это превратится в настоящее бедствие.

Тысячу приветствий Вам и Вашим.

Ив. Тургенев.

№ 79.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Samedi matin. (1879).

Mon cher Albert,

Pouvez-vous me faire savoir l'adresse du carrossier, où j'ai acheté la voiture à 2 roues? — N'est-ce pas — B l o n d é, rue S-t Lazare? — Enfin, envoyez la moi — s'il vous plait.

Je vous verrai — peut être aujourd'hui ou demain.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 79.

Буживаль.
Les Frènes.
Châlet.
Суббота утро (1879).

Мой дорогой Альберт,

Не можете ли Вы сообщить мне адрес каретника, у которого я купил карету на двух колесах? — Не B l o n d é ли это на улице S-t Lazare? — Одним словом, пришлите мне его, пожалуйста.

Мы с Вами увидимся, может быть, сегодня или завтра.

Тысячу приветствий.

Ив. Тургенев.

№ 80.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
(Seine et Oise).
Samedi matin. (1879).

Autre complication, mon cher Albert! Je ne sortirai jamais de ces affaires de cheval... Ça devient fantastique comme un conte d'Edgar Poe. — Le vétérinaire que G. Chamerot avait amené hier avec lui — (— son nom est Henriet et il a l'air très important et très habile) — a examiné le cheval noir — et a déclaré que, dans sa conviction, l'absès sur la joue que nous prenions pour les suites d'un coup ou d'une piqure — est une f i s t u l e!! — Il a déclaré en même temps que sans cela le cheval vaudrait de 4 à 5 mille francs — et m'a conseillé, pour plus de sûreté, de faire venir un autre bon vétérinaire de Paris et de lui montrer le cheval. — Je viens donc vous prier instamment de faire savoir à M-r Weber que je le prie de venir demain (ou ce soir s'il veut) — voir le cheval — et vous me direz en même temps ce qu'il faut lui payer sa consultation.

Il n'y a pas de temps de perdre — car j'ai promis à ... une réponse Lundi. — Rendez-moi ce petit service, je vous prie.

Je vous dis — c'est fantastique, fantastique, fantastique!!

Mille amitiés à vous et aux vôtres.

Ivan Tourguéneff.

Перевод № 80.

Буживаль.
Les Frènes.
Châlet.
(Seine et Oise).
Суббота утро. (1879).

Новое осложнение, мой дорогой Альберт! Я никогда не выберусь из лошадиных дел... Это становится фантастическим, подобно сказке Эдгара По. — Ветеринар, которого привел вчера г-н Chamerot (его зовут Henriet и вид у него почтенный и знающий) — осмотрел черную лошадь — и заявил, что, по его мнению, нарыв на щеке, который мы считали следствием удара или укуса — ф и с т у л а!! — В тоже время он заявил, что не будь этого, лошадь стоила бы от 4 до 5 тысяч франков, — и посоветовал мне, для большого спокойствия, пригласить хорошего ветеринара из Парижа и показать ему лошадь. — Поэтому убедительно прошу Вас дать знать г-ну Веберу, что я прошу его приехать завтра (или сегодня вечером, если ему угодно) посмотреть лошадь — вместе с тем скажите мне, сколько надо ему платить за консультацию.

Нельзя терять время, так как я обещал дать ответ в понедельник..... — Окажите мне эту услугу, пожалуйста.

Я говорю, что это фантастично, фантастично, фантастично!!

Тысячу приветствий Вам и Вашим.

Иван Тургенев.

№ 81.

50, rue de Douai.
Paris.
Dimanche matin. (1879).

Mon cher Albert,

J'ai besoin de vous voir et de causer avec vous pendant quelques instants. Je serais allé moi-même chez vous, mais voilà 5 jours que je suis sur le flanc, grâce à une nouvelle attaque de goutte. — Si vous êtes de retour de Vert-Bois, passez donc chez moi. — Vous me trouverez naturellement toujours à la maison.

Mille amitiés à vous et à tous les vôtres.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 81.

50, улица Douai.
Париж.
Воскресение утро. (1879).

Мой дорогой Альберт,

Мне необходимо видеть Вас и поговорить с Вами, хотя бы несколько минут. Я сам пришел бы к Вам, но вот уже 5 дней, как я на боку, благодаря новому приступу подагры. — Если Вы вернулись из Vert-Bois, зайдите ко мне. — Понятно, Вы застанете меня дома.

Тысячу приветствий Вам и всем Вашим.

Ив. Тургенев.

№ 82.

50, rue de Douai.
Paris.
Mardi. 5 h. 1/4 (1879).

Mon cher Albert,

Je reviens de Bougival, où j'ai fait une petite excursion. Décidement je suis extraimement content du cheval — et je crois que je le serai du cocher. — C'est une excellente bête (le cheval. pas le cocher) — donne comme un matin et d'un très bon modèle, comme dit Hublot. — Vous seriez... non vous continueriez d'être les plus aimables des hommes — vous et Pierre, si vous pouviez dans la matinée de demain m'envoyer les objets suivants que demande Fleuri:

a) une chèvre
b) un treteau
c) une paire de ciseaux
d) un peigne en cuire
et e) un paletôt en caoutchouc. —

Je demande tout cela (dans tous les cas les 4 premières choses) pour demain, car notre blanchisseur de Bougival vient demain dans la journée avec sa cariole—et il pourrait remporter tout cela.—Et mon argent qui.... de sortir de ma poche! — Dans tous les cas, il faut payer Hublot.

Encore une fois — merci pour le passé, le présent et l'avenir — et mille amitiés pour vous et tous les vôtres.

Votre dévoué

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 82.

50, улица Douai.
Париж.
Вторник. $5^1/_2$ часов. (1879).

Мой дорогой Альберт,

Я вернулся из Буживаля, куда я совершил маленькую э к с к у р с и ю. Я, решительно, доволен лошадью — думаю, что буду доволен и кучером. — Это прекрасное животное (лошадь, а не кучер) — несется, как вихрь, и очень хорошей масти, как говорит Hublot. Вы будете продолжать быть самыми любезными людьми — вы и Pierre, если вы пришлете мне завтра утром следующие вещи, которые просит Fleuri:

a) козу
b) козлы
c) пару ножниц
d) гребень
и e) резиновое пальто.—

Я прошу обо всем этом (во всяком случае, 4 первые вещи) на завтра, так как наш белильщик из Буживаля приедет завтра днем в одноколке и мог бы все это захватить с собой. — И деньги, которые так тают у меня в руках! — Во всяком случае, надо уплатить Hublot.

Еще раз спасибо за прошлое, за настоящее, за будущее и тысячу приветствий Вам и всем Вашим.

Ваш преданный Вам

Ив. Тургенев.

№ 83.

50, rue de Douai.
Paris.
Jeudi mat. (1879).

Mon cher Albert,

Je crois en effet qu'il faut faire acheter la voiture № 1 par M-r Michalon — au prix indiqué. Elle convient parfaitement.

Quant à l'examen du jeune «elève» — je ne pourrais pas le faire aujourd'hui — car nous allons in corpore aux marionettes de Holden (à 1 heure); — mais voici ce que je vous propose: Je déjeune demain à 12 $^1/_4$ chez le prince Orloff. — Voulez — vous que je vienne chez vous à 11 h.? — Nous pourrions faire une excursion et vous me menèriez à l'hôtel de l'Ambassade.

Mille remerciements pour toutes vos complaisances — et mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 83.

50, улица Douai.
Париж.
Четверг утро. (1879).

Мой дорогой Альберт,

Я думаю, что, действительно, надо, чтобы г-н Michalon купил карету № 1, за назначенную цену. Она вполне подходит.

Что же касается до экзамена юного «ученика», то я не смогу сделать его сегодня — так как мы в полном составе отправляемся в театр марионеток Holden (в час); — но вот, что я хочу Вам предложить: я завтракаю завтра в 12 $^1/_4$ у графа Орлова. — Угодно Вам, чтобы я был у Вас в 11 часов? — Мы могли бы сделать небольшую прогулку и Вы бы проводили меня в Посольство.

Тысячу благодарностей за все ваши любезности и тысячу приветствий.

Ив. Тургенев.

№ 84.

50, rue de Douai.
Paris.
Dimanche matin. (1879).

Mon cher Albert,

Mettons que je n'ai rien dit — et occupons — nous d'achever l'éducation du cheval. — J'abuse vraiment de votre bonté — mais je vous prierais de vouloir bien commander le harnais... Et puis le cocher!

Vous êtes aussi gentil que possible — et je vous serre cordialement la main.

T. à v.

Iv Tourguéneff.

Перевод № 84.

50, улица Douai.
Париж.
Воскресение утро. (1879).

Мой дорогой Альберт,

Предположим, что я ничего не сказал — и займемся окончанием дрессировки лошади. — Я злоупотребляю Вашей добротой, но я попрошу Вас заказать упряжь... И затем кучер!

Вы любезны в высшей степени, дружески жму Вам руку.

Совсем ваш

Ив. Тургенев.

№ 85.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Lundi matin. (1879).

Mon cher Albert,

Voici une lettre pour vous, que j'ai décachetée parce qu'elle portait le nom d'Ivan T. — et ce n'est que plus tard que je me suis apperçu qu'elle était adressée à Vert-Bois. — Mes amis quittent demain la campagne et je reste seul ici pour une dizaine de jours à peu près. — Pourrais-je venir diner demain chez vous? — Et encore, comme ma voiture emmenera demain mes amis à Paris — Fleury pourra-t-il passer la nuit de Mardi à Mercredi à la Rue de Lille avec son cheval? Un mot de réponse à tout ceci, s'il vous plait.

Mille amitiés à tous les vôtres; je vous serre cordialement la main.

Ivan Tourguéneff.

Перевод № 85.

Буживаль.
Les Frènes.
Châlet.
Понедельник утро (1879).

Мой дорогой Альберт,

Вот письмо для Вас, которое я распечатал, так как оно было на имя Ивана Т. — и лишь после я заметил, что оно было адресовано в Vert-Bois.— Мои друзья уезжают завтра из деревни и я остаюсь здесь один, приблизительно, дней десять. — Могу ли я завтра притти к Вам обедать? — И затем, так как моя карета отвезет завтра моих друзей в Париж — может ли Fleury переночевать с лошадью со вторника на среду на улице Lille? Ответьте, пожалуйста, на все.

Тысячу приветствий всем Вашим, дружески жму Вам руку.

Иван Тургенев.

№ 86.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Jeudi matin. (1879).

Chère Mademoiselle Fanny,

Certainement je viendrai diner demain chez vous — et avec le plus grand plaisir.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 86.

Буживалъ.
Les Frènes.
Châlet.
Четверг утро. (1879).

Дорогая M-lle Фанни,

Непременно буду завтра у вас обедать и с большим удовольствием. Тысячу приветствий.

Ив. Тургенев.

№ 87.

50, rue de Douai.
Paris.
Mercredi. (1879).

Chère Mademoiselle Fanny,

Grand merci de l'envoi — toutes les lettres partiront aujourd'hui même,— j'en ai déjà envoyé une cinquantaine. — On ne sait rien du certain.

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

P. S. Le «Temps» d'hier a enséré une petite notice nécrologique; elle sera répetée dans le «Journal des Débats» et d'autres journaux.

Перевод № 87.

50, улица Douai.
Париж.
Среда. (1879).

Дорогая M-lle Фанни,

Большое спасибо за присылку — все письма сегодня же будут отправлены, — я отправил уже около пятидесяти. — Ничто достоверно неизвестно.

Тысячу приветствий и до свидания.

Ив. Тургенев.

P. S. «Temps» напечатало вчера небольшую некрологическую заметку; она будет перепечатана в «Journal des Débats» и других.

№ 88.

до 1880 г.

Mon cher Albert,

Voici deux billets pour Dimanche — M-me Viardot y chante — j'ai le № 177. Voulez vous y venir? Si non, renvoyez moi les billes.

Vous viendrez Jeudi n'est — ce pas? On a dû vous envoyer une nouvelle invitation.

T. à v.

J. Tourguéneff.

Перевод № 88.

до 1880 г.

Мой дорогой Альберт,

Вот два билета на воскресение — поет г-жа Виардо — у меня № 177. Хотите ли вы пойти? Если нет, верните мне билеты.

Вы будете в четверг, не правда ли? Вам должны были послать новое приглашение.

Совсем Ваш

И. Тургенев.

№ 89.

1880 г.

50, rue de Douai.
Paris.
Mardi matin.
(27 Janvier 80).

Chère Madame Tourguéneff,

Me permettez-vous de vous annoncer ma visite à Vert-Bois J e u d i vers 2 heures? — Si je n'ai pas de réponse — cela voudra dire: oui. — Je ne veux partir pour la Russie sans vous avoir serré la main à tous.

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 89.

50, улица Douai.
Париж.
Вторник утро.
(27 января 1880).

Дорогая г-жа Тургенева,

Разрешите ли мне явиться в Vert-Bois в четверг к 2 часам? — Если я не получу ответа, то это будет означать: да. — Я не хотел бы уехать в Россию, не пожав Вам всем руки.

Тысячу приветствий и до свидания.

Ив. Тургенев.

№ 90.

50, Rue de Douai.
Mardi, 3 Fév. 80.

Mon cher Albert,

Je pars dans une heure — et voici ce qui arrive: mon pauvre cheval est tombé gravement malade (c'est Weber que j'ai fait appeler, qui le dit) — et s'il en réchappe il ne pourra recommencer à travailler que dans 15 jours au plus tôt. — Je me décide donc à le laisser provisoirement dans son écurie —

et je profiterai plus tard de votre permission d'expedier cheval, cocher et voiture à Vert-Bois. — Décidement, je n'ai pas de chance avec les chevaux.

Mille amitiés en partant à vous et à tous les vôtres — et au revoir. — Je vous écrirai de.....

T. à v. *Iv. Tourguéneff*

Перевод № 90.

50, улица Douai.
Вторник, 3 февраля 80.

Мой дорогой Альберт,

Через час я уезжаю — и вот, что случилось: моя лошадь серьезно захворала (это говорит Вебер, которого я приглашал) — и, если поправится, то сможет приняться за работу не ранее 15 дней. — Я решил оставить ее на время в конюшне, а затем воспользоваться вашим разрешением и отправить в Vert-Bois лошадь, кучера и карету. — Решительно, мне не везет с лошадьми.

Уезжая, шлю тысячу приветствий вам и всем вашим и говорю до свидания.

Я напишу вам из....

Совсем ваш *Ив. Тургенев.*

№ 91.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Vendredi matin. (1880)

Chère Madame Tourguéneff,

J'aurais accepté avec le plus grand plaisir votre aimable invitation — mais c'est aujourd'hui le jour de naissance de M-me Viardot — et il y a une petite fête de famille, à laquelle je dois naturellement assister. — Tout autre jour (excepté le Dimanche) je serais heureux de me mettre à votre disposition.

Tout à vous *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 91.

Bougival.
Les Frènes.
Châlet.
Пятница утро (1880).

Дорогая г-жа Тургенева,

С величайшим удовольствием принял бы ваше любезное приглашение — но сегодня день рождения г-жи Виардо — будет небольшое семейное торжество, на котором я, понятно, должен быть. Во всякий другой день (кроме воскресения) я сочту за счастие быть в вашем распоряжении.

Совершенно ваш *Ив. Тургенев.*

№ 92.

Не ранее 1875 г.

Bougival.
Les Frènes.
Jeudi matin.
(После 1880 г.).

Chère Madame,

Voici une note qui m'a été envoyée par mégarde. — Elle vous appartient évidemment.

Mille amitiés et au revoir.

J. Tourguéneff.

Перевод № 92.

Bougival.
Les Frènes.
Четверг утро.
(После 1880 г.).

Дорогая Г-жа Тургенева.

Вот записка, присланная мне по ошибке. — Видимо, она адресована вам.

Тысячу приветствий и до свидания.

И. Тургенев.

№ 93.

1882 г.

50, Rue de Douai.
Jeudi, 2 Mai 82.

Mon cher Pierre,

Avant toutes choses recevez mes sincères félicitations de la «Mention Honorable». — Voilà le premier pas fait. — Je vous écris à tout hasard à la Rue de Lille — peut être êtes vous déjà à Vert-Bois — mais la lettre vous parviendra. Je compte aussi me faire transporter à Bougival Lundi ou Mardi, si ma maladie le permet. — En attendant, tout en vous demandant pardon de mon insistance, je me permets de vous demander si vous avez pris quelques mesures pour la vente de mon b r e a k, que je cederai bien pour la moitié du prix s'il le faut. — Vous m'obligeriez beaucoup en le mettant en vente.

Mille amitiés à tous les vôtres — je vous serre cordialement la main.

T. à v. *Iv. Tourguéneff.*

P. S. Albert doit être en parfaite santé maintenant.

Перевод № 93.

50, улица Douai.
Четверг, 2 мая 82.

Мой дорогой Pierre,

Прежде всего, примите мои искренние поздравления с «Почетным Отзывом». — Итак, первый шаг сделан. — Я пишу вам, на всякий случай,

на улицу Lille — может быть, вы уже в Vert-Bois — но письмо, конечно, дойдет до вас. Я также рассчитываю перебраться в Буживаль в понедельник или во вторник, если позволит моя болезнь. — Пока же, извиняясь за навязчивость, хочу узнать у вас — что сделано вами для продажи моего b r e a k, который, если надо, я охотно уступлю за половину. — Вы очень обяжете меня, если продадите его.

Тысячу приветствий всем вашим, дружески жму вам руку.

Совсем ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Надеюсь, что Альберт теперь совершенно здоров.

№ 94.

1882 г. 1 июня.

Сохранился конверт с почтовым штемпелем на имя Петра Николаевича, но без письма.

№ 95.

(Seine et Oise).
Bougival.
Les Frènes.
Samedi 11 Juin 82.

Chère Mademoiselle Fanny, remerciez bien Pierre de sa complaisance et priez le de faire savoir à Reluh, qu'il n'a qu'à envoyer quelqu'un ici Lundi avec ma v i c t o r i a — et 500 fr. et je lui remettrai sa note acquittée qui monte à 596 fr. —

Le changement d'air m'a fait plus de mal que de bien — et j'ai un peu retrogradé; cependant j'espère revenir bientôt au niveau.

Mille amitiés à vous et à tous les vôtres.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 95.

(Seine et Oise).
Bougival.
Les Frènes.
Суббота, 11 июня 82.

Дорогая М-lle Фанни, поблагодарите Пьера за его любезность и попросите его сообщить Релю, что ему только нужно прислать кого нибудь сюда в понедельник с моей в и к т о р и е й и 500 франками, я же передам ему его уплаченный счет на 596 франков.

Перемена воздуха принесла мне больше вреда, чем пользы — и я опять сделал шаг назад; все же я надеюсь, что выздоравливание вскоре примет поступательный ход.

Тысячу приветствий вам и всем вашим.

Ив. Тургенев.

№ 96.

(Juin 1882).

Bougival.
Les Frènes.
Vendredi.
(1882 г. до 5 авг.).

Mon cher Albert,

J'ai eu hier une consultation avec le grand M-r Joccoud. — Il me conseille une cure de lait pendant quinze jours, en commençant par deux litres et finissant par trois litres par jour. — Avez vous encore des vaches — et du lait superflu, dont vous ne saviez que faire? — Je me permets alors de me recommander à votre bienveillance. — Mon jardinier pourrait aller le chercher tous les matins. — Je vous demander pardon d'une aussi grande indiscrétion — et vous prie bien instamment de ne pas vous gêner pour me dire non — si la chose n'est pas faisable.

En attendant recevez mes meilleures amitiés, vous et les vôtres.

T. à v. *J. Tourguéneff.*

Перевод № 96.
(Июль 1882).

Bougival.
Les Frènes.
Пятница.
(1882 г. до 5 авг.).

Мой дорогой Альберт,

У меня вчера была консультация с великим г-м Jaccoud. — Он советует мне молочное лечение впродолжение пятнадцати дней, начиная с двух литров и кончая тремя литрами в день. — Есть ли у вас еще коровы и лишнее молоко, с которым вы не знаете, что делать? — В таком случае решаюсь рекомендовать себя вашему благорасположению. — Мой садовник может заходить за ним каждое утро. — Должен извиниться за такую бесцеремонность и убедительно просить сказать, не стесняясь «нет», если только это невыполнимо.

Пока же дружеский привет вам и всем вашим.

Совсем ваш

И. Тургенев.

№ 97.

Bougival.
Les Frènes.
Samedi 5 Août (1882).

Chère Madame Tourguéneff,

J'ai vraiment conscience d'abuser ainsi de votre bonté: mais il paraît que je dois prendre encore du lait pendant un mois—et du lait exclusivement. — Me voilà donc votre pensionnaire... Mais il faut que je prenne du lait écrêmé — et le votre est trop beau et trop riche. — Il faudra que vous ayez la complaisance de donner l'ordre de l'écrêmer avant de le livrer à mon jardinier.

Je vais un peu mieux — mais les nuits sont encore détestables. J'irai vous voir l'un de ces jours et en attendant je vous prie de croire aux sentiments de respectueuse amitié que vous porte.

Votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Перевод № 97.

Bougival.
Les Frènes.
Суббота, 5 августа. (1882).

Дорогая г-жа Тургенева,

Мне, право, совестно злоупотреблять так вашей добротой, но, оказывается, что я должен еще пить молоко в течение месяца и лишь одно молоко. Таким образом я ваш пансионер... Но я должен пить снятое молоко — ваше же слишком густое и жирное.— Будьте любезны приказать снимать его прежде, чем отдавать его моему садовнику.

Мне немного лучше — но ночами все еще скверно. На этих днях буду у вас, пока же прошу принять уверение в глубоком уважении

Вашего совершенно вам преданного

И. Тургенева.

№ 98.

Bougival.
Les Frènes.
Mardi.
(1882 г.).

Mon cher Albert,

Voici une lettre qui vous est adressée et qui traîne chez moi depuis deux jours. — J'espère qu'il n'y avait rien d'urgent.

A propos — Pierre sait-il quelque chose de ma victoria et de Relut ect. Il voulait me l'envoyer ici.

L'état de ma santé est toujours le même. — Je ne puis pas sortir.

J'espère que vous et tous les vôtres vont bien, malgré cet affreux temps.

Mille amitiés.

T. à v. *Iv. Tourguéneff.*

Перевод № 98.

Bougival.
Les Frènes.
Вторник.
(1882 г.).

Мой дорогой Альберт,

Вот письмо, адресованное вам. Оно валяется у меня уже два дня. — Надеюсь, что не было ничего спешного.

Кстати — знает ли Pierre что нибудь о моей виктории, о Relut и т. д. Он хотел прислать мне ее сюда.

Состояние моего здоровья тоже. — Я не выхожу. Надеюсь, что вы и все ваши в добром здоровье, не смотря на скверную погоду.

Тысячу приветствий.

Совсем ваш *Ив. Тургенев.*

№ 99.

Bougival.
Les Frènes.
Ce 19 oct. 82.

Mon cher ami,

Voici une lettre qui vous est évidemment destinée. — Vous allez tous bien, n'est — ce pas? Dès que je pourrai supporter la voiture (et ce sera bientôt, je l'espère) j'irai vous voir.

Mille amitiés à tous — je vous serre cordialement la main.

Iv. Tourguéneff.

Перевод № 99.

Bougival.
Les Frènes.
19 октября 82.

Мой дорогой друг,

Вот письмо, которое, видимо, адресовано вам. — Вы все в добром здоровье, не правда ли? Как только я смогу переносить езду в карете (а я надеюсь, что это будет скоро) я приеду к вам.

Тысячу приветствий всем — дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев.

№ 100.

1883 г.

3 sept. (1883).
Vert-Bois.

Cher Monsieur,

Le Docteur Magnin vient à l'instant nous apprendre que tout est fini. Ivan Serguéich s'est éteint, ne donnant plus depuis quelques heures signes de souffrance. J'étais allé hier aux Frènes et je ne croyais pas à un denouement si rapide. Je sais tout votre attachement pour lui et cette perte si grande vous prend au coeur autant que nous.

Перевод № 100.

3 сентября. (1883).
Vert-Bois.

Дорогой сударь,

Доктор Magnin только что сообщил нам, что все кончено. Иван Сергеевич скончался, не обнаруживая уже несколько часов никаких признаков страдания. Я вчера был в Frènes и не ожидал такого скорого конца. Зная ваше расположение к нему, я понимаю, что эта великая утрата также чувствительна для вас, как и для нас.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К некоторым письмам И. С. Тургенева сохранились конверты—правда, не всегда лежавшие вместе с письмами, а в одном случае (см. № 94) сохранился конверт без письма.

Все письма Ивана Сергеевича, отправленные им семье Тургеневых в Париж, адресованы: «Rue de Lille. № 97» — собственный дом Николая Ивановича.

Адреса корреспондентов часто давали возможность установить более или менее точно, если не полную дату, то во всяком случае год написания данного письма или проверить его, если на лицо были другие определяющие дату данные.

Большую службу сослужила привычка Ивана Сергеевича отмечать в письме день и даже время дня. Это помогло иногда проверить, а иногда и точно установить дату письма.

К ПИСЬМУ № 1.

1. — Конверт с почтовым штемпелем и маркой городской почты определяет точно дату письма и место отправления.

2. — Дочь Ивана Сергеевича— Пелагея, или, как он ее всегда называет, Полина, родилась в 1842 году. Матерью ея была А. Е. Иванова.

Может быть это было *первое* посещение семьи Тургеневых Иваном Сергеевичем вместе с дочерью, после чего между ними установились дружески-родственные отношения, которые, судя по следующим письмам Ивана Сергеевича, были ему очень дороги и в значительной степени содействовали установлению их прочной связи до конца его жизни.

К ПИСЬМУ № 2.

1. — «Vert-Bois»—«Зеленая Роща»—небольшое загородное имение, приобретенное Николаем Ивановичем вблизи от г. Буживаль, недалеко от Парижа. Теперь мимо Vert-Bois проходит пригородная узкоколейная железная дорога.

Николай Иванович проводил в своей «Зеленой Роще» добрую половину года.

Там у него велось небольшое хозяйство: огород, фруктовый сад, виноградник, цветники, оранжереи, но, главное, там были его конюшни с двумя — тремя десятками лошадей.

А страсть к лошадям унаследовали и все его дети.

Впоследствии младший его сын Петр Николаевич, скульптор, выстроил для своих работ громадную двухсветную мастерскую, в которой он мог заниматься лепкой статуй и групп в натуральную величину с нескольких всадников.

Снимки с двух фасадов главного дома помещаются в этом издании. Главный фасад обращен к реке Сене, которая протекает внизу, в нескольких десятках саженей от дома.

2. — Уехавший с Николаем Ивановичем — Альберт — старший сын, которому тогда было 16 лет.

К ПИСЬМУ № 3.

1. — Конверт к этому письму с почтовой маркой и штемпелем адресован г-же Тургеневой в «Vert-Bois».

2. — Путешественники — Николай Иванович с сыном Альбертом, о которых шла речь и в предыдущем письме.

3. — Дочери Фанни в это время было уже 24 года, а младшему сыну Петру — только 6 лет.

К ПИСЬМУ № 4.

1. — Васильев, приглашенный Николаем Ивановичем в качестве преподавателя к дочери Ивана Сергеевича, был священником русской посольской церкви в Париже.

2. — Г-н Виардо — муж знаменитой певицы Полины Виардо, с которым Иван Сергеевич был в дружеских отношениях и которому он доверил в весьма значительной степени свои финансовые дела.

3. — Генерал Ростовцев Я. И. — известный деятель по освобождению крестьян от крепостной зависимости.

См. дальше письмо № 5 с известием о его смерти 6-го февраля 1860 г.

К ПИСЬМУ № 5.

1. — На конверте этого письма штемпель городской почты: «2 марта 1860 г.» и остаток сорванной французской марки. Адрес подписан женской рукой — вероятно, судя по концу письма, дочерью Ивана Сергеевича, через которую он послал это письмо.

В левом углу конверта карандошом, рукой Фанни пометка даты посьма: «2 Fevrier 1860 г., в правом — такая же неизвестной рукой: «J. Tourg.».

2. — Указ об освобождении крестьян был опубликован только через год — 19 февраля 1861 года.

Судебная же реформа заставила себя ждать еще дольше — до 20 ноября 1864 г.

К ПИСЬМУ № 6.

Конверт с почтовым штемпелем и маркой носит адрес: «Vert-Bois (Bar Bougival)».

К ПИСЬМУ № 7.

Дата письма определилась нахождением этого письма в одном месте с другими датированными материалами и находит подтверждение в соответствии дня по календарной справке.

К ПИСЬМУ № 8.

1. — Конверт со штемпелем и маркой городской парижской почты устанавливает дату этого письма.

2. — M-lle Olive, англичанка — сначала няня младшего сына Тургеневых, потом, когда Петр Николаевич остался один (он потерял: в 1890 году — сестру, в 1891 году — мать и в 1892 году — брата) и жил холостяком, она стала полновластной домоправительницей и занимала в доме если не видное, то во всяком случае столь важное положение, что я не раз отчаивался в возможности спасти для России архив братьев Тургеневых.

После ее смерти роль цербера взяла на себя ее дочь.

См. об этом подробнее в моем очерке: «П. Н. Тургенев и его дар русской науке».

К ПИСЬМУ № 9.

Конверт с почтовой маркой и штемпелем парижской городской почты определяет место отправления письма.

К ПИСЬМУ № 10.

Год написания этого письма определяется качеством бумаги и инициалами Ивана Сергеевича (выдавленными в левом углу), однородными с письмом № 9. 3-го мая 1861 года.

К ПИСЬМУ № 11.

Год письма определяется качеством и форматом бумаги, одинаковыми с предыдущими письмами.

К ПИСЬМУ № 12.

Год написания письма определяется качеством бумаги и адресом Ивана Сергеевича, одинаковыми с предыдущими письмами.

К ПИСЬМУ № 13.

Год написания этого письма определяется качеством бумаги и адресом Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 14.

Год письма определяется качеством и форматом бумаги.

К ПИСЬМУ № 15.

Дата письма определяется карандашной пометкой, сделанной Фанни на 4-й странице письма.

К ПИСЬМУ № 16.

1. — Конверт с почтовой маркой и штемпелем городской почты Парижа определяют дату этого письма.
2. — Все три письма 1862 года написаны в период до мая, когда Иван Сергеевич уехал в Россию.

К ПИСЬМУ № 17.

Год этого письма определяется справкой по календарю.

К ПИСЬМУ № 18.

Год письма определяется качеством бумаги и инициалами Ивана Сергеевича, одинаковыми с письмом № 17.

К ПИСЬМУ № 19.

Дата письма определяется конвертом с городской маркой и штемпелем. Адрес Тургеневых — городской.

К ПИСЬМУ № 20.

1. — Конверт со штемпелями русскими, немецкими и французскими.
2. — Г-н Пинэ — один из претендентов на руку дочери Ивана Сергеевича, который был очень озабочен вопросом о ее выходе замуж.

К ПИСЬМУ № 21.

1. На конверте с немецкими почтовыми штемпелями марка вырезана.
2. — Г-н Брюэр — муж дочери Ивана Сергеевича, с которым она скоро разошлась, чем причинила отцу снова много забот.

К ПИСЬМУ № 22.

На бумаге выдавлены инициалы «Р. В.». Может быть, это инициалы зятя Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 23.

1. — Брошюра Николая Ивановича — очевидно его:
2. — «Собака» Ивана Сергеевича была напечатана в «С.-Пб. Ведом.» в № 85 1866 года.

К ПИСЬМУ № 24.

Конверт с почтовым штемпелем адресован на городскую квартиру Тургеневых.

К ПИСЬМУ № 25.

Конверт с немецкими почтовыми марками и штемпелями адресован на городскую квартиру Тургеневых.

К ПИСЬМУ № 26.

Год письма определен приблизительно по местонахождению его с другими документами.

К ПИСЬМУ № 27.

1. — Конверт с почтовой маркой и штемпелями адреса Ф. Тургеневой в Vert-Bois, куда семья Тургеневых переехала после смерти 82-хлетнего Николая Ивановича (10 ноября 1871 г.).
2. — Ральстон поместил некролог Николая Ивановича Тургенева в журнале «Athenaeum»
3. — Некролог Николая Ивановича в «Вестнике Европы» в декабрьской книжке 1871 года был написан Иваном Сергеевичем Тургеневым.

К ПИСЬМУ № 28.

Любезности, которые были адресованы в письме Фанни Ивану Сергеевичу, очевидно, касались его статьи о покойном Николае Ивановиче.

К ПИСЬМУ № 29.

Ханыков, друг Н. Ив. Тургенева и всей его семьи, был близок и к Ивану Сергеевичу. В последующих письмах и в письмах к другим корреспондентам своим Иван Сергеевич неоднократно пишет о нем.

К ПИСЬМУ № 30.

1. — Конверт с почтовыми штемпелями и маркой адресован в Vert-Bois.
2. — В этом письме идет речь о розыске оттисков статьи, несомненно о Николае Ивановиче, помещенной в одном из французских периодических изданий.

К ПИСЬМУ № 31.

1. — Проспер Меримэ (род. в 1803 г., ум. в 1870 году) в последние годы своей жизни был очень дружен с Иваном Сергеевичем и в 1864 году написал предисловие к французскому переводу романа «Отцы и дети». Он знал хорошо и высоко ценил русскую художественную литературу, и особенно Пушкина.
2. — Разбором архива Николая Ивановича, судя по следам различной классификации бумаг, занималось несколько лиц. Одного из них, г-на Рустейков, я застал еще в живых во время моих первых двух поездок в Париж. Но никому из разбиравших этот архив не удалось довести дело до конца, может быть главным образом благодаря постоянным перемещениям его материалов из одних хранилищ в другие, из одного этажа в другой, из парижского дома Тургеневых в Vert-Bois и обратно и т. д. Эти перемещения я мог констатировать и во время моей работы по разбору и вывозу архива в Россию.

К ПИСЬМУ № 32.

Конверт с почтовым штемпелем и маркой адресован в Vert-Bois.

К ПИСЬМУ № 33.

1. — Год определяется качеством бумаги и характером инициалов Ивана Сергеевича.
2. — Выставка — Парижский Салон, где Петр Николаевич Тургенев неоднократно участвовал своими скульптурами и получал премии. Иван Сергеевич горячо интересовался работами и успехами своего молодого друга, подсказывая ему иногда сюжеты для скульптурных композиций Петра Николаевича.

К ПИСЬМУ № 34.

Год письма определяется его местонахождением среди других бумаг.

К ПИСЬМУ № 35.

В семье Н. Ив. Тургенева свято хранилась и после его смерти традиция торжественных обедов в память события 19 февраля 1861 г., на которые всегда приглашался Иван Сергеевич, если он был в это время в Париже.

К ПИСЬМУ № 36.

1. — Конверт с почтовой маркой и штемпелем адресован на городскую картиру Тургеневых.
2. — 2-ое апреля — день рождения Петра Николаевича. В 1873 году ему исполнилось 20 лет.

К ПИСЬМУ № 37.

1. — Корреспондент Ивана Сергеевича и дата записки определяются конвертом городской почты с маркой и штемпелем, адресованным на городскую квартиру Тургеневых.
2. — Как видно, финансовые и политические дела живо интересовали Ивана Сергеевича, и он, очевидно, принимал участие в денежных делах своих друзей, которые после смерти Николая Ивановича унаследовали крупное состояние.

К ПИСЬМУ № 38.

Дата письма определяется конвертом с почтовой маркой и штемпелем городской почты Парижа.

К ПИСЬМУ № 39.

Конверт с почтовыми марками и штемпелями г. Буживаля адресован в «Vert-Bois».

К ПИСЬМУ № 40.

Конверт с почтовой маркой и штемпелем г. Буживаля адресован в «Vert-Bois».

К ПИСЬМУ № 41.

Все дети Н. Ив. Тургенева читали и немного говорили по-русски, так что не только отдельные вставки во французский текст русских слов и выражений были им понятны, но мне известно, что и Петр Николаевич, и его сестра, и брат читали русские книги.

К ПИСЬМУ № 42.

Речь идет о рождении внучки Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 43.

Все вопросы касавшиеся лошадей, собак и экипажей, всегда решались Иваном Сергеевичем после совещания с Тургеневыми, которые все, начиная с Николая Ивановича, были большими знатоками этого.

К ПИСЬМУ № 44.

В письмах, подобных этому, чувствуется как Иван Сергеевич все больше и больше привыкает к семье Тургеневых и все чаще и проще обращается к ним за советами и с просьбами, всегда находит полный сердечный отклик с их стороны и у них устанавливается все более и более прочная дружески-родственная связь, которая, по словам Петра Николаевича, имела для Ивана Сергеевича, особенно в последние годы его жизни, очень большое значение. Он шел к Тургеневым как в родную семью — отдыхать от обстановки и условий, окружавших его в доме Ваирдо.

К ПИСЬМУ № 45.

Дата письма определяется конвертом городской почты с маркой, штемпелем и проверкой дня календарной справкой.

К ПИСЬМУ № 46.

Письмо было в толстом синем конверте с сургучной печатью, типа античной геммы с адресом городской квартиры Тургеневых в Париже и доставлено с посланным.

К ПИСЬМУ № 47.

Год письма определяется приблизительно одинаковыми по характеру инициалами Ивана Сергеевича и, может быть, темой, близкой к предыдущему письму.

К ПИСЬМУ № 48.

Г-жа Моль была другом семьи Ник. Ив. Тургенева. Может быть, это была жена известного ориенталиста Юлиуса Моль (р. 1800 г., ум. 1876 г.).

К ПИСЬМУ № 49.

Год письма определяется качеством бумаги и формой инициалов Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 50.

1. — Год письма определяется качеством бумаги и характером инициалов Ивана Сергеевича.
2. — Дело Петра Николаевича — вопрос о его подданстве французском или русском в связи с вопросом об отбывании воинской повинности.

К ПИСЬМУ № 51.

Год письма определяется качеством бумаги и характером инициалов Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 52.

Год письма определен приблизительно по месту нахождения его среди других материалов.

К ПИСЬМУ № 53.

Письмо представляет интерес как характеристика художественно-финансовых операций Ивана Сергеевича, к участию в которых он привлекает также и Тургеневых.

К ПИСЬМУ № 54.

1. — Год письма определен приблизительно по местонахождению его с другими документами.

2. — Может быть, здесь идет речь о бумагах Пушкина, которые хранились в архиве Тургеневых и часть которых была послана на выставку, которая устраивалась в Петербурге.

К ПИСЬМУ № 55.

1. — Год письма определен приблизительно по адресу Ивана Сергеевича в Париже и по местонахождению письма среди других документов.

2. — Письмо представляет интерес по сделанному в нем Иваном Сергеевичем рисунку головы ослицы, о которой идет речь в письме.

К ПИСЬМУ № 56.

Год письма определен приблизительно по адресу Ивана Сергеевича и по качеству бумаги, одинаковой с бумагой письма № 55.

К ПИСЬМУ № 57.

Год письма и место отправления его определены по качеству бумаги, одинаковой с бумагой писем №№ 55 и 56.

К ПИСЬМУ № 58.

Год письма определен приблизительно по адресу Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 59.

1. — Год письма определен приблизительно по адресу Ивана Сергеевича.

2. — «Ad maiorem e q u i gloriam» — перифраз известного католического афоризма: «ad maiorem d e i gloriam», — острота, понятная всем корреспондентам Тургеневым, как страстным любителям лошадей.

К ПИСЬМУ № 60.

Год письма определен приблизительно по адресу Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 61.

1. — Год письма определен приблизительно по адресу Ивана Сергеевича и по инициалам его на бумаге.

2. — Выставка — очевидно, Парижский Салон, где были выставлены новые работы Петра Николаевича Тургенева.

К ПИСЬМУ № 62.

Дата письма определяется точно конвертом городской почты Парижа с маркой, штемпелем и с инициалами Ивана Сергеевича, одинаковыми с монограммой на бумаге письма.

К ПИСЬМУ № 63.

1. — Дата письма определяется точно конвертом парижской городской почты с маркой и почтовым штемпелем, а также с монограммой Ивана Сергеевича, совершенно одинаковой, его инициалами на бумаге письма.

2. — Взаимоотношения семьи Ник. Ив. Тургенева с семьей г-жи Виардо носили официальный характер и не переходили за границы знакомства вынужденного отношением обеих семей к Ивану Сергеевичу.

По словам Петра Николаевича, г-жа Виардо сама очень не долюбливала вдову Николая Ивановича, а в последние годы, когда Иван Сергеевич поселился на ее вилле «Les Frenes», вероятнее всего приобретенной по его совету и желанию, а может быть и при его материальном участии, она, повидимому, даже ревновала Ивана Сергеевича к семье Тургеневых, живших рядом в их «Vert Bois», куда он уходил каждый раз, как только г-жа Виардо уезжала в Париж.

Судя по отзывам как Петра Николаевича, так и целого ряда других лиц, с которыми я у него встречался [1]), Иван Сергеевич очень любил бывать у Тургеневых в их уютном Vert-Bois.

К ПИСЬМУ № 64.

Письмо было в конверте с почтовым штемпелями и маркой и адресовано в «Vert-Bois».

К ПИСЬМУ № 65.

Год определяется почтовым штемпелем конверта с городской маркой, адресованного по парижскому адресу Тургеневых.

К ПИСЬМУ № 66.

1. — Дата письма определяется почтовыми штемпелями конверта с городской маркой и монограммой Ивана Сергеевича, одинаковой с той, что на бумаге письма.

2. — Торжественный обед — в память 19 февраля 1861 г., связанный для всех корреспондентов и их друзей с воспоминаниями о Николае Ивановиче, для которого этот день был днем великой радости и счастья, всей его гражданской жизни в России и за границей для России.

К ПИСЬМУ № 67.

1. — Год определяется адресом Ивана Сергеевича, монограммой его на бумаге и проверкой дня по календарю.

2. — В этом письме интересно отметить убеждение Ивана Сергеевича в точности его критики политических событий и даже его уверенность в возможности быть пророком в этой области.

К ПИСЬМУ № 68.

1. — Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича, монограммой на бумаге письма и проверкой дня по календарю.

2. — Жуковский — Павел Васильевич, сын поэта Василия Андреевича, был знаком как с Иваном Сергеевичем, так и со всей семьей Николая Ивановича Тургенева, с которым его связывали прочные, долгие, родственно-дружеские отношения его отца.

К ПИСЬМУ № 69.

Дата письма определяется днем рождения г-жи Виардо — 6 июля (1821 года). Проверка адреса и монограммы, а также дня по календарю дает 1878 и 1883 годы. Надо остановиться на первом, так как в 1883 году Иван Сергеевич был в это время уже смертельно болен.

К ПИСЬМУ № 70.

Судя по этому и следующим письмам, Ивану Сергеевичу, повидимому, уже не удалось застать в живых Ханыкова, который умер в ноябре 1878 г.

К ПИСЬМУ № 71.

Дата письма определяется содержанием его, связанным с темой письма № 70.

К ПИСЬМУ № 72.

Дата письма определяется точно почтовыми штемпелями конверта с маркой и с монограммой Ивана Сергеевича, одинаковой с таковой же на бумаге письма.

К ПИСЬМУ № 73.

Дата письма определяется точно почтовыми штемпелями конверта с маркой и монограммой Ивана Сергеевича, одинаковой с таковой же на бумаге письма.

К ПИСЬМУ № 74.

Это собрание писем, а в частности и это письмо, наглядно доказывает, как часто и многие смешивают и путают не только адреса и имена разных Тургеневых, но, повидимому, имели весьма смутное представление о личности того Тургенева, к которому они решались обратиться, большею частью с просьбой о материальной помощи, которую, судя по имеющимся данным, все Тургеневы оказывали весьма щедро многим нуждающимся в ней.

---

[1]) Семья художника Журдэн, Г. Рустейко, Г. Виарис и др., где он повидимому находил и полный сердечный уют и приют.

К ПИСЬМУ № 75.

Иван Сергеевич, судя по одному из следующих писем (см. № 77) ошибся в оценке поведения молодого Ханыкова (Якова) и «холодность» Ивана Сергеевича оказалась совершенно напрасной.

К ПИСЬМУ № 76.

Приблизительная дата этого письма определяется его содержанием, имеющим, повидимому, кой-что общее с предыдущим (№ 74), но, может быть, это письмо должно быть отнесено к старику Ханыкову, тогда, конечно оно должно быть помещено до 1878 года, когда Ханыков был еще здоров и бывал у Тургеневых.

К ПИСЬМУ № 77.

«Мы все» — Иван Сергеевич с семейством Виардо.

К ПИСЬМУ № 78.

Это письмо связано непосредственно с письмом под № 74, и послужило материалом для нашего примечания к последнему.

К ПИСЬМУ № 79.

Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой на бумаге.

К ПИСЬМУ № 80.

Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой его на бумаге.

К ПИСЬМУ № 81.

Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой его на бумаге.

К ПИСЬМУ № 82.

Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой его на бумаге.

К ПИСЬМУ № 83.

1. — Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой его на бумаге.
2. — Это письмо должно следовать за № 82, так как «ученик» — это, очевидно, лошадь, о которой шла речь в предыдущем письме.
3. — Князь Орлов был в это время русским послом в Париже.

К ПИСЬМУ № 84.

1. — Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой его на бумаге.
2. — Это письмо тесно связано по содержанию с двумя предыдущими №№ 81 и 82 и, повидимому, должно занимать третье место в этой серии.

К ПИСЬМУ № 85.

1. — Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой на бумаге.
2. — «Мои друзья» — семья Виардо, с которой он жил в шалэ «Les Frenes». См примечания к письму № 63.
3. — Флери — кучер Ивана Сергеевича.
4. — В парижском доме Тургеневых была также большая конюшня и все соответствующие службы, так что часть их лошадей часто оставалась в городе.

К ПИСЬМУ № 85.

Год письма определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой на бумаге.

К ПИСЬМУ № 87.

Год определяется адресом Ивана Сергеевича и монограммой на бумаге.

К ПИСЬМУ № 88.

Год определяется приблизительно по местонахождению письма среди других материалов.

К ПИСЬМУ № 89.

Дата письма определена по местонахождению этого письма с другими, по адресу Ивана Сергеевича и монограмме на бумаге и проверкой дня календарной справкой.

К ПИСЬМУ № 90.

Конверт серого цвета с почтовыми штемпелями и марками адресован в «Vert-Bois».

К ПИСЬМУ № 91.

Год письма определяется приблизительно адресом Ивана Сергеевича и его монограммой на бумаге.

К ПИСЬМУ № 92.

Год письма определен приблизительно местонахождением его среди других документов.

К ПИСЬМУ № 93.

Петр Николаевич неоднократно получал премии и награды и почетные отзывы как в Парижском Салоне, так и на других выставках.

Его симпатии, как художника, склонялись, главным образом, к скульптуре лошадей, всадников, реже только одних людей.

По его моделям во Франции воздвигнуто несколько памятников, преимущественно батального характера.

В б. музее Александра III имеются принесенные и в дар музею мраморные и бронзовые группы, также фотографические снимки с весьма значительной части его произведений.

Некоторые из них воспроизведены в приложениях к моему очерку: «П. Н. Тургенев и его дар русской науке» С.-Пб. 1913 года.

К ПИСЬМУ № 94.

Помещаем конверт с почтовыми штемпелями и маркой, адресованный Петру Николаевичу Тургеневу на городскую квартиру, в надежде, что он может помочь определить письмо Ивана Сергеевича, если таковое найдется.

К ПИСЬМУ № 95.

Представляется немного странным посредничество Фанни в таком деле, как лошади, экипажи и т. п., но это можно объяснить тем, что Фанни была сама большой охотницей этого спорта и, кажется, мало в чем отставала в этом отношении от своих братьев.

К ПИСЬМУ № 96.

Дата письма определяется его содержанием, как первым из следующей за ним серии писем по вопросу о молочном лечении, которое было прописано Ивану Сергеевичу, а также и монограммой на бумаге.

К ПИСЬМУ № 97.

Дата письма определяется приблизительно адресом Ивана Сергеевича и его монограммой на бумаге.

К ПИСЬМУ № 98.

Год письма определяется календарной проверкой дня и адресом Ивана Сергеевича.

К ПИСЬМУ № 99.

Это последнее письмо данного собрания писем Ивана Сергеевича немного меньше, чем за год до его смерти, дышет как будто особенной нежностью к членам семьи, питавшей к нему подлинно родственные чувства в течение нескольких десятков лет.

К ПИСЬМУ № 100.

Этот набросок письма на бумаге со штемпелем: «Vert-Bois» и пометкой в правом углу «3 сент.» был сделан, повидимому, кем-то из лиц близких Тургеневым с целью известить о кончине Ивана Сергеевича кого либо из лиц, близко его знавших, и остался почему то, неоконченным.

Помещаем его здесь, как документ, естественно заканчивающий это собрание писем великого писателя.

А. А. Фомин.

ЗАМЕТКИ О ТУРГЕНЕВЕ.

I.

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ.

Т.

Bougival
Les Frènes
Chalet.

Воскресение *10-го сент.* / *29-го авг.* *1876.*

Милостивый Государь,

Прошу принять выражение моей искренней благодарности за присылку Вашей брошюры о «волке», которую я, как охотник и как литератор, прочел с истинным удовольствием. — Предмет важный, гораздо более важный, чем можно подумать с первого взгляда, изложение мастерское! Должно надеяться, что правительство примет меры к устранению подобного зла — а сама монография Ваша останется в литературе на ряду с подобными сочинениями С. Т. Аксакова.

Примите, Милостивый Государь, вместе с повторенными выражениями благодарности, уверение в совершенном уважении и преданности Вашего покорного слуги

Ив. Тургенев.

Это — ответ на след. письмо В. М. Лазаревского:

Вы хорошо поохотились на веку своем и по лесным выводкам, и ради выводков деревенских. — «Записками Охотника» Вы вписали свое имя в крестьянское дело, но и собственно охотничье имя Ваше мило каждому грамотному русскому. Вдвойне поклонник Ваш, позволяю себе, в эт. качестве, обремянить внимание Ваше сим слабым, яко бы охотничьим, произведением.

Примите уверение в искреннем моем уважении

В. Л.

Луга, 14 августа.

Письмо Тургенева вызвано этим письмом и полученною им от автора следующею брошюрою.

«Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка. В. М. Лазаревского. Приложение к «Правительственному Вестнику»

1876 года. С.-Петербург. Печатано в типографии министерства внутренних дел. 1876. — На обороте титульного листа: Напечатано по распоряжению г. Министра внутренних дел. — 8°, 71 стр.».

Содержание (стр. 3—60).

На первом месте даны статистические таблицы по губерниям о количестве скота, истребленного в России, в 1873 году, волками, с оценкою убытков населения. После объяснительных замечаний статистико-экономического характера, автор описывает habitus волка (со стр. 11 по 22) и его образ жизни. В остальной части брошюры речь об общественной борьбе с волком (земство и проч.) и способах его истребления.

В конце брошюры находим: Приложение: О том, как делать волчью отраву и как изводить отравою волка. Составлено Ф. И. Валевским, шуйским аптекарем (61—71 страницы).

Страницы 11—22 брошюры написаны довольно живо, что и могло дать И. С. Тургеневу повод сказать автору любезность, сравнив очерк с писаниями С. Т. Аксакова.

Лазаревский Василий Матвеевич, род. 26 февраля 1817 г. в Черниговской губ., умер 28 апреля 1890 г. в Петербурге. Он принимал участие в литературе, печатал повести и рассказы в журналах 40—50 г.г. и переводил Шекспира. Небольшая статистико-экономическая работа о волке возникла в связи с тем, что Лазаревский был страстным охотником (на этой почве у него в 70-е годы была большая близость с Некрасовым). С 1866 года Лазаревский занимал место члена совета министра внутренних дел и главного управления по делам печати и поддерживал дружеские отношения с рядом писателей. Настоящее письмо Тургенева было передано нам сыном В. М. Лазаревского, ныне покойным Сергеем Васильевичем, и возвращено по снятии копии в его архив[1]). Две следующие заметки составлены нами по тому же архиву.

II.

О «ПОЕЗДКЕ В ПОЛЕСЬЕ».

«Поездка в Полесье» напечатана в 10-й книжке журнала «Библиотека для чтения» за 1857-й год.

Рукопись этого очерка была сохранена в архиве В. М. Лазаревского и перешла его сыну С. В. Лазаревскому, который в свое время разрешил нам ознакомиться с нею. Передаем несколько сведений об этой рукописи.

Она состоит из 12 полулистов почтовой бумаги большого формата, исписанных довольно крупным четким почерком Тургенева. Крупных разночтений против общеизвестного текста (хотя бы по изданию «Нивы») в тексте не оказалось, но имеется очень много мелких особенностей тургеневской пунктуации и старой 40—50-х годов орфографии.

[1]) Указание на это письмо было дано П(етром Б(артеневым) в «Русском Архиве» 1894 г. Кн. II, стр. 539 («Из бумаг В. М. Лазаревского»).. *Примеч. редактора.*

Не передавая полностью этих особенностей, отметим прежде всего характерное для Тургенева пристрастие к знаку — (тире). Черточкой Тургенев пользуется постоянно для очень тонкой и своеобразной отметки пауз и остановок читающего голоса, употребляя тире то вместо запятых, то двоеточия, то скобок и т. п. Вот маленький пример тургеневской расстановки знаков препинания, искаженной в последнем издании (Нивы).

> Ужъ на что мы всѣ, здѣшніе, лѣсъ знаемъ, пріобыкли сызмала — а съ нимъ (Ефремомъ) поровняться не мочно. Прошлымъ лѣтомъ, ночью, напрямки изъ Алтухина въ Святое пришелъ — а тутъ никто и не хаживалъ отродясь — верстъ сорокъ будетъ. — Вотъ и медъ красть — на это онъ первый человѣкъ: — и пчела его не жалитъ.

В печатной редакции не оставлено ни одного тире, все они заменены просто запятыми. Заметно также, что Тургенев скупился на запятые. В печатной редакции последние (см. выше) строки читаются так: «Вот, и мед красть, на это он первый человек».

Или несколькими строками выше мы находим в печатном тексте восклицание: «ах ты, Боже ты мой!». У Тургенева это была одна слитная фраза: «ах ты Боже ты мой!».

Такими незначительными с первого взгляда изменениями живая физиономия тургеневского текста несомненно искажена, и будущим редакторам сочинений Тургенева придется очень много поработать над приближением печатного текста к рукописям и намерениям художника, в них явно обнаруженным.

Из мелких особенностей орфографии и отклонений обращают на себя внимание такие написания, как следующие:

в печатном тексте	у Тургенева
чѣмъ то *мертвымъ*, хотя и величавымъ, вѣяло мне со всѣхъ краевъ небосклона	чѣмъ то *мертвеннымъ*, хотя и величавымъ вѣяло мнѣ со всѣхъ краёвъ небосклона.
пряничникъ, который пробирался *в* Карачевскую ярмарку.	пряни*ш*никъ, который пробирался *на* Карачевскую ярмарку.
ольшаник.	*ольшникъ*
знать, мужичокъ промышлял *уголь* на стеклянный заводъ	знать мужичокъ промышлялъ *углю* на стеклянный заводъ
и т. п.	

Одна особенность рукописи останавливает внимание, ибо в ней чувствуется оттенок целого сложного отношения автора к некоторым отвле-

ченным представлениям и понятиям. Тургенев выделяет заглавными буквами иные слова, очевидно желая подчеркнуть их особливое значение в данном контексте.

Вот места, которые положительно искажены тем, что печатный текст заменил заглавные буквы рукописи строчными, подобно тому, как заменил строчными буквами заглавные буквы и в незначущих случаях, напр., во фразе (стр. 277): «Не знаю, бродили ли по немъ (по лѣсу) Татары, но Русскіе воры и Литовскіе люди Смутнаго времени уже навѣрное могли скрываться въ его захолустьяхъ». Замена заглавных букв простыми здесь довольно безразлична. Не то в следующих торжественных, характерных для стойких настроений Тургенева фразах:

Стр. 271—272:

...Трудно челоьѣку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному *С*мерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ *В*ѣчной *И*зиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченные ледянымъ дыханіемъ *С*тихии...

Стр. 279:

...Въ это мгновенье, на этомъ мѣстѣ я почуялъ ьѣяніе *С*мерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость...

Стр. 280:

...Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ сьѣтло, гдѣ смеется *М*олодость, гдѣ *Н*адежда ьѣнчается цьѣтами весны, гдѣ голубка-*Р*адость бьетъ лазурными крылами, гдѣ *Л*юбовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга, не смотри туда, гдѣ *Б*лаженство, и *В*ѣра, и *С*ила, — там не наше мѣсто!

В печатном тексте во всех этих значительных для Тургенева излияниях заглавная буква сохранена только однажды при собственном имени Изида. Живое олицетворение поэтом отвлеченных понятий почти мистически звучащих для него в данный момент — Смерть, Вечная Изида, Стихия, Молодость и т. д. (мистичность и подчеркнута заглавными буквами) — это олицетворение в печатном тексте бесследно исчезло.

Исключений против рукописи в печатном тексте мы не встречаем, за то имеется ряд дополнений, явившихся уже очевидно после авторской корректуры.

Приводим эти дополнения.

В «первом дне» в разговор юхновцев-копачей с пряничниками вставлена оживляющая диалог о пряниках фраза (стр. 273):

— Поспѣшите, ребятушки, поспѣшите! — послышался голосъ старика: — до ночлега далеко.

Во «втором дне» на стр. 286:

...(Ефремъ) какъ выскочитъ опять на дорогу, безобразный такой, страшный, как скомандуетъ, словно енарал на разводе: «на колѣнки!» — всѣ такъ и попадали.

На стр. 287:

— Только ихъ (караульщиковъ, сбѣжавшихъ съ караула) и видно было, — подхватилъ Кондратъ. — Такъ и пошли сигать.

Стр. 290:

Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе жизни радости любви.

На стр. 290 добавлен отсутствующий в рукописи известный печатный конец очерка.

Рукопись кончается словами: ...человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ — долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать.

Добавленный к рассказу конец и рисует в кратком диалоге тоскующего художника с его спутником Кондратом — другого спутника, Егора, умеющего «молчать», «не жаловаться», что́ и завершает рассказ изумительным художественным эффектом, характерным для гениально стройной композиции очерков Тургенева.

III.

К СОЗДАНИЮ «ДЫМА».

В архиве В. М. Лазаревского сохранился экземпляр «Русского Вестника» 1867 г. № 3, в котором был напечатан «Дым» Тургенева. Экземпляр замечателен несколькими пометками владельца, в которых он отметил фамилии оригиналов, с которых списаны некоторые персонажи «Дыма». Лазаревский как член совета министра внутренних дел вращался в достаточно высоком аристократическом и чиновном кругу и пометки его, повидимому, передают более или менее устойчивую молву людей этого круга о лицах, послуживших оригиналом для ряда резких характеристик «Дыма».

Известно, что Тургенев сам признавал особенностью своего творчества, что не мог создавать своих героев, не имея пред глазами какое-либо живое лицо, от которого он исходил, вводя тот или иной персонаж в свой роман. В виду этого указания Лазаревского заслуживают полного внимания.

К сожалению, пометки В. М. Лазаревского большею частью ограничиваются только названием действительной фамилии того или другого персонажа, который сам Лазаревский или люди его круга признавали списанным с натуры.

Глава I. Стр. 6 (по изданию «Нивы» А. Ф. Маркса, СПб. 1898).

Упоминается помещик из Тамбова, который проигрался в Бадене в рулетку, «что нисколько не мешало ему, в тот же вечер, с сочувственным негодованием поддакивать князю Кокó, одному из известных предводителей дворянской оппозиции, тому князю Кокó, который в Париже, в салоне принцессы Матильды, в присутствии императора, так хорошо сказал: «Madame, le principe de la propriété est profondement ébranlé en Russie».

Лазаревский называет здесь фамилию — Трубецкой, что отмечено и в гл. V, где снова упоминается тот же князь Кокó (в речах Потугина, стр. 36). — Кто из Трубецких носил прозвище князя Кокó или иное подходящее, мы не могли доискаться.

В главе III «Дыма» выступает Семен Яковлевич Ворошилов, молодой ученый, отличающийся необыкновенной речистостью. «Имена новейших ученых, с прибавлением года рождения или смерти каждого из них, заглавия только что вышедших брошюр, вообще имена, имена, имена — дружно посыпались с его языка, доставляя ему самому высокое наслаждение, отражавшееся в его запылавших глазах, и т. д.» (стр. 15, потом 24 и т. д.).

К упоминаниям о Ворошилове Лазаревский дважды отмечает — Случевский. Повидимому, это относится к поэту Константину Константиновичу Случевскому, который в 1861 г. оставив военную службу, несколько лет учился за границей в Париже, Берлине и Гейдельберге, где он в 1865 г. получил степень доктора философии. Как ученый, Случевский ничем себя не заявил. Тургенев был знаком со Случевским по переписке с ним (из Гейдельберга) об «Отцах и детях» и др. См. Сборник Щукина, VII. М. 1907. (1860—1870).

Глава V. На стр. 30 в речи Потугина находим следующее упоминание: «...И заметьте, какая у нас опять странность; иной, напр., сочинитель что ли, весь свой век и стихами, и прозой бранил пьянство, откуп, укорял... да вдруг сам взял да два винные завода купил и снял сотню кабаков — и ничего! Другого бы с лица земли стерли, а его даже не упрекают».

Лазаревский подтверждает здесь своею заметкою, что это место направлено против известного славянофила Александра Ивановича Кошелева, издателя «Русской Беседы» и деятеля освобождения крестьян, автора известных потом «Записок».

В VII главе (стр. 40 и т. д.) описывается московская семья князей Осининых, к которой принадлежит героиня «Дыма» Ирина.

По указанию Лазаревского князья Осинины — князья Долгорукие. В дальнейшие изыскания мы не входили.

В конце VIII главы (стр. 53) упомянута встреча Литвинова с каретой, которую он застал у дома Осининых после придворного бала, на котором обратила себя внимание высших сфер Ирина, после чего разорвала близость свою с Литвиновым. «Литвинов заглянул в карету: в ней сидел человек средних лет, геморроидальной комплексии, с сморщенным и надменным лицом, греческим носом и злыми губами, закутанный в соболью шубу, по всем признакам важный сановник». На стр. 56 упоминается, что это был «двоюродный брат княгини Осининой, богач и камергер, граф Рейзенбах», взявший Ирину в свой дом и устроивший ее любовницей чуть ли не императора.

По пояснению Лазаревского это — граф Иван Матвеевич Толстой. Он занимал позднее место министра почт и телеграфов.

Остается, наконец, указать, что оригиналом Валериана Владимировича Ратмирова, молодого генерала, мужа Ирины — Лазаревский называет — А л ь б е д и н с к о г о; кто именно из носивших эту фамилию был прототипом Ратмирова, мы не допытывались[1]).

Итак, создание романа «Дым» в ряде подробностей и лиц было тесно связано с живою действительностью, что и объясняет особо ожесточенную вражду к Тургеневу, с этой поры замечаемую в аристократической среде, так зло и жестоко им изображенной.

IV.

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА Н. А. НЕКРАСОВУ.

Нижеприводимое письмо Тургенева Некрасову печатается с копии, присланной нам хранителем музея имени Чернышевского в Саратове, М. Н. Чернышевским. Относится оно к самому концу 1858 года или к началу следующего 1859 года и представляет собою один из начальных моментов расхождения между И. С. Тургеневым с одной стороны и Н. А. Некрасовым, с Чернышевским и Добролюбовым — с другой. Добролюбов в это время начинал при «Современнике» известный сатирический «Свисток» и в первом номере его пожелал высказаться о нашумевшем тогда литературном «протесте», за которым потом последовали и другие подобные «протесты».

Дело было в следующем.

В № 35 журнала «Иллюстрация» за 1858 год появилась статья «Западно-русские жиды и их современное положение». Юдофобство в те годы далеко не воспринималось тогда так остро, как впоследствии, литературною средою; даже самое слово, «жид», не было тогда еще в литературном употреблении бранным словом и невозбранно было на устах литературных деятелей. Даже радикальная сатирическая «Искра», близкая к «Современнику», спокойно печатала каррикатуры, которые были бы признаны теперь неприлично юдофобскими, напр. четыре каррикатуры с заголовком «Жизнь всякого Ицки в четырех очерках» в № 6 от 10 февраля 1861 г., да и друг. Сыр-бор загорелся не из-за слова жид, а по существу. Статья «Иллюстрации» была направлена против полуоффициозной газеты «Русский Инвалид», который едва ли не впервые тогда высказался за расширение гражданских прав евреев.

Статья «Иллюстрации» вызвала две отповеди в тогдашних либеральных московских журналах: во второй сентябрьской книжке «Русского Вестника» М. Н. Каткова и в журнале «Атеней». В первом была статья известного потом еврейского публициста И. Чацкина, во втором статья некоего Горвица. Оба автора резко отозвались о нападении на еврейство с огульными обвинениями и пытались объяснить недостатки еврейства их ненормальным

[1]) В письме к П. В. Анненкову от 29/17 октября 1872 г. Тургенев признался, что «фигура Ирины в «Дыме» большею частью списана» с жены Альбединского, которая некогда слыла, по словам Анненкова, la grande demoiselle («Русское Обозрение» 1898 г. май стр. 17, 16). *Примеч. ред.*

правовым положением в русском государстве. В ответ на это «Иллюстрация» высказала очень бесцеремонное подозрение, что перо Чацкина и Горвица не бескорыстно, а они являются «оплаченными агентами знаменитого г. N., который, как видно не жалеет золота для славы своего имени».

В первой ноябрьской книге «Русского Вестника» и появились тогда протесты известного тогда либерального публициста Н. Ф. Павлова, Чацкина и наконец редакционная статья, призывающая русское общество, оскорбленное в лице публицистов Чацкина и Горвица, которым брошено обвинение в подкупности, к протесту против уронившего себя органа печати, против «Иллюстрации». Под этим протестом подписалось довольно много видных и не видных имен, в том числе Н. Г. Чернышевский и И. С. Тургенев. Последний подписал также аналогичный протест, появившийся тогда же в № 258 «С.-Пбургских Ведомостей» (25 сентября).

Добролюбов уже тогда относившийся отрицательно к либеральным веяниям и заявлениям того времени, как к явлению очень поверхностному и несерьезному, так же отнесся и к этому протесту против юдофобства. В I книге «Современника» 1859 г., в своем «Свистке», он в заметках «Письмо из провинции» и «Проект протеста против «Московских Ведомостей» вышучивал эту крикливую готовность — очевидно многих подписавшихся — к опасному либеральному «протесту».

Некрасову, очевидно, точка зрения Добролюбова показалась неожиданной, и он счел нужным посоветоваться, о протесте Добролюбова против «протестов», с Тургеневым. Вот письмо Тургенева, показывающее, что на сторону Добролюбова он стать не может, и тоном своим определенно говорящее о некотором раздражении против Добролюбова.

(Без даты).

Возвращаю тебе, любезный Некрасов, статью о протесте — и откровенно тебе скажу, что тон ее мне крайне не нравится. Он может подать не только Русскому Вестнику, но и публике вообще — справедливый повод упрекнуть Современник в легкомыслии и глумлении. Доказать необдуманность, пожалуй вред протеста можно и даже должно — но без этих стишков «зубодробительных» и других ударов — словом, без этих любезностей и кривляний. — Докажите людям, в добрых намерениях которых вы не сомневаетесь, — что они ошибались — но сделайте это спокойно, серьезно. Представляется прекрасный случай написать дельную горячую — хотя и не большую статью — а вы являетесь с вещью, в которой иной, пожалуй, будет иметь право прочесть презрение к Русской Литературе — и в которой, во всяком случае, состояние современного общества не понятно. — О таком деле можно писать кратко, сухо, официально — или горячо, но уже никак не с юмором, тем более, что и юмор то вышел далеко не первоклассный. — Словом — я — коли уж дело пошло на протесты — протестую против публикации этой статьи. —

Скажи Панаеву, чтобы он был так добр и прислал мне последние 5, 6 №ов Nord.

Твой

Ив. Тургенев.

V.

ЗАПИСКА НЕКРАСОВА ЧЕРНЫШЕВСКОМУ.

Записка (карандашом) Некрасова к Чернышевскому сообщена нам в копии также М. Н. Чернышевским из архива Музея Чернышевского в Саратове.

Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу. Вы получите ее от него часу в 9м сегодня. Я вымарал много, но иначе нельзя, по моему мнению. Припишите что нибудь в конце.

Ваш *Н. Некрасов.*

Бекетов заходил к Тургеневу и сказал ему, что он статью не пропустит, но это вздор, завтра мы к нему отправимся.

Записка относится к началу 1860 года и связана с известной статьей Добролюбова о романе «Накануне». 19 февр. 1860 г. цензор Бекетов писал суровому критику «Современника», что не может пропустить без некоторых изменений его статьи, могущей повредить «безподобному» И. С. Тургеневу. Статья Добролюбова была предупредительно доставлена Некрасовым романисту; тот тогда же «убедительно» просил своего друга не печатать статьи: «Я не буду знать, куда бежать, если она напечатается — писал Т. Некрасову. Об этом эпизоде см. «Полное собрание сочинений Добролюбова» под ред. Лемке, т. IV, стр. 32, и «Голос Минувшего» 1916, № 10, стр. 101.

VI.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЧКИ О ТУРГЕНЕВЕ.

С 12-й книжки «Современника» за 1855 г. (т. LIV, стр. 235 второй половины тома) в нем стали печататься «Заметки Нового Поэта о Петербургской жизни», принадлежавшие перу Ив. Ив. Панаева, известного соиздателя с Некрасовым «Современника», автора «Литературных воспоминаний и воспоминаний о Белинском» и др. и популярного в свое время беллетриста-фельетониста.

Фельетоны эти Панаев начал с своих воспоминаний о первых своих литературных знакомствах. В первых страницах мы находим сведения, повторенные потом в «Литературных воспоминаниях» о встречах с Нестором Кукольником (не названным в этом первом фельетоне). Далее Панаев распространяется о своем поклонении литературным «кумирчикам, которые созидались людьми мне близкими, которым я верил и которых уважал. Мы ставили наших кумирчиков на пьедестал и поклонялись им с искренним энтузиазмом. Одного, произведенного таким образом в кумиры, курениями и преклонениями перед ним, мы чуть было даже не свели с ума» и т. д. Следует рассказ, на который указал уже в печати К. И. Чуковский в своих комментариях к повести Некрасова, посвященной изображению Достоевского в кружке Белинского (см. «Нива» 1917, № 37).

Мы не приводим здесь этих страниц Панаева о Достоевском, очень злых и каррикатурно-несправедливых, даже неделикатных, тем более, что Достоевский в те годы находился еще в сибирской службе (после острога) солдатом. Заметим только, что здесь цитировано четверостишие из эпиграмматического стихотворения Тургенева и Некрасова, которое известно теперь полностью и было направлено против Достоевского по поводу его требований относительно «Бедных людей» — обвести это произведение в сборнике Некрасова каймою и поместить в конце книги.

Отсылая, что касается Достоевского, интересующегося читателя к самому фельетону Панаева, мы приведем ниже страницы этого фельетона, относящиеся без всякого сомнения к Тургеневу.

Здесь прежде всего бросается резкая разница в отношении фельетониста к Достоевскому с одной стороны, к Тургеневу — с другой. Насколько оскорбительно каррикатурен Панаев по отношению к первому, настолько же он льстив, говоря о Тургеневе, о его «м и л ы х» (подчеркнуто фельетонистом) заблуждениях, выходящих «из великодушной и доброй натуры, из теплого и любящего сердца» и т. д.

Тургенев приближался в это время к зениту своей славы у современников, был едва ли не главною надежною опорою «Современника», и Панаев прославляет Тургенева даже по поводу известной слабости писателя—по первому впечатлению и добродушию превозносить до небес произведения знакомых и начинающих литераторов.

Читатели, знакомые с наличным небольшим кругом литературы того времени, легко, конечно, признавали, о ком идет речь, хотя фамилии и не назывались. В приводимых далее страницах, кроме самого Тургенева, изображенного в лице Петра Петровича, фигурируют повидимому в лице «светского литературного диллетанта» — граф В. Соллогуб и в качестве «смелейшего из литераторов» Д. В. Григорович.

«...У меня в молодости было много литературных кумиров и кумирчиков (и я не стыжусь признаться в этом), покуда мой взгляд на жизнь был еще не ясен, покуда убеждения мои не успели установиться... Я и теперь во многом и во многих обманываюсь и часто очень забавно заблуждаюсь — и в литреатуре, и в жизни; но я всегда готов торжественно сознаться в своих заблуждениях, если мне ясно докажут, что я заблуждаюсь. Людей готовых, вечно-правых, ничему неудивляющихся, никогда не ошибающихся, непогрешительных, я не терплю, потому что это люди холодные, без увлечений, без сердца, — хотя может быть и в высшей степени c o m m e i l f a u t. Я, во всяком случае, предпочитаю людей с заблуждениями. Есть даже заблуждения, которые можно назвать м и л ы м и, выходящие из великодушной и доброй натуры, из теплого и любящего сердца.

— У меня есть один приятель — человек образованный, умный, с благородными убеждениями, писатель с большим и в высшей степени симпатичным и поэтическим талантом, с самым тонким эстетическим вкусом

и притом один из милейших и приятнейших собеседников, в котором не знаешь, что более любить — человека или писателя. Его самоотвержению и великодушию в отношении к начинающим и литературным диллетантам, — нет границ, и потому все начинающие, все кончающие, все продолжающие писатели и кроме того светские литературные диллетанты, доверчиво бегут к нему с своими рукописями... и он всех встречает теплым словом и радушным пожатием руки. У него читают с утра до вечера, и в квартире его с утра до вечера слышится шелест переворачиваемых листов; он завален рукописями, — я знаю, что при одном виде этих рукописей, он ощущает дрожь по всему телу и неприятное стеснение под ложечкой, — но когда является чтец, он все-таки, безмолвной жертвой, опускается на стул, безнадежно проводит рукой по своим длинным и густым волосам, откидывая их назад и своим мягким голосом, в котором однако звучит тщетно подавляемая нота отчаяния, приглашает безжалостного чтеца начинать...

Светский литературный диллетант, в таких случаях, предварительно долгом считает объяснить, что он вовсе не литератор и не желает быть литератором (и это, заметьте, он говорит литератору — какая любезность и светскость!), что литературой он занимается так, от нечего делать, в свободные часы; что литература для него не более, как развлечение, как отдых; что он не совсем правильно умеет писать по-русски, что он к русской конструкции не привык; что ему более свой — язык французский, и что зато по-французски он пишет совершенно свободно. При этом диллетант отпустит обыкновенно несколько комплиментов моему приятелю на счет его таланта, от которых мой бедный приятель невольно пожмется, принужденно улыбнется — и в ответ на любезность, пробормочет что-то непонятное... а диллетант, ко всему этому, прибавит еще иногда:

«Я обращаюсь к вам не только как к нашему известному, как к нашему первому писателю, но вместе как к человеку с изящным вкусом, как к человеку, которому хорошо знакомо н а ш е общество и который, следовательно, вполне может оценить и произнести свой суд над моим произведением, — конечно, слабым, но в котором, по крайней мере. верно изображена н а ш а светская жизнь. Вам, который посещает н а ш е общество, в моем рассказе будет многое знакомо... Тут, знаете, все н а ш и нравы, обычаи, которые не всем литераторам могут быть известны и понятны, но вы...» и прочее.

И за тем диллетант, попросив сахарной воды, свободно располагается в кресле и начинает читать с большим воодушевлением и очень довольный собою, перебивая от времени до времени сам свое чтение такого рода замечаниями: «это не дурно? не правда ли?...» «Это мне удалось, я сам чувствую». «Как вы находите, — ведь эта страница горячо написана? а?» и прочее.

Литературный новичек не имеет смелости светского диллетанта. Новичек без всяких предварительных объяснений, робко усаживается на стул, трепещущей рукой развертывает свою рукопись и начинает читать дрожащим, замирающим и прерывающимся голосом.

Известные литераторы (и известные литераторы читают моему прия-

телю свои произведения) приступают обыкновенно к чтению просто, без церемонии.

«Ну-с извольте-ка, батюшка, послушать, но прежде велите-ка мне дать рюмку водки» (или стакан воды, смотря по вкусу)...

И мой добрый приятель, во время чтения сочинений известных литераторов, совершенно подчиняется их влиянию, превращается в младенца, робеет перед ними, забывает в эти минуты свой талант и свой авторитет — и потом, рассказывая своим знакомым — людям светским, литераторам и журналистам об этом чтении, восклицает с добродушным одушевлением простатью, про драму, про повесть, прочитанную ему каким-нибудь известным литератором: — «А! это необыкновенная вещь!.. Это удивительное произведение!» — И после этих восклицаний, начинает увлекательно и прекрасно доказывать достоинство этого произведения. И когда до журналистов доходит слух об удивительном произведении, которое тогда-то читалось у моего приятеля и от которого мой приятель в восторге, журналист в волнении бежит к известному литератору, чтобы приобрести его удивительное произведение и недопустить его в другое издание... Тогда известный литератор смело может назначить самую фантастическую цену своему произведению, в том предположении, что если с этой цены придется и спустить кое-что, то он все-таки продаст свое произведение за неслыханную цену. — Угодно 60 р. за лист?—восклицает журналист. — Что такое 60? Да мне дает NN [1]) для своего журнала 200!.. У журналиста проступает холодный пот на спине, как у бальзаковой герцогини де-Ланже, когда генерал хочет клеймить ее раскаленным железом... — 75 р., — произносит бедный журналист, едва переводя дух... — Нет, если хотите, ну так и быть — 100, а нет, так я отдам NN... И роман или повесть идет за 100 руб. с листа —и уж конечно 40 р. на лист прибавил восторг моего приятеля. За то как любят его и как высоко ценят — известные литераторы... Журналисты, казалось бы, должны были ненавидеть его, но — это почти невероятно, — и они, прощая ему неумышленное его посягательство в пользу других на их карманы, любят его, — столько добродушного, милого и увлекательного в этом человеке!..

Повесть или роман в 100 р. за лист напечатаны... и все с особенным интересом, преимущественно литераторы, приступают к ее чтению, именно потому, что за нее заплачено по 100 руб. за лист. Читают, прочитывают, закрывают книгу и впадают в раздумье. — «Да что-же тут необыкновенного, удивительного? Конечно, это вещь хорошая», — говорят между собою литераторы, — «но удивительного в ней ничего нет... Однако, отчего же Петр Петрович (имя моего приятеля) нашел в ней что-то удивительное? Ведь он человек с глубоким эстетическим вкусом, тонкий ценитель литературных произведений»...

— Э! помилуйте, господа, все это так, но ведь он человек увлекающийся, — замечает смелейший из литераторов: — вольно же вам верить на слово Петру Петровичу!.. он уж слишком мягок и добродушен. Он недавно

[1]) Разумеется, конечно, А. Краевский, издатель «Отеч. Записок», не раз досаждавший «Современнику» перебиванием у него авторов с именем.

прокричал нам о повести какого-то господина, — вот об этой повести, что напечатана в таком-то нумере такого-то журнала. Не говорил ли он нам, что это свежий, неподдельный талант? Вы все прочли эту повесть, — вы знаете, что это такое... Я ее прочел вслух, при нем, останавливаясь на каждой главе... «Ну что ж? это хорошо?..— спрашивал я. — Это, по твоему, талант?.. Нет, это плохо, очень плохо, — этот protégé твой не талант, а так п и с у н, больше ничего как п и с у н!.. Где же тут талант, я тебя спрашиваю? Я пристал к нему не на шутку. И наш милейший Петр Петрович (надобно было видеть эту сцену) замахал руками, затопал ногами, схватил себя за голову, взъерошил свои волосы и закричал:

— Ну да, ты прав, тысячу раз прав!.. Вы все правы... Я вполне согласен с тобой... Оставьте только меня в покое!..

И действительно, мой приятель, как все истинные таланты, в высшей степени мягкосердечен и снисходителен не только к своим собратам по искусству, но даже и к некоторым п и с у н а м, по прекрасному выражению литератора, слова которого сейчас приведены мною. Оттого, мой приятель, при оценке литературных произведений, несмотря на свой эстетический вкус, чувство литературного такта, образованность и начитанность, впадает нередко в промахи и заблуждения... и потом сам добродушно смеется над собою. Но эти самые промахи и заблуждения в нем необыкновенно милы; он так умен, даже в самых парадоксах своих, что его живая, поэтическая беседа в тысячу раз приятнее и даже поучительнее разговора сухого, строгого, положительного и никогда не ошибающегося и ничем не увлекающегося господина.

При всей явной преднамеренности наговорить возможно более слов приятных Тургеневу и читателям, его обожателям, под видом шутки над слабостью Петра Петровича, болтовня Панаева все-таки воспроизводит то, что действительно происходило с подобными вспышками у Тургенева неожиданного восторга пред тою или иною вещью.

Настоящую цену этих комплиментов себе Тургенев должен был понять чрез несколько лет, когда тот же самый Панаев, в статье «Современника» по поводу похорон Н. А. Добролюбова (1861 г. № 11), сводил — явно по поручению редакции — счеты с писателем, которого объявляли изменником молодому поколению (еще до «Отцов и детей»).

Как и в хвалебной заметке Панаева, так и в ругательной Тургенев прямо не назван, но не может быть сомнения, что именно он имелся в виду, когда Панаев иронически говорит, что «один из талантливейших наших писателей на своих изящных лекциях о литературе, читанных для самого избранного великосветского общества, в присутствии старых литературных знаменитостей, совершил изумительный подвиг, поставив имя Белинского на ряду с именами Пушкина и Гоголя!!.. Об этом говорил некогда весь город...» И далее Панаев повторяет по отношению к Тургеневу и Добролюбову ходившие тогда, явно с легкой руки дам из редакционного кружка «Современника», толки о вражде Тургенева к Добролюбову и Чернышев-

скому, вражде, объясняемой исключительно мелкими мотивами пустого тщеславия, которым только и руководился-де Тургенев. Ходили тогда слухи и толки о резко пренебрежительном отношении Добролюбова к Тургеневу (в долгу, правда, не остававшегося и в упор Чернышевскому назвавшего последнего змеей, а Добролюбова еще и очковой), потом повторенные и в воспоминаниях жены Панаева А. Я. Головачевой-Панаевой, и дошедшие до нас и в позднейшем более спокойном пересказе Чернышевского (статьи Е. Ляцкого, Современный Мир, 1909 г. № 10 и др.). Панаев в поминальной заметке о Добролюбове и пошел по этой легкой дорожке.

«Замечая при том, что новое поколение начинает довольно зло подсмеиваться над нашею изнеженостью, расслабленностью, над нашими романтическими выходками и лирическими возгласами, что оно начинает уже слишком выдвигаться вперед, во вред нам, и прокладывает себе новый, более строгий и более прочный путь, — мы, или по крайней мере некоторые из нас, ожесточились против нового поколения вообще и в особенности против самых ярких его представителей. Наше негодование должно было прежде всего, конечно, пасть на Добролюбова. Мы все, или, пожалуй, некоторые из нас, за давностью лет, или по действительным заслугам, оказанным нами искогда *в дни нашей свежести* (курсив Панаева), — приобрели авторитеты и авторитетики. Нам, без сомнения, было бы очень приятно, если бы один из представителей молодого поколения обнаружил перед нами также благоговение, какое мы обнаруживали в нашей молодости перед тогдашними авторитетами, и хоть для виду советовался бы с нами, выслушивал бы наши замечания, и так далее. А Добролюбов не только не оказывал нам никакого внимания, даже просто не хотел замечать нас, не изъявлял желания быть нам представленным и отзывался о наших творениях так, как о самых обыкновенных, безавторитетных произведениях. Скажите, не оскорбительно ли это?.. Тут мы, или что все равно, некоторые из нас — решили, что новое поколение, несмотря на свой действительно замечательный ум и сведения, поколение сухое, холодное, черствое, бессердечное, все отрицающее, вдавшееся в ужасную доктрину — в н и г и л и з м!»

Что ни фраза,то более или менее острая ядовитая шпилька по адресу Тургенева, кончая знаменитым обвинением (пока основанным только на слухах об «Отцах и детях») в злостное нападение на новое поколение за нигилизм.

Так, недавний восторженный друг Тургенева взял на себя неблаговидную роль истолковать за новые побуждения и тайные мысли своего героя, «великодушной и доброй натуры», «теплого и любящего сердца», человека «благородных убеждений» и т. д.

Здесь конечно нет надобности в подробности расшифровывать вышеприведенные ядовитые уколы по адресу Тургенева. Статья Панаева, однако, замечательна, как объявление Тургеневу беспощадной войны за молодое поколение, будто бы им оклеветанное в «Отцах и детях».

В. Е. Чешихин-Ветринский.

НОВОЕ О ТУРГЕНЕВЕ.

I.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА.

№ 1.

М. С. Щепкину[1]).

Париж, 27-го октября с. с. 48.
8-го ноября н. с.

Завтра отправляется в Россию наш соотечественник, г-н Селиванов[2]), любезный и почтенный Михайло Семенычь; он Вам доставит первый акт моей комедии «Нахлебник»; второй я не успел окончить переписыванием — но как только кончу, немедленно отправлю по почте, так что, может быть, Вы получите его в одно время с первым. — Прошу у Вас извинение за долгое отлагательство; желаю чтобы мой труд Вам понравился. Если Вы найдете достойным Вашего таланта приняться за него — я другой награды не требую. Приятели, которым я здесь прочел мою комедию — наговорили мне много любезностей по ее поводу; я может быть им оттого могу несколько верить — что вообще эти приятели довольно строго отзывались об моих трудах.[3]) Но как бы то ни было — лишь бы мой «Нахлебник» Вам понравился и вызвал бы Вашу творческую деятельность!

Боюсь я — не опоздал ли я немного. — Сверх того, прошу Вас — если Вы возьмете мою комедию для своего бенефиса — не говорить заранее, кто ее написал; на меня Дирекция, я знаю, втайне гневается за критику Гедеоновского «Ляпунова» в От. Записках—и с большим удовольствием готова нагадить мне.[4]) — Впрочем — я отдаю Вам свое произведение в полное

---

[1]) Письмо это заполняет пробел в истории «Нахлебника», изученной Ю. Г. Оксманом («И. С. Тургенев. Исследования и материалы». Вып. I. Одесса. 1921 г.) и В. И. Чернышевым («Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.». Петроград. 1922 г.), являясь ценным дополнением к известному письму Т. в «Трудах Оренбургской ученой Архивной Комиссии. 1898 г., вып. IV.

[2]) Селиванов Илья Васильевич, сосед Огарева по Пензенским имениям, в 1848 году находился в Париже, в 1850 г. был арестован вместе с Огаревым, Сатиным и А. А. Тучковым, автор «Провинциальных воспоминаний». На И. В. Селиванова, отправившегося в 1848 году из Парижа в Россию, Тургенев написал эпиграмму, вызвавшую со стороны Огарева стихотворную пародию. (См. «Русские Пропилеи», под ред. М. О. Гершензона, т. II, стр. 145, 173—174).

[3]) Тургенев имел в виду А. И. Герцена.

[4]) Рецензия Т. (анонимная) о драме Гедеонова «Смерть Ляпунова» была напечатана в XLII томе «Отечественных Записок», Библиографическая хроника. № 247, стр. 88—96.

распоряжение: делайте из него что хотите. — Как бы я был рад, еслиб я мог присутствовать при первом представлении! Но об этом, кажется, нечего думать.

Желаю Вам всего хорошего — здоровья и счастья. Крепко жму Вам руку и остаюсь с искренней преданностью и глубоким уважением.

Душевно любящий Вас *Иван Тургенев.*

№ 2.

А. Н. Плещееву.

С. Спасское.
24-го сентября 1858.

Какое Вы мне написали унылое письмо, любезнейший Алексей Николаевич! — Я очень сочувствую Вам — потому что как Вы справедливо заметили, сам бегал по той же дорожке — но менее сочувствую Вашей грусти; эта грусть — неизбежная спутница молодости, которая оттого именно и бьется так, что не в состоянии совладать с собственным богатством. — Это в порядке вещей; но слишком предаваться этой грусти — вредно; и голос сорокалетнего человека может быть в этом случае — полезен. — Отчего Вы грустите? Оттого ли, что Вы еще не знаете, есть ли у Вас талант? — Дайте ему время вызреть; а если его даже не окажется, разве человеку необходим именно поэтический талант, чтобы жить и действовать? — Окружающая среда тяготит Вас? — Но во-первых мне кажется, что Вы останавливаетесь на поверхности явлений; а во-вторых, если Вы теперь, в 1858-м году, отчаеваетесь и грустите, что же бы Вы сделали, еслиб Вам было 18 лет в 1838-м году, когда впереди все было так темно — и так и осталось темно?

Вам теперь некогда и не для чего горевать; Вам предстоит большая обязанность перед самим собою: Вы должны себя делать, человека из себя делать — а там что из Вас выйдет, куда Вас поведет жизнь — это уже предоставьте Вашей природе: Вы будете правы перед самим собою. — Думайте меньше о своей личности, о своих страданиях и радостях; глядите на нее пока как на форму, которую должно наполнить добрым и дельным содержанием; трудитесь, учитесь, сейте семена: они взойдут в свое время и в своем месте. — Помните, что много молодых людей, подобных Вам, трудятся и бьются по всему лицу России; Вы не одни — чего же Вам больше? Зачем отчаяваться и складывать руки? Ну, если другие то же сделают, что же выйдет из этого? — Вы перед Вашими (часто Вам неизвестными) товарищами нравственно обязаны не складывать руки.

Что же касается до присланных Вами двух стихотворений, то они точно так же могут быть произведениями молодости истинного поэта, как и молодости искусного диллетанта. Физиономии в них еще нет — а без нее поэзии, особенно лирической поэзии нет. — Но Вы не хлопочите, и не сокрушайтесь об этом. — Позвольте Вам представить себя в пример: моя физио-

номия сказалась под тридцать лет — а, к несчастью, я не в тридцать лет стал писать.

И так corraggio, Santo Padre! — Corraggio, Signore Alexis! — Работайте стойко, спокойно, без нетерпенья: всякая деталь дает только тот плод, который она дать может. — Продолжайте писать стихи — кто знает? может быть Ваше призвание — быть поэтом; но не печатайте их и не предавайтесь м л е н ь ю г р у с т и: это тот же онанизм, такой же вредный, как и физический.

Не знаю, будете ли Вы довольны этим письмом — но оно было внушено мне истинным участием к Вам. В Петербурге я буду около 10-го ноября и надеюсь видеть Вас часто зимою. До тех пор будьте здоровы — жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

№ 3.

* * *[1])

Еще два поручения, которые я забыл Вам передать любезнейшая Наталья Николаевна. А именно: узнайте от Анненкова или от кого-нибудь другого, ч т о́ з а л ю д и Леонид Б л ю м м е р, издатель в Берлине «Свободного Слова» — и А р т у р Б е н н и, который между прочим и Анненкову доставил письмо от меня. Можно ли на них надеяться и не опасны ли они? О Блюммере пишите под именем г-жи Бурцевой, — а о Б е н н и, — под именем девицы П а в л о в о й.

Пишите мне сюда на мое имя — Rue Rivoli, 210. А за сим примите мое напутственное благословение и будьте здоровы.

Вторник Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

№ 4.

П. В. В а с и л ь е в у[2]).

Гостинница Демут. № 7.
(1871). Среда.

Я только что расстался с Вами вчера вечером, любезнейший Павел Васильевич, как вспомнил, что завтра я обещал быть на репетиции оперы

---

[1]) Письмо к неизвестному мне адресату; относится к началу 60-х годов. Л. Блюммер издавал «Свободное Слово», русский политический орган, в Берлине в 1862 году. А. Бенни был убит в 1868 году; о нем очень сочувственно писал Тургенев П. В. Анненкову 19(7) января, 5 февраля (24 января), 26(14) февраля 1868 г. (См. «Русское Обозрение». 1894 г. № 2). В его защиту послал письмо в С.-Петерб. Ведомости (№ 52, в том же 1868 году). Об А. Бенни см. в книге М. Г. Лемке «Очерки освободительного движения 60-х годов» (процесс 32).

[2]) П. Васильев — известный артист Александринского театра, прославленный Ап. Григорьевым, любимец Островского (1832—1879 г.). Тургенев с давних пор интересовался музыкальной деятельностью А. Н. Серова (см. его интересные отзывы в письмах к П. Виардо об «Юдифи». «Рогнеде» — 16 янв., 18 янв., 19 янв. 1864 г., в «Русск. Мысли» 1906 г., IX; 23 янв., 28 янв. 1864 г. в «Современном Мире» 1911 г. № 12). В первый раз «Вражья сила» шла на сцене Мариинского театра 19 апреля 1871 г. в бенефис Э. Ф. Направника (А. Н. Серов. Библиографический указатель произведений А. Н. Серова. А. Е. Молчанов. СПБ. 1888 г.). К этому году я и отношу письмо Тургенева, написанное, вероятно, в начале марта; 8 марта 1871 г. Тургенев приехал из Петербурга в Москву, 21 марта выехал обратно и на другой день отправился за границу.

Серова — «Вражья Сила» — и потому должен просить Вас позволить мне воспользоваться Вашим обязательным предложением в с у б б о т у — в 1/2 3-го буде возможно — так как в пятницу Вы заняты. — Надеюсь, что Вы будете свободны в этот день и обещаю себе заранее великое наслаждение от Вашего мастерского чтения.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

№ 5.

* * * [1])

Bade.
Thiergartenstrasse, 3.
le 25 Avril 1868.

Mon cher ami,

Je vous écris de ma maison de Bade, où je suis installé depuis quelques jours et où, par parenthèse, je serais heureux de vous offrir l'hospitalité, si un bon vent vous conduisait cette année dans nos parages. Je n'ai fait que traverser Paris vers la fin de Mars — et il m'a été materiellement impossible d'y voir mes amis. Sans cela, votre porte êut été une des premières, auxquelles je serais allé frapper. Ce n'est pourtant pas le seul désir de me rappeler à votre souvenir qui m'a fait prendre la plume aujourd'hui; il s'agit d'une chose qui peut vous intéresser. — Viardot, en oufillant dans ses vieux papiers, a découvert derniérement un projet de libretto d'opéra en cinq actes, un scenario — (intitulé provisoirement «Le Fléau») — qu'il m'a dit vous avoir montré dans le temps et que vous aviez trouvé fort bien, à en juger par une lettre de vous, qui était insérée dans les feuillets du manuscrit. Ce même libretto a paru faire la même impression sur Angier, qui s'était offert pour le mettre en vers. Ceci se passait en 1850; puis — on s'est séparé — et tout a été oublié. Viardot m'a lu son scenario, après y avoir fait quelques légers changements — et je dois avouer que j'en ai été frappé. — C'est certainement un magnifique sujet d'opèra. Il y a surtout un troisième acte (il se passe dans la forêt de Dodone) — qui me paraît admirable: c'est de l'a n t i q u e v i v a n t — et il y a dans tout l'ouvrage une variété de tons et de couleurs, qui doit séduire un musicien à imagination. — Je n'ai pas besoin d'ajouter que vous êtes maintenant le seul maitre en Europe à la hauteur d'une pareille tâche, le seul, que l'antique ne (?) point. — Vous devez être accablé d'offres de libretti, cependant les bons sont rares — et l'on n'entend plus parler (heureusement, je crois — car le sujet réduit aux proportions de la scène n'est qu'un mélodrame assez vulgaire) — l'on n'entend

[1]) —Письмо написано к неизвестному мне лицу; возможно, к композитору Гуно. Тургенев в одном из писем к Л. Пичу («Вестник Европы» 1909 г. июнь, стр. 646) рассказывает о написанном им для немецкого композитора Эккерта сценарие пятиактной оперы «Мирович». Приведенное письмо лишний раз подчеркивает театральные и музыкальные интересы Тургенева.

plus parler de Françoi de Rimini. Voulez vous que Viardot vous envoie son scenario? Relisez le — et voyez s'il n'y a pas quelque chose à faire?

M-s Barlies et Cawé seraient plus que ... pour la versification. Quant à Viardot — il serait enchanté de vous avoir offert l'occasion de faire un nouveau chef d'oeuvre et cela lui suffirait complètement.

Envoyez moi un mot de réponse et croyez à la sincérité de ma vieille amitié.

J. Tourgueneff.

P. S. Habitez — vous toujours votre ancien logement?

Перевод № 5.

Мой дорогой друг,

Пишу Вам из моего баденского дома, в котором я поселился вот уже несколько дней и где (в скобках) я был бы счастлив предложить Вам свое гостеприимство, если бы попутный ветер Вас привел в этом году в наши края. Я был в Париже в конце марта только проездом и мне было положительно невозможно видеться там с моими друзьями. Если бы не это — Ваша дверь была бы одною из первых, в которую я бы стучался. Однако не одно желание напомнить о себе заставило меня сегодня взяться за перо. Дело заключается в одной вещи, могущей Вас заинтересовать. Виардо, разбирая свои старые бумаги, откопал черновик либретто оперы в пяти действиях, сценарий которой (озаглавленной сначала «Бич»), как он мне сказал, показывал Вам в свое время, и Вы его нашли очень хорошим, о чем можно судить по Вашему письму, вложенному в листки рукописи. Кажется, это либретто произвело такое же впечатление на Ожьé, предложившего переложить его стихами. Это происходило в 1850 г.; потом все разъехались, и все было забыто. Виардо мне читал свой сценарий, после сделанных им небольших изменений, и я должен сознаться, что был им поражен. Это несомненно великолепный оперный сюжет. Там особенно третий акт (я его читал в лесу Д.) показался мне поразительным. Это нечто напоминающее ожившую античность, и во всем произведении такое разнообразие тонов и красок, что оно должно обратить внимание музыканта с воображением. Мне нет нужды прибавлять, что Вы в настоящее время единственный маэстро в Европе, единственный который был бы на высоте подобной задачи кому античный мир... Вы должны быть засыпаны предложениями либретто; однако хорошие редки и о них что-то не слышно (к счастью; я думаю так потому, что сюжет, сокращенный по размерам сцены, обращается в обыкновенную мелодраму) разговоров Римини. Если Вы хотите, Виардо пришлет Вам свой сценарий. Перечитайте его и посмотрите, не нужно ли что исправить. М-г Б. и Cawé совсем неподходящи для версификации. Что касается Виардо, то он был бы весьма польщен предоставить Вам случай создать новый шедевр, и это доставило бы ему совершенное удовлетворение.

Пишите и верьте искренности моей старой дружбы. *И. Тургенев.*

P. S. Живете ли Вы еще на Вашей старой квартире?

№ 6.

* * *[1])

50, Rue de Douai.
Paris.
Vendredi matin.

Mon cher Monsieur,

Vous seriez bien aimable d'annoncer dans la «République» — l'exposition des tableaux de mon compatriote et ami, V. Véréschaguine, qui s'ouvre dès le 15 au cercle de la rue Volney (c. d. J. Arnaud) — et ne durera que quinze jours. — Il y a des études, de l'Inde — des études et de grands tableaux achevés — puis des oeuvres considérables, dont le sujet est près de la dernière guerre des Balkanes (vous savez que V. y a pris une part personelle — il a même été blessé). C'est trés original, très puissant de couleur — et très frappant de vérité et de justesse dans la reproduction de types. — V. est sans contredit la plus intéressante physionomie artistique, que nous ayons en Russie dans ce moment.

Peut-être voudrez vous donner la peine d'en juger de V. — l'exposition est déjà ouverte — pas pour le (?) public.

Je vous remercie d'avance — et vous serre cordialement la main.

Votre devoué

J. Tourgueneff.

Перевод № 6.

Мой дорогой,

Вы были бы очень любезны, если бы объявили в «Республике» о выставке картин моего соотечественника и друга В. Верещагина, которая открывается 15-го в клубе улицы Вольней (бывш. Ж. Арно) и продолжится только две недели. Есть этюды Индии — этюды и большие оконченные картины — потом значительные полотна, сюжет которых взят из последней Балканской войны. (Вы знаете, что В. в ней принимал личное участие; он даже был ранен). Все это оригинально, в очень сильных красках и поразительно по правдивости и точности воспроизведения типов. В. бесспорно самая интересная артистическая личность, какая имеется сейчас в России. Может быть Вы пожелали бы высказать мнение о В. Выставка уже открыта — пока еще не для публики. Я Вас заранее благодарю и жму сердечно Вашу руку.

Преданный Вам *И. Тургенев.*

---

[1]) Письмо вероятно, относится к 1881 году; ср. письмо Тургенева к Я. П. Полонскому от 9 декабря 1881 года О В. В. Верещагине-художнике Тургенев был высокого мнения: см., напр., его отзыв на вечере у Л. Майкова 4 марта 1880 года («Русск. Старина» 1883 г., октябрь, стр. 210). В. В. Верещагин оставил воспоминания о Тургеневе.

№ 7.

Ф. И. АНСКОМУ [1])

Bougival Les Frénes Chalet (Seine et Oise). Середа, 22/10 окт 79.

Милостивый Государь,

Вчера я получил 8-й том моих сочинений (теперь их у меня 6: 3-й, 4-й, 5-й—8-й, 9-й и 10-й), — а также и Ваше письмо. — Вы вероятно уже получили теперь все рукописные прибавления к 1-му тому, — а через несколько дней получите и портрет. — Препятствий след., к окончанию печатания нет. — Что же касается до исправления опечаток — я боюсь как бы не задержать дело, так как мне пришлось бы перечесть все томы — труд немаловажный. — И потому вот что я Вам предлагаю: томы 3-й, 4-й и 5-й (романы) я перечту сам — и пришлю Вам список главнейших опечаток, если таковые найдутся; что же касается до остальных томов, то потрудитесь найти какого-нибудь грамотного и аккуратного человека, которому бы один из Ваших корректоров прочел бы мой исправленный оригинал, — а тот бы следя за текстом, отмечал бы важнейшие опечатки. — Это стоило бы Вам рублей сто, никак не больше — полагая за чтение каждого тома 15 рублей. — Если бы мой хороший приятель Н. Х. Кетчер взялся бы за это — лучше никого представить нельзя — он же корректировал одно из моих прежних изданий; но он на вряд ли согласится. Во

---

[1]) Ф. И. Анский, издатель книг для детского чтения, семитомного собрания сочинений Пушкина, в год написания письма Т. был комиссионером Ф. И. Салаева. Под его руководством печатались сочинения Т., вышедшие в отд. издании со множеством опечаток, от которых писатель пришел в ужас. По словам Я. И. Киселева, старейшего служащего в книжном магазине И. И. Глазунова и автора любопытных записок о книжной торговле (неизданных), Тургенев в один из приездов в Москву зашел в книжный магазин И. Г. Соловьева на Страстном бульваре и, жалуясь на крайне небрежное издание его сочинений наследниками Салаева, сказал: «После смерти Ф. И. Салаева, я прекращаю дела с наследниками». Действительно, следующее издание было передано И. И. Глазунову. Подробности об этом эпизоде см. в «Русск. Старине» 1883 г., окт., стр. 235—258. Пользуюсь случаем привести из записок Я. И. Киселева несколько черточек из взаимоотношений Тургенева и Ф. И. Салаева.

«При одном из свиданий Тургенева с Салаевым (в 70-х годах) последний спросил Тургенева: «Нет ли у Вас, Иван Сергеевич, чего новенького издать мне?» Тургенев с улыбкой ответил: —Есть самое новое—роман «Новь», он напечатан в журнале и его критики успели уже разругать — не угодно ли? — Разругали? изумился Салаев, но в таком случае я напечатаю «Новь» в двойном количестве экземпляров. Уступите его мне? — Что Вы, Федор Иванович, хотите загромоздить все полки моей Новью? — Нет, Иван Сергеевич, я знаю что покупаю и в убытке не буду. Салаев напечатал роман в большом количестве и книга была в 3—4 года распродана».

Такой же был разговор между Тургеневым и Салаевым по поводу другого романа (служащий Салаева И. И. Сидоров, сообщивший об этом Я. И. Киселеву, не запомнил, о каком именно романе шла речь. Я полагаю, речь шла о романе «Дым», выпущенном издательством Салаева в 1868 г.). «Тургенев написал новый роман, Салаев по обыкновению спросил, нет ли чего нового. Тургенев сказал, что есть, но эта новость обещана М. Н. Каткову для Русского Вестника, и прибавил:—Да Вам, Федор Иванович, это окажется дорогим, мне Катков предлагает очень крупную плату за печатный лист!

Салаев подумал, потом встал, открыл шкаф и сказал:

— Вот, Иван Сергеевич, у меня тут достаточно денег, чтобы заплатить Вам какую угодно сумму за Ваш роман.

За сообщение письма Тургенева и за возможность ознакомиться с «Записками», приношу глубокую благодарность Якову Ивановичу Киселеву. Публикацией этих материалов я обязан просвещенному вниманию известного московского книголюба Н. Ю. Ульянинского.

всяком случае, полагаю, что такого человека сыскать не слишком трудно— и таким образом не было бы задержки. Корректуру 3-го, 4-го и 5-го томов Вы получите во всяком случае через 10 дней или две недели.

Жду также корректур с рукописей.

Примите уверение в совершенном моем уважении

Ив. Тургенев.

№ 8.

* * * [1])

Меня перевезли сюда третьего дня в надежде на хорошее влияние перемены воздуха, так как прочее все не действовало. Но мне напротив того— хуже, с тех пор как я здесь. Прежде я не мог ни стоять ни ходить — а теперь и лежать не могу — по причине болей в груди. Остается одно: сидеть — пока и это будет невозможно. В таком положении

II.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТУРГЕНЕВА.

Г. редактору «Северного Вестника».

М. Г.

Препровождая при сем небольшой очерк из северо-итальянской жизни, для напечатания в вашей газете, считаю нужным заметить, что он принадлежит перу одной нашей соотечественницы, много лет тому назад поселившейся в окрестностях Турина и близко знакомой с бытом той страны. Если, как я смею надеяться, читателям «Северного Вестника» придутся по вкусу правдивость и грация изображений г-жи Н. Га—рини, то я представлю вам и другие ее очерки [2]).

Ив. Тургенев.

С.-Петербург.
3 (15) июня 1877 г.

---

[1]) Автограф Тургенева кем-то обезображен: письмо представляет собою отрезок, обрывающийся на строке без продолжения. Датировать можно последним годом жизни Тургенева Написано, вероятно, в Буживале. Письма №№ 1, 2, 4, 5, 6, 8 переданы мне для помещения в сборнике почетным членом Общества люб. рус. словесности А. А. Бахрушиным, которому считаю долгом выразить свою признательную благодарность.

[2]) Эта заметка была напечатана в № 38 «Северного Вестника» 1877 года, перед «Фиорис» (очерком из северо-итальянской жизни) Н. Га...рини. Очерк был закончен в № 39. Об авторе очерка (Гаспарини) имеются замечания Тургенева в «Северном Вестнике» 1887 г. № 2, стр. 45—46 «Мое знакомство с Тургеневым» Луканиной).

III.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛУИЗЫ ГЕРИТТ-ВИАРДО[1]).

...Я не могу закончить этой главы, не сказавши нескольких слов о Тургеневе, который в это время уже был нашим постоянным гостем. Тесно связанный с моим отцом, он был его неизменным спутником на охоте и в работе. В их постоянное сотрудничество (ибо, если они не писали вместе, то проводили время в беседах о литературе и об искусстве) Тургенев вносил свою славянскую особенность, мой отец — свое глубокое знание, и я смело могу сказать, что ни одна строчка Тургенева на французском языке не была напечатана, не пройдя рук моего отца. Последний в произведениях великого русского писателя играл роль цензора, если не вдохновителя; но он умел щадить его личность, допуская некоторые вольности в отношении синтаксиса и выражения, позволительные лишь автору, хотя бы и выдающемуся, пишущему на иностранном языке.

Мне только исполнилось четыре года, когда Тургенев поселился у нас, в семейном отеле на улице Дуэ, где, во втором этаже, была удержана, по его настоянию, квартира из четырех комнат, состоявшая из библиотеки, рабочего кабинета, гостиной и спальни. Что меня тотчас поразило в нем, — это его безупречная внешность, изысканность его туалета и запах одеколона, исходивший от его особы.

Между моими родителями и Тургеневым скоро установилась и всегда оставалась потом общность мыслей и чувствований, действительно редкая между задушевными друзьями или близкими родными. И так как их отношения были в сущности в области идей и искусства, то они никогда не омрачались ни малейшей тенью. Злословию, самому по себе, не удавалось нарушить гармонию этих отношений и оно должно было стушеваться перед снисходительным и гордым презрением, с каким оно принималось.

Мы все в семье были глубоко привязаны к Тургеневу, и я лично всегда его ценила, уважала и любила, несмотря на его беззастенчивый эгоизм избалованного великого человека.

Тургенев умер от рака в городе Буживале. Вся семья за ним ухаживала до последнего момента и горько оплакивала.

Постоянное употребление морфия отразилось на его мозговых отправлениях за последние месяцы его болезни. Раз ночью он так сильно дернул за шнур колокольчика, что многие из нас бросились к нему. Заметив мою мать, он вскрикнул: «А, вот леди Макбет!» и, оторвав тяжелый медный шар колокольчика, бросил его... К счастью, моя мать не была задета.

---

[1]) В газете «Figaro» 18 ноября 1922 г. была напечатана глава из воспоминаний дочери П. Виардо, Луизы Геритт, «Une famille de grands musiciens». Передавая новые подробности из последних дней жизни Тургенева, воспоминания не лишены значения, как документ, вышедший из семьи Виардо и рисующий Тургенева с точки зрения тех, нам мало знакомых людей, с которыми он прожил почти половину своей жизни. Характеристика Луизы дана Тургеневым в письме к Фету 4 февраля 1870 г. («Мои воспоминания» II, стр. 211—212).

Однажды, когда я входила в его комнату, он меня узнал — что не всегда с ним бывало — и сказал мне: «посмотри, Луиза, посмотри! Как это странно! Моя нога висит в углу. Комната полна гробов. Однако (он здесь употребил ругательное выражение) они дали мне еще три дня прожить».

Три дня спустя он умер.

В течение его болезни большая часть его друзей и его родственников приходили его проведать и отдать нам визит. Быть может, не этому ли надо приписать исчезновение собрания писем, писанных им Полине Виардо во время одной из своих отлучек из Франции?

Как бы там ни было, но один русский автор[1]), спустя много лет, был у моей матери, чтобы просить разрешение опубликовать эти письма в одном журнале; но имя лица, захватившего эту корреспонденцию, не было открыто. Просимое разрешение было дано, и, немного времени спустя, наиболее интересные письма были опубликованы. Все они достаточно известны и указывают на влюбчивую черту характера Тургенева. Однако эти задушевные беседы, полные добродушия, не представляют особого интереса и в общем только монологи, не получившие ответа.

Странная вещь! Переписка Тургенева с моей бабушкой Грацией исчезла точно также таинственным образом и никогда эта коллекция писем не найдется.

IV.

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА».

На листке первой редакции «Притынного кабачка» имеется перечень рассказов «Записок Охотника».

1. Х. и К.
2. Е. и М.
3. О. О.
4. М. С. Р.
5. Льгов.
6. К.
7. Бирюк.
8. Мал. Вода.
9. У. Л.
10. Б.
11. Леб.
12. Смерть.
13. Черт. и Нед.
14. Гамл. щ. у.
15. Тат. Борис. и ее пл.
16. Лес и степь.

[1]) Е. Гальперин-Каминский.

17. П. К.
18. Свид.
19. 2 Пом.
20. Р. Н. и Реф.
21.
22. Беж. Луг
23. Безумная
24. Русак.

Все эти сокращенные заглавия, разумеется, легко читаются, так как соответствуют каноническому оглавлению «Записок Охотника». Без затруднений заполняется № 21 — автор имел в виду «Касьяна с Красивой Мечи», под этим нумером появившегося в «Современнике» 1851 года, том XXVI. № 20 также легко расшифровывается благодаря письму Тургенева к П. В. Анненкову от 6 ноября (25 октября) 1872 года, из которого явствует, что среди четырех ненапечатанных рассказов, предназначавшихся некогда для «Записок Охотника», один уже начатый, но остановленный по цензурным соображениям, назывался «Русский немец и реформатор» [1]). О его содержании можно догадываться по краткому пересказу, сообщенному со слов Тургенева Н. А. Островской [2]). Но что такое «Русак»? 19 февраля 1847 г. Белинский писал Тургеневу: ««Ваш Русак» — чудо, как хорош, удивителен, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча»... «Русак» всем нравится очень... Не только «Хорь», но и «Русак» обещает в Вас замечательного писателя в будущем. Только, ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то, ни се, не то, чтобы не хорошо, да и не то, чтоб очень хорошо. Это страшно вредит тоталитету известности» [3]). Судя по оговоркам Белинского и особенно имея в виду заключительные строки, можно полагать, что рассказ Тургенева при многих достоинствах был малозначителен. В числе тех четырех рассказов, о которых Тургенев говорил Анненкову, есть один, содержание которого подходит к заглавию «Русак». Это тот очерк, который в 60-м году был рассказан автором «Записок Охотника» К. К. Случевскому, Анненкову, С. С. Дудышкину и в котором центральным персонажем был заяц [4]). Но повидимому, этот очерк носил название «Незадача» — в Орловской губ. так говорят о неудачной охоте (см. признание Тургенева в «Касьяне с Красивой Мечи», т. I, изд. А. Ф. Маркса, стр. 133) — и если наше предположение верно, то «Русак» был каким-то другим рассказом. Тем более надо принять последнее, что Тургенев писал

---

[1]) «Русское Обозрение» 1898 г., май, стр. 22.—На листе рукописи «Гамлета Щигровского уезда» (первоначально рассказ назывался «Обед») 16 № стоял Г. Щ. у., 17 № Р. Н. и Р. и 18 № Л. и С. При изучении творческой истории «Записок Охотника» немаловажное значение будет иметь вопрос о перестановках Тургеневым отдельных очерков в разные годы, в журнальной нумерации и в последующих изданиях.

[2]) Тургеневский сборник под ред. Н. К. Пиксанова, стр. 84.

[3]) Белинский. Письма. Редакция Е. А. Ляцкого, т. III, стр. 180—181.

[4]) К. К. Случевский. Новые повести, стр. 102—104. Ср. в моем этюде «Замыслы И. С. Тургенева». М. 1917 г., стр. 7—8.

Анненкову о «Незадаче», как очерке «только набросанном» и оставленном автором в виду его незначительности, между тем как «Русак» находился в редакции «Современника» и был прочитан, как законченная вещь, многими. Таким образом, возникает вопрос, почему исчез этот рассказ из серии «Записок Охотника» и, если был признан Тургеневым в строгой оценке Белинского, куда мог попасть из редакции «Современника»? Что касается рассказа с заглавием «Безумная», я думаю, таковым мог быть очерк, повествующий об эпизоде во время охоты молодого Тургенева с сумасшедшей женщиной, жившей в лесу и напугавшей его до ужаса; этот эпизод был рассказан Тургеневым на одном из воскресений у Флобера, и передан Мопасаном в рассказе «Страх» [1]). В этом очерке Тургенев вспомнил один из случаев своей молодости. Рассказывая о нем уже стариком, он иллюстрировал этим воспоминанием из своей юношеской жизни мысль, что «истинный страх мы испытываем только перед тем, чего не понимаем». Мы не знаем и, наверно, никогда не узнаем, входило ли такое философское раздумье в первоначальный замысел рассказа «Безумная», но что случай на охоте уже в начале 50-х годов в творческом процессе автора «Записок Охотника» мог развернуться в психологический этюд, подернутый дымкой таинственного, за это говорит такой рассказ как «Бежин Луг», пронизанный типичным для Тургенева агностицизмом. Возможность такого предположения еще резче утверждает исследователя творчества Тургенева в пору создания «Записок Охотника» в той мысли, что автор их отнюдь не задавался осуществлением «Аннибаловой клятвы», что элемент гражданственности не входил исключительным мотивом в замысел Тургенева. Самое разнообразное содержание насыщало его «Записки»: незначительные сюжеты в роде «Незадачи» и «Примет», этнографические материалы «Хоря и Калиныча», социальные темы в роде «Землееда», пейзажные мотивы «Свидания», психологические и философские раздумья «Безумной», — весь этот сложный сплав наполнял страницы, начатые и законченные, «Записок Охотника». Среди них загадкой продолжает оставаться «Русак»...

Н. Л. Бродский.

---

[1]) См. в моей брошюре о замыслах Т., стр. 38—40.

РАССКАЗ О ПЕТРЕ ИВАНОВИЧЕ ЛУТОВИНОВЕ.

«У этого барина была преогромная ватага охотников и несколько сот собак всех возможных сортов. У Лутовинова было более 5-ти тысяч душ крестьян и бездна денег; он был холостой; у него была сестра девушка, о которой узнал он, что к ней ездит сосед. В одну ночь поймал он его у ней, велел тащить его на псарный двор, где беспрерывно варилась всякая падаль для корму собак, туда хотел он молодца бросить, но один из людей его, увидав беду, ударил в набат и тем спас бедного, избитого до полусмерти!

Лутовинов имел дело с однодворцами или с экономическими крестьянами, которые действительно владели его землей; долго продолжалась тяжба; в последний год перед ниже сказанным случаем, Лутовинов едет в суд, в Ливны, и говорит: «Что же, долго ли будет тянуться мое дело?» Ему судьи возразили: «И, Петр Иванович, как это вы сами не можете справиться с негодяями». Этого достаточно было для него. Когда он возвратился домой, вот что он сделал: собрал своих мужиков, разумеется, с дубьем, расставил их в засадах — в скрытых местах, сам между тем послал сказать противникам своим, чтобы они ехали с его земли и не пахали бы ее, как не им принадлежащую, а ему. Сначала сделалась брань, потом драка, а потом совершенное побоище. Лутовинов выехал со всею охотой, большею частью напоенной до пьяна; обе стороны остервенились до того, что на месте с обеих партий было убитых до 15 человек. Охотники стреляли из пистолетов. Когда Лутовинов одолел, тогда собрал все мертвые тела и повез их в город Ливны; едучи туда через селение противников, зажег оное с обоих концов и кричал: «Я — бич ваш». Приехавши в Ливны, он прямо доставил убитых в суд и сказал судьям: «Вот я управился». Его разумеется взяли, и он сидел в деревне своей более 15 лет на поруках; в это время до 50 человек его крестьян умерло в остроге; сам же он просудил все свое имение, и был прощен при восшествии на престол императора Павла, как за старостию его лет, так и потому, что сделали сумасшедшим; однако коль скоро прочитали ему указ, то он от радости тут же умер—ударом. Бог его судья, а не мы! Говорят, что после его смерти наследники его отобрали всех розданных им крестьян у тех лиц, которые хлопотали об его деле, ибо все они владели ими без крепостей, по одним только запискам, с намерением данным. Таковы-то в старину были помещики».

Вышеприведенный «рассказ о П. И. Лутовинове» является выдержкой из ненапечатанных «Записок» архитектора Владимира Алексеевича Бака-

рева. Знакомству с этими воспоминаниями я обязана любезности проф. А. А. Захарова, а биографическим сведениям о Бакареве проф. Н. Б. Бакланову, которым и приношу свою благодарность.

Владимир Алексеевич Бакарев (родился в 1800 г., умер в 1870 г.), ученик Московского дворцового училища, принимавший участие в постройке Большого дворца в Кремле. «Записки» написаны частью в 1852—6 г.г., частью позднее—в 70-х г.г. Материал для «Рассказа о П. И. Лутовинове» почерпнут из живых воспоминаний об этом лице в Орловской губернии, где Бакарев проживал в качестве архитектора в имении кн. Куракина.

Данные о роде Лутовиновых, к которому принадлежала мать И. С. Тургенева, заставляют внести весьма существенную поправку в вышеприведенный рассказ. Так, он ни в коем случае не может быть отнесен к Петру Ивановичу Лутовинову, отцу Варвары Петровны Тургеневой. Указание на холостого Лутовинова и совпадение хронологических данных заставляют предполагать в данном случае другого представителя рода. Это — Алексей Иванович Лутовинов, родившийся в 1747 г. и умерший, действительно, в год вступления на престол Павла I, в 1796 году. (См. Гутьяр. Ив. Сергеевич Тургенев. Юрьев. 1907 г., стр. 13).

Однако на эту красочную и своеобразную фигуру в воспоминаниях самого писателя нет никаких указаний. (См. Тургеневский Сборник, под ред. Н. К. Пиксанова).

Но в художественном творчестве Тургенева, в образе жестокого дедушки рассказчика в «Однодворце Овсянникове» слышатся как будто отголоски той расправы с однодворцами, о которой повествует Бакарев. А приводимый последним эпизод с соседом вводит в ту духовную атмосферу, в которой разыгрывалась драма «Трех портретов».

Принятый, таким образом, с той поправкой, которая к нему необходима, «Рассказ об А. И. Лутовинове» дает ценный материал для характеристики семьи бригадира Ив. Андреевича, в которой личность Алексея Ивановича до сих пор оставалась в тени.

Л. Крестова.

ЧИТАЛЬНЯ
ИМЕНИ
И. С. ТУРГЕНЕВА.

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ (1918—1919 г.).

В настоящем библиографическом указателе приводится исключительно список книг и статей, вызванных исполнившимся 28 октября ст. ст. 1918 г. столетием со дня рождения И. С. Тургенева и напечатанных на юге России (Киев, Харьков, Одесса, Ростов н/Д., Полтава, Бердичев, Чернигов, Пирятин, Бердянск, Голта, Кременчуг и т. д.). Юбилей вызвал к себе большой интерес; не только в крупных центрах, но и в маленьких провинциальных уголках были устроены лекции, заседания, концерты, посвященные И. С. Тургеневу [1]); на юбилей широко откликнулась и провинциальная печать; отзывы и оценки, здесь сделанные, имеют сейчас лишь исторический интерес, но они отмечают целый период в отношении к Тургеневу критики и читательского круга, который может составить целую страницу в истории отношения к Тургеневу русской литературы и общественности. Кое-что из приводимого списка не должно быть забыто и исследователем Тургенева. Указатель, конечно, не полон, хотя составитель его и стремился к библиографической полноте, всегда желательной в обзорах подобного рода; но он все же дает наиболее важный материал и позволяет судить об общем ходе и характере Тургеневских юбилейных торжеств. В виду того, что большая часть названного материала ныне утрачена или малодоступна, простую регистрацию сопровождают в некоторых случаях пояснения и оценка: быть может она освободит иной раз от сложных или мало продуктивных поисков и напрасного труда.

---

[1]) О праздновании юбилея в К и е в е: «Киевская Мысль» 1918 г., №№ 210, 213 (Запрещения чествования), 216, 217; «Русский Голос», № 125, 134, 135 (отчет о торжественном заседании объединенных научных обществ университета; торжество в Городском театре; отчеты о речах В. А. Мякотина и Ф. И. Родичева); в П о л т а в е: «Полтавск. Новости», № 155 (отчет о лекции В. Короленко—Тургенев и Записки Охотника и докладах: Б. В. Р о ж д е с т в е н с к о г о — Огражение течений обществ. мысли в творчестве И. С. Тургенева, С т е п а н о в а — Драматическое творчество Т.; В. М. Т а г и н а — Идейный смысл творчества Т.; З. А. В о л к о в и ч — Женщина Т.). Ср. отчет в газ. «Родной край», Полтава, № 112; в Ч е р н и г о в е: «Черниговская Земля», № 50; в К р е м е н ч у г е: «Приднепровский Голос», № 1887; в Ж и т о м и р е: «Волынь», № 248; в Б е р д я н с к е: «Бердянск. Жизнь», № 269 (отчеты о докладах: Г. Ю. Ф е д д е р с, Тургенев и крепостное право; А. Г. З ы с и н, Лишний человек у Тургенева; Т. М. Глаголева — Т. как художник слова; Д. К. К у д и к о в — Шестидесятые и семидесятые годы в творч. Т.); в О д е с с е: «Одесск. Новости», № 10839; «Одесск. Листок», № 239; в Я л т е: «Ялтинский Голос», № 372 (151); в Т а г а н р о г е: «Приазовский край», № 181; в Ростове: «Приазовск. Край», № 180 (отчет о докладах в здании Донского Университета студенч. славянск. кружка: Прф. А. И. Я ц и м и р с к и й — Тургенев и славянство; В. А. Н о т а н к и н — Тургенев, русский народ и интеллигенция; С. А. К а м е н е в — Мистицизм в творч. Тургенева) и др. Общий очерк юбилейных торжеств и сводка юбилейной литературы дана была мною в заседании «Киевск. Историко-Литературного Общ. при Университ. св. Владимира» 1919 и в засед. «Одесск. Библиографич. О-ва при Новоросс. Ун-те» 1920 г., а также напечатана отдельной книгой, которая однако не вышла в свет. (См. ниже Указ. № 7).

1. Александрова І. — И. С. Тургенев, «Бердянская Жизнь», 1918, № 269.
2. Александровский, И. — Театральные пьесы Тургенева, «Жизнь», № 24, 1918 (Одесса).
3. Александровский, И. — Тургенев и театр, «Театральная жизнь», № 32, 1918 (Киев).
4. Алексеев, М. П. — Неизданное письмо И. С. Тургенева, «Русский Голос», № 132, 1918. (Киев).

Письмо, повидимому, к А. М. Щепкину из с. Спасского, 10 августа 1881 г. Привожу его целиком:

С. Спасское-Лутовиново, 10 августа 1881 г.

Любезный Александръ Михайловичъ!

Видно мнѣ не суждено быть въ нынѣшнем году у Васъ! У меня съ нынѣшняго утра сдѣлался припадокъ подагры, хотя легкій, но при теперешней ужасной погодѣ я не рѣшаюсь пускаться въ нѣсколько продолжительное путешествіе. Извините меня пожалуйста и до свиданья либо у васъ будущей весной, либо, кто знаетъ? Зимой въ Парижѣ, куда я отправлюсь черезъ недѣлю съ небольшимъ. Прошу вторично извинить и жму крѣпко Вашу руку,

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

* * *

Письмо печатается мною с автографа, с сохранением орфографии и пунктуации подлинника. Письмо относится к периоду последнего посещения Тургеневым Спасского. Тургенев приехал в Спасское 31-го мая 1881 года (а не 2-го июня, как говорит Гутьяр, Хронологич. канва, стр. 117, на основании письма к Стечькину от 4-го июня. Ср. М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 191) и жил там до конца августа. Жизнь в Спасском казалась Тургеневу «приятнейшим сном» (Первое собрание писем, стр. 385 и «Воспоминания» Я. П. Полонского, «Нива» 1884, № 1). С августа погода испортилась, приходилось думать о путешествии за границу. Тургеневу, словно предчувствовавшему близкую смерть, особенно тяжело было расставаться с родиной, но он все же уехал в последних числах августа, обещая вернуться не раньше лета. (Ср. Ив. Иванов.—И. С. Тургенев, изд. 2-е, Нежин, 1914, стр. 735). Жизнь в Спасском омрачена была только нездоровьем Тургенева. Подагрические припадки мучили Тургенева несколько раз. На подагру Тургенев жаловался еще в марте 1881 г. (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным, Одесса, 1913, стр. 34. Ср. Стасюлевич..., III, стр. 191 и 194). До нас дошло письмо И. С. Тургенева М. А. Языкову из Спасского, датированное тем же 10 августа 1881 г., в котором Тургенев писал: «Я остаюсь здесь еще дней с десять, а там, через Москву и Петербург в Париж». (Первое собр. писем, стр. 382). Таким образом, печатаемое письмо не дает чего-либо нового для биографии Тургенева, но всякая Тургеневская строка должна быть сохранена, как на этом настаивал еще Гаршин.

5. Алексеев, М. П.—Письмо в редакцию «Русский Голос» 1918, № 134. (Киев).

Просьба о присылке библиографических материалов, касающихся Тургеневского юбилея.

6. Алексеев, М. П.—Тургенев и музыка. Доклад, читанный на торжественном заседании соединенных обществ при Университете св. Владимира,— Нестора-летописца, Историко-литературного и Общества Исследования Искусств — 28 октября 1918 г. в день столетней годовщины со дня рождения Тургенева. Изд. «Общества Исследования Искусств», Киев, 1918, стр. 22.

Рецензии: С. С. Мочульского — в журнале «Жизнь» 1919, № 2 (Киев) и Экс-Либрис (Л. Гроссман) — «Одесский Листок» 1919, № 84. Дополнения к книге, напечатанные в моей брошюре «Тургеневский юбилей на Юге России», Черк., 1919, стр. 11—12. См. «Указ», № 7.

7. Алексеев, М. П. — Тургеневский юбилей на Юге России. 1818—1918. (Библиографическая заметка). Черкассы, 1919, стр. 24. (Это издание в продажу не поступало).

Предисловие, стр. I—II; Тургеневский юбилей на Юге России, стр. 1—6. (Описание общего хода юбилейных торжеств); библиографический указатель Тургеневской юбилейной литературы 1918 г., вышедший на Юге России, стр. 9—24. (Частично использован в настоящей статье).

8. Алексеев-Чарноцкий, Гл. — И. С. Тургенев, «Новости Дня», № 57 (Киев).
9. Бобович, Бор. — Тургеневские герои и мы, «Мельпомена», № 32 (Одесса).
10. Бойко, Вас. — До питаныя про вплив, Зап. Охотника Тургенева на Народні оповидання М. Вовчка. «Наше минуле» (Киев), 1918, № 1, стр. 135—145. Перепечатано без изменений в книге: Вас. Бойко. — Марко Вовчок. Істор. и литературн. начерк, Київ, 1918, стр. 165—184.

В своей статье Вас. Бойко пытается показать, что «Тургенева и М. Вовчка ставити поруч не можна» (стр. 169). Как известно одним из первых, указавших на возможность влияния Зап. Охотника на Нар. Оповид. Марко Вовчка был Н. Петров (Очерки истории украинск. литер. XIX в., Киев, 1884, стр. 392), но он ограничился общей фразой. Статья Бойко и является развитием и опровержением предположения Н. Петрова. Признав некоторые черты сходства между названными писателями, Бойко указывает, что «ця подібність ще не може служити основою до того, щоб допустити вплив Тургенева на Марко Вовчка, позаяк це скоріш пояснюється українською литературною традицією, громадськими настроями та ідейными течіями российскої та українськоі інтеллигенції». Черты этого сходства «спільність теми (народній побыт в умовах кріпацтва), спільність настрою (глибоке співчуття до страждущого народу), спільність тенденции (протест проти гноблення народніх мас во ім'я ідеи гуманности та справедливости)» (стр. 171). Однако у Тургенева — конкретные, реальные образы, преимущественно мужские, у М. Вовчок — наоборот — типы, сборные образы, трактованные довольно общо и, притом, почти исключительно женские (?). Далее, рядом очень немногочисленных сближений, В. Бойко доказывает, что если крепостные Тургенева вовсе не стремятся на волю, то «потяг до волі» крепостных Нар. Оповідань — их основная идея. Остановившись еще на стиле Тургенева и М. Вовчка (стр. 177), автор приходит к следующему выводу: «Між М. Вовчком і Тургеневым можна провести тільки аналогію, грунтуючись на спільности теми, настроіі и тенденціі, але про вплив говорити не годиться» (стр. 184). Эта точка зрения впрочем нисколько не убедительна; статья написана наспех и очень небрежна; автором почти обойден вопрос о личной дружбе Тургенева и Марко Вовчка, и ему неизвестны ни письма Тургенева к М. Вовчку, напечатанные в «Минувших Годах» 1908 г., хотя о них своевременно дан был отзыв и на страницах украинского научного органа (Рец. В. Доманицкого. — «Зап. Наук. Тов. Ім. Шевченко», 1909, II, 225—229), ни известная работа Ю. Никольского — Тургенев и писатели Украины, «Русск. Мысль» 1914, VII, стр. 108—116.

11. Бунин, Ив. — Страшные контрасты, «Одесские Новости» 1918, № 10839.
12. Вальбе, Бор. — О Тургеневской грусти, «Жизнь» 1918, № 24 (Одесса).
13. Варнеке, Б. В. проф.—Поклонник талантов, «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
14. Варнеке, Б. В., проф.—Тургенев и театр, «Одесские Новости» 1918, № 10836.
15. Варнеке, Б. В., проф. — Тургенев-драматург, «Венок Тургеневу» 1818—1918, Одесса, 1918, стр. 1—24 и отд. отт. Рец. С. С. Мочульского. «Русск. Голос» 1918, № 140 (Киев).
16. В. Б. — К юбилею, «Голос Киева» 1918, № 151.
17. Войтоловский, Л. — Пророк бесплодного пафоса, «Киевск. Мысль» 1918, № 210.
18. В. К. — Тургенев и Россия, «Голос Юга» 1918, № 227 (Елисаветград).
19. Венцев, Георгий. — Интеллигенция и народ. (К юбилею И. С. Тургенева), «Наше Время» 1918, № 35 (Бердичев).
20. «Венок Тургеневу», 1818—1918. Сборник статей. Одесса, 1918. Изд. А. А. Ивасенко, стр. 104.

Содержание сборника: Варнеке, Б. В., проф. — Тургенев-драматург (стр. 1—24); Гиппиус, В. В. — О композиции Тургеневских романов (стр. 25—55); Гроссман, Л. — Последняя поэма Тургенева (Senilia) (стр. 56—90); Фишер, В. М. — Неведомое у Тургенева (стр. 91—104). Ср. «Указатель», №№ 15, 26, 29, 92.

Рецензии: В. Н—ель, «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса); Ю. Никольский, «Одесский Листок» 1918, № 239; Н. Н. Апостолов, «Родная Земля» 1918, № 2 (Сборники I—II), стр. 20—21.

21. Гарольд. — Перед бюстом Тургенева (стихотворение), «Киевская Мысль» 1918, № 210.
22. Гогель, Сергей, проф. — Защитник человеческой личности, «Русск. Голос» (Киев) 1918, № 132.
23. Горобец, Тиберий — Великий романтик, «Жизнь» 1918, № 24 (Одесса).
24. Горобец, Тиберий — Юбилейный репейник, «Одесск. Листок» 1918, № 239.
25. Гриневич, А., свящ. — Памяти великого письменника И. С. Тургенева, «Слово». (Изоденна церковно-громадянська часопись) 1918, № 35 (Киев).
26. Гроссман, Леонид. — Последняя поэма Тургенева (Senilia), «Вешок»..., стр. 57—90. (Ср. «Указ», № 20).

Отрывок из статьи напечатан также в «Мельпомене» 1918, № 32 (Одесса), под заглавием Поэма Тургеневского заката.

27. Гроссман, Леонид. — Портрет Манон-Леско. «Омфалос», Одесса 1919. (2-е изд. М. 1922).

Здесь помещены: — Портрет Манон-Леско, Последняя поэма Тургенева. Отрывки из первой статьи напечатаны в «Одесск. Листке» 1918, № 239, под заглавием — Культура Тургенева, затем полностью в журнале «Заветы», Одесса, 1919.

28. Г., Л.—Последние годы И. С. Тургенева. (Из воспоминаний д-ра Л. Б. Бертенсона). «Одесск. Новости» 1918, № 10839.

Сведения о состоянии здоровья Тургенева с зимы 1882 г.; отрывки из предсмертных писем И. С. Тургенева — Л. Б. Бертенсону. Воспоминания о Тургеневе последних лет его жизни, со слов Л. Б. Бертенсона, записанные Л. Г.

29. Гиппиус, В. — О композиции Тургеневских романов, «Венок»..., стр. 25—55. (Ср. «Указ», № 20).
30. Гудзий, Н. К.—Единый Тургенев. «Родная Земля», сборники, I—II, Киев, 1919, стр. 143—148.

Статья обосновывает то положение, что в миросозерцании Тургенева за время его литературной деятельности не совершилось резкого перелома. Сопоставляя Стено и Стихотворения в прозе, легко отметить основные магистрали Тургеневского миросозерцания. Если и принять во внимание, что в данном примере Стено оказалось в сфере воздействия на Тургенева Байрона, а для Стихотворений в прозе скорбь Тургенева-старика осложнена была в своей непосредственной искренности пессимизимом Шопенгауэра и скептицизмом Ренана, то и то следует признать идейную органическую близость этих двух произведений, стоящих на полюсах Тургеневской литературной деятельности, которую нельзя объяснить иначе, как устойчивостью, статичностью основных проблем тургеневского миросозерцания за все продолжение его жизни. Такие же сопоставления легко сделать между другими произведениями Тургенева, иногда далеко отстоящими друг от друга по времени их написания. Та же статья в переработанном виде помещена в «Известиях Таврического Университета», 1918, № 1 (Симферополь).

31. Гудзий, Н. К.—Рецензии на «Поп» И. С. Тургенева, изд. Л. Э. Бухгейм—и на работу Н. Л. Бродского Замыслы И. С. Тургенева, «Родная Земля», Сборники I—II, Киев, 1919; библиография, стр. 15—16.
32. Демидов, И. — Тургеневские дни, «Русск. Голос» 1918, № 126 (Киев).
33. Дерман, А.—Корни Тургеневского творчества. «Вечер» 1918, № 32 (Киев).
34. Добротворцев, Б.—Прекрасное в личности Тургенева. (Речь в день столетнего юбилея И. С. Тургенева), «Голос Семьи и Школы», октябрь—ноябрь, 1918, № 2, стр. 6—14 (Киев).
35. Зоров, А.—Тургенев и мы, «Последние Новости», утр. выпуск, № 5284 (Киев).
36. Г. ***—И. С. Тургенев. 1818. 28. X. 1918. «Черниговск. Мысль» 1918, № 110.
37. Иновин, А.—Заветы Тургенева, «Одесск. Новости», 1918, № 10839.
38. Исаев, Бор.—Тургенев и наши дни, «Последние Новости», утр. выпуск, № 5284 (Киев).
39. Калугин, Юрий.—Вера в человека, «Арабески» 1918, № 16—17 (Киев).
40. Кессельман, С. — Записки охотника (стихотворение), «Мельпомена», 1918, № 32 (Одесса).
41. Короленко, Вл.—Тургенев и самодержавие, «Киевская Мысль» 1918, № 213.

42. Коссовский, В.—И. С. Тургенев (черты жизни и личности), «Голос Юга» 1918, № 227 (Елисаветград).
43. Краних фельд, Елена.—Старинная усадьба (Тургеневские настроения), «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
44. Крыжановский, М.—Памяти И. С. Тургенева (из дневника учителя), «Голос Юга», 1918, № 227 (Елисаветград).
45. Кузнецов, К.—Ненапечатанный диалог из Дыма, «Одесский Листок», 1918, № 239.

Статья представляет собою диалог на современную тему, вложенный в уста героев Тургеневского романа.

46. Кудеяр.—Жизнь и поэзия в произведениях И. С. Тургенева, «Жизнь», 1918 № 24 (Одесса).
47. Кузьмин, Евг.—В поминальные дни, «Голос Киева» 1918, № 151.
48. Ландезен, Ф.—Письмо в редакцию, «Киевская Мысль» 1918, № 217.

Предложение организовать тургеневский комитет для увековечения памяти писателя и для использования с. Спасского-Лутовинова для просветительных и общеполезных целей.

49. Левитский, Валерий—Русский праздник, «Голос Киева» 1918, № 151.
50. Лернер, Н. — Тургенев и Савина, — (Рецензия на изд. А. Е. Молчанова с предисл. А. Ф. Кони, Петр. 1918), «Творчество», 1919, № 4 (Харьков).
51. Либович, Влад.—Памяти И. С. Тургенева (стихотворение), «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
52. Линский, Мих.—Юбиляры, «Зритель» 1918, № 56 (Киев).
53. Логвинович, И.—Трагедия безволия, «Слово» 1918, № 120 (Екатеринослав).
54. Лоренцо.—Тургенев в театре, «Мельпомена» 1918, № 32 (Одесса).
55. Луначарская, С.—Накануне великого юбилея, «Русский Голос» 1918, № 131 (Киев).
56. Луначарская, С.—Памяти И. С. Тургенева, «Голос Семьи и Школы» 1918, № 2, стр. 1—2 (Киев).
57. М. ***—И. С. Тургенев, «Свободная Мысль», 168 (Голта).
58. Малиновский, Ф.—прот. Значение храма по Тургеневу, «Родная Страна» 1918, № 22 (Одесса).
59. Мандес, Мих., проф.—Публицист и поэт. (К Тургеневским торжествам), «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
60. Мандес, Мих.—Тургенев и русский язык, «Одесские Новости» 1918, № 10839.
61. Надель, Викт.,—И. С. Тургеневу (стихотворение), «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
62. Надель, В.—Сонет Тургеневу, «Одесские Новости» 1918, № 10839.
63. Незнакомец.—Артисты о Тургеневе (шарж), «Мельпомена» 1918, № 32 (Одесса).
64. Незнакомец.—Воспоминатели, «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
65. Незнакомец.—Тургенев в современности. (Шутка), «Одесские Новости» 1918, № 10839.
66. Никулин, Л.—Тургенев (стихотворение), «Театральная Жизнь» 1918, № 32, (Киев).
67. Никольский, Ю.—Взгляды Тургенева, «Одесский Листок» 1918, № 239.
68. Никольский, Ю.—Одесская рукопись Тургенева. Экстренный выпуск телеграмм газ. «Одесский Листок» 1918, 3 февраля.
69. Нилус, П.—(О Тургеневе), «Одесские Новости» 1918, № 10839.
70. Овсянико-Куликовский, Д. Н. акад.—Тургеневское, «Жизнь», 1918, № 25 (Одесса).
71. Овсянико-Куликовский, Д. Н.—И. С. Тургенев, «Одесский Листок» 1918, № 239.
72. Плетнев, А.—И. С. Тургенев (1818—1918), «Родная Страна» 1918, № 211 (Одесса).

Статья основана отчасти на личных воспоминаниях о Тургеневе. С Тургеневым автор встречался в Париже, еще юношей. Статья, однако, не сообщает ничего существенного.

73. Плетнев, А.—И. С. Тургенев (из личных воспоминаний), «Жизнь» 1918, № 15 (Одесса).
74. Потапов, В.—Доктор обычного права (И. С. Тургенев, 1818—1918), «Южное Слово» 1918, № 20 (Николаев).
75. Педагог.—И. С. Тургенев и его педагогические взгляды, «Жизнь» 1918, № 24 (Одесса).
76. Родзевич, С.—К предстоящему юбилею И. С. Тургенева (пожелания словесника), «Русский Голос» 1918, № 127 (Киев).

77. Родзевич, С.—Наша молодость, «Русский Голос» № 132 (Киев).
78. Родзевич, С.—И. Тургенев. Статьи. I. Кн-во «Летопись», Киев, 1918, стр. 138.

Рец. «Вечерние Огни» 1919, № 22 (Киев).

Содержание: Лирика Тургенева (стр. 5—40); Тургенев, как эстетик и критик (стр. 41—74); Романтик реализма (стр. 75—116); Тургенев и символизм (стр. 117—138).

Первая статья касается стихотворных опытов Тургенева 30—40-х годов. По мнению автора, анализ лирики Тургенева «открывает возможность установить известную внутреннюю преемственность между ними и Зап. Охотника и даже такими вершинами творческих достижений Тургенева, как стихотворения в прозе» (стр. 9—10). Работа изучает степень зависимости Тургеневской лирики от Пушкинской и Лермонтовской музы, ее идейное содержанйе, близость ее настроений и стиля к ранним рассказам Тургенева и т. д. Материал, приведенный здесь, довольно обилен, временами до чрезмерности, особенно там, где пользуясь случайным сходством, автор загромождает свою работу параллелями из русской и западноевропейской лирики. (Ср. напр., особенно неубедительные сопоставления той группы стихотворений Тургенева, которая г. Родзевичем произвольно определена как группа «стихотворений народно-бытового содержания» — с эпизодами народных песен из сборников Сахарова и Соболевского, стр. 22—23). Пренебрежена хронологическая перспектива; несколько интересных сопоставлений в стих. Тургенева с произведениями Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Клюшникова, Красова, ввиду их разбросанности оставляют лишь неясно-ощутимые очертания сферы влияния всех этих поэтов на Тургенева-лирика. При всем том, статья эта наиболее удачная во всем сборнике, потому, что дает несколько бесспорных наблюдений и выводов. Вторая статья: Тургенев как эстетик и критик—касается критических статей и заметок Тургенева и имеет в виду «попытку систематизации эстетических воззрений писателя, поскольку они выразились в отдельных статьях, рецензиях и письмах». Задачей статьи является также «указать на отражение его эстетики в отдельных литературных характеристиках» (стр. 44). По мнению автора, в области эстетического развития у Тургенева нет окончательных достижений: «от бытового реализма 40-х годов, проникнутого гегелевскими идеями, от идеи народности Тургенев идет к психологическому реализму, напоминая «парнассцев», никогда, однако, не впадая в крайности, не уходя от жизни реальной и не переставая ее любить». Основная же эстетическая формула Тургенева — «свобода в деле художества, поэзии» (стр. 74). Этот вывод не нов; некоторое значение могут иметь только систематизированные в в статье обширные цитаты из критических заметок Тургенева и его переписки. Третья статья — Романтик реализма (К вопросу о миропонимании Тургенева) — ставя в основу этот старый и неуклюжий термин, примененный однажды к Зола (К Тургеневу термин «романтик — реализма» был применен уже А. Круковским,—Русская женщина в изображении Тургенева», «Ж. М. Н. Пр.», 1914, VII, стр. 183), представляется мне наименее удачным этюдом всей книги. Попытка разрешить вопрос противоестественным соединением терминологических антитез, содержание которых очень неустойчиво, мало мотивирована и непродуктивна. Последняя статья ставит вопрос о близости некоторых, наиболее поздних произведений Тургенева к литературе французского и русского символизма (Искания Тургенева «женщины небывалой» и «femme inconnue» Верлена, «Клара Милич» и «Вера» Вилье-де-Лиль-Адана). Автором упущена из внимания крайне важная для данного вопроса статья Иннокентия Анненского (в «Книге Отражений»). Интересно подобрать материал, характеризующий, каким складывался портрет Тургенева в сознании русской литературы; для последних десятилетий почти неизменным является элегический образ Тургенева-старика в interieur'e «Дворянского гнезда». Отныне Тургенев не только портрет, но и настроение, как хотя бы у И. Северянина: Письмо из усадьбы. («Собрание поэз.», М. 1916, стр. 35):

Вчера читала я, — Тургенев
Меня опять зачаровал.
Закатный запад был сиренев
И, все в грядущем обесценив,
Меня к былому призывал.

79. Собсович, А.—Тургенев и театр, «Театральный Курьер» 1918, № 11 (Ростов н/Д.).
80. Сакс, Николай.—Неизданное письмо Тургенева, «Киевская Мысль» 1918, № 217.

В статье напечатано с небольшим комментарием письмо И. С. Тургенева — художнику Н. Саксу (Париж, зима 1881 г.). Н. Сакс более двух лет работал с Тургеневым в парижском обществе: «Société de Secours mutuels et de bienfaisance des artistes russes à Paris». Председателем был посол кн. Орлов, секретарем — Тургенев, его помощником — Н. Сакс. Общество нередко устраивало литературно-музыкальные вечера, которые охотно посещала русская колония в Париже. На одном из таких вечеров, затеянных Тургеневым, сам он присутствовать не мог, так как заболел внезапно приступом подагры. По этому поводу и было написано письмо. Привожу его целиком, с сохранением орфографии:

50, Rue de Douai.
Paris.

Понедѣльникъ, утро.

Любезный Николай Эдуардовичъ: бѣда стряслась надо мною, которую я еще вчера ожидать не могъ: сильный припадокъ подагры свалилъ меня въ постель и, вѣроятно, продержитъ тамъ съ недѣлю въ неподвижномъ положеніи. — Можете себѣ представить, какъ это мнѣ непріятно и досадно! Я же затѣялъ сегодняшній вечеръ, — и я же не могу въ немъ участвовать! Пожалуйста, сообщите объ этомъ всѣмъ нашимъ членамъ и гостямъ — и передайте имъ выраженіе моего искренняго сожалѣнія и моихъ извиненій — хотя ужъ точно можно сказать, что безъ вины виноватъ. Авось въ другой разъ будетъ мнѣ больше удачи.

Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ *Иванъ Тургеневъ.*

* * *

Гораздо интереснее самого письма изложение следующего эпизода: «Тургенев меня просил, чтобы всех, кто придет с его визитной карточкой, я пропускал в собрание. Между прочим пришел и Петр Лаврыч Лавров, хороший знакомый Тургенева. Это посещение очень не понравилось русским официальным лицам в Париже, началось расследование, кто дал ему пропуск, и на Тургенева набросились, как на человека, подрывающего основы государства. Но Тургенев был слишком большая величина и с ним нужно было считаться. К больному писателю приехал с извинениями наш посол князь Орлов и все дело уладилось. Тургенев говорил мне потом: «Меня принимают за социальную матку». В дополнение к небольшому комментарию Н. Сакса к опубликованному письму Тургенева можно еще указать, что в литературе уже имеются сведения об этом парижском обществе. См. «Р. Арх.» 1897, № 3, стр. 385—386 и «Сев. Вестн.», 1887, кн. 3, стр. 55. Оно образовалось в декабре 1877 года.

81. Самойлов, Н. — Юбилеи (фельетон), «Бердянская Жизнь» 1918, № 269.
82. Сборник Тургеневский. Сборник рефератов, читанных в литературном кружке учащихся в Ходорковской гимназии. Ходорков, 1917.
83. Сборник Тургеневский. Сборник сочинений учащихся киевской ж. д. школы, под ред. В. Бошко. Киев, 1918 (литографир.).
84. Сизиф. — Народолюб (заметка), «Свободная Мысль» 1918, № 168 (Голта).
85. Сominский, Э.—И. С. Тургенев и А. А. Фет, «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).

Статья не дает ничего нового для вопроса о знакомстве и дружбе Тургенева с Фетом.

86. Страхов, Вас.—Одинокий гость (Светлой памяти И. С. Тургенева, стих.), «Свободная Мысль» 1918, № 168 (Голта).
87. Тальников, Д.—Тургенев и народ, «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).
88. Тальников, Д.—Тургенев и Россия, «Одесские Новости» 1918, № 10839.
89. Т. Г.—Творчество России в произведениях Тургенева, «Наше Время» 1918, № 35 (Бердичев).
90. Тростянский, М.—Памяти И. С. Тургенева (по поводу столетия со дня рождения писателя). Пирятин, 1918, стр. 7.
91. Тургенев о русской земле. (Страничка из Тургенева), «Одесский Листок» 1918, № 239.
92. Феддерс, Г.—Его светлой памяти, «Бердянская Жизнь» 1918, № 269.

93. Фишер, В. М.—Неведомое у Тургенева, «Венок», стр. 91—104 (см. «Указатель», № 20).
94. Харциев, В.—И. С. Тургенев в его творчестве, «Голос Юга» 1918, № 227 (Елисаветград).
95. Homo Novus (А. Р. Кугель).—На поклон к Тургеневу, «Киевская Мысль» 1918, № 210.
96. Homo Novus (А. Р. Кугель).—Тургеневский театр, «Театральная Жизнь» 1918, № 32 (Киев).
97. Хр.—Из жизни Тургенева, «Наше Слово» 1918, № 51 (Бердичев).

Подзаголовки статьи: Тургенев и цари; Тургенев и охранка; Тургенев и молодость; Тургенев и революционеры. Материал взят из старой мемуарной и биографической литературы о Тургеневе.

98. Чаговец, Вс.—Тургенев и русский язык, «Киевская Мысль» 1918, № 210.
99. Чаговец, Вс.—Недоразумение, «Киевская Мысль» 1918, № 213.

Статья написана по поводу запрещения чествования Тургенева на Украине.

100. Чаговец, Вс.—Тургенев и театр (эскиз), «Зритель» 1918, № 56 (Киев).
101. Чеботарев, Ф.—Перед великой тенью. (Памяти И. С. Тургенева), «Родная Страна» 1918, № 211 (Одесса).
102. Шагинян, Мариэтта.—И. С. Тургенев, «Приазовский Край» 1918, № 181 (Ростов н/Д.).

Тургенев назван «первым мастером рассказа» в русской литературе. Большинство рассказов Тургенева не читается, а слышится из его уст. «Много у нас писателей, превзошедших Тургенева в области слога (Гончаров), темы (Достоевский), композиции (Толстой), фабулы (Лесков), остроты восприятия внешнего мира (Гоголь), но другого такого рассказчика не было, да вероятно и не будет»... Многие положения этой поверхностной статьи очень спорны, основной же тезис не вызывает возражений.

103. Щапов, Вас.—Лучезарный контр-революционер, «Голос Киева» 1918, № 151.
104. Экке, Герман.—Да святится... (вместо статьи), «Свободная Мысль» 1918, № 168 (Голта).
105. Юшкевич, Мих.—И. С. Тургенев, «Жизнь» 1918, № 24 (Одесса).
106. Юшкевич, Семен.—О Тургеневе, «Одесские Новости» 1918, № 10839.
107. Яцын, Влад.—Тургенев-старик, «Русский Голос» 1918, № 136 (Киев).

Перепечатан текст вопросов, предложенных Тургеневу одним французским журналистом и ответы на них Тургенева в середине и конце жизни. Указано, что они напечатаны в «Русском Слове» 1913. Между тем их можно найти с воспроизведением Тургеневского автографа в «Сборнике в пользу голодающих» 1903 г.

108. * * *.—Тургенев - шахматист, «Огоньки» 1918, № 26 (Одесса).

1918—1919. Киев.

М. П. Алексеев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I

1. Художники слова о Тургеневе. С предисловием. *П. Н. Сакулина* 3
2. Мудрость. Памяти И. С. Тургенева. Триолеты. *В. Чешихин-Ветринский* 26

II

1. Т. А. Бакунина и Тургенев. *Л. В. Крестова* 31
2. Смена стилей в театре Тургенева. *Л. П. Гроссман* 51
3. Сравнения Тургенева *В. И. Дьяконов* 77
4. Тургенев—редактор Тютчева *Д. Д. Благой* 142
5. История «Призраков» *Н. И. Пиксанов* 164
6. Проза «Записок Охотника» *Н. Л. Бродский* 193

III

1. Письма И. С. Тургенева к декабристу Н. И. Тургеневу и его семье, *А. А. Фомин* 203
2. Заметки о Тургеневе. *В. Чешихин-Ветринский* 289
3. Новое о Тургеневе. *Н. Л. Бродский* 303
4. Рассказ о Лутовинове. *Л. В. Крестова* 315
5. Материалы к Тургеневской библиографии (1918 г.). *М. П. Алексеев* 317

Государственное Издательство.

МОСКВА—ПЕТРОГРАД.

ИСТОРИЯ и КРИТИКА ЛИТЕРАТУРЫ.

Белинский, В. Г. Критические статьи. Герой нашего времени. Стихотв. М. Лермонтова. Стр. 224. Ц. 40 к.

Его же. «Горе от ума» Грибоедова. Вступ. статья И. Н. Кубикова. Стр. 103. Ц. 25 к.

Его же. 4 статьи о Гоголе. Стр. 148. Ц. 30 к.

Бирюков, П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. С иллюстр. Т. I. Стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Биография Льва Николаевича Толстого. С иллюстрац. Т. II. Стр. 230. Ц. 1 р. 50 к.

Валидов, Д. Очерки истории образованности и литературы волжских татар (до рев. 1917 г.). Вып. I. Стр. 106. Ц. 50 к.

Воронский, А. На стыке. Литературные силуэты. Стр. 351. Ц. 1 р.

Гаррис. Уголок Пушкина. С фотограф. снимками. Стр. 106. Ц. 1 р.

Гершензон, М. О. История молодой России. Стр. 318. Ц. 1 р. 50 к.

Гливенко, И. И. Чтения по истории всеобщей литературы. Стр. 314. Ц. 1 р., в перепл. 1 р. 20 к.

Гроссман, Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. Стр. 117. Ц. 1 р.

Долгов, Н. Островский. Жизнь и творчество (1823—1923). Стр. 272. Ц. 75 к.

Документы по истории литературы и общественности. Вып И. С. Тургенев. Стр. 164. Ц. 90 к.

Добролюбов, Н. А. Забитые люди. Вступ. статья И. Н. Кубикова. Стр. 77 Ц. 20 к.

Его же. Что такое обломовщина? Вступ. статья И. Н. Кубикова. Стр. 51. Ц. 15 к.

Его же. Луч света и темном царстве. Стр. 112. Ц. 20 к.

Его же. Когда же придет настоящий день? Стр. 67. Ц. 15 к.

Его же. Темное царство. Стр. 216. Ц. 40 к.

Дневник Пушкина (1833—1835). Под ред. с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского. Стр. 300. Ц. 2 р. 50 к.

Ермаков, И. Д. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Стр. 193. Ц. 1 р.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей. Ред. Н. К. Пиксанова. Стр. 140. Ц. 50 к.

Коган, П. С. Очерки по истории западно-европейских литератур. Т. I. Стр. 376. Ц. 1 р.

Его же. Очерки по истории западно-европейских литератур. Т. II. Стр. 405. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Очерки по истории древних литератур. Т. III. Греческая литература. Стр. 354. Ц. 30 к.

Луначарский, А. В. Этюды. Сборник статей. Стр. 342. Ц. 1 р. 50 к.

Мандельштам, Р. С. Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Ред. и предисл. Н. К. Пиксанова. Ст. 95. Ц. 35 к.

О Белинском. К 75-ти летней годовщине. Стр. 39. Ц. 20 к.

Оветт, А. Итальянская литература. Пер. Соболевского. Стр. 351. Ц. 1 р. 60 к.

Овсяников-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений. Т. I. Гоголь. Стр. 160. Ц. 90 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. II. Тургенев. Стр. 216. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений. Т. III. Л. Н. Толстой. Стр. 245. Ц. 1 р.

Пиксанов, Н. К. Два века русской литературы. Темы, вопросники, библиография. Стр. 208. Ц. 95 к

Его же. Старорусская повесть. Темы, вопросники, библиография. Стр. 92. Ц. 60 к.

Его же. Грибоедов и Мольер. Стр. 80. Ц. 80 к.

Писарев, Д. И. Реалисты. Стр. 208. Ц. 35 к.

Его же, Базаров. Посмотрим! Стр. 169. Ц. 30 к.

Его же. Промахи незрелой мысли. Старое барство. Стр. 119. Ц. 30 к.

Плеханов, Г. В. В. Г. Белинский. Сборник статей с пред. В. Вагянян. Стр. 233. Ц. 80 к.

Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Под ред. Н. В. Яковлева. Стр. 382. Ц. 3 р на лучш. бум. Ц. 3 р. 50 к.

Полянский, В. (П. И. Лебедев). А. Н. Островский. К столетию со дня рождения. С портретом. Стр. 87. Ц. 25 к.

Розанов, М. Н. Очерки истории английской литературы XIX века. Эпоха Байрона. Стр. 247. Ц. 1 р.

Русские критики об Островском. Сборник. С пред. Н. Мещерякова. Стр. 299. Ц. 1 р. 40 к.

Салтыков, К. М. Интимный Щедрин. С пред. Н. Мещерякова. Стр. 79. Ц. 70 к.

Сакулин, П. Н. Русская литература и социализм. Ч. I. Стр. 304. Ц. 1 р.

Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Стр. 351. Ц. 2 р. на лучш. бумаге 2 р. 50 к.

Семенников, В. П. Радищев. Очерки и исследования. Стр. 484. Ц. 3 р.

Фриче, В. Керифеи мировой литературы и советская власть. Стр. 27. Ц. 7 к.

Цвейг, С. Ромэн-Роллан. Его жизнь и творчество. Перев. Г. Генкеля. Стр. 413. Ц. 1 р. 20 к.

Шенгели, Г. Трактат о русском стихе. Ч. I. Органическая метрика. Стр. 181. Ц. 2 р.

Шюкэ. Немецкая литература. Стр. 254. Ц. 1 р.

Все цены в червонцах по курсу Госбанка.

Торговый сектор Государственного Издательства:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35; 2-25-55.

ПЕТРОГРАД, Проспект 25-го октября (Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ.

Вологда, Площадь Свободы.
Воронеж, Проспект революции, I-й д. Совета.
Казань, Гостинодворская, Гостинный двор.
Киев, Крещатик, 34.
Кострома, Советская, 11.
Краснодар, Красная, 33.
Нижний-Новгород, Б. Покровка, 12.
Одесса, Ул. Лассаля, 12.
Пенза, Интернациональная, 39-43.
Ростов Н/Дону, ул. Фридриха Энгельса, 106.
Саратов, ул. Республики, 42.
Тамбов, Коммунальная, 14.
Тифлис, Проспект Руставели, 16.
Харьков, Московская, 20 и книжный магазин в Пятигорске, Советский пр., 48.

Магазины в Москве:

1) Советская площадь (под гост. „Дрезден“).
2) Моховая, 17 (под гост. „Националь“).
3) Больш. Никитская, 13 (здание консерватории).
4) Никольская ул. 3.
5) Серпуховская площ. 1/43.
6) Кузнецкий мост, 12.
7) Лялин пер., 11.
8) М. Харитоньевский пер., 4.

Магазины в Петрограде:

1) Проспект 25-го октября (Невский), 28.
2) Проспект Володарского (Литейный), 21.
3) Проспект 25-го октября, 13.

BIBLIOTEKA TURGENEVA
47455